

Э.А. БАГРАМОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ВОПРОС
В БОРЬБЕ
ИДЕЙ

ГОРЬКО

Э. А. БАГРАМОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В БОРЬБЕ ИДЕЙ

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1982

Баграмов Эдуард Александрович.

Б14 Национальный вопрос в борьбе идей.— М.: Политиздат, 1982.— 336 с.

Книга доктора философских наук, профессора Э. А. Баграмова посвящена идеологической борьбе по национальному вопросу в современных условиях. Продолжая разработку проблем, поднятых в монографиях «Национальный вопрос и буржуазная идеология» (1966 г.) и «Ленинская национальная политика: достижения и перспективы» (1977 г.), автор на основе анализа обширного фактического материала международной жизни, а также советской и зарубежной литературы раскрывает противоположность двух концепций в национальном вопросе: интернационалистской и националистической. В книге показываются преимущества проникнутого интернационализмом социалистического образа жизни перед капиталистическим миром социальной и национальной несправедливости и конфликтов.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей вузов и пропагандистов.

Б 0302020300—187
079(02)—82 124—82

66.5+66.019
1МИЗ+1ФБ

Заведующий редакцией *В. М. Михкалев*

Редактор *С. И. Пружинин*

Младший редактор *О. П. Осипова*

Художник *Б. Г. Кушер*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 2594

Сдано в набор 08.02.82. Подписано в печать 29.04.82. А00087. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 17,64. Условн. кр.-отт. 17,64. Учетно-изд. л. 19,76. Тираж 50 тыс. экз. Заказ 2039. Цена 1 р. 40 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Бурное развитие наций при социализме и неуклонное укрепление нового типа отношений между ними; сложные процессы национального становления во многих развивающихся странах и использование империализмом унаследованных этими странами от колониального прошлого межнациональных противоречий; взрыв национальных эмоций и их воздействие на политическую жизнь ряда развитых стран капитализма, противоречивый характер капиталистической «интеграции»; углубление борьбы между пролетарским интернационализмом и буржуазным национализмом, космополитизмом привлекают внимание и по-своему интерпретируются теоретиками разных направлений. В капиталистических странах выходит множество книг, пытающихся извратить социальную сущность наций и национальных отношений, мистифицировать национализм, изобразить его как всемогущий «вирус», не знающий социальных и географических границ и с одинаковой неудержимостью распространяющийся по всему миру. И справа и «слева» разного рода оппортунистами, ревизионистами, раскольниками мирового коммунистического движения ведутся непрерывные атаки против теории и практики пролетарского интернационализма, который утверждается на громадных пространствах земного шара.

Разобраться в существе всех этих и прежде всего буржуазных концепций, используемых для подрыва идей интернационализма, разоблачить их антинаучный и реакционный характер — первая, но не единственная задача, поставленная перед собой автором. В известной мере эту книгу можно рассматривать как попытку проанали-

зировать некоторые реальные проблемы и понятия в области национальных отношений, вокруг которых идет борьба идей в современном мире. Именно на основе такого анализа и обосновывается вся актуальность теоретического и политического противопоставления буржуазного национализма и пролетарского интернационализма — этих, по характеристике В. И. Ленина, непримиримо враждебных лозунгов, соответствующих двум великим классовым лагерям и выражающих две политики, более того, два мирозозерцания в национальном вопросе¹.

В нынешнюю эпоху, эпоху противоборства двух мировых общественных систем — социализма и капитализма, когда силы социализма, социального и национального освобождения ведут успешное наступление на империализм, значение борьбы двух мировоззрений в национальных отношениях как никогда велико; сама эта борьба в новую историческую эпоху приобрела характерные особенности. Требуется принципиального идейно-теоретического анализа ряд новых аспектов теории и практики пролетарского интернационализма и буржуазного национализма. «Жизнь подтвердила ленинское предвидение, что новый общественный строй рождает совершенно иные международные отношения, свободные от дискриминации, господства и подчинения, характерных для капиталистического мира»², — говорится в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».

Советские философы, историки, государствоведы в последние годы опубликовали ряд трудов, рассматривающих проблемы интернационализма, наций и национальных отношений в современную эпоху³. Вместе с тем ощу-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.

² О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года. М., 1982, с. 20.

³ См.: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974; Современное революционное движение и национализм. М., 1973; Аношкин И. Ф. Мы — интернационалисты. М., 1980; Баграмов Э. А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Брутенц К. Н. Современные национально-освободительные революции. М., 1974; Дашдамиров А. Ф. Советский народ. Баку, 1977; Егоров А. Г. Проблемы эстетики. М., 1974; Иордан М. В. Интернационализм против национализма. М., 1980; Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976; Ким М. П. Советский народ — новая историческая общность людей. М., 1972; Константинов Ф. В. (ред.). Борьба идей в современном мире. В 3-х т. М., 1975—1978; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М., 1981; Митин М. Б. Проблемы

шается необходимость в расширении рамок социально-философского исследования национального вопроса как «явления мирового» (Ленин), углубления полемики с антимарксистскими концепциями, обобщенной характеристики борьбы интернационализма и национализма.

Разумеется, автор не ставил перед собой задачи детально исследовать национальный вопрос в различных регионах мира. В частности, сложные вопросы национального развития в странах Азии, Африки и Латинской Америки, равно как и идеология национально-освободительного движения, требуют специального анализа. Задача, поставленная автором, иная — противопоставить две противоположные концепции в национальном вопросе — пролетарский интернационализм и буржуазный национализм, раскрыть превосходство идей интернационализма над реакционными идеями национализма как выражение исторического превосходства полного сил и энергии социалистического мира над отживающим свой век миром капитализма, империализма.

Марксизм-ленинизм всегда выступал и выступает против шовинизма и гегемонизма, национализма и сепаратизма. Разоблачение националистических извращений марксизма, стремлений противопоставить национальные моменты коренным классовым интернационалистским требованиям трудящихся — святая обязанность марксистов-ленинцев. Об этом нелишне вспомнить сейчас, когда в буржуазных и ревизионистских кругах все настойчивее муссируется тезис, будто марксизм-ленинизм утратил свой интернациональный характер.

Вспомним, как остро реагировал Ленин на любые попытки развести рабочее движение по национальным квартирам. «Пролетариат, сознающий и ценящий свой интернационализм, — писал Ленин, — не пойдет никогда на эту глупость утонченного национализма»¹.

Вместе с тем марксизм-ленинизм никогда не относился упрощенно к национальным аспектам рабочего и современной идеологической борьбы. Критика социологических и социально-политических концепций. М., 1976; Морозов М. А. Нация в социалистическом обществе. М., 1979; Рогачев П. М., Свердлин М. А. Патриотизм, классы, революция. М., 1979; Семенов В. С. Интернационализм и общественный прогресс. М., 1978; Старушенко Г. Б. Нация и государство в освобождающихся странах. М., 1967; Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке: Маркс, Энгельс, Ленин и современность. М., 1977; Усубалиев Т. У. Дружба народов — наше бесценное завоевание. М., 1977; Ханазаров К. Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977; Цамерян И. П. Нации и национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1979.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 176—177.

освободительного движения, строительства нового общества. Это положение сохраняет свою силу и в нынешний период, когда интернационализация общественной жизни достигла качественно нового уровня. Не имеет ничего общего с наукой представление о соотношении национального и интернационального в современную эпоху как о механическом вытеснении первого последним, взгляд на национальное как на якобы отжившую форму общественного развития.

С другой стороны, большой вред принесла бы всякая попытка канонизировать те или иные аспекты марксистской теории нации и национальных отношений, не замечать качественных сдвигов в жизни наций, в их взаимоотношениях, которые по-новому ставят вопросы о роли национального и интернационального, их соотношении в современную эпоху. Марксисты-ленинцы решительно выступают против любых проявлений схоластического теоретизирования, постоянно крепят неразрывное единство теории и практики¹.

Научный анализ проблем интернационализма в современный период предполагает уяснение того, что его утверждение даже в странах социализма — это сложный и не лишенный противоречий процесс. И при наличии объективных предпосылок, благоприятствующих этому процессу, в тех или иных звеньях возможны зигзаги и отступления. Неоднозначный характер этих процессов требует проявлять подлинную диалектичность в их оценке, преодолевая метания из одной крайности в другую, свойственные мелкобуржуазному сознанию.

Разработка интернационализма, его теоретических основ не может осуществляться иначе как в постоянной борьбе против разного рода буржуазно-националистических концепций. В связи с задачами этой борьбы в настоящее время первостепенное значение приобретает исследование таких теоретико-методологических вопросов, как диалектика классового и национального, интернационального и национального, единство и многообразие исторического процесса, пути формирования различных типов нации и интернациональных общностей людей, роль национального и интернационального факторов в мировом общественном развитии, эволюция национализма и его противоречивая роль в общественной жизни, содержание и формы интернациональной солидарности трудящихся.

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 78.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

В ряду великих завоеваний Октября, достижений ленинской политики Коммунистической партии важное место по праву принадлежит решению национального вопроса — одного из самых сложных и драматических вопросов в истории человечества.

Сложность национального вопроса как общественного явления во многом обусловлена его объективным содержанием. На каждом этапе общественного развития национальные отношения переплетаются с разнообразными социально-классовыми, экономическими, культурно-бытовыми факторами, огромное влияние на них оказывают исторические традиции, идеологическое и психологическое наследие прошлых эпох. Немаловажное значение имеет и субъективный фактор. Являясь носителями тех или иных взглядов, настроений, национальных традиций — как рациональных, прогрессивных, так и устаревших, люди неизбежно привносят их в общественную жизнь. Отжившие свой век традиции, националистические предрассудки особенно цепко держатся там, где в прошлом отношения между нациями были омрачены национальной враждой и недоверием.

К этому надо добавить и тот очевидный факт, что буржуазные исследователи национальных отношений, насколько об этом можно судить по многочисленным выступлениям западных историков, социологов, этнографов, зачастую не свободны от предвзятых воззрений на «чужие» нации и этносы.

Существуют и требуют особого внимания трудности методологического порядка, дающие о себе знать при

исследовании национальных отношений. Они заключаются в диалектической природе соотношения национального и интернационального. Рассматриваемые в философском плане как своего рода противоположности, национальное и интернациональное не противостоят друг другу как раз навсегда данные, неподвижные, а взаимопроникают, переходят одно в другое в зависимости от меняющихся исторических и социальных условий. Вот почему здесь требуется строгий историзм, умение гибко оперировать понятиями, правильно отображать противоречивость этих явлений, их диалектическое различие и единство. «...Никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще»¹, — писал В. И. Ленин, подчеркивая необходимость строго диалектического, конкретного подхода к национальным проблемам.

Нетрудно понять, что объективную сложность национальных проблем по-своему используют реакционные идеологи. К слову сказать, литература, посвященная этим проблемам, поистине необозрима. И редкая книга, выходящая на Западе, обходится без мистификаций национального вопроса и национализма, раздувания расового начала и непрестанных атак на пролетарский интернационализм, которые предпринимают буржуазные ученые. В условиях бурного роста средств связи между странами и континентами, громадного усиления общения между народами, процессов интернационализации апелляция к национальным ценностям представляется кое-кому явным анахронизмом. Тем не менее интерес к этой проблеме проявляется большой.

«Нация умирает. Нация мертва. Кто не слышал подобные пророчества? — пишет французский марксист Роже Мартелли по поводу одного из модных направлений буржуазной идеологии в национальном вопросе. — В великих политических и идеологических дискуссиях нашего времени видное место занимают споры вокруг все того же короткого слова «нация»².

Р. Мартелли в данном случае имеет в виду лишь те прогнозы, которые исходят из уст теоретиков космополитического направления. Идейная борьба вокруг понятия «нация» разворачивается и в связи с попытками абсолютизировать, мистифицировать «национальное» как форму человеческого бытия. Впрочем, раздувание национального фактора, как и его игнорирование, отрицание —

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 358.

² Martelli R. La Nation. Paris, 1979, p. 11.

лишь разные формы буржуазного национализма и шовинизма, выступающих антиподами единственно научного мировоззрения в национальном вопросе — пролетарского интернационализма.

Опыт международного развития и особенности современной борьбы идей по национальному вопросу показывают, насколько актуально в теоретическом и политическом отношении подчеркивание Лениным противоположности двух теорий наций — диалектико-материалистической и идеалистической¹.

Сейчас в мире насчитывается около 2 тысяч наций, народностей, племен. При этом свыше 90% из них входит в состав многонациональных государств. Часть наций живет в условиях буржуазного строя. Десятки наций — это нации социалистического типа. Более трех четвертей различных национальных и этнических групп приходится на страны Азии и Африки, где процесс национального формирования еще только идет. Национальная пестрота населения мира дополняется сложной картиной расового деления, которое, как считают авторитетные антропологи, неверно сводить к трем большим группам — белым, желтым, черным.

В буржуазной социологии история человечества неизменно предстает как история борьбы наций. Нация рассматривается как некая абстрактная, внеклассовая и неизменная сущность, которой придается роль движущей силы общественного развития. В противовес такому подходу, марксизм-ленинизм исходит из материалистического понимания истории как борьбы классов, рассматривает нацию как неизбежную и устойчивую, однако исторически преходящую форму общественного развития.

Глава 1

НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В МАРКСИЗМЕ-ЛЕНИНИЗМЕ

В чем же заключается сущность нации, национального вопроса и каковы принципы их научного изучения?

Марксизм-ленинизм исходит из того, что «национальный вопрос — явление *мировое*» и что он «должен быть поставлен исторически и экономически»². В противовес

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 221; т. 25, с. 260.

² Там же, т. 24, с. 385.

буржуазным историко-социологическим схемам, выхолащивающим социально-экономическую сущность национальных проблем и рассматривающим национальный вопрос как вечное и неустранимое явление, порожденное присущим природе людей национализмом, научный коммунизм требует исторически конкретного подхода и к национальным отношениям, и к национализму. Национальный вопрос по своей сути и историческому происхождению — это вопрос о ликвидации национального гнета и неравноправия, т. е. тех несправедливых, уродливых отношений между нациями, которые устанавливаются на определенном этапе общественного развития, а именно в условиях крушения феодально-абсолютистского строя и образования капитализма.

Национальные отношения — составная часть общественных отношений. Вот почему закономерности развития наций можно понять, только исходя из анализа законов развития общества в целом.

Национальный вопрос порожден капитализмом. Именно он виновен в том, что одни народы становятся объектом эксплуатации и угнетения со стороны других. Освободить нации от чужеземного гнета, обеспечить условия для создания независимых национальных государств — такова суть и возможные рамки решения национального вопроса в условиях капитализма. В более широком смысле национальные проблемы — это проблемы не только ликвидации национального гнета, а и устранения всяких межнациональных антагонизмов и установления действительного равенства народов, развития между ними отношений дружбы и братского сотрудничества, основанных на полнейшем доверии наций и народностей.

Исторический опыт показывает, что при капитализме невозможно такое последовательное решение национального вопроса. Национальное угнетение является разновидностью социального угнетения и может полностью исчезнуть лишь на основе уничтожения частной собственности и эксплуатации человека человеком. Вот почему подлинное решение национального вопроса связано только с коренными социалистическими преобразованиями.

Исходя из марксистско-ленинской методологии, можно выделить следующие этапы в истории национального вопроса.

На первом этапе — в период формирования наций, становления и развития национальных движений — национальный вопрос в основном остается внутригосудар-

ственной проблемой. Во главе национальных движений стоит буржуазия, стремящаяся к укреплению прежде всего своих экономических позиций.

На втором этапе, когда капитализм уже перерос в империализм, национальный вопрос становится одной из острейших международных проблем. К этому периоду завершается раздел мира между крупнейшими империалистическими державами. Разделение мира на угнетающие и угнетенные нации составляет существенную особенность этой эпохи. Колониальный грабёж приобретает особенно жестокий и изощренный характер. Национальный вопрос превращается в национально-колониальный вопрос. Освобождение от империалистической кабалы может быть достигнуто в ходе национально-освободительных революций, в которых наряду с национальной буржуазией все более активную роль играют широкие демократические массы трудящихся, прежде всего крестьянство и рабочий класс.

Третий этап в решении национального вопроса начинается с победой социалистической революции. Уничтожая все виды классового угнетения, пролетариат, идущий во главе трудящихся масс, кладет конец и национальному гнету. На этой основе достигается не только политическое равенство всех народов — больших и малых, но и постепенное, в условиях братской взаимопомощи народов выравнивание уровней их экономического и культурного развития. Социалистическое возрождение наций и народностей, развитие между ними всестороннего сотрудничества, борьба против остатков национализма и шовинизма ведут ко все более тесному сплочению народов в единой братской семье трудящихся.

Современный мир переживает новый этап в развитии национального вопроса, связанный с образованием и развитием мирового социалистического содружества, развитием широкого антиимпериалистического национально-освободительного движения и крушением колониального господства империализма, с резким обострением противоречий всей системы национальных отношений в развитых капиталистических странах.

Исторический подход необходим и при анализе сущности наций.

В противовес буржуазным теориям, рассматривающим нацию как нечто неизменное и навсегда данное, марксистская наука об обществе установила, что нация — это историческая общность, «неизбежный продукт

и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»¹.

Элементы наций возникают уже в докапиталистических формациях. Однако нация как устойчивая общность людей не могла возникнуть в период феодальной раздробленности и экономической замкнутости территорий княжеств, королевств и иных феодальных владений. Только с утверждением капиталистического способа производства разрозненные в прошлом территории соединяются в единое целое, связанное устойчивыми экономическими связями. Экономическая основа национальных движений, возникающих в эпоху победы капитализма над феодализмом, состоит, по словам Ленина, в том, что «для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке...»².

Тенденция к росту национальных связей, пробуждению национальной жизни — лишь одна из сторон мирового закона капитализма в национальном вопросе. Ему присуща — и, чем дальше, тем сильнее — другая историческая тенденция — к интернационализации хозяйства, общественной жизни. В условиях капитализма это неминуемо приводит к подчинению сильными нациями слабых, насильственному ассимилированию наций и национальных групп, росту национальных конфликтов и недоверия.

Раскрыв исторический, социально-экономический фундамент возникновения наций и национальных движений, марксизм-ленинизм, естественно, уделил большое внимание и понятию «нация».

Нация — это историческая общность людей. Возникая в условиях поднимающегося капитализма, она продолжает свое развитие и на новом социальном фундаменте — на определенных этапах коммунистической формации. Ее основными признаками является общность экономической жизни и связанная с нею общность языка, территории, особенностей культуры и духовного облика.

Главное здесь, на наш взгляд, не количество тех или иных признаков, которое в конкретно-исторических условиях формирования наций (например, в условиях современной Азии и Африки) может быть несколько иным, а именно подчеркивание исторического и экономического

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

² Там же, т. 25, с. 258.

фундамента наций. Марксизм-ленинизм утвердил именно такой подход в противовес идеалистическим, психологическим теориям типа концепции О. Бауэра, подменявшей конкретные социально-экономические закономерности развития наций абстрактными культурно-психологическими схемами, увековечивавшей национальные различия¹.

Историко-материалистическая концепция нации предопределяла и противоположное идеалистическим воззрениям истолкование национального вопроса и путей его решения. Ленинизм разработал методологические принципы исследования национального вопроса, значение которых особенно выявилось в условиях революционного преобразования капитализма в социализм. Нам представляются особенно важными методологические соображения, высказанные Лениным в работе «Статистика и социология».

Уже в предисловии к этой работе, начатой в январе 1917 года и оставшейся неоконченной, мы читаем столь актуальные и для наших дней слова: «Вопрос, которому посвящены очерки,— о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального — вызывает теперь, естественно, особый интерес. Чаще всего и больше всего недостатком рассуждений по этому вопросу является отсутствие исторической точки зрения и конкретности. Очень обычен провоз всяческой контрабанды под флагом общих фраз»². Ниже В. И. Ленин уточняет: политическая контрабанда провозится некоторыми писателями под флагом «общих» рассуждений об интернационализме, космополитизме, национализме, патриотизме и т. п.³

Таким образом, вопросы методологии исследования национального вопроса Ленин совершенно определенно выносит на первый план. Неприятие научной методологии ставится в прямую связь с искажением сути национальных проблем, маскируемым абстрактной постановкой, уходом от конкретно-исторического анализа

¹ Такой идеалистический подход восходит к определению нации, данному французским историком Э. Ренаном. «Нация есть дух, отвлеченный принцип. Два обстоятельства, собственно говоря, порождают этот дух, этот отвлеченный принцип: одно в прошедшем, другое в настоящем. Одно есть общее обладание наследственными воспоминаниями; второе есть действительное согласие, желание жить вместе, желание продолжать существование наследия...» («Что такое нация?» Лекция Э. Ренана, читанная в Сорбонне. Спб., 1886, с. 37).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 349.

³ См. там же, с. 351.

явлений. На примере антиисторического использования «факта» монгольского ига, которое выставлялось в качестве пояснения определенных событий в Европе XX века, в том числе в сфере национального вопроса, Ленин разоблачил реакционный смысл жонглирования историческими фактами, взятыми произвольно, вне связи¹.

Как злободневно звучит эта критика сегодня, когда, отталкиваясь от тех же «фактов», иные теоретики противопоставляют «цивилизованный западный» «деспотическому восточному» социализму!

Попытаемся обобщить высказанные Лениным в различных трудах методологические принципы исследования национального вопроса, противопоставив их буржуазным социологическим схемам.

Исторический подход к национальному вопросу («постановка его в *определенные* исторические рамки») в противовес антиисторизму буржуазной социологии; строгий классовый анализ (требование оценивать «*под углом*» классовой борьбы рабочих всякое национальное требование») против рассуждений о «национализме вообще»; непримиримость как к абсолютизации, так и к недооценке национальных особенностей («разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его», но «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям») в противовес разного рода национализму и национальному нигилизму; глобальный подход («чтобы обозреть действительно *всю* совокупность данных о национальных движениях, надо взять *все* население земли...») в противоположность буржуазному и мелкобуржуазному партикуляризму — таковы, по Ленину, обязательные требования диалектического метода² применительно к исследованию национального вопроса.

Это не значит, конечно, будто с точки зрения марксистов национальные отношения могут быть целиком сведены к классовым отношениям. Нация и национальные отношения, возникшие на основе социально-экономических, классовых отношений, в дальнейшем развитии обнаруживают относительную самостоятельность. Эта самостоятельность выражается в существовании национальных интересов, которые в определенной мере и в

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

² См. там же, т. 25, с. 263, 264, 275; т. 24, с. 134; т. 30, с. 351.

определенных условиях могут выражать устремление ряда классов; специфических задачах национально-освободительной борьбы, прежде всего задачах избавления от чужеземного гнета, достижения национального самоопределения и т. д., что является общенациональной целью; воздействию национальных отношений на межгосударственные отношения; заметном влиянии, которое оказывают на общественные отношения национальные традиции, национальное самосознание, а также пережитки старой националистической идеологии и психологии, действие которых продолжается и после устранения социально-экономических факторов, порождающих национальный гнет; немаловажном значении в жизни нации литературного языка, особенностей национальной культуры, в которых запечатлено своеобразие ее духовного облика.

Суть ленинского методологического подхода — единство национального и интернационального. Это единство нужно понимать не как статическое равновесие обеих начал, а диалектически, как такое их сочетание, при котором национальное постоянно обогащается интернациональным и преобразуется им, что обеспечивает неуклонное усиление интернациональных начал.

Возникнув как результат объективных потребностей общественного развития, нация, несомненно, остается в течение длительного времени, в том числе на определенных этапах новой, коммунистической формации, устойчивой формой общественного развития, до тех пор, пока могучий объективный процесс интернационализации общественной жизни не приведет к постепенному стиранию национальных различий и слиянию всех наций в высшем единстве.

Исходя из этой теоретической концепции, ленинизм впервые в истории разработал научную основу политической стратегии решения национального вопроса, обосновав право наций на самоопределение, вплоть до отделения от других наций и образования самостоятельных государств. С самого начала Ленину пришлось вести упорную борьбу по этому вопросу с разного рода оппортунистами, буржуазными националистами. Например, «левые коммунисты» видели в этом лозунге забвение общих задач пролетариев всех наций, в силу чего они и требовали «выбросить» национальный вопрос из программы, снести «пограничные столбы», повсеместно «взорвать» национальную общность и «заменить» ее классовой. Но какой бы радикальной ни казалась эта

программа, на деле она могла лишь оттолкнуть трудящиеся массы от социализма, потому что лишала социалистическую перспективу одного из важнейших компонентов — национального освобождения, свободного определения каждой нацией своей судьбы как предпосылки прочного добровольного союза народов в будущем.

Выступая против права наций на самоопределение, оппортунисты пытались обосновать это соображениями сугубо классового и интернационалистического характера. Защита национальных требований объявлялась ими несовместимой с требованиями пролетарского интернационализма.

Но «несовместимость» объективного процесса интернационализации общественной жизни, слияния усилий пролетариев всех стран в борьбе за социальное освобождение, с одной стороны, и движений за национальное самоопределение и независимость наций — с другой, «несовместимость» классового подхода со строгим учетом национальных требований и чувств — это мнимая несовместимость, являющаяся результатом поверхностного, метафизического подхода к проблемам интернационализма. Нельзя довольствоваться констатацией противоречия между национальным и интернациональным. Противники права наций на самоопределение, противопоставляя национальное и интернациональное, не в состоянии были понять реального пути разрешения этого живого противоречия действительности. «Они воспринимали эти категории абстрактно, рассудочно, каждую саму по себе, не будучи способными в силу своего метафизического подхода усмотреть в лозунге права наций на самоопределение одно из средств, один из путей, ведущих не к раздроблению наций, а к их интернациональному объединению»¹.

Здесь речь идет о глубоком понимании объективных, независимых от воли людей путей развития наций, о том, чтобы строить политику партии не вразрез с этими законами, а именно на основе их трезвого учета. Право на самоопределение, учет национальных чувств народов — да! Но развитие буржуазного национализма — нет! В этом состояла ленинская постановка вопроса.

Ленин еще в дореволюционный период раскрыл соотношение интернационального и национального в пролетарском интернационализме. Необходимость обоснова-

¹ Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976, с. 388.

ния марксистской позиции по этому вопросу была тем сильнее, что даже некоторые коммунисты в то время не до конца ее осознавали. Вот примечательный эпизод разработки ленинской концепции интернационализма.

Шли первые месяцы мировой империалистической войны. Находясь в эмиграции, В. И. Ленин с болью отмечал, как распространялся шовинистический угар.

В письме к редактору «Социал-демократа» В. А. Карпинскому вождь революции предложил статью о борьбе с шовинизмом. В начале декабря 1914 года на редакционный стол легла статья, заголовок которой озадачил даже такого искушенного партийного журналиста, как В. А. Карпинский, — «О национальной гордости великороссов». Не поняв поначалу всей глубины ленинского замысла, он, принимая статью по существу, одновременно выражал свои сомнения по поводу таких выражений, как «мы, великорусские с.-д.», «мы полны чувства национальной гордости». О «национальной гордости», об «отечестве» кричала тогда вся официальная пресса. «Никогда таких разделений на страницах нашего Ц. О. не проводилось, никогда там не раздавалось таких слов! Понимаете: даже *слов!*» — писал В. А. Карпинский В. И. Ленину.

На вопрос: чуждо ли сознательному великоросскому пролетарию чувство национальной гордости? — В. А. Карпинский отвечал категорически — «да». «Мне не чуждо, — писал Карпинский, — только одно чувство гордости: пролетарской гордости (равно как и пролетарского стыда). Я в одинаковой степени горжусь двумя сербскими с.-д., смело выступившими против войны, как и пятью великорусскими с.-д. Мне не приходило даже в голову спрашивать, кто эти с.-д. по национальности: *великороссы, мало-россы, бело-россы* и т. д. Мне достаточно, что они пролетарии, члены моей *партии*, моего *класса*»¹.

Вскоре В. И. Ленин направил ответ: «С интересом прочел замечания о «национальной гордости», но... согласиться не мог. Надо с *разных сторон* «освещать» шовинизм»². 12 декабря 1914 года знаменитая ленинская статья была опубликована. В период разгула шовинистической реакции В. И. Ленин утверждал марксистское понимание национальной гордости великороссов, которое в подлинном смысле совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетари-

¹ Цит. по: Ленинский сборник, XI, с. 257—258.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 41.

ев. В противовес официальным воплям о войне «до победного конца», царским декламациям насчет борьбы «за единокровных и единоверных братьев» вождь российского и мирового пролетариата писал о грядущей великой социалистической роли великорусского пролетариата как «главного двигателя коммунистической революции, порождаемой капитализмом»¹.

Марксисты далеки от национального нигилизма, им вовсе не безразличны судьбы отечества, родного языка, культуры. Они гордятся революционным прошлым и настоящим своих стран, понимают, что подлинные национальные интересы неразрывно связаны с классовыми, интернациональными интересами. Желать счастья и процветания своему народу значит становиться в ряды всемирной армии борцов за социализм против любых форм социального и национального гнета — таков лейтмотив ленинской постановки вопроса. «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии,— писал Ленин,— неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса;— особенно в такой стране, которую справедливо называют «тюрьмой народов»...»²

Ленинизм срывает лицемерную маску с «защитников свободы и независимости», с тех, кто, проповедуя «величие принципа национальной самостоятельности», пытается поставить под ружье народные массы, истязает негров или обитателей колониальных стран. В. И. Ленин показывает, сколь важно для судеб революции соединение социальной и национальной энергии трудящихся разных стран, «длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства»³.

В. И. Ленин смотрел на многие десятилетия вперед. Он ясно понимал, что борьба против империализма потребует от трудящихся масс слияния классовой борьбы с национально-освободительной борьбой, без чего будет трудно рассчитывать на его уничтожение. Он отчетливо видел, что и процессы строительства нового общества на развалинах капиталистической системы социального и национального гнета потребуют не только гигантской классовой энергии, но и энергии наций, воспрянувших от многовекового гнета. Иначе социализма не построишь, неоднократно подчеркивал вождь трудящихся.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 106—110

² Там же, с. 106—107.

³ Там же, с. 110.

Ленинская программа решения национального вопроса являлась составной частью ленинской концепции интернационализма, свободной от какой-либо односторонности, опирающейся на научный анализ объективных жизненных процессов. Строго классовый подход, рассмотрение любых национальных лозунгов под углом зрения укрепления интернациональной солидарности трудящихся, развития мирового революционного процесса, строительства социализма и коммунизма — таковы были и остаются те марксистские грани постановки национального вопроса, которые отличают ленинский подход от разного рода националистических и нигилистических уклонов.

Марксисты-ленинцы, безусловно, выступали и выступают борцами против любых форм национального угнетения и неравноправия, за демократические права наций, за устранение всяких оков для развития национального языка, культуры и т. п. Но «принцип национальности», выдвинутый буржуазными идеологами в период восходящего капитализма, наряду с положительным общедемократическим содержанием имел и неприемлемый для марксистов смысл, поскольку подразумевал «развитие национальности вообще». А это, указывал В. И. Ленин, было чисто буржуазным требованием, поскольку вело к национальной исключительности, усиливало национализм, мешало естественному и свободному сближению наций¹. Не ограничиваясь общедемократическими требованиями, коммунисты-ленинцы идут дальше и отстаивают собственно социалистические задачи в национальном вопросе: утверждение не только формального, но и фактического равенства наций, обеспечение реальных условий для их расцвета, установления отношений дружбы, сближения и все большего единения, вплоть до создания «единого мирового кооператива» (Ленин). Таким образом, марксистско-ленинская программа по национальному вопросу и борьба за ее осуществление всегда имели четкую ориентацию — полное национальное освобождение как часть социального освобождения, свободное развитие наций во имя интернационального братства трудящихся.

Ленинская программа по национальному вопросу воплощала как общедемократические требования народных масс, так и социалистические интересы пролетариата.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 132—133.

Отстаивая право наций на самоопределение, Ленин выступал за последовательное распространение этого общедемократического требования не только на народы Европы и Америки, но и на народы Азии, Африки, находившиеся под гнетом колонизаторов. Ленинская программа была полной противоположностью оппортунистической, реформистской политике лидеров II Интернационала, выступавших, как известно, в роли защитников колониализма.

Оппортунисты допускали право на самоопределение только для «передовых» европейских наций, и, поскольку последними оно было уже достигнуто, вопрос считался исчерпанным. Но если для «передовых» стран пробуждение наций и национальных движений было в основном пройденным этапом, то сотни миллионов людей, населявших колониальные страны, только еще вступали в этот этап, только начинали долгую и мучительную борьбу против национально-колониального гнета.

Уже в начале XX века начались крупные антиимпериалистические выступления народов. Под воздействием первой русской революции 1905—1907 годов поднимается волна антиколониального движения в Китае, Индии, Индонезии, Иране, Турции, Корее и ряде других стран. Именно Ленин увидел в этих движениях, первоначально направленных на ликвидацию чужеземного господства и достижение национальной независимости, один из революционных потоков всемирного революционного процесса. Он пришел к выводу, что «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»¹.

Огромное внимание, которое Ленин уделял национально-освободительному движению, объясняется той ролью, которую оно играло в мировом революционном процессе и, как предвидел Ленин, должно будет сыграть в грядущих сражениях с империализмом. Это, естественно, требовало глубокого анализа соотношения классовых сил в национально-освободительном движении, характеристики его движущих сил.

Исходя из общности задач трудящихся различных стран в борьбе за национальное и социальное освобож-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 112.

ление, Ленин считал необходимым слить классовую борьбу рабочих угнетающих и угнетенных наций.

Суть ленинской программы по национальному вопросу состоит в требовании сплочения рабочих всех национальностей в борьбе за демократию и социализм. Ленин подчеркивал, что национальный вопрос не должен заслонять классовые задачи пролетариата, ибо он представляет собой часть общего вопроса о социальном освобождении трудящихся. В то же время обязательное для марксистов требование рассматривать национальный вопрос под углом зрения классовых задач отнюдь не означает какого бы то ни было умаления национального момента. Только исключительная внимательность к интересам различных наций, учит Ленин, устраняет почву для конфликтов, опасение каких-либо интриг, создает необходимое доверие между нациями, сплачивает их в единый братский союз.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открыв в нашей стране дорогу к построению социализма, явилась переломным пунктом и в развитии национально-освободительного движения. Россия была клубком всех империалистических социальных и национальных противоречий. Октябрьская революция связала воедино социальное и национальное освобождение масс. Рабочий класс в процессе социалистических преобразований покончил со всякими формами национального и колониального угнетения. Нанеся сокрушительный удар по системе международного империалистического угнетения, Октябрьская революция положила тем самым начало кризису колониальной системы империализма, открыла эру освобождения угнетенных народов.

Социалистическая революция, ликвидируя классовый гнет, создает объективную основу для последовательного решения национального вопроса. Устранение всех видов национального гнета ведет к пробуждению ранее угнетенных наций и народностей. Их национальное развитие, задержанное или деформированное системой национального гнета, отныне протекает в наиболее благоприятных условиях. Все народы — большие и малые — обретают права и свободы, которых они были лишены. Но социализм означает не только пробуждение ранее угнетенных наций и народностей, не только свободное развитие всех этнических групп. Пролетарская революция ведет к всеобщему социалистическому возрождению и социалистическому преобразованию наций и народностей, знаменует качественно новую ступень их развития, бурный и

всесторонний расцвет. На этой основе и создаются необходимые предпосылки для дальнейшего сближения наций и народностей, их тесного единения, отвечающего коренным интересам всех трудящихся.

Реализуя ленинское учение по национальному вопросу, наша партия вела упорную борьбу как против великодержавного шовинизма, так и местного национализма.

Первый уклон заключался в игнорировании права наций на самоопределение, в недооценке принципа равноправия наций как основы строительства многонационального Советского государства. Одним из проявлений этого уклона был рецидив национального нигилизма в вопросах государственного устройства послеоктябрьской России с его лозунгом «долой нации, долой границы».

Ленин еще до Октябрьской революции дал сокрушительный отпор концепциям, согласно которым «демократическое государство победившего социализма будет существовать без границ (вроде «комплекса ощущений» без материи)» или «границы будут определяться «только» по потребностям производства»¹. Выступая позднее на VIII съезде партии против тех, кто предлагал изъять из Программы партии пункт о праве наций на самоопределение, Ленин говорил: «Если бы мы уничтожили этот пункт или редактировали его иначе, мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы. Это можно было бы сделать, если бы были люди без национальных особенностей. Но таких людей нет, и иначе социалистического общества мы никак не можем построить»².

Не менее опасным был уклон и в сторону местного национализма, выражавшийся в сепаратистских тенденциях, направленных на отделение от пролетарского государства. Эти тенденции ни в коей мере не отвечали интересам трудящихся, они отражали интересы остатков буржуазно-помещичьих классов и объективно вели к разобщению трудящихся масс перед лицом враждебных государств. Выступая против этих тенденций, Ленин неустанно подчеркивал, что право на самоопределение вплоть до отделения нельзя смешивать с обязательным отделением. Напротив, при прочих равных условиях марксисты выступают за возможно более крупное централизованное государство, так как «мы хотим *революционно-пролетарского единства, соединения, а не разделения*»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 21.

² Там же, т. 38, с. 184.

³ Там же, т. 34, с. 379.

Практика советского строительства выявила наиболее целесообразную форму государственного объединения народов.

I Всесоюзный съезд Советов, собравшийся 30 декабря 1922 года, рассмотрел и утвердил Декларацию и Союзный Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Согласно Договору, РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР объединялись на добровольных и равноправных началах в социалистическую федерацию — союзное государство (впоследствии число союзных республик расширилось). Это был триумф ленинской национальной политики.

Решение вопроса о государственном устройстве советских народов не исчерпывало, однако, сложных проблем национальных отношений. Задача состояла не только в закреплении политического равноправия наций, но и в уничтожении того фактического их неравенства, которое было главным образом следствием длительной политики национального угнетения. Задача эта, которую могло поставить перед собой только социалистическое государство, решалась путем вовлечения народных масс в социалистическое строительство, при братской помощи и взаимопомощи всех народов страны и прежде всего бескорыстной поддержке русским рабочим классом экономического и культурного развития ранее отсталых народов. В тесной связи национальных республик с русскими трудящимися массами Ленин видел ключ к их национальному возрождению¹.

Претворяя в жизнь большевистскую программу решения национального вопроса, Советская страна завоевала симпатии и поддержку миллионов трудящихся за рубежом. Ленин указывал, что «во всех странах мира, в той же самой Индии, где задавлено триста миллионов человек английских батраков, пробуждается сознание и с каждым днем растет революционное движение. Все они смотрят на одну звезду, на звезду Советской республики, потому что знают, что она пошла на величайшие жертвы ради борьбы с империалистами и устояла против отчаянных испытаний»².

Для сотен миллионов людей, проживающих в Азии и Африке, наиболее наглядным и убедительным подтверждением превосходства социализма как нового общественного строя являются его успехи в решении национальных проблем. Построив общество, основанное на социальном

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 462.

² Там же, т. 40, с. 177.

и национальном равенстве и справедливости, подняв к вершинам социально-экономического и культурного прогресса десятки миллионов людей, переживавших стадию полуфеодального или даже родового строя, превратив бывшие колониальные окраины в цветущие республики, а некогда бесправных тружеников в подлинных хозяев новой жизни, Советская власть открыла глаза поработленным народам, всколыхнула их на решительную борьбу за национальную независимость и социальный прогресс.

С победой Октября мир раскололся на две системы — социализм и капитализм. От взаимодействия молодой Советской республики с национально-освободительным движением в огромной степени зависели судьбы социализма, всего антиимпериалистического движения. «Русская революция, — отмечает Ленин, — показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно восстали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»¹.

Каковы особенности нынешней мировой ситуации, в которой разворачивается борьба между пролетарским интернационализмом и буржуазным национализмом?

Одна из особенностей современного мирового развития состоит в том, что усилиями сотен миллионов трудящихся создано реальное социалистическое общество, на значительном пространстве земного шара существует и успешно развивается новый тип социальных и национальных отношений, основанных на братском сотрудничестве свободных от эксплуатации людей, дружбе, суверенитете народов, их взаимной помощи. Могучий процесс интернационализации общественной жизни кладет конец былой разобщенности народов, раскрывает преимущества совместной борьбы за построение нового общества. Отношения между государствами в мире социализма стали отношениями между народами, в которых непосредственно участвуют миллионы и миллионы людей. Крепнет солидарность народов социалистических стран с народами, борющимися за национальную независимость и суверенитет, против империализма. Таким образом, борцы за интернационалистские идеалы во

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 329.

всем мире опираются на громадные достижения социализма в Советской стране, мировом социалистическом содружестве.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии говорится: «Двадцатый век принес с собой больше перемен, чем любое предшествовавшее ему столетие. И ни одна страна не внесла в эти перемены более весомого вклада, чем Союз Советских Социалистических Республик — родина Великого Октября, первая страна победившего социализма»¹.

В современную эпоху происходят разительные перемены в несоциалистическом мире. Времена, когда в мировой политике господствовала горстка империалистических держав, а подавляющая часть человечества, живущая в Азии, Африке и Латинской Америке, рассматривалась буржуазными политическими деятелями лишь как объект политики этих держав, как разменная монета в их игре, навсегда канули в прошлое. Ныне сбывается предвидение Ленина о роли народных масс этих континентов. Опираясь на мировой социализм, они ведут настойчивую борьбу за свободу и социальный прогресс. КПСС последовательно проводит курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения.

В условиях роста сил и могущества мировой системы социализма народы Азии, Африки и Латинской Америки нанесли решительные удары по колониальной системе империализма. Национально-освободительное движение поднялось на новую ступень, стало составной частью мирового революционного процесса. В западной буржуазной литературе с тревогой отмечается: «Растущее число африканских руководителей стараются доказать, что Маркс и Ленин были абсолютно правы, подчеркивая существование универсальных законов общественного развития, которые действуют в Африке с той же силой, что и в Европе и в Азии»².

На карте мира, ранее окрашенной в значительной мере в традиционные цвета европейских метрополий, появилась пестрая мозаика более ста новых национальных государств, народы которых впервые обрели не только государственный флаг, но и надежду на лучшую жизнь. На смену унижительным представлениям о неполноцен-

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 79.

² *Ottaway D. and M. Afrocommunism. N. Y., 1981, p. 1.*

ности и неспособности к самостоятельному развитию, которые веками вдалбливались в сознание народов колониальных стран, приходит естественное, подчас чрезмерно обостренное, чувство национального достоинства и гордости. «Нация», «национальная независимость» окружены ореолом романтических грез, с ними связаны все мечты о прогрессе.

Следующая особенность нынешнего мирового развития — усиление противоречивости процессов интернационализации в капиталистическом мире, сопровождающееся выдвижением на видное место в общественной жизни национального фактора.

Углубление национальных антагонизмов капиталистического мира (включая развитые страны капитализма) отражает общее обострение социальных противоречий империализма, переживающего общий кризис. Реализация огромных возможностей, которые открывает научно-техническая революция, наталкивается на препятствия, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества. Национальные богатства расточаются в милитаристских целях. Капиталистическое использование научно-технического прогресса все более расширяет и углубляет пропасть между развитыми капиталистическими и слаборазвитыми странами, а в рамках многонациональных государств — между центральными районами и национальной периферией, что приводит к абсолютному упадку районов, населенных нацменьшинствами, к массовой безработице.

Космополитизация капитала и усиление интеграционных процессов сопровождаются ростом межгосударственных противоречий между ведущими западными державами. Стремление транснациональных компаний, и прежде всего тех, которые теснее всего связаны с реакционными силами США, полностью преодолеть национальные барьеры и заставить эти державы фактически отказаться от своего суверенитета в пользу наднациональных органов, натолкнулось на упорное сопротивление широких кругов населения.

В условиях интернационализации производства заметно растет экономическая роль рабочего класса, широких масс трудящихся, в особенности тех отрядов международного пролетариата, которые заняты на предприятиях интернационально переплетенных комплексов. Рабочему классу предстоит сыграть важную роль в борьбе против наступления монополий на права трудящихся, попыток монополий столкнуть западные страны с пути раз-

рядки международной напряженности. Интернационализация классовой борьбы и необходимость противостоять международному буржуазно-космополитическому объединению расширяют ряды борцов за социализм, делают пролетарский интернационализм знаменем не только рабочего класса, но и широких народных масс¹.

Вместе с ростом объективного значения национального и интернационального факторов на мировой арене углубляется и усложняется борьба двух идеологий по национальному вопросу.

Глава 2

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Выдвижение национального вопроса на видное место среди других актуальных проблем развития человечества рассматривается многими теоретиками и публицистами Запада как один из труднообъяснимых парадоксов современного мира. Более четверти века тому назад некоторые влиятельные идеологи капиталистического Запада во всеуслышание заявили о том, что «нация», «национальное государство» исчерпали себя и что мир быстро эволюционирует в направлении создания всемирного космополитического сообщества. Настойчивый призыв преодолеть национальные границы и научиться мыслить «глобальными» категориями в настоящее время сочетается со всевозможными спекуляциями вокруг понятия «нация».

Что противопоставляют марксистскому интернационалистскому подходу идеологи империализма? Они предпочитают не замечать глубинных процессов развития человечества — торжества нового типа национальных отношений в СССР, неуклонного процесса расширения и углубления братского сотрудничества стран социализма, роста мирового революционного процесса, свидетельствующих о жизненной силе идей интернационализма.

Буржуазная политология и социология явно тяготеют к националистической интерпретации событий мировой истории, объявляя ее движущей силой не классовые, а национальные противоречия. Так, американский социоло-

¹ См.: Федосеев П. Н. Дialeктика современной эпохи, М., 1978, с. 341—355.

лог Л. Снайдер, автор вышедшей в США книги «Виды национализма. Сравнительное исследование», изображает дело так, будто национализм «со слепой силой распространяется по всей планете — Западу и Востоку, Северу и Югу», вытесняя все иные идеологии¹. Отсюда стремление «приласкать» национализм, использовать его для противопоставления революционным силам. Те самые теоретики и публицисты, которые несколько десятилетий назад объявляли нацию и ее суверенитет безнадежно «устаревшими» в атомный век, требовали заменить национальные ценности некими универсальными ценностями «западной цивилизации», сегодня превозносят национализм как господствующую политическую эмоцию современности.

Спекуляция на национальном факторе становится дежурным местом выступлений политических деятелей западного мира. Израильская агрессия против арабских стран, решение разместить американские ракеты в Западной Европе, вмешательство США во внутренние дела Ирана, Сальвадора, других стран, оккупация Северной Ирландии британскими войсками, лишение империалистами и расистами демократических прав населения и насаждение террористических режимов в ЮАР и других странах — все это преподносится как защита «национальных интересов». Идеологи буржуазии лицемерно твердят о священных правах наций и играют на национальных чувствах народов, рассчитывая замаскировать антинародную сущность политики монополистического капитала, найти выход из серьезнейших политических и экономических трудностей, стоящих перед Западом.

В десятках книг и множестве статей они пытаются доказать, что XX век — это век национализма, что интернационализм, дескать, не выдержал испытания временем и что поэтому именно национализм идет ему на смену, поглощая и социализм и все другие общественные движения. Именно эту идею пытаются внушить Э. Ленджил в книге, снабженной сенсационным заголовком «Национализм как последняя стадия коммунизма», Б. Вольф — в опусе «Марксизм: сто лет жизни одной доктрины», А. Смит — в трактате «Национализм в двадцатом столетии».

Противники научного коммунизма стремятся доказать, будто марксистская наука, оперируя рациональными

¹ Snyder L. Varieties of Nationalism. A comparative Study. N. Y., 1976, p. VIII.

ми критериями (социально-экономический, классовый, историко-материалистический анализ), не в состоянии вскрыть природу национализма как явления иррационального и непостижимого по своей сущности. В нынешнюю эпоху, когда, согласно утверждениям буржуазных идеологов, налицо чуть ли не повсеместный «взрыв национальных эмоций», требуется-де более широкий, чем классовый, подход к характеристике движущих сил развития человеческого общества.

Буржуазные идеологи с порога отвергают взгляд на национализм как порождение антагонистических общественных отношений. Корни национализма, с их точки зрения, заключены не в социальных отношениях, они уходят в человеческую природу. Стало быть, национализм, как порождение психики человека, считают они, непреходящее явление. Национальные конфликты с этой точки зрения неизбежны, ибо с человеческой природой трудно совладать. Поэтому от национализма — идет ли речь о капитализме, социализме или о странах «третьего мира» — невозможно, по крайней мере в нынешний век, найти противоядие. Выхолащивание социальной сущности национальных отношений, национализма, сведение их к абстрактному биологическому или психологическому конфликту — исходная позиция буржуазных теоретиков.

Было бы неверным отрицать, что национализм — это реальный факт мирового развития. Однако он требует социально-классового анализа. Ленинское учение требует прежде всего рассматривать его как одно из направлений буржуазной идеологии. Необходимо, далее, дифференцировать национализм угнетающих и национализм угнетенных наций и видеть в последнем определенное демократическое, антиимпериалистическое содержание. Наконец, ленинская методология учит разграничивать понятия «националистическое» и «национальное». В марксистско-ленинском понимании «национальное» — это неповторимое сочетание естественных и общественных условий жизни исторической общности людей (народности, нации), совокупность созданных ею материальных, культурных и духовных ценностей, а также ассимилированных этой общностью духовных ценностей других народов.

Марксизм-ленинизм, ни в коей мере не отрицая законного и естественного характера национальной гордости, национальных чувств, выступает против их гипертрофии, националистического извращения, которые находят вы-

ражение в проповеди национальной исключительности. Важно подчеркнуть, что марксизм как мировоззрение, по существу, непримирим с любым национализмом именно потому, что всякий национализм, даже самый утонченный, «чистенький», включает в себя идею исключительности нации. Марксизм, как подчеркивал Ленин, выдвигает на место всякого национализма интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве.

Софизм буржуазных теоретиков заключается в неправомерном отождествлении понятий «национальное» и «националистическое». Первое, по их словам, автоматически порождает другое. Как же они трактуют природу национального? В чем они видят решающие признаки нации? Забегая вперед, хочется сказать, что это далеко не академический вопрос. Опираясь на ложное определение нации, буржуазные политики и идеологи пытаются отстоять реакционный курс как во внутренней, так и в международной политике.

В чисто теоретическом плане современные буржуазные социологи ничего нового в этот вопрос не вносят по сравнению с тем, что сказал в свое время родоначальник идеалистической теории нации — Отто Бауэр. Они целиком стоят на позициях психологизации и мистификации наций. Можно выделить два направления в характеристике буржуазными социологами сущности нации.

Одно из них, так или иначе признавая существование нации как общности, объективный характер ее признаков, отрицает социальную сущность нации. Признаки нации при таком подходе сводятся к этническим факторам, к оторванным от классовой борьбы, от социальных отношений атрибутам национального самосознания и психологии.

Другое направление, вообще отрицая существование нации как объективной реальности, доказывает, что она представляет собой лишь продукт сознания, эмоций человека либо обусловленный соответствующим типом нервной системы характер поведенческих реакций представителей данной общности¹.

Усилия буржуазных идеологов направлены на мистификацию нации. Так Х. Сетон-Уотсон исходит из того, что «не может быть научного определения понятия «нация». «Все, что я могу сказать по этому поводу, — это то, что нация существует, когда значительное число людей,

¹ См.: Актуальные вопросы современной идеологической борьбы. М., 1980, с. 238.

принадлежащих к какой-либо общности, считают, что они составляют нацию, или ведут себя так, как если бы они составляли нацию», — заявляет английский ученый¹. «Что составляет нацию?» — задается вопросом американский социолог У. Коннор. И отвечает: «Исходное начало — субъективное, оно состоит в осознании людьми в рамках определенной группы, общности своего прошлого, настоящего и — что наиболее важно — своей судьбы»². «Нации — это мистические общности», — вторит ему американский политолог Р. Барнет³. С точки зрения буржуазных теоретиков, нация — это нечто, стоящее над классами и общественным строем. Так, А. Смит утверждает, что нация призвана примирить «противоположности», присущие современному обществу. «Нация, — продолжает он, — стремится сочетать и приводить в равновесие конфликтующие социальные нужды и действовать подобно буферу между Сциллой механической бюрократии и Харибдой утопического и анархического иррационализма»⁴. Но ведь это старая погудка буржуазных националистов — затушевывать разъедающие нацию антагонизмы, доказать возможность классового мира внутри капиталистической нации.

Идеалистическая теория замыкает буржуазных теоретиков в рамках неких неизменных духовных атрибутов, возводит в закон национальную вражду, мешая понять и противоречивую классовую природу нации и те общественные условия, которые определяют ее положение среди других социальных образований.

Сведение нации к индивидуальному или групповому чувству сочетается с отрицанием буржуазными социологами ее объективных признаков. Так, израильский профессор Эттингер считает, что «невозможно определить нацию объективными показателями. Слишком часто такие факторы, как субъективное чувство принадлежности к общине, общей судьбе, единства оказывается более сильным, чем объективные условия»⁵. И неудивительно, что отрицание значения таких признаков нации, как общность экономики, территории, предпринимается

¹ *Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder, Col. 1977, p. 5.*

² *Connor W. Selfdetermination: The New Phase.— World Politics. 1967, vol. XX, N 1, p. 30.*

³ *Barnet R. Roots of War. N. Y., 1972, p. 8.*

⁴ *Smith A. Nationalism in the Twentieth century. Oxford, 1979, p. 183.*

⁵ *The Jewish Quarterly. 1973, vol. 20, N 4, p. 9.*

им в целях искусственного конструирования «единой мировой еврейской нации». Таким образом, вместо реальной общности людей предлагается оперировать мнимой общностью индивидов, связанных якобы мистическими узами. Основываясь на подобных толкованиях нации, проповедник воинствующего сионизма М. Бегин провозглашал: «Из крови, огня, слез и пепла возникает новая человеческая раса, раса, о которой мир ничего не знал в течение последних тысячи восьмисот лет, — раса евреев-борцов»¹. Так, посредством мистификации проповедуются концепция исключительности, расового превосходства израильтян.

В свою очередь, и такое сложное общественное явление, возникающее в условиях эксплуататорского строя, как национализм, отождествляется буржуазной социологией с национальным самосознанием вообще, развивающимся якобы вне времени и пространства. Она приписывает народам «всеобщую тенденцию преувеличивать различия между членами тех или иных культурных и этнических групп» и верить в «превосходство предполагаемых свойств своей группы над предполагаемыми свойствами другой группы» (этноцентризм). Буржуазные теоретики рассматривают этноцентризм (разновидностями которого являются расизм, национализм и т. п.) как «в существе своем психологическое явление, корнящееся в структуре личности» и имеющее, как правило, бессознательный характер². Подлинная социальная сущность нации, а стало быть, и национальных отношений буржуазными идеологами выхолащивается. Взаимоотношения различных национальных групп лишаются объективной основы и становятся ареной действия стихийных и непознаваемых сил. Так, для социальных психологов-идеалистов и борьба негров в Соединенных Штатах Америки за свои права и дикие бесчинства расистов, куклуксклановцев — это равнозначные события, некий абстрактный расовый конфликт, являющийся проявлением необузданной психики людей. Буржуазные ученые всюду ссылаются на взрыв непостижимых иррациональных национальных чувств, причем и угнетатели и их жертвы в равной степени рассматриваются как «страдальцы» или же носители дурных «психических комплексов».

Между тем, отмечал Ленин, «толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит толь-

¹ Цит. по кн.: Актуальные вопросы современной идеологической борьбы, с. 241.

² *Richmond A. The Colour Problem. London, 1961, p. 19, 20.*

ко замазывать сущность дела»¹. Такие естественные феномены национальной жизни, как национальные чувства, национальная гордость или их извращенные формы (шовинизм, национализм), обусловлены исторически сложившимися условиями жизни людей.

Суть буржуазной постановки национального вопроса, вытекающей из «психологического» его толкования, состоит прежде всего в маскировке социально-экономических корней национального гнета и национализма, в возведении национальной вражды в ранг «естественного» закона общественной жизни. С этим связаны и предлагаемые буржуазной социальной психологией пути решения национальной проблемы. Независимо от конкретного содержания национального вопроса центр тяжести переносится на перестройку сознания и чувств людей. Идет ли речь об угнетенных или угнетающих нациях, во всех случаях — одни и те же доводы об этноцентризме и необходимости его ослабления. С этим связаны и поиски способов взаимного приспособления культур в целях смягчения национальных антипатий. Таковы, например, рассуждения о необходимости синтеза «западной» и «восточной» культур, в конфликте между которыми усматривается суть колониальной ситуации. Экономические отношения в лучшем случае рассматриваются как нейтральный фон, на котором разыгрывается психодрама, к примеру, белых и черных, европейцев и африканцев и т. д. Абстрагируясь от реального содержания национального вопроса, буржуазная социология обособляет и увековечивает его, мешает понять место и роль этого вопроса в борьбе за социальный прогресс.

Прислушаемся к тому, о чем назойливо твердят буржуазные идеологи и в объемистых трудах и в броских статьях в периодических изданиях о национализме, и мы услышим один и тот же мотив: марксизм с его упором на классовый фактор якобы не в состоянии оценить масштабы и характер «взрыва национализма». В доказательство, как правило, приводится следующий довод: согласно марксизму, национализм должен исчезнуть с ликвидацией классовых антагонизмов. Между тем социалистические революции в странах Восточной Европы и Азии не сняли национальных проблем и борьбы с национализмом с повестки дня. Отсюда делается вывод, будто национализм независим от социально-экономических факторов, его порождают не классовые антагонизмы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154—155.

капиталистического общества, а некие необузданные влечения человеческой натуры.

Интернационализм, рассуждают буржуазные идеологи и ревизионисты, является некой интеллектуальной конструкцией, якобы не затрагивающей глубины человеческого сознания. В противовес ему национализм уходит своими корнями в подсознательные пласты человеческой психики и пронизывает якобы все поры человеческого бытия. «Всякий раз, когда национальный инстинкт вступает в конфликт с интернациональным сознанием, он демонстрирует значительно большую силу»¹, — утверждает французский публицист Р. Дебре.

Едва ли следует искать в такого рода выступлениях анализ реальных причин, повлекших за собой оживление национализма в некоторых звеньях социалистического мира. Речь об этом пойдет ниже. Важно обратить внимание на другое: приписывая марксизму явно упрощенное представление об «автоматическом» отмирании национальных проблем вслед за победой социалистических революций, буржуазные идеологи обнаруживают неспособность понять глубину марксистского диалектического анализа взаимозависимости социально-классовых и национальных проблем. И дело не только в понимании постепенности процесса утверждения нового типа национальных отношений, преодоления националистических предрассудков. Нельзя не видеть сложной взаимообусловленности объективных и субъективных факторов в вопросе о преодолении национализма как наследия старого строя, огромной роли в этом целенаправленного курса правящих коммунистических и рабочих партий.

В буржуазной социологии широкое хождение получил тезис о том, будто марксизм рассматривает национализм как досадную погрешность, искажающую научные представления о классовой борьбе. Приписав Марксу и Энгельсу подобное воззрение, буржуазные ученые делают следующий шаг, обвиняя основоположников научного коммунизма в чисто негативном или нигилистическом подходе к национальному вопросу.

С этих позиций дается явно неверное толкование известного тезиса В. И. Ленина о подчиненном значении национального вопроса по сравнению с рабочим вопросом. Во всех случаях искажается реальная взаимосвязь классового и национального, единство национального и интернационального. Всячески раздуваются националь-

¹ New Left Review, 1977, N 105, p. 35.

ные проблемы, затушевывается их социально-классовое содержание.

«Доминирующим фактором мирового политического ландшафта,— пишет Г. Айзекс,— постколониального, постимперского, постреволюционного, а в Соединенных Штатах еще и постиллюзионного — являются проблемы нации, национальности, национализма. Они оказывают воздействие на жизнь каждого человека. Они переформируют все сферы нашего группового сознания в процессе происходящих сейчас повсеместно огромных политических перемен»¹. «Нация одерживает победу над классом», — резюмирует Т. Нэйри².

Усилия буржуазных идеологов направлены на то, чтобы доказать ошибочность марксистско-ленинского положения о социально-классовой основе национальных конфликтов. Ход общественного развития, утверждают они, не подтвердил марксистского предвидения относительно усиления классовой поляризации буржуазного общества. Вместо этого, мол, налицо спонтанный рост национальных чувств, «взрыв национализма», который «в качестве мобилизующего средства попросту неизмеримо превосходит то, что заключается во все еще рудиментарном (часто можно сказать, лишь появляющемся на свет) классовом сознании»³.

Разумеется, утверждения о рудиментарном состоянии классового сознания — это чистейший вымысел. В частности, в 60—70-х годах наблюдается невиданное ранее расширение масштабов стачечной борьбы в капиталистическом мире, выдвигаются требования, свидетельствующие именно о росте классового сознания.

Если в 1919—1939 годах во всем капиталистическом мире бастовало 81 миллион человек, в 1946—1960 годах — 150 миллионов, то в 1961—1975 годах число бастующих превысило 800 миллионов человек. В современных условиях трудящиеся наряду с борьбой за повседневные нужды все чаще и настойчивее выступают против основ экономического и социально-политического курса правящих кругов⁴.

В чем заключается социально-экономическая подоплека национальных коллизий и того самого «взрыва на-

¹ Foreign Affairs, 1975, vol. 53, N 3, p. 443.

² Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism. L., 1977, p. 350.

³ Ibid., p. 353.

⁴ См.: Международное рабочее движение. М., 1976, с. 76—77.

циональных чувств», в котором буржуазные авторы ищут первопричину обострения национальных отношений?

Если послушать буржуазных социологов, то выходит, что в обострении национальных отношений решающую роль играют психологические факторы, коренящиеся в природе людей разных наций. Так, Г. Айзекс считает основой национальных движений «стремление утвердить групповую гордость»¹.

Другой американский профессор — У. Коннор приводит обширный перечень районов «этнических волнений»: Испания с проблемами басков, каталонцев и галисийцев; Швейцария, где проявляются враждебность к иностранным рабочим и коллизии между франкоязычным и немецкоязычным населением Берна; Южный Тироль, недовольный итальянским господством; население Бретани, испытывающее аналогичную участь во Франции; возрождение шотландского и валлийского национализма; конфликт в Северной Ирландии; широко распространенные антииммигрантские настроения в Великобритании; острое соперничество валлонов и фламандцев в Бельгии; франко-канадское движение, бросившее вызов целостности Канады; сепаратистское движение части черного населения в США. Эти примеры, продолжает он, свидетельствуют о том, что ни продолжительность существования тех или иных государств, ни высокая степень технологической и экономической интеграции не гарантируют иммунитет от этнического партикуляризма².

В чем же видит автор источник этих коллизий? Прежде всего он безоговорочно отвергает экономические факторы, роль которых, по его словам, более чем второстепенна (*poor second*)³. Равным образом он считает поверхностными всякие ссылки на роль языка, религии, обычаев в межнациональных коллизиях. Весь вопрос, оказывается, в действии самого по себе этнического фактора, а именно: психологического различия между нациями или этническими группами, который порождает синдром «мы — они» (*us — them*) и автоматически вовлекает народы в нескончаемую вражду⁴.

В массовой буржуазной прессе подобное выпячивание этнического, психологического фактора как первопричи-

¹ *Isaaks H. Idols of the Tribe. Group Identity and Political change*, N. Y., 1975, p. 44.

² *Connor W. Nation-Building or Nation-Destroying? — World politics*, 1972, vol. XXIV, N 3, p. 327.

³ *Ibid.*, p. 342—343.

⁴ *World Politics*, 1972, vol. XXIV, N 3, p. 341.

ны конфликтов между нациями является преобладающим. Американский обозреватель С. Сульцбергер, касаясь проблемы Северной Ирландии, пишет: «Все они ирландцы и потому любят воевать: грозные люди, легко возбудимые... получают наслаждение от войны»¹.

Сонм буржуазных теоретиков занят опровержением марксистского положения о национализме как порождении антагонистических общественных отношений. Его объявляют чуть ли не неискоренимым свойством человеческой психики. Так, американский историк Б. Шейфер утверждает в книге «Облики национализма», что национализм «уходит своими истоками в нервные центры людей, он вызывает и приятно волнует их эмоции, он порождает надежды и уменьшает страхи»². Словом, устраняя национализм, рискуете нарушить психическую гармонию человека!

Как видим, за последние десятилетия буржуазные социологи и политологи сделали немалый шаг вперед: они уже в массе своей не апеллируют к расе и крови, подобно своим предшественникам — представителям зоологического расизма, а пользуются более современным «психологическим» языком. Но объективное значение подобного рода «обоснований» неискоренимых межнациональных конфликтов от этого не меняется. Ведь смысл этого теоретического постулата таков: взаимоотношения различных национальных и этнических групп не определяются социально-экономическими условиями и политикой правящих классов, они являются ареной действия стихийных и непознаваемых сил, которые трудно или даже невозможно контролировать.

Несмотря на колоссальные достижения человеческого интеллекта, смело проникающего в тайны Вселенной, открывающего секреты мироздания, область национальных отношений — если верить буржуазным ученым и публицистам — непознаваема. Она остается ареной непрестанной вражды и безудержной ненависти между народами. Так же как это было сто лет назад, буржуазная социология в последней трети XX века вновь прибегает к испытанному средству оправдания иррациональности капиталистического мира — во всем обвиняется «иррациональная» натура человека.

Капиталистические государства стоят перед необходимостью неотложных демократических преобразований

¹ The New York Times, 1970, 10 July.

² Shafer B. Faces of Nationalism, N. Y., 1972, p. 366.

национальных отношений, осуществлению которых противятся империалистические силы. Многие развивающиеся страны переживают еще только период национальной консолидации, задачи которой им приходится решать в сложных условиях экономической и социальной отсталости. И там и здесь прогресс в области национальных отношений может быть достигнут лишь на путях демократии и социализма. Ощутимые результаты, как показывает исторический опыт, могут быть достигнуты лишь тогда, когда борьба за национальный прогресс соединится с борьбой за социальный прогресс.

В противовес такому подходу буржуазные социологи выдвигают «новое истолкование» проблемы наций, которое заключается в раздувании этничности как якобы основного содержания и основного атрибута национальной жизни. Суть дела заключается в поисках неких факторов (географических, культурно-бытовых, психологических), которые, по мысли буржуазных социологов, носят внеклассовый, устойчивый характер и которые можно было бы противопоставить решающим социально-экономическим пружинам жизни нации. На книжном рынке западных стран как грибы после дождя появляются пухлые тома и множество статей, авторы которых ратуют за преодоление «устаревшего» классового деления общества и замену его этническим. В основе этих теорий лежит представление, будто бы присущая всем представителям этноса «сила первородной привязанности», «эмоциональная сплоченность» в настоящее время вытесняет на второй план факторы «нации и класса»¹.

Почему же неким традициям и факторам тысячелетней давности придается большее значение, чем классу и нации? Потому что буржуазным социологам уже невозможно скрыть тот факт, что классовая поляризация наций буржуазного общества достигла небывалого масштаба, в связи с чем общество расколото на большие группы, находящиеся между собой в антагонистических отношениях. В связи с этим и чтобы как-нибудь затушевать эту противоположность интересов, буржуазные социологи апеллируют к этническим связям. «Есть некоторая закономерность,—пишут американские социологи Н. Глезер и Д. Мойнихен,—в том, что формы идентификации, основанные на таких различных факторах социальной действительности, как религия, язык и нацио-

¹ Ethnicity. Theory and Experience. Ed. by N. Glazer and D. Moynihan. Cambridge, Mass, 1977.

нальное происхождение, имеют нечто общее между собой, так что их можно объединить одним новым термином — «этнос». Общее между ними то, что они все стали эффективным средством групповой мобилизации на достижение конкретных политических целей, что является вызовом для главенствующей роли в такой мобилизации класса, с одной стороны, и нации — с другой»¹. Почему, однако, фактор религии или происхождения должен заставить людей забыть о своих коренных экономических и политических интересах как класса — на этот вопрос не дается ответа. А ведь суть дела здесь нетрудно понять. Идеи религии, общего расового происхождения и судьбы — излюбленное средство духовного одурачивания масс. Помешать трудящимся успешно бороться за социальное и национальное освобождение — таков смысл концепции этничности.

Председатель Компартии США Генри Уинстон разоблачил смысл буржуазных спекуляций на этнических различиях, цель которых противопоставить расовые и национальные группы друг другу, увести их с поля совместной борьбы за общие и специфические интересы трудящихся, дать новые аргументы старой империалистической политике «разделяй и властвуй»².

Примечательно, что приверженцы концепции этничности рассматривают ее даже как способ преодоления противоположности марксистской теории и буржуазных взглядов. «Концепция этничности, — заявляет американский профессор Нельсон Кэсфир, — включает оба направления. Используя оба подхода в эмпирических исследованиях, можно выработать более утонченное и полезное понимание политической силы этничности»³. Как будто бы можно соединить теорию, основанную на последовательно классовом подходе с эклектической мешаниной буржуазных доктрин, призванных помешать революционному переустройству общественной жизни.

Суть «национального» буржуазные идеологи видят в «племенной исключительности»⁴, т. е. некоем неизменном начале, унаследованном этносом с незапамятных времен. К ней они и апеллируют как к высшей «ценности». Но, с другой стороны, буржуазные ученые опасаются ее

¹ Ethnicity. Theory and Experience, p. 18.

² Winston H. Class, Race and Black Liberation. N. Y., 1977, p. 59—61.

³ World Politics, 1979, vol. XXXI, N 3, p. 365.

⁴ Foreign Affairs, 1975, vol. 53, N 3, p. 448.

разрушительных минусов¹, находящих выражение в подозрительности, страхе, враждебности, насилии, т. е. не-пременных атрибутах национализма, столь явно демонстрирующего свою сущность в межнациональных столкновениях.

В связи с этим буржуазные социологи задумываются над тем, могут ли народы позволить себе сохранение национальных различий, не опасаясь, что это приведет к тому, что люди в конце концов раздерут друг друга в клочья².

Г. Айзекс пессимистически спрашивает: не является ли национальность концом пути, за которым следует кошмар взаимного уничтожения?³ Но если бы он взглянул на мир глазами, свободными от буржуазных шор, он убедился бы, что такое сообщество народов, где навсегда покончено с национальными конфликтами, где национальный фактор уже не разъединяет людей и не противопоставляет их друг другу, где существует «единство в многообразии», возможно только при социализме. Националистическое мировоззрение неизбежно заводит в тупик каждого, кто его придерживается.

В чем же сущность национализма и почему марксизм-ленинизм непримиримо относится к этой идеологии?

Национализм — это психология и идеология, мировоззрение и политика предпочтения одних наций другим, возвеличивания своей нации, разжигания национальной розни, отражающие интересы эксплуататорских классов. Он имеет множество разновидностей, но чаще всего проявляется в капиталистическом обществе либо как великодержавный шовинизм угнетающей нации, которая третирует другие нации, либо как местный национализм угнетаемой нации, выражающийся в стремлении к замкнутости и недоверии к другим нациям. Обратной стороной буржуазного национализма выступает космополитизм, который отвергает нации, отрицает их независимость.

Давно прошло время, когда буржуазия была глашатаем национального прогресса, национального самоопределения. Действительность полностью подтверждает ленинские слова о том, что «из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций»⁴.

¹ Foreign Affairs, 1975, vol. 53, N 3, p. 448.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 313—314.

Знамя национального и социального освобождения — пролетарский интернационализм — высоко несут марксистско-ленинские партии.

Враги коммунизма пытаются отыскать противоречие между национальными и интернациональными интересами трудящихся. С этой целью они извращают вопрос об отношении пролетарских партий к национализму, ссылаясь на «дуализм» марксистского подхода¹.

На самом же деле никакого противоречия в позиции марксистов-ленинцев нет. Говоря о буржуазном национализме и пролетарском интернационализме, марксизм-ленинизм всегда подчеркивал диаметрально противоположность этих двух мировоззрений в национальном вопросе. Однако коммунисты против абстрактной постановки вопроса о национализме.

Беспощадно разоблачая всякий национализм, Ленин учил видеть в национализме угнетенных наций определенное демократическое содержание, направленное против империалистического гнета. Это прогрессивное содержание, которым в значительной мере проникнут и современный национализм угнетенных масс народов Африки, Азии и Латинской Америки, коммунисты поддерживают. Но такая поддержка вовсе не означает, что марксисты мирятся с национализмом как идеологией, увековечивающей идею национальной исключительности. В идейном отношении между марксизмом и национализмом нет и не может быть ничего общего. Это тем более важно подчеркнуть, что и в мировом рабочем и национально-освободительном движении находятся люди, пытающиеся соединить социализм с национализмом, а точнее, растворить первый в последнем. Национализм стал общей платформой правого и «левого» оппортунизма, с помощью которого противники марксизма-ленинизма пытаются воспрепятствовать поступательному движению народов к социализму, коммунизму.

В связи с этим требует уточнения проникшая в ряд публикаций формулировка о поддержке коммунистами так называемого прогрессивного национализма. Такая формулировка зачастую упускает из виду то, что в национализме угнетенных наций, кроме прогрессивного содержания, есть и реакционные элементы (концепция национальной исключительности, противопоставление наций, а подчас и идеи антикоммунизма), с которыми марксисты всегда борются.

¹ Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917—1923, N. Y., 1968, p. 49.

Коммунисты не только не отказываются от союза с демократическими кругами национально-освободительного движения, но, напротив, всячески борются за этот союз. И эта борьба вовсе не требует от них даже на йоту поступаться принципами пролетарского интернационализма. Важно учитывать, что идеи национализма нередко проникают в сознание борцов за социальное освобождение трудящихся, мешая им видеть интернациональные цели их борьбы.

Природа национализма угнетенных народов требует тщательного изучения с учетом неизбежной его эволюции.

Национализм как знамя новых поднимающихся социальных сил и государств часто имеет антиимпериалистическую и антикапиталистическую направленность. Это свидетельствует о прогрессивных процессах в развитии национальной идеологии, которая все в большей степени проникается социальным содержанием. Не случайно многие прогрессивные деятели пытаются вложить в национализм свои представления (пусть и наивные) о социализме. Сама жизнь связала вопросы национального освобождения с вопросами социального освобождения народов. И поскольку национальное самосознание выступает как одна из ступеней антиимпериалистического, антикапиталистического сознания, постольку от коммунистов требуется внимательное и тактичное отношение к нему, понимание необходимости пробуждения национальной гордости, веками попираемой колониализмом, умение, опираясь на нее, на рост классового сознания, укреплять в массах идеи братства всех революционных сил современности.

Обращаясь к делегатам II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока, В. И. Ленин говорил: «Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание»¹. Факты свидетельствуют о том, что национализм угнетенных наций, сыгравший большую роль в антиколониальном движении как идеология широких масс, далеко не исчерпал своего прогрессивного антиимпериалистического содержания. И дело не только в том, что укрепление политической независимости и сопротивление попыткам реставрировать колониализм остаются важной задачей передовых социаль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.

ных сил. «Национальная идея» играет немаловажную роль в объединении страны, ликвидации былой раздробленности и разобщенности, преодолении трайбализма и сепаратизма, которые отвечают интересам колонизаторов.

Империалистические круги умышленно используют трудности формирования наций и межплеменную рознь в целях сохранения своего господства. Рабочий класс, постепенно наращивая свои силы, выступает против политики раскола. «Необходимо разъяснять, что марксистско-ленинская позиция не означает поддержки всех национальных движений, равно как и любых попыток наций отделиться и обособиться от более крупной общности. Пролетарское движение,—пишут африканские марксисты,—поддерживает национальные движения угнетенных народов и их право отделиться от угнетающих наций. При всех случаях интерес пролетарской борьбы в целом одерживает верх над частными интересами»¹.

Процесс вступления национально-освободительного движения в следующий этап — этап завоевания экономической независимости, что связано рано или поздно и с осуществлением серьезных социально-экономических преобразований, неизбежно ведет к усилению социального размежевания внутри страны. В этих условиях национализм все больше обнаруживает свою узость. Консервативные силы общества, препятствуя экономическому развитию, цепляются за патриархальную старину, проповедуют концепции исключительности своих народов. Они пытаются помешать растущему сознанию необходимости укреплять союз национально-освободительного движения с мировым социализмом, бороться за некапиталистический путь развития. Национализм, используемый первоначально революционной демократией, претерпевает эволюцию. Он все более становится платформой консолидации имущих слоев, типичным буржуазным национализмом.

Пытаясь сохранить идеологическую базу, опираясь на которую они вели антиколониальную борьбу, ряд деятелей национально-освободительного движения выступает с заявлением о принципиально новой доктрине национализма, свободного от идей национальной исключительности. В этих заявлениях чувствуется нередко искреннее стремление расширить горизонты массового движения. Но объективно речь обычно может идти о стремлении

¹ Political Affairs, 1969, February, p. 8.

выдать желаемое за действительное. Заключенное в национализме внутреннее противоречие имеет две стороны, одна из которых может быть усилена в ущерб другой. Но преодолеть это противоречие в рамках самого национализма невозможно. Устранить противоречие между прогрессивным и реакционным содержанием национализма можно, лишь поставив на место национализма интернационализм.

Если буржуазные идеологические концепции сводятся к требованию обеспечения «свободного развития и проявления вечного национального духа», то марксисты видят смысл своих усилий в устранении социально-классовых препятствий национальному развитию, в создании объективных условий, способствующих сближению наций, устранению всяких национальных перегородок.

Национализм прошел в своем развитии длительную историю, его объективная роль зависела от содержания тех конкретных лозунгов, которые выдвигали его сторонники. А они были в свое время довольно популярными, утверждали права наций в борьбе против оков феодального гнета. Хотя буржуазию меньше всего интересовали права нации в целом, объективно выдвинутые прогрессивными идеологами лозунги национальной независимости, суверенитета в немалой степени способствовали пробуждению масс, подъему их борьбы. Однако даже в таком национализме, сыгравшем исторически конструктивную роль, это демократическое содержание существовало наряду с реакционными идеями национальной исключительности и общности судеб эксплуататоров и эксплуатируемых. Этим и обусловлен противоречивый характер национализма.

Буржуазный национализм всегда был и остается одним из важнейших направлений идеологии капитализма. Его смысл состоит в стремлении выдать узкоклассовые интересы буржуазии за общенациональные. С помощью национализма буржуазия раздувает вражду между трудящимися различных наций, мешает росту их классовой солидарности. Она вносит раскол в ряды борцов за свободу, создает идеологические и политические предпосылки для разного рода авантюры и насилия над народами. Старый лозунг реакционеров «разделяй и властвуй» точно выражает классовую сущность этой идеологии.

Марксисты-ленинцы отвергают буржуазный национализм, разоблачают антинародную сущность его конкретных проявлений. Два из таких проявлений уже дискредитировали себя в глазах широких масс. Это расизм — тео-

рия о «высших» и «низших» расах и нациях, о биологической предопределенности судеб народов. Это великодержавный шовинизм — доведенная до крайности идея национальной исключительности, соединенная с высокомерием и пренебрежением к другим народам.

Буржуазная идеология, включающая национализм как свою неразрывную часть, претерпела и претерпевает заметную эволюцию.

В широком плане можно сказать, что до победы социалистической революции в нашей стране и установления дружбы народов СССР господствующими направлениями буржуазной идеологии по национальному вопросу были шовинистические, расистские концепции. Именно эти концепции наилучшим образом обслуживали колонизаторов. Они помогали империалистам проводить политику жестокого национального и социального гнета в своей стране и в колониальных и зависимых странах.

Появление Советской страны и тот огромный резонанс, который получили идеи пролетарского интернационализма во всем мире, заставили буржуазных идеологов в определенной степени перестраивать свою идеологию. В дополнение к расизму и шовинизму, что оставалось главным, ведущим направлением в буржуазной идеологии по национальному вопросу, намечается соединение шовинизма с антикоммунизмом. Это соединение, ярким примером которого служила гитлеровская доктрина, рассматривалось в кругах наиболее реакционных идеологов империализма как лучшее средство в борьбе против теории и практики социализма и интернационализма.

Победа над гитлеровским фашизмом и торжество идеологии дружбы и братства народов в огромной степени подорвали расизм и шовинизм как главное оружие империализма. Надо сказать, что хотя расисты не отказались от своего оружия, но все же в послевоенный период отмечается заметное ослабление расистской идеологии.

«Мир 40-х годов,— пишет американский профессор Г. Айзекс в журнале «Форин афферс»,— был еще по преимуществу миром, находящимся под господством Запада, белой расы. Давно установленный порядок, основанный на господстве белых и бессилии небелых народов, был все еще неоспорим, равно как и сопутствующие ему претензии и мифы относительно расы и цвета кожи».

Современный мир, продолжает автор,— «это мир, в котором уже не существует белого господства, по крайней мере в его старых формах. Система власти, которая

поддерживала их, рухнула. Его надстройка — представление о «расовом превосходстве» и «неполноценности» — лежит в обломках. В то время как некоторые люди цепляются за эти обломки и вызывающе стоят у ворот своих обрушившихся крепостей, большинство из нас бредут, спотыкаясь, как слепые, пытаюсь отыскать новые ориентиры, новые берега, к которым они могли бы пристать под давлением изменившихся обстоятельств»¹. Однако та же классовая слепота не дает возможности буржуазным идеологам найти новые ориентиры.

В послевоенный период доминирующей идеологией мирового империализма стал, как известно, антикоммунизм, направленный против всех сил прогресса. Для борьбы с социализмом, осуществления своих агрессивных устремлений идеологи империализма пытались соединить антикоммунизм с своеобразной разновидностью буржуазного национализма — космополитизмом, национальным нигилизмом. Они проповедовали необходимость отказа от суверенитета наций, от национальной принадлежности, упразднения национальных государств и провозглашения мирового государства, мирового гражданства, разумеется на капиталистической основе и под руководством империализма США.

В этом плане выступали или выступают такие идеологи буржуазного мира, как Арнольд Тойнби, Ганс Кон, Ганс Моргентау и другие. Концепция мирового сообщества, отражающая агрессивные поползновения международных монополий, заключала в себе мечту об «американском веке». Так было вплоть до того времени, когда окрепло социалистическое содружество, когда выросло, усилилось антиимпериалистическое движение, в том числе движение против диктата США в ряде стран Западной Европы. Народы не захотели отказаться от суверенитета ради интересов американских монополий. 50—60-е годы отмечаются стремлением народов укрепить свою политическую, экономическую самостоятельность, противостоять агрессивным требованиям американских монополий.

Космополитизм не оправдал тех надежд, которые на него возлагались. Не говоря уже о решительном протесте, который встретила идея «американского века» в странах социализма, не слышно было аплодисментов по поводу этой идеи и в большинстве стран Западной Ев-

¹ Isaaks H. Color in World Affairs.— Foreign Affairs, 1969, vol. 47, N 2, p. 235.

ропы. И если говорить о сегодняшнем этапе эволюции буржуазной идеологии в национальном вопросе, то его можно определить прежде всего как сочетание антикоммунизма, антисоветизма и утонченного буржуазного национализма при сохранении в той или иной мере шовинистических идей. С этих позиций идеологи империализма надеются продолжать борьбу против дальнейшего возрастания влияния мирового социализма и прежде всего Советского Союза — знаменосца идей коммунизма, пролетарского интернационализма.

Надо сказать, что отношение буржуазных идеологов к национализму далеко не однозначное. Одно дело, когда речь идет о национализме стран, разбивших цепи колониализма. Буржуазные идеологи готовы признать этот национализм как неизбежный продукт современной эпохи, с которым нельзя не считаться. При этом они уверяют, что национализм в странах «третьего мира» есть не что иное, как перенесение «западных» идей — свободы, равенства, братства народов — на почву стран Азии, Африки, Латинской Америки. Иное дело, когда речь идет о национализме в странах Западной Европы.

Достаточно вспомнить, как резко отрицательно реагировали американские буржуазные идеологи и политики по поводу известной концепции, выдвинутой де Голлем, которую он противопоставил американскому гегемонизму. Подобный национализм, имеющий весомые позиции в развитых капиталистических странах и носящий антиамериканское по преимуществу содержание, рассматривается в трудах проамерикански настроенных буржуазных идеологов как движение вспять, как возвращение к эпохе средневековых рыцарей и подвергается яростным нападкам с их стороны.

И наконец, диаметрально противоположное отношение к проявлениям национализма в мировом социалистическом содружестве, в ряде звеньев мирового коммунистического движения. Как это хорошо видно на опыте чехословацких и польских событий, буржуазные идеологи и ревизионисты пытаются представить национализм как синоним свободы, прогресса, возрождения, как последнее слово общечеловеческой цивилизации. Национализм связывается со все еще вынашиваемыми надеждами на реставрацию буржуазных порядков. Этот национализм буржуазные идеологи поддерживают и разжигают.

Итак, от разносной критики национализма или молчаливого его принятия к восторгу перед национализмом — все зависит от практически-политической цели,

которую буржуазные идеологи связывают с национализмом. В данном случае в отношении стран социалистического содружества национализм рассматривается как своего рода «троянский конь», с помощью которого буржуазные идеологи думают покончить с солидарностью социалистических стран между собой, с социалистическим строем.

Спекулируя на проявлениях национализма в отдельных социалистических странах и звеньях рабочего движения, идеологи империализма твердят о несовместимости «свободного национального духа» с интернациональными обязанностями. Профессор Мичиганского университета в США К. Боулдинг пытается доказать в книге «Смысл двадцатого столетия», будто понятие «международный пролетариат» является фикцией. В настоящее время, заявляет он, «национальное сознание стало сильнее классового сознания»¹. Нетрудно понять, что все эти рассуждения призваны дезориентировать отряды международного рабочего класса как раз в тот период, когда они настойчиво стремятся к единству и сплоченности.

Буржуазные идеологи приписывают всем нациям некое неподдающееся разумному объяснению чувство враждебности к другим нациям. При этом абсолютизируется и распространяется на все формации национальная рознь, порождаемая частнособственническими отношениями, делается попытка ослабить тягу трудящихся к интернациональной солидарности. Исходя из этого, профессор Лондонского университета Х. Сетон-Уотсон заявляет, что выступать против национализма — «значит мало чем помогать человеческому роду»².

Буржуазные идеологи объявляют альтернативой национализма не интернационализм, а национальный нигилизм. И поскольку национальный нигилизм, за который ратуют идеологи монополистического капитализма, решительно отвергается в социалистическом мире, коммунистическом движении, в развивающихся странах (а нередко и среди тех или иных буржуазных кругов капиталистических стран), то это изображается как сплошное засилье, «бунт» национализма. Буржуазные ученые не хотят понять, что против национального нигилизма можно выступать не только с позиций национализма, т. е. преувеличения значения национального фактора, но прежде всего и наиболее успешно с позиций пролетар-

¹ *Boulding K. The Meaning of the Twentieth Century. The Great Transition. N. Y., 1965, p. 170.*

² *Seton-Watson H. Op. cit., p. XII.*

ского интернационализма, устанавливающего диалектическую связь интернационального и национального.

Не секрет, что для насквозь космополитичной современной буржуазии и ее идеологов понятия «нация», «национальная независимость», «патриотизм» и «национальная гордость» давно уже утратили какой-либо позитивный смысл. Скажем, заправилы транснациональных корпораций менее всего склонны считаться с национальными границами и национальными интересами. И то и другое для них — сплошной анахронизм. И если к теме национализма проявляется на буржуазном Западе повышенный интерес, то это во многом связано со стремлением буржуазных идеологов отодвинуть на задний план социально-классовые проблемы, объяснить сложные процессы послевоенного развития спонтанным усилением национального и этнического факторов.

Встревоженные не на шутку широкой волной национально-освободительных движений, властным стремлением народов самостоятельно решать свои судьбы — и не только в бывших колониях, но и в самих твердых империализма, — буржуазные историки, социологи рассуждают о безудержном национализме, непостижимом национальном духе, в котором якобы коренятся причины национальных коллизий. Авторы солидных академических изданий и бесчисленных статей в широкой прессе выступают с новыми оценками и «переоценками» роли национального фактора в мировом процессе.

В полном соответствии с традиционными установками буржуазной социологии национализм рассматривается вне времени и пространства, в отрыве от породившей его почвы, без учета социальных и политических систем, разделяющих современный мир¹. Уже упоминавшийся Луи Снайдер, рассуждая о всеобщем распространении капиталистического и «социалистического национализма», считает, что в обозримом будущем картина не изменится. «На прямой вопрос, что последует за национализмом, ответ может быть только один — опять-таки национализм!» — читаем мы в его книге «Виды национализма»². Недопустимое перенесение на социалистическое общество законов капиталистического строя приводит буржуазного ученого к ошибочному увековечению пороков отжившей свой век системы.

¹ *Isaaks H. Idols of the Tribe. Group Identity and Political Change.* N. Y., 1975; *Kamenka E. (ed.). Nationalism. The Nature and Evolution of the Idea.* Canberra, 1973.

² *Snyder L. Varieties of Nationalism. A comparative Study,* p. 284.

Если обратиться к тому, о чем изо дня в день говорят и пишут идеологи буржуазии, то легко уловить один старый мотив, к которому они обращаются все чаще, противясь всему прогрессивному, новому, что пробивает себе дорогу в мировом общественном развитии. Идет ли речь о все еще не погашенном очаге напряженности на Ближнем Востоке, о европейской или азиатской безопасности, о борьбе африканских народов за ликвидацию наследия колониализма, об обостряющихся национальных конфликтах в развитых капиталистических странах или трудных проблемах многомиллионной армии иностранных рабочих, мы неизменно слышим рассуждения об «извечной ненависти» арабов и израильтян, греков и турок, ирландцев и англичан, англо- и франкоканадцев, аборигенов и иммигрантов, христиан и мусульман, белых и черных — словом, о том, что конфликты между разными нациями и расами — это закон природы и с этим-де нельзя не смириться.

Тому, что внимание многих буржуазных социологов приковано к проблеме наций, которая в кривом зеркале буржуазного мирозерцания отражается как «проблема национализма», не приходится удивляться, поскольку капитализм по самой природе своей не способен решить национальный вопрос. Однако эту неспособность идеологи и политики капитализма пытаются выдать за принципиальную невозможность решения одного из острейших вопросов современности.

Речь, по существу, идет о попытке растворить в рассуждениях о «взрыве национализма» сложные социальные и национальные проблемы, порожденные нынешним этапом общего кризиса капитализма. При этом выпячивание «нации» призвано затушевать реальную социально-экономическую подоплеку коллизий буржуазного мира. «...Нации и национализм являются главными, господствующими формами удовлетворения потребностей и желаний западных народов»¹, — пишет американский историк Бойд Шейфер.

«С наполеоновских времен и по сей день, — пишет американский профессор Г. Айзекс, — приняв свои нынешние формы в Европе в девятнадцатом столетии, а в Америке и Азии в двадцатом, идея «нации» и движущая сила национализма направляют политическую, экономическую и военную власть в любом обществе и под любым идеоло-

¹ *Shafer B. Faces of Nationalism. New Realities and Old Myths*, N. Y., 1972, p. 344.

гическим знаменем. Национализм присутствует всюду, он накладывает глубокую печать на нашу историю и наши жизни»¹. Ему вторит А. Смит, автор опубликованного в Нидерландах объемистого доклада о национализме в современную эпоху. Он утверждает, что «национализм — это одна из самых могущественных и взрывчатых сил современного мира»².

Подходя с этих позиций к характеристике процессов национального самоутверждения, протекающих, впрочем, на новой социальной основе и в мире социализма, западные ученые повсюду видят все тот же национализм, являющийся, по их словам, доминирующим феноменом XX века.

Предпринимаются попытки подорвать в глазах народов и прежде всего тех, кто борется за национальное освобождение и суверенитет, растущий авторитет социализма как общественной системы, устанавливающей принципиально иной, гуманный тип национальных отношений, представить интернационализм как одну из бесчисленных утопий, не выдержавших испытания жизнью.

Так, журнал «Проблемз оф комьюнизм», о котором смело можно сказать, что он, подобно бурбонам, ничего не забыл и ничему не научился, заявляет, что даже установление социализма на огромных пространствах земного шара не внесло чего-либо нового в национальные отношения: непримиримая борьба наций была, дескать, и остается движущей силой мирового развития³. Следуя этому догмату, журнал отбрасывает и мысль о возможности утверждения принципов мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем, разрядки международной напряженности, поскольку, мол, большие районы мира раздираются все той же старой и неискоренимой межнациональной враждой.

По мысли идеологов антикоммунизма, социализм, являющийся одной из форм индустриального мира, подвержен тем же порокам, что и капитализм. Указывая прежде всего на шовинистический курс маоистских руководителей (на деле представляющий враждебный вызов научному социализму и пролетарскому интернационализму), буржуазные идеологи порочат на этом основании социализм как систему. Им нет дела до того, что социалисти-

¹ *Isaaks H. Nationality: End of the Road? — Foreign Affairs*, 1975, vol. 53, N 3, p. 433.

² *Smith A. Nationalism. A Trend Report and Bibliography. The Hague*, 1973, p. 7.

³ *Problems of Communism*, 1974, vol. XXIII, N 4, p. 1—16.

ческое содружество, мировое коммунистическое движение решительно отмежевались от подобного курса, заклеямили такую политику, приведшую маоистских лидеров к сговору с империализмом.

Концентрированное выражение эта буржуазная версия нашла в изданной в США книге западногерманского политолога Роберта Кинга «Меньшинства при коммунизме». Говоря о будущем социалистического мира, автор предвещает раскол его на «национальные коммунизмы», подобно тому как в период реформации Европа оказалась разделенной по религиозному признаку¹. В том же духе канадский профессор Т. Раковска-Хармстоун в статье «Социалистический интернационализм», опубликованной в журнале «Сэрвей», пишет: «Проблема, с которой в конечном счете должно будет столкнуться советское руководство, заключается в следующем — работает ли концепция пролетарского интернационализма в действительности. Насколько это показывает практика — несмотря на первоначальные утверждения Карла Маркса, — положение о том, что классовая приверженность превосходит все другие формы приверженности, оказалось в постиндустриальную эпоху мифом. Тенденции мирового развития ясно указывают на то, что в коммунистическом мире, так же как и повсюду, национализм, находящийся на подъеме, является самой могущественной, а вместе с тем самой разрушительной силой двадцатого столетия»².

Скажем сразу: солидарность стран социалистического содружества между собой, солидарность революционных сил всего мира с Кубой и Вьетнамом, Анголой и Эфиопией, солидарность народов всего мира в борьбе против империалистической гонки вооружений и порождаемой милитаристской политикой США угрозы новой мировой войны — это не миф, а живая реальность, подтверждающая жизненность идей Маркса, Энгельса, Ленина о пролетарском интернационализме. Прекрасно сознавая это, идеологи антикоммунизма пытаются доказать недоказуемое, выдать желаемое за реальность. К каким же доводам прибегает идейный противник?

Противопоставление классовых интересов, интересов строительства социализма и коммунизма национальным чувствам людей стало излюбленным мотивом всех буржуазных концепций. Пролетарский интернационализм

¹ King R. Minorities under Communism. Cambridge, 1973, p. 256.

² Rakovska-Harmstone T. Socialist Internationalism.— Survey, 1976, vol. 22, N 2, p. 86.

объявляется враждебным делу национальной свободы, его пытаются представить как антипод патриотизма. Расчет идеологов антикоммунизма строится на том, чтобы представить интернациональную солидарность стран социализма чуть ли не как угрозу национальному существованию этих стран. Главным содержанием потоков националистической пропаганды, обрушивающейся на население социалистических стран, является антисоветизм. Сея отравленные семена недоверия к Советскому Союзу — первой стране победившего социализма, империалисты тем самым рассчитывают ослабить симпатии трудящихся к социализму.

Однако этим расчетам не удастся осуществиться. Народы социалистических стран не забудут, что именно Советская Армия принесла им освобождение от фашистской неволи. Они знают, что именно социализм вывел их на путь экономического подъема и что только благодаря мощи социалистического содружества его члены перестали быть разменной монетой в империалистической политике. Короче: подлинная свобода и суверенитет, прогресс во всех областях общественной жизни — это результат строительства социализма, результат братского сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Сознание этого наполняет национальные чувства граждан социалистического общества новым содержанием. Патриотизм, национальная гордость все более сочетаются с преданностью социализму, верностью принципам пролетарского интернационализма, а судьба родины в сознании подлинных патриотов уже не мыслится в отрыве от судеб социализма в своей стране и в масштабе социалистического содружества в целом. Этой качественно новой стороны национального самосознания в странах социализма не могут понять буржуазные идеологи. Продолжая мыслить старыми категориями национальной узости и эгоизма, они не в состоянии увидеть подлинные мотивы нерушимой интернациональной солидарности, постоянной взаимопомощи, которые утвердились в отношениях между народами социалистических стран.

Область национальных отношений стала ныне одной из главных сфер идейной борьбы двух миров. Враги социализма явно рассчитывают использовать привязанность населения к национальным традициям, глубину национальных чувств и их легкую ранимость, устойчивость националистических предрассудков для противопоставления национальных интересов народов целям коммуни-

стического движения, принципам социализма. Но идеологи империализма вынуждены признать бесплодность открытых попыток поколебать приверженность народов социализму. Отсюда — новая тактика империализма в психологической войне против сил социализма, ставка на то, чтобы вбить клинья между социалистическими странами, посеять между ними рознь и недоверие, изолировать, а затем задушить их поодиночке.

«Самая могущественная и самая разрушительная сила двадцатого столетия» — в такой оценке современного национализма сходятся практически все буржуазные социологи и политологи. Но так ли он могуществен на самом деле? И что имеется в виду, коль скоро речь идет о его «разрушительной силе»? Ведь одно дело, если имеется в виду национализм как источник войн и вражды между народами, и совсем другое — если он выступает идейным знаменем антиколониальной борьбы.

Вместе с тем, учитывая типичное для политического лексикона буржуазных ученых смешение понятий «национальное» и «националистическое», вправе ли мы забывать, что под национализм совершенно произвольно подводится и бурный рост национальных чувств, подъем патриотизма, характерный для стран социалистического содружества, которые вместе с социализмом обрели условия для подлинно национального развития? А ведь здесь национальная гордость не противостоит, а сочетается с интернациональной солидарностью народов. Наконец, нельзя не учитывать и различную социальную основы национальных процессов, происходящих в современном мире, — капиталистической, социалистической, докапиталистической. Нетрудно понять, что характер и степень развития национального самосознания, извращенной формой которого является национализм, весьма различны в разных социально-экономических формациях.

Исторический этап, для которого характерен «взрыв национализма», очевидно, сопоставляется с периодом, когда он якобы был менее заметен. Когда же? Не тогда ли, когда Сесиль Родс и подобные ему трубадуры колониализма громогласно разглагольствовали о «бремени белого человека» и цивилизаторской миссии Запада в странах Африки и Азии? Или когда негритянские массы безропотно трудились на плантациях Юга США, не смея не только мечтать о равных правах с белыми, но даже косо взглянуть на своего хозяина? Не в условиях ли германского фашизма, который довел расизм и шовинизм до крайнего предела, а чудовищные спекуляции на нацио-

нальных правах сделал орудием государственной политики?

Не углубляясь больше в новую и новейшую историю, в которой национализма в тех или иных формах всегда оказывалось в избытке, попытаемся суммировать различные процессы и явления, объединяемые буржуазными учеными в общем и весьма неопределенном понятии «взрыв национализма».

Прежде всего, речь идет о подъеме национально-освободительного движения в странах, боровшихся или борющихся против колониального ига. Это движение действительно проходило и проходит в основном под флагом национализма. Причем этот национализм — национализм угнетенных наций, как уже отмечалось, имеет историческое оправдание и выполняет не только разрушительную роль (ликвидация колониальной системы), но и созидательную миссию — образование молодых национальных государств.

Далее, налицо обострение национального вопроса в развитых странах капитализма, явление, характерное именно для новейшего периода развития этих стран и порожденное, как будет показано ниже, нынешним этапом общего кризиса капитализма. Здесь буржуазному национализму присущи в известной степени антимонополистические демократические потенции, хотя в целом он нередко играет регрессивную роль.

Следующий феномен, который можно оценить совершенно однозначно, — это усиление шовинистических и расистских тенденций в политике правящего класса ряда империалистических держав (ЮАР, Израиль, США, Великобритания и др.), направленных против народов и национальных групп, усиливших борьбу за национальные права и свободы. Это — реакционный национализм худшего вида, к которому действительно приковано внимание всего человечества и который вызывает законную тревогу. Примечательно, однако, что его меньше всего имеют в виду любители порассуждать о «взрыве национализма».

Бесспорно, с указанным видом буржуазного национализма смыкается шовинизм маоистского толка. Его возникновение связано с отказом сторонников маоизма от принципов научного социализма и пролетарского интернационализма, сближением с самыми реакционными империалистическими кругами.

Нет нужды закрывать глаза на временные вспышки национализма в отдельных социалистических странах.

При всей серьезности такого рода процессов важно иметь в виду, что они преодолеваются в результате последовательно интернационалистского курса правящих партий.

В не меньшей степени требуют принципиальной оценки и неустанной борьбы проявления национализма в отдельных звеньях рабочего и коммунистического движения в странах капитала. Представляя собой националистическую ревизию марксизма-ленинизма, явления такого рода активно раздуваются и поощряются империалистическими силами. Однако они не привели к подрыву международной солидарности трудящихся, которая — в новых формах и новых условиях — остается гарантией успешной антиимпериалистической борьбы.

Наконец следует сказать еще об одном знаменательном процессе, протекающем в странах социализма, который буржуазные идеологи тщетно пытаются истолковать в выгодном для себя духе. Речь идет о развитии национальной гордости и подъеме социалистического патриотизма в этих странах, добившихся бурного расцвета всех сторон национальной жизни, т. е. о процессе, неотделимом от социалистических завоеваний и формирования национальных отношений нового типа. Рост и укрепление национального самосознания в этих странах имеет качественную особенность, которую не хотят видеть идеологи антикоммунизма, — они происходят на базе социализма, утверждения его принципов в сознании широких масс трудящихся и, следовательно, имеют интернационалистскую направленность. Именно эта направленность, всецело поддерживаемая социалистическим строем жизни и марксистско-ленинской политикой коммунистических и рабочих партий, предотвращает перерастание национальных чувств в национальный эгоизм. На этой основе ведется планомерная борьба за полное высвобождение сознания населения социалистических стран из-под влияния националистических предрассудков.

Буржуазные идеологи в настоящее время рассматривают национализм как главную ставку в своей борьбе против социалистического мира. И это не случайно. Это во многом объясняется природой национализма как идеологического течения. Дело в том, что он связан прежде всего с миром эмоций, непосредственно затрагивает национальные чувства, которые, конечно, присущи каждому человеку, в том числе и представителю социалистического общества. Буржуазные идеологи рассчитывают, что, спекулируя на цепкости национальных традиций в

массовом сознании, всячески раздувая национальные различия, они сумеют дать бой идеям пролетарского интернационализма, помешать единению народов в борьбе за социальный прогресс.

Суть дела в том, что «эпохой национализма» объявляется насыщенная глубокими процессами современная эпоха, главное содержание которой — переход от капитализма к социализму. С этой целью идеологи буржуазии и пытаются изобразить укрепление нового строя, суверенитета социалистических государств, распад колониальной системы империализма и сопутствующий этим процессам рост национального самосознания народов как процессы, лишенные социально-классового содержания и характеризующиеся якобы «безудержным национализмом».

Подобный подход вытекает из общей методологической предпосылки буржуазного воззрения на национальный вопрос и национализм, которые якобы не зависят от социально-политического строя, а порождаются некими изначальными влечениями людей. В соответствии с этим делается попытка доказать, будто вирус национализма с одинаковой силой поражает любую социальную систему. Межнациональный антагонизм рассматривается как неизбежное зло современного этапа мирового развития. Примечательно, что эти суждения пропагандируются в условиях нарастающего действия всемирной тенденции к интернационализации хозяйственной и общественной жизни.

Разумеется, было бы наивным не замечать принципиально различных социальных последствий интернационализации при капитализме и социализме. Если в первом случае она приходит в противоречие с национальными процессами и нередко губительно отражается на национальных ценностях, то во втором случае в условиях общественной собственности на средства производства она получает беспрепятственное развитие, вполне сочетаясь с расцветом и укреплением подлинно прогрессивных сторон жизни нации. Буржуазная социология противопоставляет национальное и интернациональное как непримиримые противоположности, предрекая их вечную борьбу. Между тем взаимодействие национального и интернационального вовсе не исчерпывается их борьбой, порожденной антагонистическим строем. Социализм устанавливает принципиально иную связь национального и интернационального начал, которая выражается в их соответствии друг другу, все более тесном и органическом

единстве. Да это и понятно. Единство национального и интернационального при социализме опирается на общую социально-классовую основу — коренные интересы и устремления рабочего класса и его коммунистических партий. Поэтому их уже нельзя рассматривать как взаимоисключающие противоположности в духе буржуазной социологии.

Раскрывая всемирно-историческое значение великих достижений социализма в преобразовании национальных отношений, Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» отмечает: «На собственном опыте народы Страны Советов убедились: сплочение в едином союзе умножает их силы, ускоряет социально-экономическое развитие... В совместной борьбе за новый, справедливый мир возникли великое братство людей труда, чувство семьи единой, сложилась нерушимая ленинская дружба народов — неисчерпаемые источники созидательного творчества масс»¹.

Острые буржуазно-националистических концепций направлено против марксизма-ленинизма, теоретически доказавшего неизбежность полного торжества идей интернационализма, и социалистической практики в СССР и других братских странах, сделавших это предвидение явью.

Пролетарский интернационализм, под знаменем которого сотни миллионов людей строят новую жизнь, борются за социальное и национальное освобождение, либо игнорируется, либо объявляется устаревшим и антинациональным. В адрес марксизма раздаются обвинения, будто он не смог предвидеть роста национального фактора.

Буржуазные ученые, не обращая внимания на определяющие тенденции мирового развития, злорадствуют по поводу негативных явлений и трудностей, с которыми связано построение нового мира и утверждение интернационального братства народов. Все дело в том, утверждают разного рода марксологи, что марксизм с присущим ему классовым подходом к социальным процессам не в силах оценить глубину «взрыва национализма». История, мол, пошла не по пути нарастания классовой борьбы, она выдвинула на первое место не классовые, а

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года, с. 6—7.

национальные противоречия¹. «Первейшая ошибка — недооценка национализма — заключена в конечном счете в самих основах марксизма, — утверждает американский социолог Л. Коузер. — Ни Маркс, ни, более того, Ленин не сознавали силы национализма в переходный период между эпохой буржуазного господства и утверждения мирового социализма»². «Теория национализма является величайшим пробелом марксизма»³, — безапелляционно заявляет британский политолог Т. Нэйрн.

И здесь мы сталкиваемся с другой практической целью распространения подобных концепций — подорвать марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм.

Один из излюбленных идеологических маневров буржуазных теоретиков заключается в отрицании классового характера глубоких конфликтов современного мира. Именно сейчас, когда в сознании народов империализм все теснее и отчетливее связывается с агрессией, удушением свободы народов и их закабалением, буржуазные идеологи пытаются задержать рост социального протеста трудящихся, разжигая националистические эмоции. При этом они используют в своих интересах противоречивый характер развития национального самосознания, объективную сложность национального вопроса.

Укрепление солидарности сил социализма, национального освобождения возможно лишь на основе осознания коренных классовых интересов трудящихся, которые совпадают с их правильно понятыми национальными интересами. Особо важное значение имеет четкое понимание единства классовых и национальных задач трудящимися стран социализма.

Коммунистические и рабочие партии несоциалистических стран стремятся полнее использовать революционный потенциал национальных движений в интересах борьбы за демократию и социализм, парализуя стремление империалистов расколоть и дезориентировать силы социального и национального освобождения, опирающиеся на мировой социализм.

¹ *Ethnicity Theory and Experience*. Cambridge, 1975; *Lengyel E. Nationalism — the last Stage of Communism*. N. Y., 1969; *Nationalities and Nationalism in the USSR. A Soviet Dilemma*. Ed. by A. Linden and K. Simes. Washington, 1977; *Wolfe B. Marxism. 100 years in the Life of a Doctrine*. USA, 1967.

² *Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict*. N. Y., 1967, p. 227.

³ *Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism*, p. 329.

Анализ взаимосвязи классового и национального — одна из актуальных теоретических проблем. Краеугольным камнем марксистско-ленинского учения о национальных отношениях является требование классового, интернационалистского подхода к национальным проблемам. Именно с этих позиций определяем мы место и роль национального вопроса в политике коммунистических и рабочих партий.

Маркс и Энгельс, начиная с «Манифеста Коммунистической партии», нарисовали в своих трудах подлинную картину мирового развития, в том числе взаимодействия классов и наций, раскрыли их действительное место в жизни общества. Весь ход политического развития подтвердил, что классовый подход, соединяющий в себе широту интернационального кругозора с тщательностью учета национальных особенностей, несравненно шире и глубже так называемого «национального подхода», неизбежно сползающего на сепаратистские, узконационалистические позиции, отвечающие интересам лишь эксплуататорских классов. Труды Маркса, Энгельса и Ленина, в которых содержится мастерский анализ национального вопроса, в том числе и национализма, начисто опровергают ходячее представление, будто приоритет, отдаваемый основоположниками научного коммунизма классовой борьбе, мешал глубокому проникновению в судьбы наций. Впрочем, буржуазные ученые в массе своей заняты «опровержением» не марксизма как такового, а главным образом ими же созданных схем и формул, под которые подгоняется реальное богатство идей научного коммунизма.

Примитивизация марксизма, без которой с ним было бы трудно полемизировать, и апелляция к буржуазным доктринам — не только новым, но и старым — одно из проявлений напряженной борьбы между буржуазным национализмом и пролетарским интернационализмом. Ныне противоположность и борьба двух мирозерцаний как никогда зримы, реальны. Но разворачивается эта борьба в принципиально иных общественных условиях, когда во многом изменились и характер классовых взаимоотношений в масштабе мира и содержание национального вопроса в различных регионах.

Марксистско-ленинский подход к национальным отношениям основан на строгом анализе их конкретно-исторического социального содержания, понимании единства интересов и целей трудящихся независимо от их национальности. В то же время он предполагает внимательный

учет специфических, национальных требований трудящихся, которые неизменно рассматриваются не в отрыве, а под углом зрения интересов борьбы за социализм и коммунизм. И в этом принципиальное отличие марксистско-ленинского подхода от буржуазного и оппортунистического подхода к национальному вопросу. «Буржуазия всегда на первый план ставит свои национальные требования,— отмечал В. И. Ленин.— Ставит их безусловно. Для пролетариата они подчинены интересам классовой борьбы»¹.

Означает ли требование подчинять решение национальных проблем интересам борьбы за социализм и коммунизм какое-то умаление значения этих проблем? Разумеется, нет. Мы исходим из известного вывода К. Маркса и Ф. Энгельса, содержащегося в «Манифесте Коммунистической партии», о том, что вместе с ликвидацией классовых антагонизмов падут и антагонизмы между нациями. История полностью подтвердила это предвидение, опровергнув вместе с тем упрощенные суждения насчет автоматического отмирания национальных проблем после установления социализма.

Марксисты-ленинцы внимательнейшим образом изучают национальные проблемы, последовательно добиваются решения их в интересах трудящихся масс. Они рассматривают борьбу за национальное освобождение как неотъемлемую часть общего революционного дела, прекрасно понимают, какой огромный революционный потенциал заложен в этой борьбе. Коммунисты настойчиво отстаивают классовый подход к национальным проблемам, необходимость все более тесного сочетания национальных и интернациональных интересов, усиливают борьбу против буржуазного национализма.

Главное в учении Маркса, указывал В. И. Ленин,— это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как могильщика капитализма и создателя социалистического общества. Именно марксизм впервые в истории общественной мысли создал цельную картину исторического развития, показав, что борьба классов неизбежно ведет к социалистической революции, установлению диктатуры пролетариата и построению бесклассового, коммунистического общества.

Марксизм раскрыл подлинную взаимосвязь революционных задач пролетариата, ликвидации социального гнета с решением столь сложного и болезненного вопроса,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 273.

каким является в эксплуататорском обществе вопрос об угнетенных нациях и народностях, противопоставил буржуазным, антинаучным историко-социологическим концепциям вечной и неустрашимой борьбы наций или рас четкий анализ классовой борьбы как движущей силы общественного развития. К. Маркс писал о том, что судьба национальных революций «поставлена в зависимость от судьбы пролетарской революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота»¹.

В условиях капитализма буржуазия использует свое господство, чтобы под видом «национальных интересов» навязать всему обществу, в том числе и пролетариату, собственные узкоклассовые интересы. «Классовый мир» внутри нации и пресловутое «единство нации» — таковы инструменты, с помощью которых буржуазия добивается господства над трудящимися собственной страны, а разжигание национальной розни и ненависти к другим народам служит ей средством погасить и направить вовне законный социальный протест трудящихся против своих угнетателей. Вот почему пролетариат может взорвать «классовый мир» внутри нации и вытравить из сознания народов яд националистических предрассудков, не иначе как поставив во главу своей борьбы против господства буржуазии собственно классовые задачи. Только на этом пути он может наполнить национальный вопрос тем содержанием, которое отвечает его пролетарской природе и интересам всего трудового народа.

Глава 3.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

Среди глубочайших идей, высказанных Марксом и Энгельсом, все возрастающее значение приобретает положение о всемирности исторического процесса. К. Маркс отмечал, что «всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»². Развитие производительных сил приводит к тому, что «национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием бур-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 31.

² Там же, т. 12, с. 736.

жуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единым образом промышленного производства и соответствующих ему условий жизни». В результате, отмечают авторы «Манифеста Коммунистической партии», «на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга»¹. Таким образом, «всемирность» как характерная черта общественного развития становится реальностью при капитализме. Но вслед за утверждением капитализма всемирность становится предпосылкой движения к коммунизму. Не учитывая всемирности исторического процесса, нельзя понять и особенностей развития той или иной страны. Потому что мировое по отношению к национальному — это уже не внешний фон, а органическая сторона его развития, равно как и национальное неотъемлемая часть всемирного. «Всемирное,— пишет Г. Водолазов,— есть результат и процесс взаимодействия многих наций, причем, что крайне важно подчеркнуть, взаимодействия наций, стоящих на *разных уровнях* социально-исторического развития, взаимодействия национальных революционных потоков, бегущих не в одной плоскости, иногда пересекающихся и сливающихся, а иногда и сталкивающихся между собой»².

Это в особенности характерно для нынешнего периода общественного развития, когда на международной арене усиливается взаимодействие и противоборство двух мировых систем — социализма и капитализма, когда различные потоки антимпериалистической борьбы сливаются воедино в мировой революционный процесс, знаменующий собой движение человечества к высшей стадии общественного бытия.

По мере того как на столбовую дорогу исторического прогресса выходят новые и новые народы, рвущие со старым укладом жизни, становится очевидным огромное разнообразие мира. Вместе с тем не подлежит сомнению, что развитие народов, находящихся на различных уровнях хозяйственного и общественного прогресса и часто имеющих различную ориентацию, ведет к усилению их взаимозависимости. В наше время в полной мере действует всемирно-историческая тенденция к интернационализации общественной жизни. Страны и народы различ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 444, 428.

² Водолазов Г. К. Маркс и Ф. Энгельс о всемирности исторического процесса.— Мировая экономика и международные отношения, 1973, № 3, с. 6.

ных континентов оказываются все более связанными между собой не только экономическими и политическими, но и культурными отношениями. Изучение мировой культуры в ее единстве и вместе с тем ее противоположностях, обусловленных классовой поляризацией современного мира, диалектики национального и интернационального в сфере культуры — важная сторона общественного сознания.

Уже длительное время идет спор между историческим материализмом и различными направлениями философского релятивизма по вопросу об историческом единстве человечества и его культуры. Суть спора заключается в отношении к факту множественности культур. Если философский релятивизм исходит из концепции несопоставимости культур и видит лишь их неповторимость, то исторический материализм, ни в коей мере не отрицая самобытность культур народов, видит в то же время их общность.

Исторический синтез того, что в прошлом неточно называли западной и восточной цивилизацией, является непреложным фактом нового времени. Сама жизнь доказала универсальный характер законов общественного развития, раскрыла повторяемость истории народов всего мира. В свете научного, интернационалистского подхода мы, естественно, должны полностью отмежеваться как от расистского пренебрежения культурой Востока, так и от вульгарного антизападничества, характерного для современного левоэкстремистского мышления маоистского толка.

Традиционное противопоставление Запада и Востока основывалось на абсолютизации исторических особенностей социального пути и духовной культуры тех или иных народов. Будучи обусловлено в той или иной мере разрывом между буржуазным Западом и отсталым, феодально-крепостническим Востоком, это противопоставление, однако, приняло характер извечной несовместимости двух, якобы в корне различных цивилизаций. В связи с этим буржуазная концепция европоцентризма, сыгравшая немалую роль в колониальной экспансии Запада, доказывала, будто путь социально-культурного развития народов Западной Европы и Северной Америки является не только универсальным, но и единственно разумным, тогда как все остальные пути, по которым развивались народы Европы, Америки и других континентов, представляют собой историческую и культурную аномалию. Иными словами, Запад объявлялся средоточием всех

общечеловеческих достоинств, тогда как Восток провозглашался вместилищем разного рода пороков.

Противопоставление континентов, цивилизаций пустило глубокие корни в буржуазной науке, что и порождает националистическую узость и шовинистическую спесь. Так, автор выпущенной в Лондоне книги «Не один, а два мира. Раса и цивилизация» Дж. Янг исходит из существования двух противоположных типов сознания — «западного» и «восточного». «Поскольку,— пишет он,— незападные народы не обладают нашей структурой ума и вследствие этого не имеют ни наших устремлений, ни наших целевых установок, их предполагаемая интеграция с нами... логически невозможна»¹. Буржуазный ученый считает народы Востока в силу присущих им расовых особенностей неспособными к восприятию и развитию современной цивилизации. И этот типично расистский тезис «обосновывается» в условиях невиданного прогресса народов СССР, а затем народов Азии, Африки, вставших на путь самостоятельного развития и борьбы с наследием колониализма!

Ход мирового развития начисто опровергает не только европоцентристские и западоцентристские концепции, но и разного рода азиацентристские и востокоцентристские воззрения, авторы которых, используя географические или демографические факторы, проповедуют «расизм наизнанку». Исторические пути народов бывших колониальных и зависимых стран к национальному возрождению не в националистической замкнутости и изоляции от сил мирового прогресса, а в сплочении независимо от расовой и национальной принадлежности и географического положения в общей борьбе против империализма.

Разумеется, в реальной жизни невозможно разграничить «Восток» и «Запад», поскольку их судьбы неразрывно переплетены самым ходом исторического прогресса. Взаимопроникновение культур народов Запада и Востока издавна составляет один из важнейших факторов прогресса человеческой цивилизации.

Изучение многообразных связей и контактов стран Запада и Востока, как они складывались на протяжении длительного исторического развития, представляет собой важную задачу современного обществознания. Это тем более важно, что европоцентризм и востокоцентризм глубоко проникли в сознание многих ученых.

¹ Young G. Two worlds not one. Race and civilization. L., 1969, p. 12.

Еще в 30-х годах в зарубежной литературе широкое хождение имели суждения (речь идет о древней истории) о том, что все развитие мысли и опыта проходило независимо друг от друга и что народы Востока и Запада лишь в самой незначительной степени взаимодействовали друг с другом. Мир был еще слишком велик: народы по большей части жили в его изолированных углах и имели между собой мало контактов, говорилось в опубликованном в Англии исследовании, посвященном взаимодействию Запада и Востока¹. Впрочем, речь идет не только об эпохе античности, а об укоренившейся традиции буржуазного общественнознания, литературы, искусства постоянно подчеркивать «пропасть» между Западом и Востоком. Ставшие афоризмом слова трубадура британских колонизаторов Редиарда Киплинга — «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут» — можно было бы предпослать в качестве эпиграфа множеству буржуазных сочинений на эту тему.

Новейшие исследования ученых не только подорвали эту застарелую и вредную традицию, но и позволили открыть простор для подлинно марксистских воззрений.

В докапиталистическую эпоху речь еще не могла идти о межнациональном взаимодействии, сама проблема взаимодействия культур различных народов проявляла себя тогда в форме «западно-восточного синтеза».

Уже культура эллинизма, как показали советские исследователи, явилась первым в известной нам истории объединением западного (Греция) и восточного (Малая Азия и Средняя Азия) регионов. Эллада и Восток слились тогда в единое целое, уничтожив все этнические, религиозные преграды, стерев различия между «эллином» и «варваром»².

В эпоху раннего средневековья средоточием «мировой культуры» была Византия. Ее социальная и культурная жизнь представляла собой как бы «взаимопереход Греции и Азии, сопровождавшийся взаимопроникновением классического преемства и христианской новизны... Через Византию континенты и эпохи размыкались навстречу друг другу. В силу этого византийская средневековая культура «несла в себе смысл, который был больше нее самой, ибо он был «общечеловеческим»³.

¹ См.: Капустин М. П. Диалектика национального и общечеловеческого в художественной культуре Советского Востока. Ташкент, 1978, с. 76.

² Там же, с. 80.

³ Аверинцев С. С. Западно-восточный генезис литературных ка-

Идея «западно-восточного синтеза» было суждено пройти через трудную эпоху, когда исторические реальности еще более разделяли Запад и Восток. В 1815 году эту идею восторженно поддержал Гете. «Мое намерение,— писал он,— состоит в том, чтобы радостно связать Запад и Восток, прошлое с современным, персидское с немецким и постигнуть их нравы и образ мышления в их взаимосвязи, понять одного с помощью другого»¹.

Гете и Пушкин, Толстой и Тагор активно поддерживали тезис о «нерасторжимости культур Запада и Востока».

Советская историческая и философская наука исходит из прочно утвердившейся традиции рассмотрения судеб народов мира в их единстве и взаимообусловленности. Разработка марксистской философской концепции истории немыслима без учета диалектики отдельного и общего. Добиться осуществления этой задачи, писал академик Н. И. Конрад, можно, только принимая во внимание историю всего человечества, а не какой-либо группы народов или стран. Такие понятия, как «Европа», «Азия», «Африка» и т. д., понятия географические, а не исторические. В лучшем случае они принадлежат исторической географии. Так же весьма ненадежны такие понятия, как «Восток», «Запад». В лучшем случае они обозначают некоторые группы народов, но и то с различным у разных народов и притом меняющимся содержанием. Н. И. Конрад приводит интересные примеры такого рода. Скажем, у китайцев древности и средневековья существовало свое представление о Западе, и этим «Западом» были для них тогда те районы азиатского континента, которые впоследствии у нас получили наименование «Восточный Туркестан» и «Средняя Азия», для китайцев новейшего времени понятие «Запад» обозначает Европу и Африку. Для древних римлян «Востоком» были Сирия, Пакистан, Персия, Армения, Месопотамия; для их потомков — итальянцев средневековья — «Восток» начинался с Византии; для современного же итальянца, как вообще для жителей стран Западной Европы, «Восток» — это Чехословакия, Польша, Румыния, не говоря уже об СССР. Советский ученый приходит к неопровержимому выводу: строить концепцию исторического процесса на материале, ограниченном рамками Европы или Азии, Запада

и восточного средневековья.— В кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974, с. 190.

¹ Цит. по: Капустин М. П. Диалектика национального и общечеловеческого в художественной культуре Советского Востока, с. 87.

или Востока, невозможно. Материалом может быть только история всего человечества, которое именно в целом и является подлинным субъектом истории¹.

Народы Запада раньше вступили на путь капиталистического развития и достигли более высокого уровня развития общественных отношений и культуры. Однако распространяя капиталистические порядки на другие страны, Запад варварски подавлял те культурные институты и ценности, которые традиционно характеризовали народы этих стран и которые в той или иной мере восприняли и народы Европы и Америки.

Освобождение от ига колониализма означает для народов Востока разрыв с варварскими формами капиталистического угнетения, но не с тем прогрессивным гуманистическим воздействием, которое оказывали на весь мир передовые мыслители и художники Запада.

Разумеется, нет нужды оспаривать факт заметных культурных различий народов, в особенности бросающихся в глаза, коль скоро речь идет о тех из них, которые веками прозябали, были отброшены капиталистическим миром на задворки цивилизации. Но человеческое познание не может удовлетвориться поверхностной констатацией этих различий, оно неизбежно приводит к пониманию типологического единства человечества. Идя далее, научное познание возвращается к пониманию культурного многообразия мира, но теперь оно уже зиждется на выводе о глубокой общности культур и в силу этого становится намного глубже, богаче.

Культуры народов, где бы они ни находились, имеют объективное содержание, определяющееся их связями с материальной действительностью. Будучи связаны природной и общественной средой, люди ищут и находят человеческие пути удовлетворения своих потребностей. Своеобразие этих путей обусловлено уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. В свою очередь, производство оказывает могучее воздействие на человека и его запросы. Не уравнивая их, оно тем не менее сводит культурные потребности людей к общему знаменателю. Единое по своей биологической природе и, главное, подчиняющееся общим законам социального развития человечество и в культурном отношении представляет собой единство, все сильнее раскрывающееся по мере развития международного общения и связей народов.

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966, с. 473.

Буржуазная социология, в силу присущей ей метафизической и идеалистической методологии, не в состоянии разрешить проблему взаимоотношения «общего» и «особенного». Естественно, что она зашла в тупик и в вопросе о соотношении интернациональной общности и национальной специфичности. Это присуще и тем направлениям буржуазной мысли, которые абсолютизируют «дискретность» национальных «индивидуальностей», и тем, которые рассматривают «национальное» как проявление «мирового духа».

Примером первой группы теорий является концепция локальных цивилизаций, разработанная О. Шпенглером и А. Тойнби. Немецкий философ Освальд Шпенглер, основатель буржуазной «философии культуры», в нашумевшей книге «Закат Европы» писал: «Я вижу на месте монотонной картины однолинейной мировой истории... феномен множества мощных культур... каждая из которых придает своему материалу, человеческой природе, свою собственную форму, каждая из которых обладает своей собственной идеей, своими собственными страстями, своей собственной жизнью, волей, манерой воспринимать вещи, своей собственной смертью»¹. В сущности, культура для Шпенглера — это самостоятельный организм, который живет своей жизнью. Каждая из восьми культур, выделяемых Шпенглером (египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская и культура майя), сверх того немецкий философ предсказывал рождение русско-сибирской культуры) обособлена от древних культур; ей отмерен свой срок жизни (примерно тысячелетие). Единой общечеловеческой культуры, по Шпенглеру, быть не может, как нет и поступательного культурного прогресса.

Испытавший влияние Шпенглера, английский историк и социолог Арнольд Тойнби попытался пересмотреть мировую историю, сводил ее к круговороту замкнутых локальных цивилизаций. Он насчитал их 21, причем до настоящего времени, по его мнению, сохранилось лишь пять — китайская, индийская, исламская, русская и западная.

Рассматривая всемирную историю как сумму локальных цивилизаций, английский ученый абсолютизировал

¹ *Spengler O. Untergang des Abendlandes. Bd. I. Münch., 1936, S. 27—28.*

отдельное и недооценил общее, имеющее всемирно-историческое значение. Однако история человечества при всей своей многоплановости представляет собой объективно единый и целостный процесс, наиболее рельефное выражение которого заключается в прохождении всеми народами и странами, как правило, одних и тех же общественных формаций. Попытка Тойнби в конечном счете выдвинуть концепцию прогресса свелась к трактовке поступательного развития как в основном духовно-религиозного прогресса¹.

Еще до этих двух идеологов, чьи труды оказали большое влияние на западную буржуазную мысль, с аналогичной теорией «культурных типов» выступал русский реакционный публицист Н. Данилевский, который утверждал, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа», в силу чего «понятие об общечеловеческом» якобы «не имеет в себе ничего реального». Вместо общечеловеческого Данилевский вводил понятие «всечеловеческого», которое представляет собой простую сумму национального².

Если Шпенглер и Тойнби (как и Данилевский) фетишизируют национальный момент, отрывая его от всеобщего, то в трудах К. Ясперса, Т. С. Элиота и других модных мыслителей Запада национальное растворяется в некоем «западном», «европейском», «фаустовском» духе. И то и другое направления в буржуазной социологии превращают «общее» и «особенное» в метафизические абстракции, противостоящие друг другу.

Разумеется, такая методологическая направленность буржуазных подходов к культуре имеет и вполне очевидную идеологическую заостренность. Так, Тойнби в книге «Цивилизация перед испытанием» выступает за «политическую унификацию» мира³. Он усматривает основу пропагандируемого им будущего «всемирного государства» во всеобщем распространении принципов «западной цивилизации». Тем самым проповедуется космополитическая идея «унификации» культур народов на западный манер, стирания их национальных черт и особенностей, приспособления народов к «нормам» западного разви-

¹ См.: Семенов Ю. Н. Социальная философия А. Тойнби. Критический очерк. М., 1980, с. 97—108.

² См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб, 1895, с. 95, 128.

³ *Toynbee A. Civilization on Trial*. N. Y., 1948, p. 127.

тия. И если Тойнби формально отмежевывается от европоцентризма, то на деле именно буржуазному Западу он отводит решающую роль в ассимилировании «незападных цивилизаций».

«Взаимосвязи и взаимообогащение культур, являясь одной из существенных черт единства мирового исторического процесса, предстают в историко-культурной концепции Тойнби как механическая их сумма,— пишет советский литературовед И. Г. Неупокоева.— Сменяющие друг друга, не связанные между собой существенными связями, цивилизации лишь повторяют, по его словам, в своем культурном развитии друг друга и бесследно гибнут — никак не новая идея круговорота, глубоко враждебная представлению о поступательном историческом развитии человечества»¹.

Удивительно ли, что на основе подобных концепций в буржуазной социологии и эстетике активно проповедуются идея «денационализации» литератур. Рассматривая литературу как наднациональное явление, буржуазные теоретики предлагают вместо изучения реального национально-конкретного содержания мирового литературного процесса и специфического вклада в него каждого народа исследовать культуру в зональном, например западноевропейском, масштабе. Делается попытка представить национальные особенности искусства его внешними элементами, которые будто бы утрачивают свое значение для развития культуры, а к общечеловеческой культуре подойти с внеклассовых позиций.

В этих целях поднимается на щит модернистская литература с присущим ей отказом от национальной традиции. Под предлогом преодоления литературного национализма проповедуются необходимость ориентироваться на ценности «западной культуры».

Характерно, что проповедь «денационализации» культур тех или иных народов сочетается в трудах реакционных идеологов Запада с навязыванием стандартов американской буржуазной культуры.

Буржуазным социологам присуще рассмотрение национального как чего-то консервативного и неизменного по своей природе. Интернациональное же или общечеловеческое характеризуется ими как чуждое и враждебное национальному. Исходя из этой ложной посылки, буржуазные социологи выдвигают две различные концепции

¹ Неупокоева И. Г. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963, с. 25.

взаимодействия национального и интернационального. Они ратуют либо за отказ от национального во имя общечеловеческого (национальный нигилизм, космополитизм), либо за сохранение в неприкосновенности национальных культур ценой отказа от взаимовлияния культур (национализм). В обоих случаях речь идет о метафизическом отрыве национального от общечеловеческого.

Принципиально по-иному подходит к этому вопросу марксистско-ленинская наука, которая рассматривает национальное и интернациональное как дополняющие друг друга в историческом процессе¹. Соотношение между ними выражается взаимосвязью между формой и содержанием. Национальное есть специфическая форма проявления общечеловеческого, с другой стороны, общечеловеческое в условиях существования наций не может выступать иначе, как в национальной форме. Эта взаимосвязь — частный случай диалектического взаимодействия общего и единичного.

Важная особенность социалистической культуры состоит в том, что ее рост связан и с прогрессом каждой из составляющих ее национальных культур и с усилением их единства, расширением взаимного обмена между ними, их взаимообогащением. Здесь целое не только зависит от его составных частей, но и дает толчок и направление развитию этих частей.

Наоборот, национальная замкнутость и ограниченность, как показывает исторический опыт развития культуры некоторых стран, ведет к оскудению духовной жизни, захирению творческой мысли, ее однообразию и застою. Все лучшее, чем гордится прогрессивное человечество, возникло не только на национальной почве, но и путем творческой переработки общечеловеческих достижений.

Таким образом, взаимовлияние и взаимосвязь национальных культур — необходимое условие развития мировой культуры. Чем более интенсивным становится культурный обмен между народами, тем богаче и разнообразнее становится общечеловеческая культура. Если при капитализме этот процесс является внутренне противоречивым, то при социализме, когда антагонизм наций сменяется их социально-политическим и идейным единством, развивается подлинно прогрессивный тип взаимообогащения национальных культур.

¹ См.: Коммунизм и культура. Закономерности формирования и развития новой культуры. М., 1966.

Что такое национальная культура? Это органическая часть всемирной культуры, и только при таком подходе можно понять ее сущность. Вместе с тем очевидно, что каждая национальная культура отражает общечеловеческую сущность в соответствии с уровнем и особенностями развития народа. И помимо общечеловеческого в ней немало индивидуально-особенного. Будучи вовлечена в общий процесс мировых связей, национальная культура именно в этом процессе и проявляет свою конкретную сущность. В нашей литературе дается, в частности, следующее определение: «Национальную культуру можно определить как процесс раскрытия человеческих сущностных сил в конкретном народе в течение всей его истории. Национальная культура есть вся историческая совокупность материальных, общественно-политических, технологических, научных, философских, этических, эстетических и прочих ценностей, созданных этим народом непосредственно, равно как и ценностей, полученных им в процессе взаимодействия с другими народами и активно используемых в своем прогрессе (в том числе и этническом) во всех сферах общественной жизни»¹.

Для правильного понимания сущности «национального» важно иметь в виду, что в это понятие входит не только то, что отличает одну нацию от другой, но также и то, что свойственно всему человечеству, но индивидуально, своеобразно проявляется в каждой из них.

Проблема взаимодействия национальных культур находится в фокусе идейной борьбы.

Среди различных тем, обсуждавшихся на состоявшемся в 1970 году в г. Варне (Болгария) VII Всемирном конгрессе социологов, немало споров вызвал доклад одного из западных социологов, посвященный проблеме многоязычия. Автор делал попытку доказать, будто многоязычие в современном обществе неизбежно ведет к социальным конфликтам.

Утверждение о том, что культурные и языковые различия между людьми были и остаются чуть ли не непреодолимыми барьерами к взаимопониманию людей, не ново. На этом основании многие буржуазные социологи приходят к выводу, что упоминавшийся выше «этноцентризм» (чувство этнического, или национального, превосходства) — естественная и не поддающаяся лечению болезнь современной эры. Заметим, что причины

¹ Агаев А. Г. Социалистическая национальная культура. М., 1974, с. 34.

этой «болезни», как правило, усматриваются в психологии людей, а не в социальной структуре, порождающей антагонизм народов и рас.

Поскольку речь идет об обществе, где существуют национальные и языковые привилегии, где национальные интересы народов противостоят друг другу, примеров конфликтов между ними более чем достаточно. С языковыми и национальными конфликтами мы нередко сталкиваемся в ряде развивающихся стран как с печальным наследием колониализма. Но нет никаких оснований считать — и это убедительно показали социологи-марксисты, — что конфликты с железной необходимостью вытекают из самого факта множественности культур или языков. Развитие наций и их культур в современном мире убедительно показывает, что все зависит от экономических и социально-политических отношений, господствующих в обществе.

Социализм полностью разграничивает понятия «национальное» и «националистическое». Первое сохраняется и развивается при социализме: речь идет о языке, культуре, лучших традициях народа. Второе несовместимо с социалистическим строем, уничтожающим почву для противопоставления народов по национальному признаку. Этого глубокого различия не хотят понять буржуазные теоретики. Бурный расцвет наций и национальных культур при социализме без всяких на то оснований отождествляется ими с «ростом национализма». Вот что пишет Хью Сетон-Уотсон: «Советские представители похваляются «братством социалистических наций», которое-де пришло на смену «феодалному» и «буржуазному» национализму, однако украинцы, грузины, армяне и народы Средней Азии продолжают сохранять свою национальную культуру»¹.

Если следовать логике этого высказывания, то подлинное торжество братства народов должно означать неперенный отказ наций от своих культур и вообще стирание всяких национальных особенностей. А раз этого не случилось, значит, братство социалистических наций следует считать мнимым. За этим рассуждением скрывается давно уже пропагандируемое буржуазными идеологами представление об интернационализме как о своего рода национальном нигилизме. Либо интернационализм — но тогда отказ от национального, либо национализм и сохранение, увековечение любых национальных

¹ The Journal of Contemporary History, 1971, vol. 6, N 1, p. 5.

различий — такова плоско-метафизическая постановка вопроса, не учитывающая подлинной взаимосвязи национального и интернационального, устанавливаемой марксистско-ленинским учением об интернационализме. Кредо буржуазного национализма состоит в требовании оградить национальное от внешних влияний, законсервировать его, открыв простор для националистического самолюбования. Легко понять, что в наш век развития связей между народами, в условиях научно-технической революции такое требование выступает вопиющим анахронизмом.

Построение социализма и реализация народами своего права на самоопределение в рамках СССР укрепили национальное самосознание народов. Но напрасно буржуазные идеологи рассчитывают на возможность каких-то коллизий между народами СССР в связи с ростом национальных чувств. Эти чувства наполнены социалистическим содержанием, и поэтому они не противоречат, а, напротив, сочетаются с интернационалистскими чувствами, верностью народов идеалам Октября, готовностью сообща бороться за общее дело социализма и коммунизма. Национальный фактор в условиях социализма в корне изменил свое содержание. Он уже не разделяет народы, а, напротив, служит формой выражения их общих стремлений и общего социалистического сознания.

Вот почему совершенно несостоятельна попытка буржуазных ученых приписать марксистам-ленинцам уродливое представление о национальной форме культуры как о «пережитке прошлого», который-де «в процессе развития будет заменен социалистическим содержанием»¹.

С точки зрения научного коммунизма национальное — это не только унаследованное от старых эпох, но и преобразованное в новых условиях, а также то новое, что рождено современностью, ставшее достоянием жизни народа. В свою очередь, интернациональное — это вовсе не безнациональное. Социализм, сближающий нации между собой, кладет конец вековому противопоставлению национального и интернационального. Усиление интернационального начала, неизбежное при социализме, отнюдь не означает принесения в жертву национального. Напротив, именно во взаимодействии национальных культур братских народов, в интернациональном обще-

¹ Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance. Ed. by E. Allworth. N. Y., 1980, p. 214.

нии взаимно обогащаются эти культуры, впитывая в себя лучшие ценности других наций и в то же время сохраняя, развивая собственную самобытность и колорит.

Не секрет, например, что многие народы нашей страны до революции не знали таких форм искусства, как опера, реалистическая драма, балет, оркестровая музыка. В ходе строительства социализма, испытав плодотворное воздействие культур других народов, обогатились и выросли культуры всех наций и народностей нашей страны. В удивительно короткий срок раскрепощенные народы создали образцы мировой культуры, совершили огромный шаг в духовном развитии.

Огромное плодотворное воздействие оказало на народы СССР творчество Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Маяковского. Но это не было чисто односторонним влиянием. Чем шире становился национальный опыт народов, тем сильнее сказывалась их способность оказывать ответное воздействие. Именно в условиях социализма весь наш народ узнал и оценил такие шедевры, как творения Низами и Руставели, Навои и Шевченко. Сегодня советские люди, независимо от национальности, с любовью называют имена Шолохова и Корнейчука, Гамзатова и Межелайтиса, Хачатуряна и Кара Караева. Их произведения стали неотъемлемой частью нашей советской многонациональной культуры.

«Социализм и национальное возрождение, социализм и духовное здоровье неразделимы,— справедливо пишет Георгий Ломидзе.— Социализм дает верное направление национальной культуре, закрепляет ее исторически наиболее прогрессивные стороны, включает в действие глубинные силы. Социализм сохраняет и развивает все подлинно великое, формируя в культуре те черты, которые делают ее национальной и общечеловеческой одновременно, приобщает национальные культуры к самым высоким идеям и духовным завоеваниям нашего века»¹.

Социализм утверждает единственно правильный взгляд на национальное. Ценность «национального» определяется в глазах марксистов-ленинцев не мифической «исключительностью», являющейся якобы результатом божественного провидения. Национальное, являясь продуктом материальной и духовной деятельности народа на протяжении ряда эпох, включает в себе сочетание общечеловеческого и специфического. При этом националь-

¹ Ломидзе Георгий. Чувство великой общности. Статьи о советской многонациональной литературе. М., 1978, с. 17.

ный опыт — и тем более в современную эпоху широких связей между народами, — с одной стороны, составляет часть интернационального опыта человечества, а с другой — воплощает в себе те ценности, которые накоплены данным народом во взаимодействии с другими народами. Правильно оценить национальное можно лишь с классовых позиций, под углом зрения интересов всеобщей борьбы за общественный прогресс.

Интернациональное с точки зрения марксизма-ленинизма выступает не как безжизненная абстракция, лишенная реального содержания, а как «сгусток» конкретно-исторического опыта народов, синтез того общего, что рождается в их борьбе за общие идеалы.

Марксисты-ленинцы — противники национальной узости и замкнутости, которые, как свидетельствует исторический опыт, ведут к оскудению духовной жизни, ее однообразию и творческому застою.

Проявляя заботу о сохранении исторических памятников каждого народа, бережно относясь к вековым ценностям его культуры, социалистическое государство вместе с тем создает условия для взаимного обогащения культур, их обновления и расцвета в процессе творческого взаимодействия. Сам расцвет культуры нации мы понимаем не как раскрытие изначально заложенных в ней свойств, а как развитие всех прогрессивных сторон культурной жизни, включая развитие подлинно национальных традиций, преодоление устаревших форм и обогащение культуры за счет творческого усвоения лучших ценностей, созданных другими народами. При таком понимании национальное у нас неотделимо от понятия «советское». А это значит, что национальное уже не противостоит интернациональному, напротив, оно обогащается им. Интернациональное, становясь достоянием каждой нации, дает новое прогрессивное направление и развитию лучших национальных культурных особенностей.

Советская многонациональная культура — это не просто арифметическая сумма отдельных культур, а творческий синтез всего лучшего, созданного народами. Речь идет о глубоком творческом взаимовлиянии и взаимном обогащении культур, развивающихся на общей социальной основе, характеризующихся единством идейно-теоретических принципов. Именно такое весьма плодотворное взаимодействие характеризует этап развитого социализма, который переживает наша страна.

Оттого что подлинные национальные ценности народов нашей страны становятся общесоветскими, дорогими

для всех народов, они вовсе не утрачивают своих корней и своей самобытности.

Процесс расцвета культур следует понимать во всей его многосторонности. Это не просто раскрытие присущей каждой нации собственной духовной энергии, а развитие прогрессивных сторон ее культуры, включая укрепление ценных национальных особенностей, преодоление устаревших черт и обогащение культуры за счет творческого усвоения лучших черт других наций.

Все это красноречиво свидетельствует о том, насколько лживы утверждения идеологов антикоммунизма о захирении национальных культур, насколько убога и несостоятельна сама попытка этих идеологов противопоставить развитие социалистических наций их сближению, доказать несовместимость этих процессов. Так, профессор Нью-Йоркского университета Майкл Рывкин, разглагольствуя о некоем возрождении мусульманского духа в республиках советского Востока, утверждает, что прогресс, достигнутый этими республиками, «усиливает национализм, вместо того чтобы подавлять его». В ответ на курс «национальная по форме, социалистическая по содержанию культура», пишет Рывкин, национализм отвечает альтернативой «националистическая по содержанию, социалистическая по форме»¹.

Отметим прежде всего, что буржуазные социологи умышленно ставят знак равенства между ростом национальной гордости, действительно являющейся следствием экономического и культурного прогресса народов при социализме, и усилением национализма. Хорошо известно, однако, что национальная гордость при социализме проникнута новым, социалистическим содержанием и развивается на базе укрепления интернациональной общесоветской гордости. Именно этим и определяется идейная направленность советской культуры, идет ли речь о республиках Средней Азии или Закавказья, Белоруссии или Прибалтики. Что касается националистических предрассудков, то они, хотя и остаются в сознании части людей, давно уже утратили былое значение в жизни народов. Ленинская национальная политика ведет ко все большему утверждению интернационалистских начал во всех сферах жизни советского общества, невиданному подъему республик.

¹ *Rywwin M. Religion, Modern Nationalism and Political Power in Soviet Central Asia.*—Canadian Slavonic Papers, 1975, vol. XVII, N 2—3, p. 271.

«Всякая нация может и должна учиться у других»¹, — писал К. Маркс. Эти слова с особой силой характеризуют взаимоотношения социалистических наций, которые с готовностью раскрывают перед народами-братьями все лучшее, чем они располагают, и охотно усваивают опыт других народов. Курс на расцвет и сближение наций направлен на творческое усвоение лучших достижений всех народов СССР с целью взаимного обогащения культур и ускорения общего прогресса.

Взаимное обогащение культур социалистических наций на основе их расцвета — это качественно новая ступень их сотрудничества. В период построения социализма этот культурный обмен зачастую был в значительной мере односторонним: нация, добившаяся высокого уровня экономического и культурного развития, оказывала помощь народам, менее развитым в этом отношении. Теперь же все нации достигли высокого уровня экономического и культурного развития, и стало возможным всестороннее взаимное обогащение культур наций.

Проблема сближения наций включает ряд важных теоретических вопросов, таких, например, как понимание национальных традиций, соотношение национально-особенного и интернационального. Исследуя духовную жизнь нации, некоторые авторы акцентировали внимание на тех традициях, обычаях, которые отличают культуру одной нации от другой. Иной раз в поисках самобытности отдельные авторы, копаясь в далеком прошлом, поднимали на щит традиции и обычаи сомнительной ценности и превозносили их только потому, что их нет у других наций. При этом предавалось забвению общее, что роднит все народы, упускалось из виду главное — интернациональные традиции, рожденные борьбой за социализм и коммунизм, самоотверженным трудом на благо Отчизны. Между тем подход к национальным традициям должен быть классовым. Нужно отличать то, что выражает сущность данной культуры, ее подлинный национальный колорит, от наносного или рудиментарного, перешедшего от старых поколений. Если в прошлом в условиях насаждаемой помещиками и капиталистами розни между нациями, в традициях народов было много такого, что противопоставляло их друг другу, то теперь все сильнее развиваются традиции, сближающие нации, способствующие их дружбе и братству.

Партия осудила чуждое нашему духу любование прошлым, обратила внимание на ошибочное понимание

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

некоторыми работниками культуры характера национальных традиций, переоценку национального своеобразия и недооценку интернациональной солидарности, духовного единства всех народов СССР. Строительство социализма, коммунизма со всей силой выявило важную особенность интернационализма на деле: ему чужд узконациональный подход к общественным проблемам, искусственное замыкание в национальном, в то же время он одинаково не приемлет и отрыва от национальной почвы как единственно реальной. Эта мысль вновь со всей силой подчеркнута в книге Л. И. Брежнева «Целина»: «Всякая национальная культура, замкнутая в себе, неизбежно проигрывает, теряет черты общечеловечности... Социализм давно доказал: чем интенсивнее рост каждой из национальных республик, тем явственнее проявляется процесс интернационализации»¹. Классовый подход заключается не в забвении национальных задач, которое ведет к национальному нигилизму, а в рассмотрении этих задач сквозь призму общих интернациональных интересов трудящихся.

Ныне связи между народами и прежде всего народами социалистических стран стали столь многообразными и интенсивными, что особенно пагубными представляются попытки замкнуться в национальную скорлупу, отгородиться от других народов. В культурах народов все больше появляются и развиваются интернациональные черты, что еще более роднит культуры социалистических наций. Однако это родство выражается не в стандартизации культур, а в углублении социалистического содержания, отбрасывании устаревших форм и использовании богатых средств и традиций, ставших общим достоянием народов, но «акклиматизирующихся» на национальной почве.

Поэтому было бы неверно считать, что вклад каждой нации в сокровищницу мировой цивилизации определяется только ее спецификой. Культура каждого народа СССР впитывает, усваивает лучшее из того, что создано другими национальными культурами в нашей стране. Обогащаясь этим интернациональным достоянием, каждый народ не только делает крупный шаг вперед в своем духовном развитии, но и значительно активнее и плодотворнее участвует в создании передовой интернациональной культуры. Все это оказывает огромное влияние на облик социалистических наций, в котором все боль-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1979, т. 7, с. 172.

шую роль играет не то, что отличает, а то, что сближает одну нацию с другими.

Сближение социалистических наций проявляется прежде всего в развитии единого интернационального содержания культур народов СССР. В социалистическом содержании культур отражается то новое, завоеванное социализмом, что стало достоянием каждого народа, нашим общенародным достоянием: марксистско-ленинские идеалы и проникнутая заботой о социальном прогрессе политика КПСС, социалистический образ жизни и советский человек — строитель коммунизма, а из этого вытекает интернациональная общность духовной жизни социалистических наций.

Интернационализм стал у советских деятелей культуры неотъемлемой чертой художественного освоения действительности. «Образы, представления, формы художественного мышления,— пишет академик А. Г. Егоров,— не отделяют один народ от другого, ибо они выражают социалистическое содержание искусства, новый строй мыслей и чувств, порожденных отношениями социалистического интернационализма, которые проникли во все поры их бытия и национального сознания»¹.

Подлинный художник отражает советскую действительность не вообще в художественных формах, а в национально-самобытных художественных формах. Они также не окостеневают, а в условиях социализма проникаются новыми интернациональными моментами, освобождаясь от всего отсталого. Ведущее значение содержания по отношению к форме проявляется в том, что последняя, выражая и интернациональные и национально-специфические стороны действительности, постоянно обогащается и развивается. Она вбирает в себя «апробированные» на опыте других народов, интернациональные элементы, синтезируя их с национально-самобытными. Благодаря этому творческому процессу сама национальная специфика произведений искусства не обедняется, а все более обогащается. В этом источник духовного богатства, многообразия национальных красок и форм поэтических образов и ассоциаций.

Итак, диалектика содержания и формы в социалистической культуре означает их единство, взаимодействие. В ходе их взаимодействия происходит процесс неуклонного увеличения роли, значения социалистического в

¹ Егоров А. Г. Проблемы эстетики, с. 308.

национальном. Социалистическое содержание организуется и выражается различными национальными формами и вместе с тем способствует их интернационализации, свободному распространению и усвоению ценных элементов национальных форм. Поэтому, определяя советское искусство как социалистическое по содержанию, национальное по форме, нельзя забывать, что и в самих формах происходят существенные изменения. Поступательное движение к коммунизму, отбрасывая консервативное, укрепляет и обогащает все ценное, прогрессивное и общезначимое в этих культурах, идет ли речь о содержании или форме.

Таким образом, одной из главных закономерностей развития культур народов СССР является укрепление их социалистического содержания при одновременном развитии присущей им национальной формы. Это значит, что расцвет художественных особенностей, стилей, самобытных форм творчества всех наций сочетается с процессом усиления внутреннего родства этих культур. Расширяется кругозор наций, диапазон присущих им средств художественного видения мира, появляется немало общих черт в эстетическом сознании людей.

Примечательной чертой взаимодействия национальных культур при социализме является то, что все народы — большие и малые — участвуют на равноправных началах в создании мировой культуры.

Развитие социалистической культуры — это двудвижный процесс прогресса составляющих ее национальных культур, с одной стороны, и усиления их единства посредством взаимообогащения, взаимного обмена — с другой. Естественно, что в ходе взаимодействия культур наряду с развитием лучших национальных традиций появляются и развиваются интернациональные черты, что еще более роднит культуры социалистических наций. Это родство, кстати сказать, вызывает неистовые атаки идеологов антикоммунизма, которые приписывают нам линию на стандартизацию культур, их унификацию.

На самом же деле сближение культур при социализме означает углубление их социалистического содержания, отмирание устаревших форм и широкое использование форм и средств, являющихся общим достоянием народов. Культура каждого народа, впитывая ценности других народов, творчески усваивает их, и это служит гарантией дальнейшего расцвета национальных культур. Социализм, таким образом, обеспечивает бурный рост национальных культур, их многообразное богатство и в

то же время равноправное участие в создании передовой интернациональной культуры. Социализм устраняет барьеры между нациями, он дает им возможность приобщиться к мировым ценностям, пользуясь доступными для них национальными средствами и формами. В то же время он способствует бурному развитию средств интернациональных коммуникаций.

В последние годы во многих капиталистических странах прогрессивными силами проявляется тревога по поводу будущего национальных ценностей: капиталистическая стандартизация культуры, капиталистический тип интеграции подавляют национальные языки, культуру, традиции народов; под прикрытием рассуждений о плюрализме как атрибуте западной цивилизации насаждается конформизм и единообразие. С другой стороны, даже многие буржуазные идеологи не скрывают своих опасений по поводу разрушительных последствий национализма, служащего источником межнациональных конфликтов. Кризис буржуазных воззрений по национальному вопросу отражает их органическую неспособность найти в рамках своей методологии пути сочетания национального и интернационального.

Примечательно, что часть буржуазных идеологов, уповающих на национальный фактор, проявляет тревогу по поводу неизбежной культурной и языковой унификации, грозящей, по их словам, человечеству, идущему по пути интернационализации. Так, английский ученый Фил Уильямс, касаясь проблемы всеобщего языка, пишет: «С технической точки зрения как будто бы нет барьеров для осуществления идеала всеобщего языка; эксперты, работающие над проблемой (в Соединенных Штатах), предсказывают, что в течение 20 лет можно будет создать систему, обеспечивающую с помощью электронно-вычислительной машины (компьютера) одновременный перевод. Г-н Уильямс, подняв телефонную трубку в Кардиффе и говоря на английском или валлийском языке, будет явно услышан в Пекине на чистом китайском языке.

Однако вслед за техническим решением этой задачи возникнет более серьезная проблема: как только появится возможность установить связь с любым человеком на земле, мы встанем перед проблемой принадлежать к обществу, насчитывающему миллиарды человек, сохраняя, однако, свою специфику как индивидуума. Меня лично,—продолжает Уильямс,—приводит в ужас сама мысль о том, что миллиарды людей будут говорить на

одном языке, носить одежду, сшитую по одной и той же моде, соблюдать одни и те же обычаи, так как будут сведены коммерческим прессом к анонимной одинаковости.

Я полагаю, что в будущем люди сохранят чувство принадлежности к обществу достаточно маленькому, чтобы можно было опознать в них индивидуальных существ; их различные языки, на которых они говорят, будут указывать на их особенность»¹.

Оставляя в стороне проблему всеобщего языка — проблему сложную и требующую специального рассмотрения, отметим здесь явственный протест против капиталистического пресса стандартизации, безжалостно перемалывающей национальные особенности. В то же время налицо стремление любой ценой увековечить свою самобытность и даже партикуляризм — реакция на присущее монополистическому капитализму движение к «анонимной одинаковости».

Отражая сложные и противоречивые процессы, характеризующие интернационализацию как общемировую тенденцию общественного развития, буржуазные идеологи ратуют либо за возвращение к прежней национальной замкнутости, либо, напротив, космополитически объявляют всякое национальное государство историческим анахронизмом, предлагая создание разного рода наднациональных систем. Таким образом, в то время как представители первого направления как бы стремятся остановить объективные процессы развития производительных сил, все более выходящие за национальные рамки, сторонники второго воззрения тешат себя иллюзиями, будто возможно устранить присущие капитализму, империализму глубокие принципиальные водоразделы и препятствия, стоящие на пути осуществления проектов образования мирового буржуазного государства.

Общество, преодолевшее национальные антагонизмы, но сохранившее богатство национальной жизни, многообразие национальных красок, обеспечившее их бурное развитие в высшем синтезе — интернациональном единстве, реально существует при социализме. Вот признание английского историка А. Тойнби. В письме к советскому академику Н. И. Конраду он писал:

«Ваша страна состоит из такого множества народов, разговаривающих на стольких различных языках и уна-

¹ *Edwards O., Evans G., Rhys J., MacDiarmid H. Celtic Nationalism. L., 1968, p. 265.*

следовавших столь различные культуры, что она является моделью мира в целом; и соединением этих культурных и языковых разновидностей и экономическим, социальным и политическим единством на федеральной основе вы продемонстрировали в Советском Союзе, как это могло бы быть в мире в целом и как будет, я надеюсь, осуществлено в будущем»¹.

В современную эпоху на всех континентах выросли и укрепились силы, отстаивающие идеалы разума, демократии и прогресса. В огромной мере выросло и укрепилось, углубилось международное сотрудничество. Ныне идеи мира и гуманизма шествуют без виз, обмен подлинными культурными ценностями между народами стал повелительным требованием времени. Как бы ни препятствовали идеологи империализма поступательному культурному прогрессу всего человечества, он становится одной из мощных сил в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Глава 4

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ДУХОВНОМ ОБЛИКЕ НАРОДОВ. КРИТИКА БУРЖУАЗНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Среди реакционных теорий, мешающих росту взаимопонимания народов, заметное место принадлежит буржуазным концепциям национального характера.

Существует ли национальный характер? Казалось бы, этот вопрос излишний. Встречаясь с людьми различных национальностей, знакомясь с их искусством, традициями и обычаями, мы неизменно убеждаемся в том, что представители той или иной нации по-своему выражают мысли и чувства, свойственные всем нам, что им присущи в каждый данный период определенные характерные оттенки в восприятии тех или иных вещей и явлений, определенная манера реагирования на них, словом, все то, что придает известный колорит и специфику духовной активности представителей нации, национальной культуре. Страницы многих книг, описаний разного рода путешествий и исторических хроник заполнены расска-

¹ Проблемы истории и теории мировой культуры. М., 1974, с. 160.

зами и впечатлениями о чужих нравах и характерах. Примечательно, что, чем меньше времени пробыл иной из западных авторов в незнакомой стране, тем с большим апломбом спешит он поведать нам о таинственных свойствах национальной психики ее народа, о глубоких культурных различиях как следствии загадочной судьбы нации. Реальность некоего особого духа нации не только не вызывает сомнения ни у одного из этих авторов, напротив, она кажется им аксиоматической, и вся проблема лишь в том, как, опираясь на те или иные свойства психики, сконструировать определенную схему исторического прошлого, настоящего и будущего данной нации. Едва ли есть смысл доказывать, что познавательная ценность подобных сочинений, несмотря на отдельные удачные наблюдения, как правило, весьма невысокая.

Вопрос об изучении особенностей духовного облика народа возник из практических потребностей людей, их естественного стремления знать характер и обычаи населения стран, с которыми они поддерживают те или иные связи.

Начиная с Геродота и Тацита, ученые древности, рассказывая о дальних странах и населявших их народах, немало внимания уделяли описанию их нравов и привычек. Это, как считали в древности, могло облегчить сношения с соседями, предвидеть их замыслы и намерения. В описаниях такого рода было много фантастического, хотя подчас в них содержались и интересные факты, сведения, почерпнутые из непосредственного наблюдения за жизнью других народов.

По данным этнографических исследований, в ходе межплеменных сношений уже с незапамятных времен действуют противоположные тенденции — как к сближению, так и к разобщению этнических групп. Отчужденность, возникающая при первых контактах, преодолевается в процессе учащения связей. Однако это же общение нередко обостряло у людей чувство принадлежности к своей группе. Американские социологи У. Сэмнер и А. Келлер, авторы книги «Наука об обществе», следующим образом характеризуют это чувство обостренного этнического самосознания: «Члены даже самых малых и наиболее примитивных обществ уже склонны, как показали наблюдения, проводить резкое различие между собой и другими, иными словами, между лицами, образующими группу (*in-group*), и теми, которые принадлежат к другой группе (*out-group*). Наша группа и все, что она

делает,— это сама истина и добродетель, а к тому, что к ней не принадлежит, относятся с подозрением и презрением»¹. Подобное психологическое состояние, названное этноцентризмом, рассматривается этими социологами как универсальное явление человеческого рода, начиная от бесписьменных обществ вплоть до современных цивилизованных народов. Однако эта точка зрения опровергнута действительно научными этнографическими наблюдениями, среди которых нужно прежде всего сослаться на исследования выдающегося русского ученого Н. Н. Миклухо-Маклая, более поздними исследованиями многих зарубежных этнографов.

Прогрессивные ученые разбили не только выводы об извечной враждебности человека к представителям других культур, они опровергли и сам взгляд на представителя «примитивного» общества как существо, лишенное гуманных качеств, для которого якобы характерен инфантилизм мышления и психических реакций. Они показали и источник подобных представлений — укоренившийся европоцентризм, свойственный до сих пор многим западным ученым.

Европоцентризм, возникший в границах феодальной Европы, получил распространение именно в период XV — XVI веков, когда европейские народы, обогнав другие народы и выйдя на авансцену мирового прогресса, развертывали колониальную политику. Эта концепция, как отмечалось выше, воплотившая в себя осознание превосходства Европы в науке, технике, военном искусстве, подкреплялась возникавшими тогда расистскими и шовинистическими представлениями. Разумеется, исключительная роль Европы в новой истории объясняется всецело факторами исторического характера, а не какими-то расовыми и национальными качествами европейских народов, использовавшими, кстати сказать, культурное наследие античной цивилизации, народов Ближнего Востока, Индии, Китая и других стран.

Однако в европоцентристских концепциях эта роль обосновывалась их естественным превосходством над полудикими племенами и народами других континентов. Критика европоцентризма, начатая еще гуманистами XVI—XVIII веков, получила научное обоснование в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, а затем В. И. Ленина, в современной исторической и философской науках. Она

¹ Sumner W., Keller A. The Science of Society. New Haven, 1946, vol. 1, p. 353—356.

включала развенчание мифа о фатальной отсталости и психической неполноценности народов, ставших объектом экспансии западноевропейской буржуазии.

«Современные культурно-социологические исследования,— пишет С. Н. Артановский,— показали, что человек, к какому бы народу или племени он ни принадлежал — даже если это отсталый в своем историческом развитии народ,— всегда и везде — в самых тяжелых природных условиях, в арктической тундре и в экваториальном лесу — является творцом, мыслителем и искателем новых общественных и культурных форм. В этом — лучшее доказательство несостоятельности европоцентризма и всяких иных реакционных течений, пытающихся представить какую-то часть света единственным источником мировой культуры»¹.

Как показали объективные исследования, то, что называлось чуть ли не врожденным или закоренелым этноцентризмом как непреодолимым психологическим импульсом, уже на стадии разложения общинно-родового строя выступает, по существу, как оправдание своекорыстных интересов господствующих групп. Незнание чужих народов, консервативное недоверие ко всему иностранному, составляющее социально-психологическое содержание этноцентризма, как правило, преобразуется и направляется в определенное русло идеологическими соображениями.

Примечательно, что в архаическом искусстве было принято изображать иноземцев как массу диких, невежественных и грубых людей. Например, в древнегреческом искусстве в отношении варваров не применялись каноны красоты, обязательные при изображении богов, героев или свободных граждан. Но уже портретное изображение головы нубийца, относящееся к IV веку до н. э. (Британский музей), представляет собой заметный поворот к гуманистическому отображению характера варвара. Расовые признаки негритянского типа, такие, как полные губы и широкий короткий нос, уже не акцентируются, передаются сдержанно и дополняются психологической характеристикой лица, которую трудно было встретить на других портретах: глубокая горизонтальная складка на лбу выдает напряженную работу мысли, тонкая и тщательная моделировка поверхности кожи на лбу создает впечатление ее подвижности. Все это харак-

¹ Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимовлияние культур. Ленинград, 1967, с. 26.

теризует человека с богатой и сложной духовной жизнью¹.

Важное значение для разоблачения реакционных вымыслов о духовном облике «примитивных» народов имеют труды этнографов, лингвистов, историков, посвященные культуре бесписьменных народов. Этими трудами доказано, что идеология и культура этих народов при тщательном изучении являются гораздо более глубокими и цельными, чем это представляли себе ученые в прошлом столетии. Отмечается большая эстетическая ценность мифологии и фольклора этих народов. Современные языковеды раскрыли большие возможности языков бесписьменных народов. Скажем, доказано, что Канта вполне можно перевести на эскимосский язык, на котором мысль немецкого философа нашла бы совершенно адекватное выражение².

Исторические исследования последних десятилетий развенчали ненаучные представления об изолированном развитии народов древнего мира, которые использовались для противопоставления народов разных континентов³.

Несмотря на прогресс ряда наук в эпоху капитализма, серьезное изучение национальных особенностей народов было довольно редким явлением. Тон здесь, как правило, задавали проповедники превосходства одних рас или наций над другими. Идя навстречу экспансионистским устремлениям капиталистов, буржуазные ученые сочиняли всевозможные легенды о духовном облике народов, ставших объектом колониальной политики. Приписывая всевозможные физические и психические пороки этим народам, реакционные идеологи, как правило, объясняли наличие их «волей господней».

Оттолкнув от себя всех честных ученых откровенно ненаучными изысканиями насчет формы черепной коробки, величины «головного указателя» и состава крови, расисты со временем поняли, какую пользу они могут извлечь из куда более «респектабельных» исследований в области психологии рас и наций. Тем более что проверить достоверность или фальшь высказываний о неуловимых душевных свойствах народа намного сложнее, чем там, где это касается чисто внешних, антропо-

¹ См.: *Артановский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, с. 16.

² Там же, с. 22.

³ См.: *Типология и взаимосвязи литератур древнего мира.* М., 1974, с. 7.

логических, физических качеств людей. Не удивительно, что идеологи гитлеровской Германии, перепробовав все методы доказательства превосходства арийской расы и высокого голубоглазого «юберменша» («сверхчеловека»), в конце концов стали утверждать, что дело не в цвете волос, а в особых духовных свойствах, которые указывают на это превосходство. Изучение национального характера должно было обосновать претензии арийцев на мировое превосходство. Легко понять, что все это значительно подорвало доверие у серьезных ученых к любым исследованиям национального характера¹. Попытки вывести психические особенности из физических, телесных, антропологических свойств полностью обанкротились. «...За вычетом каких-либо отдельных черт темперамента, не составляющих какие бы то ни было высшие психические функции, попытки связывать психический склад этнической общности с особенностями ее физической антропологии стоят полностью вне науки»², — справедливо писал Б. Ф. Поршнев.

Между тем и научный интерес и потребности практически-политического характера вновь выдвинули эти исследования на передний план. Не секрет, что среди этнопсихологических исследований, получивших широкий размах в американско-английской социологии в 40—60-х годах, было немало завуалированных попыток воскресить старые теории о психологической неполноценности тех или иных народов. Тезис о присущих народам патологических комплексах, в которые отдельные ученые пытались уложить все богатство психической жизни целых этнических групп, на практике оказывался лишь модернизированной формой старых теорий об органических пороках в психике неполноценных рас. То обстоятельство, что на этот раз подобные теории нередко подкреплялись доводами психоанализа, ссылками на фатальную обусловленность психики людей воздействиями «культурной среды» в раннем детстве, ни в коей мере не делало их более научными³.

«Изучение национального характера,— признает Л. Снайдер,— становится жизненно важным в период горячей и холодной войны...»⁴ Естественно, что те из

¹ Slavic Review. 1970, vol. 29. N 2, p. 191.

² Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979, с. 102.

³ См.: Баграмов Э. А. Буржуазная социология и проблема «национального характера». — Вопросы философии, 1964, № 6.

⁴ Snyder L. Varieties of Nationalism. A Comparative Study, p. 58.

буржуазных ученых, которые к ним прибегают, озабочены в большинстве случаев не столько реальным содержанием характерологических свойств нации, сколько возможностью, опираясь на них, использовать полученные данные для разжигания неприязни и ненависти к потенциальному или реальному противнику.

Заявляя об общности судьбы и культуры как главным и, по существу, единственном признаке нации, буржуазные социологи в свою очередь мистифицируют и проблему психологических особенностей наций, т. е. проблему национального характера. В соответствии со своим традиционным подходом к этой проблеме они стремятся противопоставить народы по национальному признаку, доказать неизменность присущих им черт духовного облика, фатальную предопределенность судьбы народов некими врожденными или приобретенными психологическими комплексами. Так, Ленджил пишет о неизменных чертах «русской души и при царях и при коммунистах»¹. Снайдер, со своей стороны, приписывает русскому народу «мессианиззм», который он усматривает... в уверенности народных масс в построении коммунизма².

Другой американский политолог, Р. Саливэн, претендуя на объективный анализ украинской культуры, приписывает характеру украинского народа «неприязнь» к городской культуре, приверженность к патриархальным формам сельского уклада³. Буржуазные социологи при этом рассматривают «национальный характер» вне всяких исторических и классовых рамок, как совокупность раз навсегда сложившихся черт, в равной мере свойственных и прогрессивным и реакционным слоям общества и определяющих «исключительность» его судьбы. Характерны и попытки буржуазных социологов, опираясь на предвзятое ненаучное истолкование национальных особенностей характера народов Советской страны, дать превратное изложение ее истории⁴. Диалектико-материалистическое исследование национальных особенностей характера приобретает важное значение и не только с точки зрения опровержения одной из главных теоретических основ буржуазного национализма, но и в целях раскрытия соотношения национального и интернационального в духовном облике народов, что составляет

¹ *Lengyel E.* Op. cit., p. 56.

² *Snyder L.* Varieties of Nationalism. A Comparative Study, p. 215.

³ *Problems of Communism*, 1967, vol. XVI, N 5, p. 47—48.

⁴ *Taylor L.* Deep Analysis of the Russian Mind.— *The New York Times Magazine*, 1962, 7 January.

стержневую проблему марксистской концепции национального характера.

Сравнительно недавно в США вышел объемистый труд «Личность и национальный характер», автор которого профессор Р. Линн делает попытку, как он сам пишет, проанализировать проблему национального характера с точки зрения современной психологии¹.

Впрочем, насколько «современен» автор, можно судить по тому, что он пишет в самом начале книги: «Идея национального характера в известной мере пользуется плохой репутацией среди представителей социальных наук. Еще меньше симпатии питают они к точке зрения о том, что существуют врожденные расовые различия людей, которые влияют на национальный характер народа. Эти теории широко известны как расистские и *ipso facto* (в силу самого факта.— Э. Б.) считаются ошибочными. Тем не менее в книге выдвигается тезис, что важные национальные особенности действительно существуют и что в числе факторов, обуславливающих эти свойства,— расовые различия»².

Кажется, перед нами еще один образчик биологического расизма. Однако автор спешит продемонстрировать то «новое», что он вносит в подобные исследования. Суть дела в попытке подогнать национальный характер того или иного народа под определенную формулу психической неполноценности и с этих позиций описать различия между нациями. Удивительно ли, что автора интересуют главным образом «национальные» различия в частоте самоубийств, психических заболеваний, алкоголизма и т. п., которые он объясняет различиями климатических и расовых факторов³. И здесь автор смыкается с теми представителями психолого-расистского направления, все отличие которых от их предшественников биорасистов заключается в том, что они уже не оперируют «головным указателем» или «составом крови», а ищут некие расово-национальные психические комплексы, обрекающие народы на войны, расовую вражду и т. д. «Проблемы, поднятые автором, исключительно важны и незаслуженно забыты,— откровенно пишет во введении к книге Линна профессор С. Берт.— Войны, которые так неожиданно нагрянули на нас в первой половине столетия... волны миграции из страны в страну, частые расовые конфликты — все это заставляет

¹ Lynn R. Personality and National Culture. N. Y., 1971.

² Ibid., p. 1.

³ Ibid., p. 181.

нас уделять растущее внимание национальным различиям между народами»¹.

Как видим, налицо раздувание национальных различий, попытка объяснить войны, межнациональную вражду фатальным действием расового фактора. «Ученые» типа Берта и Линна также ничего не забыли и ничему не научились.

С точки зрения материалистического понимания истории вполне правомерна мысль о том, что под воздействием своеобразных условий социальной среды, исторических судеб народа в его духовном облике от поколения к поколению запечатлевается своеобразие, складываются специфические черты и привычки, по которым в известной мере можно отличить представителей одной нации от другой. Было бы наивным полагать, что для понимания национальных особенностей психологии достаточно непосредственного наблюдения за поведением представителей данной нации. Черты национального характера могут быть изучены прежде всего по их объективным проявлениям в достижениях и ценностях подлинно национального масштаба: в искусстве народа, его фольклоре, в разнообразных сферах его творчества, традициях, обычаях, нравах, привычках. Мы восхищаемся творениями Глинки и Шопена, Репина и Сарьяна, Гоголя и Рабле, Бернса и Петефи не только потому, что в них гениально выражены общечеловеческие мысли и чувства, но и потому, что эти художники сделали это в подлинно национальных формах, донося до нас дыхание национальной жизни. Впрочем, немногие из ученых берутся за скрупулезное изучение духовной культуры нации, предпочитая ему интуитивные и поверхностные умозаключения. Вместо реальных знаний о национальных особенностях психологии мы нередко некритически пользуемся разного рода стереотипами, т. е. шаблонными характеристиками духовного облика народов, которые укоренились в сознании многих людей как весьма стойкий предвзятый суждение. Нет необходимости подробно перечислять эти стереотипы, которые зачастую оскорбительны для национального достоинства. Отметим только, что уже один факт их широкого распространения делает актуальным вопрос о действительных, а не мнимых национальных особенностях психологии.

Но прежде чем получить ответ на этот вопрос, следует определить методологические требования и условия,

¹ *Lynn R. Op. cit.*, p. IX.

при которых только и возможно его действительно научное исследование. Во-первых, это соотношение национального с общечеловеческим. Можно ли рассматривать национальный характер как совокупность исключительных свойств, присущих лишь данной нации? Во-вторых, это соотношение национального с социально-классовым. Поскольку нации в капиталистическом обществе социально неоднородны и охватывают различные классы и социальные группы людей, которым нередко свойственны противоположные устремления и воззрения, то в какой степени и в каком смысле можно говорить об общенациональных психологических особенностях? В-третьих, это вопрос о структуре национального характера¹.

Попытаемся ответить на каждый из этих вопросов.

Касаясь диалектической природы национального и интернационального, мы уже отмечали, что они не противостоят друг другу, а взаимопроникают, переходят одно в другое. Так, единая интернациональная культура советского народа, которая служит всем трудящимся, выражает их общие идеалы, вбирает в себя все общезначимое в достижениях и самобытных традициях национальных культур².

Знакомясь с буржуазными концепциями по данному вопросу, мы убеждаемся, что разрыв национального и интернационального, национально-особенного и общечеловеческого является исходной позицией при характеристике духовной жизни народов.

В период формирования наций условия их существования заметно отличались друг от друга. Это породило представление о противоположности или резкой несхожести характеров народов. Так, О. Бауэр писал: «Различные нации имеют различные представления о вещах, различные критерии: различные понятия о справедливом и несправедливом, различные воззрения на нравственное и безнравственное, различные представления о приличном и неприличном, о красивом и некрасивом, различные религии и науки»³. Для теоретика австромарксизма подобные различия вытекали из представления об уникальности судьбы каждой нации, которая-де и остав-

¹ См.: *Борьба идей в современном мире*, т. 1. Основные линии и коренные проблемы идеологической борьбы. Под общей ред. акад. Ф. В. Константинова, с. 174—175.

² См.: О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 года, с. 14.

³ *Бауэр Отто. Национальный вопрос и социал-демократия*. СПб, 1909, с. 114.

ляла неизгладимый «осадок» в их жизни. Бауэр не видел повторяемости в истории каждого народа, которая вытекала из действия общесоциологических законов и которая сближала народы в существенном и в главном, оставляя простор для разной этнической окраски духовной деятельности каждого народа, его культуры. В противовес этим ненаучным теориям марксизм — принципиальный противник абсолютизации тех или иных психологических признаков. «...Вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,— одним словом, их сознание»¹,— писали Маркс и Энгельс. Национальный характер не составляет здесь исключения. Своеобразие условий жизни народа, его социально-классового уклада, хозяйственной деятельности, образа жизни, культуры и верований, исторических судеб народа — все это оставляет отпечаток на психике его представителей, который и выражается в культуре его поведения, вкусах, привычках, нравах, некоторых особенностях склада ума и восприятия окружающего мира.

Таким образом, попытка биологизировать национальный характер или связать его с неизменными признаками географической среды ненаучны. Характер нации изменяется вместе с изменением условий ее существования. И все же он достаточно устойчив, чтобы придать своеобразие культуре, манере поведения, духовной деятельности людей.

Порок многочисленных буржуазных исследований национального характера заключается в противопоставлении национального общечеловеческому, неумении найти их диалектическую связь. Принципы и методика этнографических исследований вырабатывались прежде всего на малых этнических группах, племенах, еще не достигших современного уровня цивилизации. Та же концептуальная схема и те же методы исследования были затем применены к современным нациям с их сложной структурой. Непосредственное сопоставление народов, находящихся на различных ступенях общественного развития, заставляет обращать внимание прежде всего на глубокие различия в культуре, поведении, системе ценностей и т. д. Абсолютизация таких различий порождает представление о противоположных типах мышления и чувствования, свойственных тем или иным народам. Но нельзя игнорировать историческую обусловленность сло-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445.

жившихся форм и рамок духовной деятельности народа, антинаучно считать эти формы «вечными» и «неизменными».

Французский этнограф Веллар, изучавший гуайяков, одно из самых диких племен Южной Америки, как-то подобрал девочку-младенца, покинутую у костра членами племени, панически бежавшими при приближении группы этнографов. Девочка, вывезенная во Францию и воспитанная в семье Веллара, получила европейское образование и в конце концов сама стала ученым-этнографом, соратником, а затем и женой своего спасителя¹.

По существу, здесь подтвердилась истина, на которую еще в XIX веке указывал великий русский физиолог И. М. Сеченов. Ссылаясь на то, что основные черты мыслительной деятельности человека и его способности чувствовать не зависят ни от расы, ни от географического положения, он писал, что надлежащее воспитание в соответствующих условиях делает негра, лапландца, башкира и т. д. «человеком, чрезвычайно мало отличающимся со стороны психического содержания от европейца»².

Марксизм-ленинизм опроверг измышления буржуазных социологов о каких-то органических пороках наций. Отрицательные черты в духовном облике народов объясняются социально-классовыми причинами, являются следствием эксплуататорского гнета, тяжелых условий жизни. Между тем именно в абсолютизации и биологизации этой отсталости, в подчеркивании привычек и традиций, свойственных лишь некоторой части нации на определенном историческом этапе, и состоит один из излюбленных приемов реакционных идеологов.

Когда К. Маркс в статье «Британское владычество в Индии» писал о сельских общинах на Востоке, пожившихся на патриархальной и полуварварской общественной организации, то он раскрывал и их губительное влияние на сознание народов. Он подчеркивал, что эти формы социальной организации «всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы»³. Именно такой исторический подход помогает понять, что социальное и

¹ См.: Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история, с. 102.

² Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 176.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 135.

духовное раскрепощение народов является залогом возрождения и развития и лучших национальных качеств.

На территории Советского Союза проживает более ста наций, народностей и национальных групп, многие из которых до революции находились в условиях полуфеодального и даже родового строя. Неудивительно, что сознание масс было задавлено оковами нелепых средневековых обычаев и предрассудков. Находились ученые, которые доказывали неспособность этих народов воспринять формы современной цивилизации. Однако действительность убедительно показала, что раскрепощенные народы в короткий срок способны не только овладеть передовой культурой, но и развивать ее в свойственных этому народу национальных формах. Знаменательно, что многие ценности русской, украинской и других культур были аккумулированы и развиты этими народами на национальной почве. Таким образом, никакой «психологической» пропасти между народами нет и не может быть.

В условиях растущей интернационализации общественной жизни происходит дальнейшее сближение народов. Несмотря на противоречивый характер этого процесса при капитализме, даже здесь он ведет к тому, что удельный вес общих черт в их духовном облике заметно возрастает. У наций, которые живут в условиях одной и той же общественно-экономической формации, трудно будет обнаружить такие характерологические свойства, которые были бы совершенно чужды другой нации.

Таким образом, задача ученого, как нам представляется, не акцентировать односторонне психологические различия, а раскрывать разнообразные формы проявления общечеловеческого. На данном этапе общественного развития интернациональное, общее находит своеобразное проявление именно в национально-особенном. Поэтому в каждом национальном, которое нередко изображается как уникальное, на деле заключена частица общего. Единство закономерностей общественного развития определяет общечеловеческое содержание национальной психологии любого народа.

Марксистский подход к духовному облику нации в буржуазном обществе противостоит националистическим концепциям, затушевывающим антагонизм классов, проповедующим иллюзию о единых помыслах и стремлениях, едином мировоззрении представителей данной нации. На этом основании иногда отрицают правомерность признания национального характера, поскольку тем самым мы якобы вступаем в противоречие с исходной предпо-

сылкой марксистского учения. Но подобный упрек можно было бы сделать вульгарному социологизму, а не подлинной научной теории, учитывающей реальную силу множества социальных, идеологических и психологических факторов и отнюдь не сводящей всех их к абстрактно понятому классовому фактору¹.

Известно, что основоположники марксизма нередко ссылались на национальные особенности, национальный характер народов, нисколько не впадая в абсолютизацию этих черт. Употребляя понятия «национальный характер», «национальная психология», которые широко вошли в литературу, несмотря на условность этих терминов, автор имеет в виду именно национальные особенности характера, психологии народов.

В общественной жизни мы, безусловно, сталкиваемся с психологией классов, слоев, социальных групп. Национальная психология, однако, не является их суммой. В то же время национальное в существе своем неправильно представлять как нечто надклассовое, лишенное определенного социального содержания. Трудность и сложность исследования национально-психологического своеобразия народа состоит как раз в таком понимании соотношения социально-классового и национального, которое исключало бы как противопоставление их, так и растворение первого во втором.

То обстоятельство, что даже в классовом обществе определенные черты характеризуют нацию в целом, а не только отдельные классы, вовсе не значит, что представители борющихся классов безразличны к этим чертам. Каждый из общественных классов стремится утвердить и увековечить те черты, которые отвечают его устремлениям. В определенный период реакционным классам удастся навязать черты своей классовой психологии и обществу в целом, пока прогрессивные классы не освободятся от влияния чуждых им черт и не начнут борьбы за распространение своей психологии, своих ценностей в масштабе общества.

Говоря о сложности и противоречивости черт национальной психологии, следует иметь в виду, что в них помимо подлинно народных традиций и особенностей имеются и пережитки, и дурные привычки, и отсталые нравы, наносные элементы, навязанные реакционными классами. Если буржуазные авторы нередко поднимают на щит именно эти черты, выдавая их за исконные нацио-

¹ См.: Борьба идей в современном мире, т. 1, с. 176—177.

нальные особенности, то прогрессивные идеологи видят в национальной психологии прежде всего те качества, которыми гордится народ.

Неустанно борясь с филистерством, которое, по выражению Энгельса, царило на троне так же часто, как и в хижине сапожника, он писал: «Лишь с тех пор, как в Германии образовался *современный* пролетариат, лишь с тех пор в его лице развился класс, почти совершенно не зараженный этой немецкой наследственной болезнью, проявивший широту взглядов, энергию, юмор и упорство в борьбе. Как же нам не бороться против всякой попытки снова искусственно привить этому здоровому — и в Германии единственному здоровому — классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости?»¹

Чтобы разобраться в национальных особенностях народов, необходимо конкретно представлять духовный облик народа в целом, влияющие на него социально-экономические факторы. Необходимо учитывать различный характер воздействия, оказываемого на него различными классами. Буржуазия, являющаяся господствующим классом в современном капиталистическом обществе, в различные исторические эпохи по-разному влияла на национальную культуру. В период антифеодальных революций и восходящего капитализма она выдвигала новые революционные идеи, новые ценности. Ее участие в политической борьбе в тот период способствовало формированию прогрессивных черт духовного облика народа. Но когда буржуазия утратила свою революционность, стала оплотом реакции, она отказалась от тех передовых идей, взглядов и традиций, которые ранее сама отстаивала. Буржуазная идеология и психология все более и более отравляют сознание людей ядом частнособственнических, эгоистических взглядов и привычек. В зависимости от конкретных исторических и социальных условий этот реакционный «дух» буржуазии может наложить более или менее заметный отпечаток на характер различных общественных слоев нации, и лишь выступление на исторической арене главной революционной силы нации — пролетариата способствует сохранению и развитию прогрессивных традиций, укреплению лучших качеств, исторически складывающихся в каждом народе. Рабочий класс, трудящиеся слои нации в ходе истории освобождаются от тех консервативных черт и привычек,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35, с. 373.

которые образуют наследие прошлого и мешают им идти вперед. Вместе с тем они выступают законными наследниками и продолжателями лучших традиций нации.

Классовый подход — верный ориентир при анализе подлинно национальных черт народа на данном этапе его развития и того наносного, чуждого, что привнесено в духовную жизнь нации реакционными классами. Очевидно, что единство национального характера — это противоречивое единство. В. И. Ленин не случайно писал о двух нациях в каждой буржуазной нации, о двух культурах в каждой национальной культуре.

Социально-классовая принадлежность индивида оказывает большее воздействие на его поведение, систему ценностных ориентаций, чем национальная принадлежность. Так, психология буржуа и психология рабочего противоположны по своей социальной направленности, по своей сущности. И если речь тем не менее идет об общенациональных признаках, то это в основном общность по форме, а не по содержанию духовной деятельности. В. И. Ленин, разоблачая накануне первой мировой войны реакционную сущность лозунга национальной культуры, который в тот период отражал интересы помещиков и капиталистов, имел в виду буржуазное содержание «единой культуры», а не ее национальную форму, без которой культурная общность как необходимый компонент нации стала бы чистой фикцией.

Учет национальных особенностей психологии не означает ни малейшего ослабления внимания к социально-классовым мотивам. Но без этого было бы трудно нарисовать реальную картину взаимодействия общественных сил со свойственными им нравами, эмоциями, настроениями и чертами характера, отражающими своеобразие исторических судеб народа, в этом смысле избежать схематизма в социологических исследованиях.

Идеи господствующего класса являются господствующими в обществе. В общих чертах это можно сказать и о психологии господствующего класса. Но здесь есть существенное отличие. Национальные особенности характера в своем реальном содержании отражают условия материальной жизни народа в рамках длительного периода формирования и развития нации и запечатлевают в себе лишь наиболее устойчивое в этой истории. Поскольку речь идет об идеологии и социальной психологии, то следует проследить прежде всего, в какой мере идеи и нравы того или иного класса завладели обществом в целом.

Итак, национальный характер в своем существе социально обусловлен. Но он вовсе не представляет собой те общие черты, которые извлечены из суммы классовых психологий, причем извлечены таким образом, что собственно классовое начало остается, а поверх его витает уже «чисто» национальное. Национальный характер складывается в ходе реальной исторической практики. Находясь между собой в единстве, национальная и социальная психология вместе с тем и не тождественны друг с другом.

Нельзя не согласиться с таким большим знатоком марксистско-ленинской теории нации, как С. Т. Калтахчян, который считает, что для успешной борьбы против вульгарно-социологических трактовок нации необходим историко-экономический (и добавим от себя: социально-психологический) анализ всех факторов, обуславливающих консолидацию и развитие нации. «В то время как националист видит только национальное независимо от классового, а вульгарный социолог рассматривает классовое как отрицание национального, марксист-ленинец раскрывает фальшь в аргументации как первых, так и вторых. Только диалектико-материалистический анализ способен показать, почему, с одной стороны, нельзя национальную общность антагонистических классов выдавать за их единство, а с другой стороны, показать, почему нация, будучи расколотой на антагонистические классы, не только не перестает существовать, но, наоборот, является устойчивой общностью людей»¹, — пишет ученый.

Практика строительства нового общества на громадных пространствах земного шара и становление подлинно братских и гуманных отношений между народами полностью опровергли буржуазные измышления о неискоренимой расовой розни и ненависти между народами, о духовном превосходстве тех или иных наций. Прогресс, достигнутый народами всех континентов в развитии цивилизации, убедительно показал, что не природные особенности людей, а социальные условия жизни определяют их общественную судьбу. Ныне только явные реакционеры прибегают при объяснении истории, культуры народов к таким понятиям, как «раса», «национальный дух» и т. п.

Однако распространению и утверждению подлинно научных воззрений на национальные отношения мешает

¹ Калтахчян С. Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей, с. 119.

тот покров мистики и идеализма, которым до сих пор в буржуазном мире окружен ряд проблем, встречающихся при исследовании этой области общественной жизни. К ним относится проблема духовного облика нации, национального характера, являющаяся важным компонентом теоретических построений многих социологов Запада. В буржуазной литературе и поныне широко распространены всевозможные измышления о духовном облике народов, несущие на себе подчас груз старых расистских представлений.

По вопросу о том, что такое национальный характер и какова его структура, среди буржуазных социологов существует множество мнений. Наиболее распространенные буржуазные концепции национального характера следующие: а) теории о некоем национальном духе, которому часто придается мистический смысл детерминанта судьбы народа; б) стремление отыскать преобладающий национальный тип или несколько типов в данном обществе; в) попытки выделить некий образец поведения представителей данной культуры, якобы формирующийся на основе подавления изначальных влечений человеческой психики; г) концепции, делающие упор на систему установок, ценностей, верований, общих для членов данного общества, и ищущие проявление национальных черт в продуктах культуры — литературе, искусстве и философии; д) поиски неких регулярных форм поведения, традиций и обрядов, способов воспитания, отражающих специфику духовного облика нации. В последнее время все настойчивее выдвигается плюралистическая концепция национального характера, согласно которой каждая из современных наций имеет не одну, а несколько психологических моделей.

Очевидно, что большинство перечисленных концепций несут на себе груз старых воззрений.

Вопреки распространенному в буржуазной литературе мнению, будто марксисты рассматривают народ как безликий конгломерат, марксизм-ленинизм видит в трудящихся массах живых людей, которые всегда являются носителями определенных взглядов, идей, традиций, чувств, настроений. Отсюда понимание того, что ни одно значительное явление культуры не станет ясным, если не проанализировать специфически национальные формы проявления творческой активности народа.

Раскрытие общих и особенных черт в духовной жизни народов, включая изучение национально-психологических моментов, представляет огромный интерес с точки зре-

ния укрепления связей между народами, их взаимопонимания, дружбы и сотрудничества. Оно наносит удар по разного рода расистским и шовинистическим теориям.

Советский академик Ю. В. Бромлей на основе проведенных этнографических исследований отмечает: «Есть достаточные основания считать, что относительно устойчивые особенности психики присущи этническим общностям не только первобытнообщинной и социалистической (коммунистической), но и рабовладельческой, феодальной и капиталистической формаций»¹. Вместе с тем, когда речь идет о национальном характере, то под ним подразумеваются не единые для всех членов данной общности черты характера, которые совершенно не встречаются у других национальных общностей. Уникальность национального характера состоит не в наличии абсолютно неповторимых черт, а, главным образом, в своеобразном сочетании, комбинации общечеловеческих черт. Тем самым лишается почвы распространенная в буржуазно-националистической литературе тенденция противопоставлять народы по их духовному облику, равно как и всякие проповеди национальной исключительности, приверженцы которых прибегают к гипертрофии национальных особенностей, раздуванию различий между нациями.

Говоря о национальном характере, мы отнюдь не отождествляем его с характером индивидуума, когда имеется в виду совокупность стержневых свойств человека, определяющих его как личность. Черты характера, присущие представителям данной нации, вовсе не образуют какого-то цельного и единого характера. Национальное не затушевывает отличительных классовых и индивидуальных, профессиональных и иных признаков. Правильнее сказать, что все эти черты получают у представителей данной нации своеобразное национальное выражение.

Содержание понятия «национальный характер» отражает наличие привычных форм поведения, эмоционально-психологического реагирования на окружающие предметы, определенные ценностные ориентации и вкусы. Разумеется, национальный характер народа как конкретное выражение всеобщего воплощается и реализуется в индивидуально-психологических особенностях личностей, составляющих данную нацию. Но это вовсе не значит, что столь сложное социальное явление может быть сведено к простой сумме индивидуальных характеров.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 92.

С другой стороны, невозможно найти в каждом представителе данной нации одинаковое воплощение черт национальной психологии. Национальный психологический тип или типы характеризуют нацию в целом и вовсе не обязательно свойственны каждому ее представителю.

Национальный характер — продукт взаимодействия многих факторов в их социальном развитии, в том числе и тех, которые обладают относительной исторической стабильностью (сложившееся разделение труда в данных социо-географических условиях, определенные культурные традиции, некоторые институты семейно-бытовых отношений). Мы исходим из того, что особенности национального характера при всей своей важности и значительности не затрагивают, однако, основ психики людей, гносеологического аспекта восприятия внешнего мира, основных форм логического мышления, одаренности и т. д.

Но какие же из психологических черт следует считать национальными, а какие — местными, локальными и т. п. Ответ на этот вопрос составляет существенный элемент историко-материалистического подхода к проблеме. О национальном характере мы судим не по случайным впечатлениям и поверхностным наблюдениям, а по запечатленному в объективных формах жизни народа своеобразию исторических, культурных признаков, которые достаточно рельефны, чтобы характеризовать нацию в целом.

Характерна та осторожность, с которой подходил к этой проблеме В. И. Ленин. В ответ на заявление на III конгрессе Коммунистического Интернационала итальянского социалиста Лаццари: «Мы знаем психологию итальянского народа» — Ленин заметил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе...»¹

Всякий раз, когда мы говорим о психологических качествах народа, мы соотносим их с его историей и рассматриваем национальные черты как продукт длительного социально-исторического развития. Вне общественно-исторической среды не может быть и речи о национальном характере и его исследовании. Из этого вытекает, что проблема национального характера — не биопсихологическая, а историческая, социологическая и социально-психологическая. Этот комплексный характер проблемы обязывает подходить к ней с позиций ряда смежных наук, а среди самих психологических черт выделять такие, которые имеют общественную и историческую значимость.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 17.

В буржуазной социологии широко распространены ссылки на национальный характер, как главный двигатель событий, фатально определяющий судьбу наций. Разумеется, в этом выражается свойственная буржуазной науке тенденция мистифицировать национальный фактор, абсолютизировать его роль. Но это не значит, что в историческом или социологическом исследовании можно пренебречь ролью национальных психологических особенностей. Учет этих особенностей народа имеет значение и в деятельности марксистской партии, пролетариата той или иной страны.

У разных народов по-разному проявляется такое качество национальной психики, как чувство национальной гордости. Нации, малочисленные или длительное время находившиеся под чужеземным гнетом, особенно восприимчивы в вопросе об уважении их национального достоинства, чувствительны к малейшим обидам. Поэтому со стороны коммунистов больших наций в этих случаях необходим особый такт в отношении своих товарищей других национальностей. Естественно, что работа по преодолению националистических предрассудков должна строиться с учетом национальной психологии.

Великим примером в соблюдении такта в отношении других национальностей был В. И. Ленин, вся деятельность которого пронизана глубоким уважением к национальному достоинству каждой нации и народности, стремлением облегчить их сближение на подлинно равноправной основе.

В настоящее время, когда сложилась и упрочилась семья равноправных социалистических государств, эти ленинские принципы имеют особое значение. Всей своей интернационалистической деятельностью КПСС стремятся утвердить их в практике взаимоотношений марксистов-ленинцев, широких народных масс. Не случайно уважение национального достоинства других граждан зафиксировано в новой Конституции СССР как обязанность каждого гражданина СССР¹.

Известно, что на Западе до сих пор сочиняются легенды о загадочной «русской душе», с которой связываются многие события в отечественной истории. В опубликованной в 1976 году в Англии книге американского журналиста Хедрика Смита «Русские»² собраны чудовищные измышления о советском народе и советском образе жизни,

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, ст. 64.

² *Smith H. Russians.* L., 1977, p. 1—639.

причем автор на шестиестах с лишним страницах не нашел ни единого доброго слова о советских людях. Враждебность к социализму порождает и неприязнь к народам СССР. В этом нет ничего удивительного. Такие книги пишутся в интересах разжигания «психологической войны».

Но ведь социалистическая судьба — давно уже не «уникальное», российское явление. И те народы, которые идут по пути социализма и коммунизма, демонстрируют, как об этом свидетельствует сама жизнь, лучшие из общечеловеческих качеств. Эта сторона дела не ускользает от внимания каждого, кто хочет объективно разобраться в истории. На наш взгляд, немалый интерес представляет одна из последних работ маститого американского социолога П. Сорокина. Назвав ее «Основные качества русской нации в двадцатом столетии», автор во многом исправляет в этой работе собственные былые негативные установки в отношении социализма и Советского Союза. Так, он положительно оценивает достижения нашей страны в экономике, борьбе за социальное равенство, свободу и справедливость для всех, считает, что советские народы осуществили то, что стояло на повестке дня исторического развития. Именно поэтому социализму, по словам автора, «не только удалось прочно утвердиться в Советском Союзе, но и увлечь многие народы и распространиться среди почти половины человечества»¹. Автор восхищается героическими деяниями русского и других народов в период Отечественной войны и в последующие годы, их энергией, творческим духом, находчивостью, готовностью жертвовать своей жизнью, материальными благами ради того, чтобы отстоять свободу, достоинство и другие великие национальные ценности².

Касаясь защиты прав человека, автор подчеркивает достигнутый в Советском Союзе большой прогресс. Нерусские национальности, продолжает американский ученый, пользуются теми же правами и привилегиями, что и русские, украинцы, белорусы. И наконец, следующие красноречивые в устах именно Сорокина признания: большая устойчивость семей СССР по сравнению с западными странами и разительный упадок преступности, моральный подъем русского и других народов Советского Союза. Положительно оценивая миролюбивый внешне-

¹ *Sorokin P. The essential characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century.— The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1967, March, p. 107—108.*

² *Ibidem.*

политический курс СССР, автор приходит к знаменательному выводу: «Едва ли можно сомневаться в том, что Советский Союз, по-прежнему ведомый русским народом, может с уверенностью смотреть в будущее»¹.

Эти признания буржуазного ученого, сделанные незадолго до его кончины, представляют немалую ценность как свидетельство глубокого кризиса антисоветизма.

Опыт развития народов СССР и других социалистических стран показал, что ликвидация антагонистических классов и утверждение среди всех народов страны социалистической идеологии и психологии не влечет за собой стирания всяких национальных особенностей. Напротив, именно при социализме, когда пышно расцветает единая социалистическая по содержанию, разнообразная по формам культура народов СССР, развиваются и находят яркое выражение лучшие черты национального характера. Национальная замкнутость и отчужденность уходят в прошлое, народы как бы раскрывают друг перед другом свои лучшие качества. На смену национальной замкнутости и ограниченности, нередко свойственным значительной части населения при капитализме, приходит глубокое уважение народов к обычаям и традициям других народов, готовность поделиться лучшим из своей культуры и воспринять лучшее из культуры братских народов.

Общие исторические судьбы еще в прошлом способствовали сближению ряда народов нашей страны. Это можно сказать, например, о русских и украинцах. Но царизм, отмечал В. И. Ленин, все сделал для взаимоотчуждения этих народов, «столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»².

Социализм кладет конец национальной розни и сплачивает народы в одну братскую семью, строящую коммунизм. Народы нашей страны, приняв единый социально-политический облик, становятся все более близкими и по характеру. Этому способствуют совместный труд на благо Отчизны, постоянно развивающееся и укрепляющееся братское сотрудничество социалистических наций и народностей, обмен культурными ценностями, крепнущая дружба народов. Речь идет не о нивелировке национальных особенностей — особенности, вызванные географическими условиями, международным разделением тру-

¹ Sorokin P. The essential characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century.— The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1967, March, p. 114—115.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.

да, будут сохраняться еще длительное время,— а о взаимном усвоении нациями лучших черт культуры каждой нации.

«Говоря о новой исторической общности людей,— отмечал Л. И. Брежнев,— мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции»¹.

Рождение и укрепление у нас новой исторической общности — советского народа — способствует и утверждению в духовном облике трудящихся новых, подлинно общенародных качеств: советский патриотизм и интернационализм, коллективизм и гуманизм, новаторство в труде и непримиримость ко всему, что тянет нас назад. Это и есть советский характер. В какой же взаимосвязи он находится с национальным характером? Ответ на этот вопрос предполагает прежде всего уяснение единства национального и интернационального при социализме.

Все новое, социалистическое, взращенное в нашей жизни по социальной сущности своей одновременно национально и интернационально. «Могут сказать, что это противоречиво,— пишет академик А. Г. Егоров.— Не спорим, противоречиво. Но здесь диалектическое противоречие самой действительности — то общее, что роднит и объединяет все народы Советского Союза, интернационально и в то же время национально, ибо все социалистическое, общее для всех наций и народностей нашей страны так прочно вошло во все сферы их бытия, сознания и культуры, что нельзя противопоставлять одно другому»².

Эту диалектику иногда не замечают некоторые писатели и публицисты, характеризующие современный образ жизни наших народов. Так, в книге «Путешествие в Жер-Уюк», книге в целом доброй и полезной, ярко повествующей о новом облике социалистической республики, о большой работе, проводимой Компартией Казахстана по коммунистическому воспитанию трудящихся, авторы походя ставят вопрос о национальном характере народов СССР. В уста старого акына вкладываются следующие сценки: украинцу свойствен веселый нрав, грузину — гостеприимство, армянину — трудолюбие, русскому — любовь к родной земле, мужество, эстонцу — усердие, тад-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1975, т. 4, с. 243.

² Егоров А. Проблемы эстетики, с. 298.

жику — тяга к знаниям, а казаху — все эти качества, вместе взятые¹.

Что касается казахского народа, то авторы, несомненно, правы. Но стоило ли упускать из виду, что перечисленные положительные качества стали общесоветскими, они присущи всем нашим народам, хотя, быть может, по-разному проявляются².

Если обратиться к обширной буржуазной литературе — этнографической, исторической, художественной, то очень часто, как правило, приходится сталкиваться с тем, что те или иные из общечеловеческих свойств, например демократизм, свободолюбие, трудолюбие, юмор и т. д., объявляются достоянием лишь определенной нации, а другим в этом отказывается. Чаше всего это вытекает из желания польстить национальному самолюбию и не носит признаков научного выявления исторически обусловленной специфики характера народов. Но сказать, что данный народ «свободолюбив» или «трудолюбив» — еще не значит раскрыть специфику его духовного облика. Потому что эти и другие замечательные качества свойственны народным массам всех стран и континентов. Суть дела в том, как, в каких формах проявляются эти общечеловеческие качества. Естественно, что такой социально-исторический анализ предполагает и исследование тех социальных причин, которые препятствуют в данный момент проявлению этих качеств.

Д. С. Лихачев в содержательных «Заметках о русском», делаясь ценными наблюдениями о национальных особенностях русского и других народов, пишет: «Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу,

¹ См.: *Алтайский К. Н., Каратаев М.* Путешествие в Жер-Уюк. Книга о Казахстане. М., 1971, с. 26—27.

² Кстати, отсутствие строгости при наделении того или иного народа определенными чертами характера нередко и порождало скептическое отношение к самой проблеме: «Как будто сказано что-то конкретное, а по сути ничего не сказано. Какими словами можно определить русский национальный характер? Порывистый, горячий, добродушный, искренний, смелый, вспыльчивый, широкий, прямой?.. На все перечисленные, положительные и отрицательные, эпитеты имеют право претендовать все народы. Что украинцы менее смелы и добродушны, чем русские? Укажут на склонность украинцев к юмору. Но кто станет отнимать склонность к юмору у русских или у казахов, у туркмен?.. И вот можно растратить всю свою выдумку и изобретательность и так и не определить в точных терминах национальный характер ни русского, ни грузина, ни украинца, ни казаха, ни туркмена, ни сотен и сотен других народов-братьев, детей единой человеческой семьи» (*Л. Скосырев.* Наследство и поиски. М., 1961, с. 18).

только данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенародных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов очень скучным и серым»¹. Сказано очень точно!

Отсюда ясно, сколь ошибочна «описательно-количественная», «арифметическая» методология, которая состоит в том, что перечень черт, якобы присущих характеру народа, либо отдельная черта вырываются из конкретно-исторического контекста и тем самым утрачивают свое реальное содержание, превращаются в пустую абстракцию.

Что касается марксистско-ленинских исследований, то их авторы не стремятся к созданию подробного перечня отличительных признаков наций. Они изучают общее и особенное в духовном облике народов, считая неправомерной ориентацию на поиски лишь того, что отличает народы друг от друга. «Мы против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей. Но в такой же мере мы считаем недопустимым искусственное их раздувание»². Наука, несомненно, должна внимательно учитывать специфику народов и в то же время делать сознательный акцент на том, что сближает их. Ибо у народов, строящих новую жизнь или борющихся за общие идеалы, гораздо больше того, что их объединяет, чем того, что их отличает.

¹ Новый мир, 1980, № 3, с. 35—36.

² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 57.

БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Глава 5

ПРОТИВОРЕЧИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

В обстановке обострения исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма, усиления борьбы народных масс за социальное и национальное освобождение буржуазные идеологи направляют свои усилия на отрицание классовой борьбы как определяющего фактора мирового развития. Пропаганда буржуазного национализма в обновленных формах призвана подменить реальные классовые противоречия мнимым «вечным» конфликтом между нациями, извратить характер национальных и интернациональных процессов в современном мире.

Сформулированные В. И. Лениным в 1913 году две тенденции в национальном вопросе, которые он назвал мировым законом капитализма, проливают свет на сложные национальные и интернациональные процессы в капиталистическом мире.

На современном этапе мирового развития рельефно проявляется прежде всего всемирно-историческая тенденция к интернационализации хозяйственной, общественной жизни. Вместе с тем в своеобразной форме дает о себе знать и первая тенденция к консолидации наций, стремление к национальной независимости. Переплетение обеих тенденций, выступающих при капитализме в противоречивом единстве, порождает множество новых явлений в национальных отношениях, требующих оценки. Прежде всего это касается воздействия космополитических устремлений международного капитала на национальную жизнь.

Разумеется, новизна исторической ситуации, о которой пойдет речь, ни в коей мере не подтверждает еще

недавно модных буржуазных представлений о движении мира капитала к всемирному сообществу, которое-де покончит со всякими конфликтами. Социальные конфликты обостряются и углубляются, что характерно для империализма. Это в полной мере относится и к национальному вопросу. Рост масштабов капиталистической интернационализации, расширение деятельности международных монополий означают такое наступление на национальные права и национальные ценности, которое порождает беспокойство и протест в самых широких кругах населения.

О космополитизации производства как о конечной цели международной экспансии капитала писали Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии»: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим»¹. Подобные устремления вытекают из характера капиталистического производства, условием которого является *«создание все расширяющегося круга обращения»*². Мировой рынок в условиях современного капиталистического производства как раз и является таким кругом, в результате чего «как деньги развиваются в мировые деньги, так товаровладелец развивается в космополита»³. Возрастание капитала за счет новых и новых масс прибавочной стоимости вытекает из природы капитала.

«...Капиталистическое предприятие неизбежно перерастает границы общины, местного рынка, области, а затем и государства»⁴, — писал В. И. Ленин. В процессе безграничного накопления капитала происходит обобществление производства и труда в международном масштабе. Это и есть капиталистическая интернационализация. С одной стороны, она предстает как «развертывание и обнаружение поистине международного характера буржуазных производственных отношений — создания пролетариатом и присвоения буржуазией прибавочной стоимости. С другой стороны, в этом процессе происходит становление производительных сил мирового характера, сообща используемых капиталистами многих наций, создание огромных индустриальных комплексов интернационального масштаба и состава, стягивание национальных хозяйственных территорий в много-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 427.

² Там же, т. 46, ч. I, с. 384.

³ Там же, т. 13, с. 134.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.

национальные территории, сгущение всевозможных транспортных сетей, системы коммуникаций и информации. Происходит интернационализация не только производства, но и всей хозяйственной жизни, жизни вообще»¹.

Мощным двигателем интернационализации является научно-техническая революция. Она ведет прежде всего к увеличению размеров предприятий, которые зачастую превышают потребности рынков отдельных стран. С расширением и усложнением производства интернационализируется технологический процесс производства тех или иных изделий. Растет потребность государств в получении из-за рубежа не только товаров и капиталов, как это было в прошлом, но и научных знаний, накопленного технологического опыта. Растущий спрос научных специалистов порождает «утечку умов» за границу, широкие масштабы приобретает миграция рабочей силы. Увеличение масштабов капиталистического производства и неравномерность его размещения дают толчок все возрастающим международным потокам сырья.

Капиталистическая интернационализация находит выражение в двух связанных между собою процессах — интеграции на межгосударственном уровне и выдвигании на авансцену заметного числа транснациональных монополий — на частном. Оба эти процесса во многом определяют как международные отношения стран капитализма, так и их внутреннюю жизнь.

О транснациональных и многонациональных корпорациях пишется и говорится много именно в последние десятилетия. Значительная часть литературы — это буржуазная апологетика новой системы международного разделения труда, создаваемая этими международными фирмами. В то же время они стали предметом серьезного изучения в марксистской литературе, поскольку в лице этих монополий международный рабочий класс столкнулся с могущественным и изворотливым противником.

Международные монополии в современный период существуют в названных выше двух видах — транснациональных и многонациональных объединениях. Контроль над деятельностью первых (ТНК), как и сам капитал, в этом случае национален, он сосредоточен в руках монополий одной страны. Сфера же их деятельности международная, так как принадлежащий этой монополии

¹ Плетнев Э. П. Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата. М., 1974, с. 16.

капитал вкладывается в другие страны. Что касается многонациональных компаний (МНК), то здесь собственность принадлежит монополистическим объединениям ряда стран, вступающим между собой в концерн.

Транснациональные и многонациональные корпорации выступают главным субъектом капиталистической интернационализации в хозяйственной жизни. Эти монополистические спруты протянули свои щупальца в десятки стран, они воплощают в себе огромную экономическую силу, превышающую силу большинства суверенных национальных государств.

Возникновение ТНК и самого процесса, именуемого «транснациональность», следует рассматривать прежде всего как новейшую форму конкурентной борьбы в капиталистическом мире, приспособление монополий к трудностям, переживаемым системой капитализма. В условиях научно-технической революции победа в конкурентной борьбе достигается скорее всего и успешнее всего путем преодоления монополиями национальных границ и размещения части производственного аппарата на территории соперников. Здесь действует простой расчет: капиталисту выгоднее производить там, где рабочая сила дешевле, и продавать там, где рынок наиболее емкий.

Чтобы представить себе масштабы деятельности международных корпораций, достаточно познакомиться со следующими цифрами: годовой оборот 20 самых крупных американских компаний по объему соответствует валовому национальному продукту ФРГ; «Ю. С. Стил корпорейшн» производит столько же стали, сколько все металлургические предприятия ФРГ; годовой оборот «Дженерал моторс» почти равен государственному бюджету Франции; шесть автомобильных гигантов капиталистического мира производят почти две трети объема производства всей капиталистической автомобильной промышленности¹. Таким образом, налицо дальнейшая концентрация производства и капитала и наивысшая в современных условиях ступень обобществления при капитализме.

Естественно, что вместе с ростом экономического могущества международных монополий растут и их претензии, причем далеко не только экономические. «Мы еще не привыкли мыслить такими категориями,

¹ См.: Государственно-монополистический капитализм. В 2-х т. Пер. с фр. Под ред. Г. П. Черникова. М., 1973, т. 2, с. 61. —

как внешняя политика «Стандард.ойл» или «Дженерал моторс», — пишут американские экономисты А. Саид и Л. Симмонс. — Однако решения, принимаемые этими корпорациями, оказывают не меньшее влияние на формирование сфер международных конфликтов или сотрудничества, чем внешнеполитические акции самих государств... Характер инвестиций ТНК затрагивает ныне такие ключевые проблемы, как война и мир, вмешательство и невмешательство, и может даже предопределять долгосрочные перспективы экономического развития мира»¹. Менее восторженную, подчас проникнутую тревогой оценку роли международных монополий как фактических владык капиталистического мира дают им американские политологи Р. Барнет и Р. Мюллер — авторы вышедшей в США книги «Глобальный охват: власть многонациональных корпораций»². «Система Наполеона, тысячелетний рейх Гитлера, Британская империя и Пакс Американа оставили свои следы, но никому из них не удалось создать что-либо приближающееся к глобальной организации управления планетой, которая могла бы действовать хотя бы на протяжении жизни поколения. По-видимому, мир нельзя заставить подчиниться военной оккупации. Менеджеры гигантских корпораций провозглашают свою веру в успех бизнеса там, где политика завоеваний терпит провал»³.

Книга Барнета и Мюллера рисует широкую панораму деятельности всемирных спрутов — многонациональных корпораций. Хотя с точки зрения управления и собственности многонациональные корпорации, как пишут авторы, принадлежат представителям того или иного государства, по своему мировоззрению и действиям это наднациональные компании. «Источники необычайного могущества многонациональных компаний, — пишут Барнет и Мюллер, — могут быть обнаружены повсеместно, они заключаются в способности трансформировать мировую политическую экономию и тем самым трансформировать историческую роль государства-нации»⁴.

Вот любопытный эпизод борьбы многонациональных корпораций против национального суверенитета, о кото-

¹ Цит. по: Мировая экономика и международные отношения, 1978, № 1, с. 26.

² См. критический анализ книги: Митронов А. А. Концепции развития транснациональных корпораций. М., 1981, с. 114—119.

³ *Barnet R., Müller R. Global Reach. The Power of Multinational Corporations.* N. Y., 1974, p. 13.

⁴ *Ibid.*, p. 15.

ром рассказывается в книге «Глобальный охват: власть многонациональных корпораций».

В январе 1971 года на Ямайке встретились 64 главных управляющих многонациональных концернов, чтобы обсудить, как им реагировать на «национализм, проявляющий вражду ко всему иностранному». Триумфальному шествию кока-колы и других товаров американского образца по всему миру, оказывается, мешают все еще сохраняющиеся на земле национальные и культурные различия, которые затрудняют многонациональным компаниям сбыт их продукции.

Сознавая, однако, что прямая атака на национальный суверенитет чревата большими опасностями, заправилы многонациональных компаний предлагают бороться против «иррационального национализма» более тонкими методами. Они считают необходимым развернуть долговременную кампанию против границ, культурных различий и «страха ко всему иностранному, корни которого глубоко коренятся в психике людей». Они считают позарез необходимым втолковать людям, что им полезно то, что выгодно многонациональным концернам¹.

Международным монополиям нет дела до национальных интересов той страны, куда устремляются их капиталы. Они практически игнорируют интересы рационального размещения производительных сил, зачастую усугубляя существующие там диспропорции.

Их стратегия приводит к усилению диспропорций в международном капиталистическом разделении труда, еще большему разрыву в уровне индустриализации и научно-технического развития развитых капиталистических и развивающихся стран. «Те производственные процессы, которые в значительной мере могут быть автоматизированы и требуют лишь незначительного числа высококвалифицированных рабочих,— пишет английский экономист М. Браун,— сохраняются за наиболее развитыми странами; менее капиталоемкие отрасли могут быть оставлены менее развитым странам, но наиболее трудоемкие процессы остаются за наименее развитыми странами, где рабочая сила наиболее дешевая»².

Таким образом, тенденция интернационализации производительных сил, имеющая прогрессивный характер, в условиях капитализма приобретает уродливые формы.

¹ *Barnet R., Müller R. Op. cit., p. 60—61.*

² Цит. по: *Общий кризис капитализма. Движущие силы и формы проявления в современных условиях. Пер. с нем. Редкол. Л. Майер и др. М., 1980, с. 134.*

Называя международные монополии «колонизаторами XX века», американский публицист Р. Барбер пишет: «Их армия состоит не из людей, носящих оружие, а из инженеров и чиновников, оснащенных в огромных размерах капиталом и технологией организации. Их посольствами являются их фабрики, рудники и конторы по продаже. Единственная вещь, которой обычно им не хватает,— это флаг»¹.

Впрочем, против национального флага, национального суверенитета как раз и направлена значительная часть деятельности ТНК, которым тесно не только в отдельных государствах, но и в целом регионе и которые явно проявляют глобальные аппетиты. «С точки зрения интересов бизнеса,— говорит президент «ИБМ Уорлд трейд корпорейшн»,— границы, которые отделяют одну нацию от другой, не более реальны, чем экватор. Это просто удобные демаркационные линии этнических, лингвистических и культурных общностей»². Развивая эту мысль, один из ведущих американских экономистов, Ч. Киндлбергер, утверждает: «У международной корпорации нет страны, к которой она питала бы больше лояльности, чем к какой-либо другой. Хотя с точки зрения управления и собственности все глобальные корпорации либо американские, либо английские, голландские, германские, французские, швейцарские, итальянские, канадские, шведские, японские (большинство, конечно, американских), по своим воззрениям они становятся компаниями, не имеющими государственной принадлежности»³.

Р. Барнет и Р. Мюллер приводят в книге «Глобальный охват: власть многонациональных корпораций» систему аргументов воротил международных монополий, направленных на подрыв национальных государств, как «безнадежно устаревших» способов организации жизни человечества⁴.

1. Национальное государство мешает целостному видению мира как единой экономической организации. Идея национального государства несовместима с современным техническим прогрессом. Многонациональным корпорациям предстоит осуществить старую капиталистическую мечту о едином великом рынке. Это космопо-

¹ Цит. по: Овинников Р. С. Сверхмонополии — новое орудие империализма. М., 1978, с. 26.

² Barnet R., Müller R. Op. cit., p. 14.

³ Ibid., p. 16.

⁴ Ibid., p. 19.

литическое видение будет прямым вызовом традиционному национализму.

2. Решающая проблема нашего времени — концептуальный конфликт между стремлением к глобальной оптимизации ресурсов и независимостью национальных государств.

3. Интеграция мировой экономики невозможна без радикального преобразования устаревших национальных государств.

4. В мире, который вопит о глобальной интеграции и управлении, правительства придерживаются иррационального курса в политике: они по-прежнему привязаны к определенной территории и пытаются отстоять ее, оперируя при этом такими неэкономическими понятиями, как национальная гордость и престиж.

5. Глобальные корпорации — это единственная сила, способная покончить с национализмом. В то время как политики своими лозунгами патриотических войн, защиты устаревших границ и безмозглой национальной гордостью довели мир чуть ли не до уничтожения, бизнесмены готовы спасти его.

6. Международные корпорации намерены осуществить свои цели под знаменем антинационализма.

7. В мире, созданном по проектам международных корпораций, уже не будет ни социальных, ни политических конфликтов, так как все они будут сведены к проблемам управления и разрешены технологическими средствами¹.

Нетрудно понять, что перед нами не просто еще одна космополитическая концепция, а целая «философия» завоевания мира международными корпорациями. Она выдвигает проект новой «революции управляющих», которая сметет государства, национальные границы, идеологии, расчистив путь для большого бизнеса. Все очень просто: уничтожив национальные государства и выбросив самую идею патриотизма, покончишь с войнами (ведь раньше воевали из-за территории, а теперь она вся принадлежит всемогущим магнатам капитала). Организовав рациональное управление, искоренишь причины классовых и иных конфликтов.

Мир должен забыть о прежних ценностях и до конца усвоить «философию» финансовых воротил из «Дженерал моторс» и «Интернейшнл бизнес машинз» (ИБМ). «Новое поколение планетарных провидцев в отличие от

¹ *Barnet R., Müller R. Op. cit., p. 18, 19, 20, 51, 55, 56, 61.*

глобалистов прежних времен,— пишут Барнет и Мюллер,— опирается в своих проповедях не на поэтические образы, трансцендентальную философию или восточный мистицизм, оно распространяет свои идеи вместе с электроприборами, мылом, майонезом и аспирином»¹.

В основе этой «философии» лежат прежде всего непомерно выросшие аппетиты международных монополий, которые давно уже хотят видеть весь мир удобным рынком сбыта своих товаров. Но она отражает также и тот факт, что традиционная уния монополий и государства, которая позволяла первым использовать возможности госаппарата, уже не удовлетворяет империалистов. Они хотят вырваться из оков одного государства, изъять из-под национального контроля целые сектора экономики, подчинив их своему непосредственному контролю. Их цель — сохранить за собой частнокапиталистический контроль над средствами производства, отказавшись от национально обособленных форм развития капитализма и выдвигая взамен их «транснациональные» формы, т. е. выходящие за рамки буржуазного государства, где монополии осуществляли бы прямое господство капитала. Иными словами, международные монополии своей деятельностью расшатывают те самые национальные устои капитализма, которые весь предшествующий период подпирала монополия.

Возникновение противоречия между буржуазным государством и транснациональными монополиями обусловлено самой природой монополий, их неограниченным стремлением к экспансии. Сложившись первоначально в национальных границах, монополии в дальнейшем все чаще рассматривают их (на это в свое время указывал К. Маркс) как «подлежащее преодолению ограничение»².

Буржуазное государство традиционно стояло на страже «свободной конкуренции» как одного из символов капиталистического общества, для чего оно время от времени пресекало крайности монополистической деятельности и в той или иной форме охраняло мелкий и средний бизнес от посягательств крупных хищников. Вместе с тем деятельность государств, по существу, способствовала возникновению и росту крупных монополий, которые могли бы выдержать межимпериалистическую конкуренцию на международном уровне. Поддержка «своих» международных монополий и их зарубежных акций ныне

¹ *Barnet R., Müller R. Op. cit., p. 20.*

² *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 385.*

составляет одно из важных направлений государственно-монополистической деятельности. Специальные меры предпринимаются для ограничения проникновения в страну «чужих» монополий.

Однако разрастание монополий до размеров транснациональных и многонациональных означает, что значительная часть монополистических операций становится недостижимой для национального контроля. Следует иметь в виду, что сами финансовые магнаты, менеджеры озабочены лишь погоней за максимальными прибылями и менее всего заботятся о национальных интересах. Рано или поздно коренные интересы международных монополий приходят в столкновение не только с национальными интересами, что само собой разумеется, но и совокупными интересами буржуазии данной страны.

Допуская иностранный капитал в свои страны, буржуазные правительства рассчитывают увеличить свой хозяйственный потенциал, поднять занятость, привлечь новую технологию и т. д. До поры до времени это дает свои плюсы. Но уже скоро возникают серьезные проблемы. «МНК,— пишет советский исследователь И. Д. Иванов,— базируются непосредственно внутри страны. Против них бессильны средства традиционного протекционизма, в том числе внешний оборонительный тарифный обвод, способный задержать импортные товары, но не капиталы. В итоге (да и к тому же под защитой того же самого обвода) в экономике принимающей страны возникают обширные «анклавы», принадлежащие иностранному капиталу и управлению из-за границы»¹. Все это не может не подрывать суверенитет страны, где базируется МНК. Многие хозяйственные начинания, предпринимаемые государством, наталкиваются на противодействие МНК, за которыми, таким образом, остается последнее слово даже в том, что касается собственно государственной хозяйственной политики.

В последнее время буржуазные идеологи и политики все чаще возвышают голос против засилья международных корпораций. Они требуют от последних лояльности национальному государству. При этом подчеркивается, что именно буржуазное государство в состоянии обуздать растущее сопротивление трудящихся масс экспансии международных корпораций, грозящее вылиться в широкое и организованное движение против самих основ государственно-монополистического капитализма.

¹ *Иванов И. Д.* Международные корпорации в мировой экономике. М., 1978, с. 107—108.

Думается, что буржуазные идеологи, как правило, излишне драматизируют конфликт между государством и международными монополиями. Их цель — представить государство инструментом надклассовым, призванным-де защищать интересы общества в целом. Но эта старая легенда уже давно опровергнута жизнью. Буржуазное государство и международный бизнес — это не два противостоящих друг другу начала, а составные части единого механизма государственно-монополистического капитализма. Несмотря на отдельные стычки, они в основном проводят общую классовую линию, направленную на укрепление устоев господства крупного капитала, защиту эксплуататорских порядков. Констатируя это, нельзя, однако, не видеть усиления космополитических стремлений определенных, наиболее экспансионистских кругов капитала. Они видят выход из отмеченного противоречия в образовании сверхгосударства, которое бы находилось под контролем международных монополий. Послевоенный период характеризуется заметным усилением интеграционных процессов в экономической и политической жизни капиталистического мира. В них также находит выражение объективный процесс интернационализации хозяйственной, общественной жизни, который через все противоречия прокладывает себе путь и при капитализме.

Интеграция национальных хозяйств делает все более ненужными национальные средства регулирования экономической жизни. Практически перед каждым капиталистическим государством встает дилемма: либо отгородить свою экономику от внешнего мира прочными таможенными и другими барьерами и тем самым разрушить сложившуюся систему экономических отношений, либо, оказавшись вовлеченным в интеграционные процессы, идти по пути их дальнейшего расширения и углубления, все теснее увязывая развитие собственного национального хозяйства с хозяйством других стран региона. Как правило, ни одна страна не хочет рисковать устойчивыми экономическими связями и избирает второй путь. Однако на пути интеграции немало других препятствий и трудностей. Хозяйственно-политическая интеграция развивается поэтапно: начинается она с таможенного разоружения, либерализации международного движения капитала и рабочей силы, затем предпринимаются попытки координации экономической и валютной политики соответствующих государств. С ослаблением национальных инструментов экономического регулирования уже на первых

же этапах усиливается роль стихийно-рыночных факторов. При отсутствии наднационального или межгосударственного механизма регулирования экономика тех или иных стран испытывает все больший нажим рыночной стихии, что ведет к росту неустойчивости платежных балансов, усилению инфляции и т. д.

Разумеется, экономика каждого из государств по-разному реагирует на эти явления. Некоторые считают нужным идти дальше по пути интеграции. Среди других начинаются попятные движения. В условиях усиливающейся нестабильности некоторые страны-участницы в срочном порядке сооружают таможенные и другие барьеры, от которых они совсем недавно отказывались. Процесс интеграции неизбежно затормаживается, нарушается единство процесса интеграции. В той мере, в какой капиталистическим государствам удастся преодолевать кризисные явления, интеграция может продвигаться вперед¹. Однако даже такое движение вперед не может происходить иначе, чем через углубляющиеся межимпериалистические противоречия.

Перед идеологами западного мира встает вопрос о возможных путях укрепления западноевропейского региона и усиления его роли в мировой политике. И здесь рождаются проекты двоякого рода. Одна часть буржуазных идеологов — федералистское направление — выступает под флагом отказа от независимости и суверенитета, за создание на месте национальных государств сверхгосударства — Соединенных Штатов Европы. Докладывает экономическую нежизнеспособность национальных государств ввиду узости рынка и ограниченных возможностей вложения капитала. Идеологи этого направления подвергают шумной критике национализм, в котором они видят главную причину мировых войн и ослабления влияния Западной Европы в международных делах.

Другая группа буржуазных идеологов также выступает под флагом объединения Европы, но их цель — конфедерация. В отличие от федералистов они не предлагают поглощать и растворять традиционные национально-государственные образования в рамках «европейского сообщества», а выступают за создание постоянного консультативного механизма, который бы согласовывал и координировал политику стран-участниц на межправительственной основе. Предполагается, что этот

¹ См. подробнее об этом: Западная Европа в современном мире. М., 1979, т. 1, с. 179—186.

орган в будущем сможет перерасти в конфедерацию, которая будет действовать через сложившиеся национальные государства. Эволюция обоих направлений отражает сложные социально-политические процессы развития послевоенной Европы, острые противоречия в стане империалистов, усиливающуюся борьбу идей.

Оценивая деятельность международных монополий, направленную на дальнейшее обобществление процесса производства, следует иметь в виду, что она представляет собой реализацию отмеченной В. И. Лениным тенденции развития капитализма «в направлении к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства»¹. Но Ленин вместе с тем указывал на неосуществимость таких проектов, потому что развитие происходит «при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях... что непременно *раньше*, чем дело дойдет до... всемирного треста... империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»².

Углубившиеся на Западе интеграционные мероприятия направлены объективно на преодоление противоречия между тенденцией к интернационализации хозяйственной жизни, преимуществами международного разделения труда, с одной стороны, и ограниченными размерами и возможностями внутренних рынков, узкими рамками организации производства в той или иной отдельно взятой стране.

Ныне оптимальные показатели производства — мощность, техническая оснащенность, серийность — это уже, как правило, не чисто национальные, а мировые нормы; и развитие объективно обусловленных кооперативных связей превышает возможности производственного потенциала одной страны, требует преодоления узких границ внутреннего рынка, выхода за национальные границы, объединения ресурсов ряда стран. В этом же направлении воздействует на производство и НТР.

В процессе интеграции на базе сближения и переплетения национальных хозяйств возникают и развиваются элементы единого интернационального воспроизводства, происходит процесс все большего сращивания экономик отдельных стран, движущихся к постепенному созданию единой экономической структуры стран — участников

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 98.

² Там же.

интеграционного процесса. Речь идет о качественно новой ступени концентрации производства и капитала¹.

Капиталистическая экономическая интеграция — это реакция капитала на требования развития производства в той форме, в какой это выгодно классу капиталистов, чтобы консолидировать свои силы, чтобы приспособиться к изменившейся политической обстановке, борьбе двух мировых систем.

Образование интеграционных институтов, подобных ЕЭС («Общий рынок»), следует в значительной мере рассматривать в русле той тенденции, которая противопоставляет одних империалистов другим. Стремясь сгладить межгосударственные противоречия, современный монополистический капитализм, напротив, лишь воспроизводит их в новом объеме и еще большей глубине.

В условиях постоянных экономических и социальных потрясений перед лицом усиливающегося мирового социалистического содружества правящие круги стран Западной Европы видели в интеграции, в тесном союзе с Соединенными Штатами какую-то гарантию сохранения устоев капитализма. Ради этого они были готовы пойти на утрату национальной независимости и признание гегемонии США. Однако сама логика развития капитализма приводит к тому, что империалистическая интеграция становится ареной борьбы западноевропейских и американских корпораций за собственные самокорыстные интересы, за передел мирового капиталистического рынка. Прикрытые риторикой об «атлантической солидарности» перед лицом «коммунистической угрозы», эти интересы все сильнее дают о себе знать в условиях, когда рушится миф об угрозе со стороны СССР, когда в определенной мере окрепшая по сравнению с США Западная Европа начинает осознавать пагубность дальнейшего следования в русле политики американского военно-промышленного комплекса, когда мировая капиталистическая система продолжает находиться в тисках экономического кризиса. «Правительства капиталистических стран,— отмечалось на XXV съезде КПСС,—предпринимают одну попытку за другой, чтобы сгладить противоречия, договориться о совместных мерах по преодолению кризиса. Но такова уж природа империализма, что каждый норовит полу-

¹ См.: *Шевцов В. С.* Капиталистическая интеграция: сущность, проблемы. М., 1975, с. 3—5.

чить преимущества за счет других, навязать свою волю. Разногласия обнаруживаются в новых формах, противоречия вспыхивают с новой силой»¹.

Если попытаться сгруппировать противоречия, порождаемые интеграционистской деятельностью монополистов, получится следующая картина непримиримых противоречий:

между международными корпорациями одной национальности, действующими в одной и той же отрасли (например, «Форд мотор К°» и «Крайслер»);

между международными корпорациями разных национальностей, действующими в одной и той же отрасли (например, «Дженерал моторс», «Тоёта», «Фиат» и др.);

между филиальными секторами международных корпораций и национальным капиталом (например, «Ай-Би-Эм» и конфликт с французским государством по поводу французской атомной бомбы);

между национальными капиталами внутри интеграционных группировок (например, ФРГ и Франция по вопросу о наднациональности и др.);

между группировками внутри интеграционных группировок (например, Англия — ФРГ и Франция по вопросам «зеленой Европы»);

между участниками и региональными органами (отказ Франции принять принцип полной «наднациональности»);

между региональными группировками (ЕЭС и ЕАСТ);

между «атлантической» и «региональной» интеграциями².

С целью преодолеть весь этот клубок социальных и экономических противоречий определенные круги в западноевропейских странах форсируют создание наднациональных органов. Одним из таких средств форсирования западноевропейской интеграции является европейский парламент. Еще задолго до прямых выборов в европейский парламент (июнь 1979 г.) руководящие деятели ряда капиталистических государств превозносили их как событие исключительного порядка. Бывший премьер-министр Бельгии Л. Тиндемманс охарактеризовал их как «последний шанс Европы», а председатель ХСС и премьер-министр Баварии Ф. И. Штраус восхвалял выборы как средство, которое позволит Европе преодо-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.

² См.: Сдобников Ю. А. Экономическая интеграция в условиях двух систем. М., 1976, с. 150.

леть «национальную ограниченность» и превратиться в «решающий фактор мировой политики»¹.

Суть дела в том, что формальное объединение ряда стран в ЕЭС не устранило фактической разобщенности «малой Европы». С этой целью и был задуман план преодоления «национального эгоизма» посредством внедрения в политическую жизнь западноевропейских стран «наднационального» принципа. Активным сторонником этого плана была ФРГ. Занимая наиболее сильные позиции в европейском сообществе, ее правящие круги рассчитывали их еще более укрепить. Избрание Европейского парламента путем прямого голосования дало бы ему возможность принимать решения, обязательные для государств — членов сообщества.

Однако с самого начала этот план встретил серьезную оппозицию в ряде стран «Общего рынка». Французская газета «Фигаро» весьма скептически оценивала заявление лидеров Европейского союза о том, что «создание политических структур ликвидирует все трудности», подчеркивая, что против них говорят «суровые факты и огромный вес национальных реальностей. Таким образом, затея с избранием Европейского парламента,— констатировала газета,— идет против течения»².

В определенной мере это проявилось и на самих выборах. Формально в выборах парламента должны были участвовать 181 миллион избирателей в возрасте от 18 лет. Однако 71,9 миллиона человек (около 40% всех избирателей) бойкотировали выборы. Кроме того, значительное число избирателей отказалось поддержать какую-либо партию, подав незаполненные бюллетени. Широкие массы населения стран ЕЭС, по существу, не поддержали наднациональных устремлений правящих кругов. Примерно за месяц до выборов в Европейский парламент французский журнал «Экономи э политик» опубликовал беседу с членом ЦК ФКП Феликсом Даметтом, озаглавив ее: «Интеграция, наднациональность, борьба трудящихся». В ней оценивается двадцатилетний итог деятельности ЕЭС, дается анализ социально-политической сущности интеграционистской политики западноевропейской буржуазии. Французский марксист отметил огромный ущерб, который интеграция нанесла экономике Франции, в особенности таким ее отраслям, как

¹ См.: Международная жизнь, 1979, № 5, с. 111.

² Цит. по: Международная жизнь, 1979, № 5, с. 117.

сельское хозяйство и черная металлургия. Даже буржуазные защитники принципа наднациональности вынуждены были по этому поводу заметить: «Нужно иметь возможность планировать... не нужно предоставлять многонациональным компаниям монополию на долгосрочную стратегию, стратегию в европейском масштабе». Ф. Даметт делает следующий вывод: «Там, где имело место вмешательство наднационального типа, ущерб был более ярко выражен, чем в других местах»¹.

Еще более плачевны итоги в социальной области. Пропагандисты «Общего рынка» уверяли, что интеграция повлечет за собой выравнивание сверху социальных условий трудящихся. Однако действительность принесла усугубление всякого неравенства. «Сегодня,— отмечает журнал,— в связи с кризисом и политикой, проводимой различными государствами на европейском уровне, начался процесс нивелирования снизу — и на самом низком уровне социальных условий европейских трудящихся... Даже самые ярые защитники Европы вынуждены констатировать полный крах социальной Европы»².

Коммунисты западных стран с тревогой отмечают, что буржуазия ряда стран, пытаясь выйти из хронических трудностей, жертвует частью своего суверенитета в надежде завоевать покровительство более могущественных в финансовом отношении соседей. Иными словами, национальная независимость приносится крупной буржуазией в жертву классовым интересам. Ф. Даметт в связи с этим указывает на то, что понятие «наднациональность» не всегда точно выражает фактическое положение дел, создавая, например, впечатление, будто все «партнеры» частично поступаются национальным суверенитетом. Известно, что западногерманский капитал ищет гегемонистской позиции в Европе с перспективами, выходящими за пределы Европы. В этих условиях, считает Ф. Даметт, «европейская наднациональность является выражением уступки, отказа от национального суверенитета Франции и симметрично — выражением гегемонистской позиции ФРГ»³.

С другой стороны, отмечалось в журнале, в Западной Европе за двадцать лет заметно вырос удельный вес американского империализма во всех областях экономики. А американский капитал теснейшим образом пе-

¹ Economie et politique, 1979, mai, p. 61.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 64.

реплетаются с западногерманским. Поэтому западногерманское господство в ЕЭС с экономической, военной и политической точек зрения является по преимуществу средством его превращения в один из инструментов глобальной стратегии империализма, в частности через НАТО¹.

Именно поэтому коммунисты, прогрессивные силы западноевропейских стран против Европы трестов. Они за Европу трудящихся, за Европу борьбы и солидарности. В сущности, эта позиция во многом определила характер выборов в Европейский парламент.

Фактически большинство правящих партий в странах — членах ЕЭС не захотели пойти на предоставление Европейскому парламенту наднациональных полномочий. По-видимому, даже этим кругам становится ясно, что курс на ущемление суверенитета западноевропейских стран не может иметь поддержку среди народов этих стран. Но ведь здравый смысл подсказывает, что путь к миру, стабильности и прогрессу на континенте пролегает не через создание замкнутых военно-политических и экономических союзов, а через развитие равноправного взаимовыгодного сотрудничества на общеевропейской основе. Возможности такого рода открыты решениями Общеευропейского совещания в Хельсинки.

Что касается политики правящих кругов западноевропейских стран, то они, по существу, тщетно пытаются создать политическую надстройку на весьма неустойчивом экономическом фундаменте.

В 1915 году в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» В. И. Ленин вскрыл экономическую и политическую основу интеграционистских тенденций при капитализме. Он показал, что при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа, кроме силы. Ленин подчеркнул, что при капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств.

Интернационализация хозяйственной жизни при капитализме наталкивается на непреодолимые препятствия, порожденные не волей сторонников или противников интеграции, а неумолимыми законами капиталистического производства. С одной стороны, — и в этом заключается объективно прогрессивная сторона интернационализации при капитализме — под воздействием НТР достигается более высокая ступень международно-

¹ Economie et politique, 1979, mai, p. 66.

го разделения труда, стимулируется рост производительности общественного труда, происходит такое его обобществление, которое вплотную ставит вопрос о необходимости социалистического обобществления. С другой стороны, усиление влияния монополий неминуемо влечет за собой усиление монополистического гнета по всем линиям и расширяет до международных масштабов противоречия, порождаемые монополиями.

Нарастает острая борьба двух тенденций — «разъединительной», центробежной и «объединительной», центростремительной, причем особенность развития межимпериалистических противоречий на современном этапе заключается в том, что они разворачиваются на интеграционной основе, в рамках военно-политических союзов. Капиталистический мир периодически сотрясается вспышками торговой, таможенной, валютной войн между монополистическими союзами.

Временные соглашения империалистических концернов по тем или иным вопросам не могут скрыть их органическую неспособность добиться такого уровня регулирования процессов обобществления, при котором они слились бы в один сплошной интеграционный процесс, охватывающий рамки капиталистического мира в целом. Это невозможно, пока речь идет о системе частной собственности. Как и предсказывал В. И. Ленин, несмотря на быстрые темпы капиталистической интернационализации, дело никогда не дойдет и не может дойти до образования единого всемирного треста, поглощающего все без исключения предприятия и все без исключения государства.

Не удивительно, что формами проявления и последствиями международного капиталистического разделения труда оказываются усиление эксплуатации сильными слабыми, острая конкуренция между монополистическими группировками и усиление их экспансионистских устремлений, углубление неравенства уровней экономического развития, увековечение уродливой, односторонней структуры экономики развивающихся стран, ставших объектом неоколониалистских устремлений империалистических держав.

На страницах западной печати все чаще появляются замечания такого рода: «Невозможно более рассчитывать на идентичность интересов в мире, до неузнаваемости изменившемся в течение последней декады... Как это ни парадоксально, но понимание «обособленности» Европы и Соединенных Штатов является прелюдией к более

глубокому их взаимопониманию»¹. И еще: «Каждая нация Европы действует лишь в собственных интересах, а господь бог оказывается на стороне сильнейших»².

К острым межгосударственным противоречиям в западном мире добавляются межнациональные конфликты в самих твердых империализма.

Глава 6

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБОСТРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В УСЛОВИЯХ ИМПЕРИАЛИЗМА

Вначале несколько высказываний из западной прессы.

«Самая парадоксальная черта нынешней эпохи — это конфликт между течениями, стремящимися объединить большие географические блоки в федерации или конфедерации, и течениями, стремящимися еще больше раздробить те страны, которые пытаются объединиться»³, — пишет американский обозреватель С. Сульцбергер в статье «Синдром раздробления национальности», опубликованной газетой «Нью-Йорк таймс».

«В целях создания современного государства и во избежание раскольнических трайбалистских тенденций некоторые африканские государства объявили официальным языком своей страны один из европейских языков: английский — в Замбии, французский — в Габоне, португальский — в Мозамбике и т. д. И в то же самое время в Европе намечается тенденция к распаду на более мелкие общины как в географическом, так и лингвистическом отношениях. Особенно это характерно для тех государств, которые, утратив свои бывшие империи, лишились части своего влияния... Дело в том, что европейский трайбализм набирает силу как раз в тот момент, когда ее теряет движение за европейское единство»⁴, — пишет тот же Сульцбергер в другой статье — «Беспокойные племена Европы».

«Западный фронт Европы — от Шотландии до Корсики, от Бретани до Эльзаса — раздирается преиспол-

¹ *Hartley A. Transatlantic Frivolity.* — *Encounter*, 1973, April, p. 58.

² *Newsweek*, 1974, 4 February.

³ *The New York Times*, 1976, 3 July.

⁴ *The New York Times*, 1976, 18 January.

ненными духа обвинения кампаниями в защиту сепаратизма и регионализма, которые представляют собой явления, беспрецедентные в истории. Требования выдвигаются с такой энергией, что от них уже нельзя отмахнуться как от простого эксцесса или экзотической ностальгии»¹, — пишет американский журнал «Тайм» в статье «Вызов национальным государствам».

«Все происходящее в Северной Ирландии выглядит вехой на пути к гибели»², — отмечает английский журнал «Экономист».

«Как сказал ведущий баскский журналист Паксто Унсуэта, «мы стоим на грани ольстеризации». Сейчас ольстеризация стала широко употребляемым словом, и не только потому, что существует некая прямая аналогия между Ольстером и Страной Басков (такой аналогии нет), а именно из-за того, что проблема баскского сепаратизма грозит вылиться в такую же волну насилия...»³ — пишет английская газета «Файнэншл таймс».

«Сегодня черные американцы, многие из которых считают, что по сравнению с десятилетием назад их положение не только не улучшилось, но даже ухудшилось, кажется, не имеют перспектив»⁴, — пишет Пол Делани на страницах американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

Едва ли может возникнуть сомнение, что национальный вопрос в капиталистическом мире является одной из сложнейших внутривнутриполитических проблем, во многом определяющих социально-политический климат в ряде развитых капиталистических стран. Внимание марксистов-ленинцев приковано к вопросу о характере национальных движений в капиталистических странах. Является ли обострение в этих странах в последние десятилетия национальных проблем столь уже парадоксальным и неожиданным явлением, как об этом пишет буржуазная печать? Разумеется, нет, если отбросить прочь всевозможные иллюзии о «свободном мире» и неотъемлемых социальных и национальных правах человека, якобы гарантируемых обществом частного предпринимательства. Но есть аспекты проблемы, требующие творческого марксистского анализа. Этот вопрос стал предметом изучения в коммунистических и рабочих партиях. Здесь же хотелось бы на основе опубликованных данных

¹ Time, 1975, 27 October.

² The Economist, 1972, 21 October.

³ Financial Times, 1978, 27 December.

⁴ The New York Times Magazine, 1979, 15 July.

нарисовать общую панораму национальной ситуации в ряде капиталистических стран.

Разделяя два коренным образом отличных с точки зрения национальных движений этапа развития капитализма, Ленин говорил об эпохе краха феодализма и абсолютизма, эпохе образования буржуазного общества и государства и эпохе вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся, конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии. Если для первой типично пробуждение национальных движений, то для второй типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений. «...Развитой капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением»¹. При этом Ленин обращал внимание на следующие факторы:

1. Обе эпохи не разделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями.

2. Темпы национального развития, национальный состав населения, размещение его различны в разных странах².

Указывая на завершенность буржуазно-прогрессивных движений в развитых странах, и прежде всего в Западной Европе и США³, В. И. Ленин в принципе не исключал возможность обострения национального вопроса в той или иной капиталистической стране. Он исходил при этом из того, что при капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*⁴. Более того, империализм, ведущий наступление на демократию по всем линиям, попирает демократию и в национальном вопросе, что рождает в массах протест.

Каковы же непосредственные причины обострения национального вопроса, происходящего практически во всех многонациональных капиталистических государствах в современный период? В чем заключается социально-экономическая подоплека национальных коллизий и того самого «взрыва национальных чувств», в котором буржуазные авторы ищут первопричину обострения национальных отношений?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 264.

² См. там же.

³ См. там же, т. 27, с. 260.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 22.

Выше уже отмечалось, что с точки зрения буржуазных социологов в обострении национальных отношений решающую роль играют психологические факторы, коренящиеся в природе людей разных наций. Так, А. Тойнби в интервью французскому журналу «Реалите» видит в национальных движениях «своего рода романтическую реакцию на растущее стирание различий в образах жизни в результате технического прогресса. В то время когда повсюду строят аэропорты и отели «Хилтон», которые до такой степени похожи друг на друга, что невозможно их различить, испытывается потребность подчеркивать как антитезу то, что выделяет и обособляет какой-нибудь народ или область»¹.

Разговор о причинах напряженности в национальных отношениях во многих районах капиталистического мира следует начать с экономических факторов. Как показывает практика, национальные районы ряда капиталистических стран, достигших высокого уровня развития государственно-монополистического капитализма, все чаще оказываются в положении париев. Именно эти районы, «национальная периферия» отличаются относительной отсталостью, неблагоприятным экономическим положением широких масс, их политическим и культурным неравенством. Такое положение сложилось, разумеется, не сразу, а исторически. Запоздавшая промышленная революция имела здесь менее широкую, чем в основных районах страны, сферу действия.

Империализм по своей природе не может разрешить порожденные им экономические проблемы, но он пытается сделать это, усиливая натиск на жизненный уровень рабочего класса, стремясь урезать и даже отнять демократические свободы, завоеванные народными массами в упорной борьбе. По существу, речь идет о том, чтобы парализовать волю народа в борьбе против монополий, его демократические устремления. Это направление империалистической политики приходит в конфликт с возрастающим объемом демократических требований, включая требования, с которыми выступают неполноправные народы и национальные группы, подвергающиеся в условиях империализма растущему гнету — и социальному, и национальному. В числе факторов, лежащих в основе обострения национального вопроса при капитализме, участники международного теоретического симпозиума, организованного журналом «Проблемы мира и социализма», указали на следующие: углубление общего

¹ Réalités, 1968, mai.

кризиса капитализма; усугубление старых и появление новых социальных противоречий в странах капитала; вовлечение в политическую жизнь промежуточных социальных слоев, не осознающих порой объективной необходимости союза с рабочим классом или возглавляемых силами, заинтересованными в национализме и шовинизме; усиление неравномерности и диспропорциональности социально-экономического развития отдельных районов; интеграционные процессы в капиталистической экономике, которые ломают устоявшиеся национально-этнические связи, создают новые и обостряют старые национальные проблемы; рост демократических, антимонополистических устремлений трудящихся¹.

При всем том, что в каждом из многонациональных капиталистических государств создается своеобразная национальная ситуация, ряд признаков типичен для развития национальных отношений именно в условиях империализма.

Остановимся на усилившихся в последние годы национальных движениях в Великобритании, а точнее, в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе.

Особенно острый характер приняла североирландская проблема. Северная Ирландия — часть Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии.

В период английского завоевания Ирландии в XVI — начале XVII века колонизация совпала с протестантской реформацией. Католической церкви был нанесен серьезный удар, но преследования католиков придали им ореол мучеников. Католицизм стал своеобразным национальным символом, «религией побежденных». В последующий период гонения и притеснения, обрушившиеся на католиков, усилились, что обрекло их на положение париев. В наихудшем положении оказалось ирландское крестьянство. Национальный водораздел между победителями и побежденными совпал с водоразделом социальным и религиозным. Протестант, как правило, принадлежал к господствующей касте, обладал в той или иной мере колониальными привилегиями. Католик же был «простым ирландцем», бедняком².

«Католики, проживающие в Северной Ирландии, — это те же негры, только не с черной, а с белой кожей» — этими словами начинает свое исследование североирландской трагедии профессор Дублинского университета

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1980, № 3, с. 67.

² См.: Колпаков А. Трагедия Северной Ирландии. — Мировая экономика и международные отношения, 1972, № 9, с. 93.

Лиэма де Пеа. Разумеется, продолжает он, такое сравнение не совсем точно, оно кажется упрощением. И тут же замечает, что намного хуже другое упрощение, когда борьбу и конфликты в Северной Ирландии пытаются представить как чисто религиозные.

Северная Ирландия — пример такой национальной окраины, где население подвергается двойному и даже тройному гнету — и социальному, и национальному, и религиозному. Вместе с тем это пример того, как империалистические силы пытаются играть на сложности и запутанности национальных отношений, как они пытаются всей своей политикой увековечить межнациональные коллизии в целях укрепления собственного господства. Католики и протестанты в большинстве своем, напоминает Лиэм де Пеа, конфликтуют не по вопросам веры и теологии. Ни одна из противоборствующих сторон не испытывает жгучей потребности обратить другую в истинную веру. Никто из участников конфликта не рассчитывает ударом палки по голове избавить инакомыслящего от теологических заблуждений и сделать его более подходящим кандидатом в рай, иронизирует ирландский профессор. И заключает: проблема Северной Ирландии — это колониальная проблема, и «расовое» различие между колонизаторами и коренным населением лишь принимает религиозную форму¹.

Ольстер — автономное государство, искусственно созданное английскими и правящими местными силами в 1921 году с целью воспрепятствовать распространению ирландского национально-освободительного движения на севере острова.

Согласно англо-ирландскому договору 1921 года британский империализм добился сохранения в составе Соединенного королевства шести наиболее развитых в промышленном отношении графств Северной Ирландии, мотивируя это приверженностью большинства верующих этого района к протестантской Великобритании. Территория искусственно созданной провинции Ольстер немногим более 14 тысяч квадратных километров, население — около 1,5 миллиона человек, две трети из которых — протестанты, а остальные — католики, считающие себя частью ирландского народа. Строго говоря, население Северной Ирландии — смешанного происхождения, те или иные группы населения считают себя ирландцами, британцами, англо-шотландцами, ирландцами

¹ См.: *Де Пеа Лиэм. Расколтый Ольстер*. М., 1974, с. 19.

шотландского происхождения и т. д. Впрочем, официальные данные о национальном составе населения не публикуются, учитывается лишь религиозная принадлежность. В советской литературе по праву оспаривается существование «ольстерского народа», равно как и правомерность историко-географического понятия «Ольстер», которое оправдывало бы его отрыв от Ирландской республики.

Уже длительное время Северная Ирландия переживает глубокий политический кризис. Оккупационные войска, посланные туда английским правительством якобы для прекращения актов насилия, лишь усугубили и без того острую обстановку. Они творят террор и насилие. С августа 1969 года по конец лета 1974 года в Северной Ирландии погибло в кровопролитных схватках около 1100 человек. Разрушены многие жилища, фабрики, учреждения, магазины. В массах населения усиливаются озлобленность и отчаяние. «Однако ольстерский вопрос представляется сейчас еще более трудно разрешимым, чем в 1912 году»¹, — пишет известный ирландский историк профессор Джон Мэрфи.

Если одна часть исследователей североирландской проблемы стремится найти выход из мучительного кризиса, то другая, впав в отчаяние, пропагандирует тезис, будто решения конфликта и быть не может. Так, профессор Р. Роуз, автор книги «Северная Ирландия: время выбора», пишет: «Многие говорят о решении политической проблемы Ольстера, но немногие готовы сказать, в чем состоит эта проблема. Причина проста. Проблема заключается в том, что *не существует ее решения*»². Вместе с тем реакционные политологи прилагают старания для «развенчания того, что они называют мифом об антиимпериалистической борьбе в Ирландии»³. А ведь именно эта антиимпериалистическая направленность и составляет главное содержание национального движения народных масс.

Скрытой подоплекой обеих точек зрения является утверждение о чисто этническом характере проблемы, заключенном-де в превратностях «неонационализма». Буржуазная мысль не может вырваться из порочного круга: конфликт порожден национализмом, а национализм уходит корнями в психологическую потребность

¹ Murphy S. Ireland in the Twentieth Century. Dublin, 1975, p. 170—171.

² Nairn T. The Break-up of Britain, p. 254.

³ Ibid., p. 230.

людей разных национальных и этнических групп конфликтовать друг с другом.

Чтобы вырваться из этого круга хитросплетений, созданных буржуазной наукой для затушевания социальной сущности национального конфликта, надо обратиться к реальной основе, на которой разыгрывается драма людей разных национальностей.

Британские политики не посчитались со стремлением патриотически настроенных ирландцев к созданию единого и независимого ирландского государства, они пошли на сговор с реакционными силами, группирующимися вокруг юнионистской партии — партии англо-ирландских промышленников и землевладельцев. Эти реакционные силы низвели Ольстер до положения отсталой провинции с самым высоким по стране уровнем безработицы, низкой оплатой труда, отвратительными жилищными условиями. Особенно тяжело положение жителей католического происхождения, тогда как протестанты поставлены в привилегированное положение, пользуясь преимущественным правом и при приеме на работу, и при распределении жилья, и при получении образования.

Исторически протестанты преобладали в тех отраслях, где требуется квалифицированная рабочая сила, в то время как католическое меньшинство по традиции занималось преимущественно сельским хозяйством и почти не участвовало в промышленном производстве. Ныне положение сложилось таким образом, что районы с высоким уровнем безработицы в Северной Ирландии — это неизменно католические районы. По официальным данным, в некоторых районах число безработных среди католиков достигает 50% (районы Западного Белфаста, Страбана, Ньюри и Дерри).

Английские правящие круги пытаются подавить стремление католического меньшинства Ольстера к достижению равных гражданских прав и ликвидации дискриминации по политическим и религиозным мотивам. Посылка оккупационных войск (1969 г.), введение законов о чрезвычайных мерах и системы интернирования, позволяющей заключать в концлагеря без суда и следствия всех «подозрительных», бесчинства протестантских «ультра» — лишь некоторые из наиболее явных преступлений британского империализма. Европейский суд защиты прав человека в Страсбурге признал, что английское правительство несет ответственность за нарушение Европейской конвенции о защите прав человека.

В то время как прогрессивные силы, и прежде всего коммунисты, требуют от правительства Англии решительных мер, направленных на устранение препятствий, мешающих национальному и демократическому развитию Северной Ирландии, в том числе и вывода оттуда британских войск, империалистические силы умышленно затягивают конфликт, не желая предоставить народу Ирландии права самому решать свою судьбу.

Перед лицом серьезнейших политических и экономических трудностей один за другим рождаются проекты, направленные на то, чтобы попытаться решить судьбу Ирландии за спиной народа, усилиями большого бизнеса. Выдвигаются проекты — от раздела населения до его перемещения, от требования независимости до статус-кво. Один из таких планов — широкая программа американских капиталовложений, направленная якобы на «примирение сторон», а на деле конечно же продиктованная стремлением поживиться на неимоверных трудностях, переживаемых ирландцами.

Трагедия Северной Ирландии разыгрывается именно на основе преступной политики большого бизнеса, который одинаково враждебен национальным интересам трудящихся всех стран. «Тем, кто ищет «объяснения» лишь в религиозных различиях, — писала видный деятель ирландского рабочего движения Б. Синклер, — надо непременно побывать на юге Ирландии. Они увидят, что «истеблишмент», в котором все до одного — правверные католики, имеет больше общего с ультра на Севере, чем с теми католиками, которые идут в первых рядах борцов за демократические права»¹.

Британские власти усиливают карательные операции против мирного населения Ольстера. Одновременно империалистическая пропаганда пытается изобразить дело так, будто присутствие английских оккупационных войск в Северной Ирландии способствует «уменьшению страха и недовольства». Более того, она пытается представить пагубные результаты британской оккупации как «значительные, обнадеживающие реальные достижения, благотворные для всего населения Северной Ирландии и способствующие стабилизации на Британских островах». Всякое иное решение, предупреждает газета «Обсервер», породило бы новый цикл насилия².

Такой подход основан на тезисе буржуазной пропаганды о том, что католики и протестанты, ирландцы и ан-

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 8, с. 78.

² Ten years in Ulster — The Observer, 1978, 10 October, p. 13.

гличане не могут жить в мире. Но, сводя все к мифическому, психологическому, национально-религиозному конфликту, игнорируя социальную основу конфликта, откладывая решение назревших социально-экономических проблем, правящий класс тем самым пытается увековечить существующее положение вещей. Именно империалисты противятся любым мерам по ликвидации раздела Ирландии, единению ирландского рабочего класса, для чего они и распространяют религиозный фанатизм и оголтелый национализм.

Против империалистических, шовинистических рецептов «нормализации» положения в Ольстере выступают коммунисты и другие прогрессивные силы. «Никакая нормализация положения в Северной Ирландии и прекращение там насилия невозможны,— говорится в заявлении представителей Коммунистических партий Ирландии и Великобритании,—если Лондон не будет выполнять своих обязанностей по созданию подлинно демократических условий для всех людей в Северной Ирландии»¹.

Ирландским коммунистам, оценивающим события с классовых, марксистских позиций, приходится вести борьбу на два фронта — и против «левого» авантюризма, делающего ставку на оружие, и против правых сил, ищущих соглашения с британским империализмом и реакционной верхушкой юнионизма. Коммунисты видят ключ к успеху в этой борьбе в терпеливой работе по объединению сил рабочего класса и преодолению сектантской ограниченности, устранению взаимного недоверия и подозрительности. До последнего времени лишь католическая часть рабочего класса находилась в первых рядах антиимпериалистической борьбы, в то время как протестантское большинство либо сохраняло пассивность, либо играло негативную и даже реакционную роль.

Юнионисты — сторонники тесного союза Ольстера с Англией — имеют немало рычагов, с помощью которых они манипулируют протестантскими массами. Они ловко используют страхи мелкой буржуазии и части рабочих перед тем, что прекращение дискриминации и предоставление католическому меньшинству равных прав с протестантами поведет к ухудшению их положения. Поддерживая иллюзию привилегированного статуса для протестантского большинства, реакционные силы всеми мерами препятствовали политическому пробуждению

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 8, с. 78.

трудящихся масс. Однако наступление британских монополий все сильнее сказывается и на положении протестантских масс. «Это,— пишет заместитель Генерального секретаря Компартии Ирландии Джеймс Стюарт,— залог того, что нынешнее положение не продлится долго, рабочий класс Ольстера, имеющий давние боевые традиции, еще сумеет показать, что в борьбе за свои интересы и демократические права он может подняться над религиозными различиями...»¹

Коммунистическая партия Ирландии считает единственным путем решения ирландской проблемы создание объединенной Ирландии. Как отмечается в ее документах, ключевой вопрос «не в том, как Великобритания управляет Северной Ирландией, а в том, имеет ли Великобритания право управлять какой-либо частью Ирландии»².

Одной из ближайших задач на пути к решению североирландской проблемы Компартия Ирландии считает задачу ликвидации «прямого правления» Лондона. Для этого необходимо:

1) Покончить со всеми репрессивными законами и мерами и заменить их биллем о правах, который гарантирует свободу политической мысли и деятельности для всех граждан Северной Ирландии и запретит дискриминацию граждан по признакам вероисповедания, политических взглядов и убеждений, пола, расы или цвета кожи.

2) Провести выборы в Североирландскую ассамблею по системе пропорционального представительства.

3) Добиться от британского парламента предоставления Североирландской ассамблее финансовых полномочий с целью положить конец господству иностранных монополий, контролирующих 78% экономики, и обеспечить экономическое развитие в интересах трудового народа Северной Ирландии.

4) Добиться от британского правительства обязательства впредь не вмешиваться в дела Ирландии политическими, военными и экономическими средствами и оставить за народом Ирландии на севере и юге право на определение будущего устройства страны, отвечающего его интересам³.

Выдвигая эти требования, ирландские коммунисты выступают за единство британского и ирландского рабочего класса, придают решающее значение преодолению

¹ Проблемы мира и социализма, 1973, № 9, с. 60.

² За рубежом, 1979, № 40, с. 11.

³ См.: Проблемы мира и социализма, 1980, № 3, с. 74.

изоляции организованного рабочего движения от движения национально-освободительного, т. е. созданию классового союза всего трудового народа Ирландии. Они подчеркивают при этом первостепенное значение совместных действий рабочих и демократических сил Ирландии и Великобритании против общего врага — британского империализма.

Если североирландская проблема уже давно будоражит широкое общественное мнение, то подъем национальных движений в Шотландии и Уэльсе — явление новое.

До последнего времени протекающие здесь национальные процессы в целом можно было характеризовать как естественную ассимиляцию ряда коренных народностей с более крупными национальными единицами. Так, кельтоязычная народность гэлы, насчитывающая в 1970 году менее 100 тысяч человек, постепенно сливается с шотландцами, передавая им элементы своей традиционной культуры. Постепенно, хотя и более медленными темпами, идет процесс ассимиляции англичанами более крупной кельтоязычной народности — уэльсцев, или валлийцев, насчитывающей в 1970 году около 900 тысяч человек. Английские власти чинили всякого рода препятствия развитию их языка. В послевоенный период здесь ширится движение за возрождение родного языка и культуры¹.

Иначе складывались взаимоотношения англичан и шотландцев, сохранивших, несмотря на общий с англичанами язык, национальное самосознание и традиции. В последнее время здесь отмечается заметное усиление движения за самоуправление.

Под нарастающим давлением этих движений, требующих большей самостоятельности, осуществления широкой программы демократических прав, английское правительство в 1975 году опубликовало «Белую книгу» — «Наша меняющаяся демократия: частичная передача власти Шотландии и Уэльсу». Была выдвинута программа «деволюции», т. е. расширения автономных прав этих районов. Шотландские и валлийские националисты, отражая интересы местной буржуазии, мечтающей урвать кусок британского пирога, твердят о ренессансе национализма, который, по их замыслам, должен привести к распаду британского государства². Они вызывают к национальным чувствам, всячески раздувая их,

¹ См.: Советская этнография, 1975, № 5, с. 5—6.

² Nairn T. Op. cit., p. 179, 194—195.

мешая росту классовой солидарности британских трудящихся, основанной на глубоком понимании подлинных причин кризиса.

Шотландия и Уэльс, официально признанные правительством «зонами бедствия», особенно пострадали от кризиса британского капитализма. Необычайно жестокие последствия упадка традиционных для этих районов отраслей промышленности, таких, как угледобывающая и сталелитейная, железнодорожный транспорт, а для Шотландии — особенно судостроение, вызвали широкую безработицу и значительную миграцию. На общем фоне упадка размывалась традиционная культура, предавались забвению коренные гэльский и валлийский языки. На этой основе росло движение протеста, пробуждалось национальное самосознание.

Открытие нефти в прибрежном шельфе Шотландии — именно тогда, когда капиталистический мир столкнулся с жестоким энергетическим кризисом, — породило надежды на быстрый подъем, однако политика правительства, идущая вразрез с национальными интересами, лишь усугубила остроту положения.

Всем этим воспользовались шотландские националисты, давно выступающие с требованиями отделения Шотландии от Англии. Они выбросили лозунг о том, что «нефть должна быть шотландской». «При этом, — отмечает английский публицист А. Мэррей, — полностью игнорируется, а точнее, намеренно скрывается тот факт, что *все права* на разведку и добычу давно проданы с аукциона «частным предпринимателям», т. е. практически межнациональным нефтяным гигантам, среди которых большинство составляют американские. Так что на деле эта нефть сегодня не является даже британской»¹.

Шотландские и уэльские националисты во всем винят англичан, а не капитализм. Они ратуют за сепаратное «решение» проблем, хотя их узколобый национализм лишь мешает поискам подлинно демократической альтернативы.

В полном соответствии с традиционными установками буржуазной социологии идеологи шотландского сепаратизма акцентируют внимание на всем том, что разделяет национальные группы Великобритании. Констатируя отсутствие в Шотландии отличного от английского собственного языка, которым пользовалось бы большинство населения, Т. Нэйрн пишет: «Во всяком случае, у шот-

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1975, № 3, с. 32.

ландцев под рукой куда более тяжелая артиллерия! У них есть — если говорить только об этом — громадной важности факт отчетливых религиозных различий. Шотландская реформация была совершенно иным процессом по сравнению с английской... Нет необходимости подчеркивать потенциальное значение этого фактора в теперешней национальной борьбе, достаточно взглянуть на Ирландию (даже в такой ситуации, когда обе стороны говорят на одном языке)»¹.

Увести трудящиеся массы с пути классовой борьбы, окунуть их в водоворот национальной междоусобицы, религиозных и национальных схваток — в этом суть сепаратистских лозунгов. В связи с этим Компартия Великобритании разъясняет как реакционность сепаратистских лозунгов, так и недостаточность мер по автономии.

Очевидно, что было бы глубокой ошибкой игнорировать национальные чаяния шотландского и уэльского народов. Но борьба за законные права народов Шотландии и Уэльса может быть успешной лишь тогда, когда она будет развиваться как часть общей борьбы британского народа за экономический, социальный и политический прогресс. Что касается господствующей официальной британской точки зрения, то она исходит из явно ошибочного тезиса о поглощении «подчиненных» или «несамостоятельных» народов, в связи с чем отрицается существование какого-либо национального вопроса.

Своей национальной политикой господствующие круги Великобритании позволили шотландским националистам увлечь часть населения узконационалистическими лозунгами, в которых нет и попытки изменить политическую и экономическую систему капитализма.

Как подчеркивал представитель Компартии Великобритании У. Харт, выступавший на международном симпозиуме в Базене, организованном журналом «Проблемы мира и социализма», британские коммунисты всегда рассматривали и рассматривают национальный вопрос в тесной связи с интересами рабочего класса и всех трудящихся. Основная проблема для народов Шотландии и Уэльса — это проблема безработицы, замораживания заработной платы, неуверенности в завтрашнем дне, плохие жилищные и другие социальные условия, упадок культуры. В сущности, эти же проблемы волнуют рабочий класс и трудящихся всей страны, так как они порождены повсеместным господством британского монополистиче-

¹ *Nairn T. Op. cit., p. 106—107.*

ского капитала. «Не существует отдельного шотландского и уэльского монополистического капитализма. Существует лишь британский монополистический капитализм плюс иностранные многонациональные компании, которые эксплуатируют все три народа»¹.

Именно с этих позиций подходят британские коммунисты к вопросу о предоставлении ограниченной автономии Шотландии и Уэльсу, созданию там парламентов с эффективными полномочиями. С их помощью шотландские и валлийские трудящиеся имели бы возможность активнее участвовать в решении своих дел и оказывать влияние на прогрессивное развитие в стране в целом.

Ни в коей мере не становясь на позиции национального нигилизма, коммунисты подходят к национальным требованиям как к части классовой, социалистической программы.

«Мы всегда стояли на том,— заявляет А. Мэррей,— что ключ к победе дают организованные действия рабочего класса, который должен объединить под своим руководством все прогрессивные слои нации. По этой причине мы считаем необходимым, чтобы организованные рабочие полностью представляли себе значение национальной борьбы, понимали, что все мы отвечаем за то, чтобы знамя национального движения не осталось в руках тех, кто лишает это движение классового и социалистического содержания. Вот та классовая позиция, которой всегда придерживались коммунисты»².

В последние годы заметную остроту приобрела франко-канадская проблема в Канаде. Изображаемая в буржуазной литературе зачастую как проблема «языка», «культуры», «национального духа», эта проблема в существе своем отражает сложные социально-экономические процессы, присущие государственно-монополистическому этапу капиталистического развития. В Канаде живут две исторически сложившиеся нации: англоканадцы (44,6% населения страны) и франкоканадцы (29%). Остальное население — нацменьшинства, среди которых значительная часть принадлежит иммигрантам. На территории провинции Квебек проживает 6,2 миллиона франкоканадцев (84,1% всего населения провинции), поэтому именно проблема Квебека выдвинулась на первое место среди национальных проблем. Суть дела в том, что франкоканадцы издавна подвергаются национально-

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1980, № 3, с. 73.

² Проблемы мира и социализма, 1975, № 3, с. 33.

му угнетению, которое восходит ко времени завоевания Канады Великобританией более двухсот лет назад. Сильно урезанная автономия провинции явно не способна защитить национальные права и интересы франко-канадского населения, фактически провинция не в состоянии даже распоряжаться собственными природными ресурсами.

Традиционно экономика Квебека развивалась более медленными темпами, чем канадская экономика в целом. Послевоенная индустриализация (40—50-е годы) способствовала подъему экономики Квебека, однако именно в этот период еще резче обнаружились диспропорции в хозяйственном развитии, зависимый характер экономики провинции. Англо-канадский капитал, занимая командные позиции в экономике провинции, а в последнее время и американский капитал хищнически эксплуатируют природные ресурсы, используя дешевую рабочую силу франкоязычного населения. «Наиболее характерной чертой квебекской экономики,— пишет французский исследователь Ж. К. Робер,— является, без всякого сомнения, двойной гнет со стороны иностранного, преимущественно американского, капитала и со стороны англоканадцев»¹.

Приближаясь в настоящее время по уровню экономического развития к провинции Онтарио, Квебек с точки зрения социально-экономического положения подавляющей массы населения занимает одно из последних мест в стране. Это провинция с наибольшей концентрацией бедности — здесь сосредоточено 32% канадского населения, живущего ниже официального предела нищеты. Уровень безработицы в этой провинции нередко вдвое выше, чем в Онтарио.

О дискриминации франкоязычного населения говорит такой факт. В 1971 году королевская комиссия изучала заработки населения Монреаля. Согласно докладу, среди 11 этнических групп города в наилучшем положении оказались англосаксы (выходцы из Великобритании). Что касается франкоканадцев (население французского происхождения), то они находились на девятом месте. Замыкали ряд итальянцы и индейцы².

«Квебек против Канады — одна нация или две?» — под таким заголовком американская газета «Крисчен сайенс монитор» опубликовала в апреле 1978 года

¹ Канада на пороге 80-х годов. Экономика и политика. М., 1979, с. 232.

² См.: Мировая экономика и международные отношения, 1972, № 9, с. 106.

статью, недвусмысленно связав политический кризис в Канаде с различиями в подходе к проблеме нации¹.

Традиционный взгляд на проблему основан на ошибочном тезисе, навязываемом официальной печатью, «одна Канада — одна нация». При таком подходе, отрицающем национальную самобытность франкоканадцев, все сводится к сосуществованию культур и языков, т. е. к факторам, лежащим как бы на поверхности, тогда как глубинные процессы развития двух национальных общин остаются в тени.

Будучи вынужденными под давлением прогрессивной общественности ослабить систему неравенства двух основных языков, глубоко вошедшую в жизнь Канады, правящие круги страны пошли на принятие в 1969 году закона об официальных языках, который формально уравнивал в правах английский и французский языки. Однако официальная политика двуязычия на практике оказалась малоэффективной, и в 1974 году национальное собрание Квебека приняло специальный закон, который объявил французский язык единственным официальным языком провинции. А это вызвало заметное недовольство англо-канадских деловых кругов.

Франко-канадская проблема породила острый кризис в стране, обнаруживший принципиально различные подходы к национальному вопросу разных политических сил и партий. «Политическая бомба с часовым механизмом тикает к северу от границы Соединенных Штатов, — писал американский журнал «Тайм» в феврале 1978 года. — Она угрожает единству и даже самому существованию Канады. Эта бомба — угроза сепаратистского правительства Квебека добиться независимости для самой большой провинции страны»².

Однако лозунг отделения Квебека от Канады (или свободной его ассоциации с нею) не отвечает требованиям и интересам ни монополистической буржуазии вообще, ни франко-канадской буржуазии. С ним носятся, главным образом, франко-канадские мелкобуржуазные круги, которые вместо англо-канадских монополистов стремятся взять на себя роль конкурентов и партнеров американского империализма. Созданная этими силами националистическая партия Квебека в условиях отсутствия в стране массовой коммунистической или другой раскопей партии сумела увлечь своими лозунгами часть ра-

¹ Cristian Science Monitor, 1978, 25 April.

² Time, 1978, 13 February.

бочего движения, распространяя среди населения националистические настроения.

Характерно, однако, что при каждом обострении классовой борьбы националистическая партия Квебека, как писал один из руководителей квебекских коммунистов — С. Уолш, «демонстрировала свои типичные мелкобуржуазные шатания, неизменно выражая «сочувствие» устремлениям рабочего класса и неизменно поддерживая действия крупной буржуазии по подавлению таких устремлений»¹.

Тем самым буржуазно-националистические круги все яснее раскрывали свою социальную сущность — защиту своекорыстных интересов франко-канадской буржуазии, маскируемую «интересами нации».

Разумеется, сепаратистское решение вопроса нежизненно и реакционно. Оно нежизненно потому, что могучей тенденцией экономической жизни является тенденция к ломке национальных перегородок, а не к созданию частотола новых искусственных границ и барьеров, отделяющих одну нацию от другой. Оно реакционно, так как явилось бы тормозом на пути промышленного развития Квебека из-за резкого сокращения внутреннего рынка, а также неминуемо привело бы к еще большему снижению занятости населения и его уровня жизни. Особенно важно подчеркнуть, что сепаратизм противоречит интересам единения пролетариата всей Канады в борьбе против канадских монополий, против империализма США, за жизненные интересы трудящихся масс. С другой стороны, политика двуязычия, которую проводят федералисты, отрицая существование франко-канадской нации и ограничиваясь мерами по некоторому улучшению экономического положения Квебека, явно недостаточна и не может удовлетворить его население, стремящееся к более широким переменам.

Путь к действительному решению проблемы указан в документах Компартии Канады. Позиция коммунистов основана на признании того, что «франкоканадцы Квебека имеют все признаки нации и потому должны иметь право на самоопределение вплоть до отделения, если этого пожелает большинство»². Занимая четкую позицию по национальному вопросу, канадские марксисты решительно отвергают обвинения в поддержке сепаратизма, которые часто выдвигаются в их адрес.

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 10, с. 80.

² Там же, с. 81.

Свою суверенность нация может выразить различными способами: образуя отдельное государство, участвуя в конфедерации равноправных наций или государств, пользуясь автономией. Было бы ошибочным абсолютизировать какую-либо из этих форм и, в частности, забывать, что отделение далеко не всегда отвечает высшим интересам трудящихся. Канадские коммунисты выступают за принятие новой конституции Канады, которая признавала бы право на политический суверенитет, включая право на отделение, если того желает большинство наций.

Компартия Канады выступает за единое государство с парламентом, состоящим из двух палат: одна избиралась бы на основе представительства в зависимости от численности населения, а другая состояла бы из равного числа представителей, избираемых от каждого из двух национальных государств. Каждая палата должна пользоваться равным правом законодательной инициативы, но законопроекты получают силу закона только после их принятия обеими палатами.

Только на путях радикальных социальных преобразований, устранив неравенство и национальное угнетение как основную причину растущей разобщенности английской и французской Канады, пролетариат и все демократические силы, опираясь на единство обоих народов, смогли бы добиться решающих успехов в борьбе против общего врага — канадского монополистического капитала и американского империализма.

К числу стран с острыми национальными проблемами относится Бельгия. Бельгийское государство возникло в 1830 году не столько в результате естественного политического развития составляющих его групп населения — фламандцев и валлонов (их экономическое, религиозное и культурное развитие проходило на различной основе), сколько вследствие политико-дипломатической деятельности вершивших тогда европейскими делами крупных иностранных держав. На протяжении длительного исторического развития национальные противоречия в стране не сказывались с заметной силой.

Сейчас из 9,7 миллиона жителей Бельгии (1974 г.) фламандцы (близкие по культуре и языку к Голландии) составляют 5,5 миллиона, валлоны (франкоязычные) — 3,1 миллиона, около миллиона — брюссельцы, не считающие себя ни фламандцами, ни валлонами, но в подавляющем большинстве говорящие на французском языке. Кроме того, в «восточных кантонах» 60 тысяч жителей

говорят по-немецки¹. Экономика Бельгии в прошлом развивалась прежде всего за счет промышленного развития Валлонии, издавна располагавшей более благоприятными для такого развития ресурсами полезных ископаемых и рабочей силы. Что касается Фландрии, то она оставалась преимущественно сельскохозяйственным районом с высоким уровнем безработицы и гораздо более низким жизненным уровнем по сравнению с Валлонией. Разница в экономическом положении дополнялась культурными привилегиями валлонов, чей язык навязывался буржуазией всему населению страны, тогда как фламандскому языку вообще отказывали в праве на существование. На этой базе во Фландрии возникло национальное движение, проникнутое по преимуществу идеологией мелкобуржуазного национализма. В 60—70-е годы заметно усилились национальные распри, национальные проблемы практически охватили всю страну, выдвинувшись на одно из первых мест в общественно-политической жизни.

Экономическую подоплеку усиления национальных движений в стране составила прежде всего структурная ломка экономики — сокращение производства в традиционных отраслях промышленности (угледобыча, металлургия) и внедрение новых отраслей. На этот раз в более выгодном положении оказалась Фландрия, где по преимуществу и располагались предприятия наиболее перспективных и растущих отраслей. Сказались и более выгодное положение вблизи морских портов, дешевизна рабочей силы, меньшая развитость пролетариата, испытывавшего во Фландрии более заметное, чем в Валлонии, влияние буржуазной и религиозной идеологий.

Ввиду этого экономика Фландрии развивалась темпами, вдвое превышавшими темпы развития Валлонии, которую она вскоре догнала и перегнала. Однако индустриализация Фландрии не привела к выравниванию уровней развития двух основных районов страны, а, наоборот, породила новые диспропорции. А это, в свою очередь, и явилось катализатором социальных и национальных драм².

Какова же подоплека всех этих процессов? На базе обострения классовых и национальных противоречий в стране поднимает голову как фламандский, так и валлонский национализм. При этом недовольство и протест

¹ См.: *Ван Гейт Луи*. Кризис национальных общин и кризис власти в Бельгии. — Проблемы мира и социализма, 1974, № 9, с. 51.

² См.: Проблемы мира и социализма, 1974, № 9, с. 53.

народных масс направляется не по адресу, не против бельгийской буржуазии, проводящей антинародную и антинациональную политику, а против той или иной национальной общины.

В 60-х годах в Бельгии развернулась острая политическая борьба, получившая название «лувенского бунта». Поводом послужило требование фламандских студентов перевести франкоязычную секцию крупнейшего в стране Лувенского католического университета (находящегося во Фландрии) в Валлонию. Эти требования носили весьма резкий характер («Валлоны, вон из Лувена!»). Буржуазная печать трактовала этот конфликт как еще одно доказательство непримиримости национальных общин, разделенных языковым барьером. «Со стороны кажется, — писала газета «Фигаро», — что события в Бельгии окружены ореолом какой-то народной романтики, экстравагантной и устаревшей. Если посмотреть на них поближе, то они убеждают в постоянстве человеческих чувств, побеждающих машины и теории. И наконец, если посмотреть на них совсем близко, то они иллюстрируют социальный конфликт, старый как мир, исторически решавшийся геноцидом: конфликт двух схожих культур с различными языками»¹.

Острые политические распри были порождены постановкой вопроса о равноправии фламандского и французского языков в Брюсселе и его пригородах, где большинство населения — франкоязычное.

Крупная буржуазия Бельгии умышленно разжигала и обостряла бесплодные споры и конфликты на языковой почве, что помогало ей отвлекать внимание масс от главных политических проблем. Она упорно отстаивала унитарную структуру, которая пришла в противоречие с интересами большинства населения основных районов страны, но отвечала интересам монополистического капитала. В противовес этому коммунистическая партия уже в течение многих лет отстаивает демократический федерализм.

Поясняя позицию Компартии Бельгии на международном теоретическом симпозиуме, организованном журналом «Проблемы мира и социализма», Р. Франсис указывает на определяющий критерий целесообразности тех или иных государственных форм — служит ли использование этих форм интересам классовой борьбы против буржуазии. В сложившихся в Бельгии в данный

¹ Le Figaro, 1968, 14 fevrier.

период условиях дальнейшая регионализация страны или, еще лучше, введение федеральной системы поставили бы буржуазию в невыгодное положение. Федерализация страны создала бы условия для более успешной борьбы против раскольнической тактики буржуазии, которая «постоянно натравливает один район на другой и сводит к национальным противоречиям проблемы, за которые несет полную ответственность ее классовая политика». Это не будет угрозой единству страны, а, напротив, создаст благоприятные условия для развития демократии и антимонополистической борьбы. Вместе с тем компартия ведет линию к усилению интернационального единства пролетариата. «Не может быть и речи,— подчеркивает Р. Франсис,— о делении рабочего класса на валлонский, фламандский и брюссельский. Единой буржуазии должен противостоять единый пролетариат»¹.

Национальный вопрос в современной Испании, по общему признанию, является самой сложной и трудно-разрешимой проблемой. Население Испании в этническом отношении исключительно разнообразно. Государство разделено на 15 исторических областей — Канарские острова, Астурия, Галисия, Валенсия, Страна Басков, Наварра, Арагон, Андалузия, Каталония, Новая Кастилия, Мурсия, Леон, Старая Кастилия, Балеарские острова, Эстремадура. Неравномерность развития этих областей на протяжении исторического развития, реакционный курс в национальном вопросе, которого придерживался франкистский режим, выдвинули этот вопрос на видное место в социально-политической жизни современной Испании. Политические страсти разгорелись прежде всего вокруг проблемы автономии.

Одной из первых акций франкистского режима была отмена автономных статуты, предоставленных республикой некоторым районам страны. В соответствии со своей доктриной «единой Испании» фалангисты развернули наступление на национальные меньшинства. Однако политика ассимиляции и подавления национальной жизни натолкнулась на серьезное сопротивление, особенно в Каталонии и Стране Басков. Национальное движение приобретало все больший размах на фоне усиливающегося забастовочного движения испанского пролетариата.

Позиция компартии в национальном вопросе определяется стремлением проанализировать его с классо-

¹ См.: Проблемы мира и социализма, 1980, № 3, с. 70.

вых позиций. Испанские коммунисты — за уважение национальных прав и самобытности народов. Но при этом, говорилось на международном симпозиуме, организованном журналом «Проблемы мира и социализма», следует иметь в виду, что местная буржуазия, которая якобы так печется о национальных интересах, языке и других атрибутах национальной самобытности, на деле нещадно эксплуатирует «своих» трудящихся. Испанский представитель Р. Рибо напомнил характерный эпизод: промышленники и банкиры из Бильбао попросили в свое время Франко привезти в рабочие центры района 400 тысяч андалузцев, чтобы прорвать фронт баскских профсоюзов. Вывод ясен: «В условиях, когда политические, экономические и социальные вопросы переплелись в столь тугой и сложный узел, выпячивать на передний план, например, проблему языка — значит упускать из поля зрения главное: борьбу трудящихся за свои социально-экономические и политические права. И уж тем более решительно осуждает КПИ террористические действия. Какими бы лозунгами ни прикрывались экстремистски настроенные националисты, объективно они действуют в интересах тех, кто пытается помешать демократизации, кто тоскует по «сильному правительству», под которым разумеется новый вариант диктатуры»¹.

Как видим, в современный период национальный вопрос заметно обострился во многих капиталистических странах. Серьезного внимания в этом отношении по-прежнему заслуживают США — цитадель мирового капитализма. Здесь социальное угнетение проявляется в отвратительных формах расово-национального гнета. Причины этого уходят в глубь американской истории и связаны с особыми условиями формирования американского капитализма и североамериканской нации. Провозгласив более 200 лет назад равенство всех граждан страны, правящий класс молодой республики не только не обеспечил его в жизни, но, наоборот, исключил из сферы его применения чернокожих рабов и индейцев. «Двойная мерка», присущая буржуазному праву, уже тогда свидетельствовала о расхождении между провозглашаемыми правами и действительностью.

Стремительно развивающийся капитализм способствовал интенсивному взаимодействию, социальной и культурной ассимиляции, а также физическому смешению

¹ Проблемы мира и социализма, 1980, № 3, с. 73.

огромного числа переселенцев из Старого Света. Коренное население и иммигранты, прибывавшие в США (иммиграция в последние десятилетия существенно сократилась), составили в совокупности причудливую мозаику рас, этнических и религиозных групп, языков и культур.

За некоторыми исключениями в США в нынешний период трудно найти районы, преимущественно заселенные определенной расово-национальной группой. К началу 1971 года население США, насчитывавшее около 203 миллионов человек, состояло из 177,6 миллиона белых, 22,8 миллиона негров и около 2,5 миллиона представителей других рас. В стране насчитывалось 31 миллион выходцев из Англии, Шотландии, Уэльса, более 16 миллионов ирландцев, более 25,5 миллиона выходцев из Германии, более 8,7 миллиона итальянцев, около 5 миллионов выходцев из Польши, более 5 миллионов выходцев из Франции, около 9 миллионов выходцев из испаноязычных стран, преимущественно латиноамериканцев, более 2 миллионов выходцев из России¹. К 1975 году численность негритянского населения достигла 28 миллионов человек, т. е. составила одну восьмую часть населения США. Общая же численность представителей национальных и расовых меньшинств составила 48 миллионов человек, т. е. более одной пятой населения страны².

Процесс консолидации американской нации, начавшийся в XVIII веке, не завершился до сих пор, в частности не «интегрированы» негры и другие «цветные», чему препятствует расовая дискриминация. Расизм и шовинизм стали спутниками самого агрессивного и самого ненасытного капитализма.

«На протяжении истории американский капитализм зависел от расистской идеологии и практики, создававших ему богатство,— читаем мы в программе Компартии США.— Расизм использовался для обоснования кровавого геноцида индейцев, коренных обитателей этой страны. С помощью расизма обосновывалось такое варварское, но прибыльное капиталистическое предприятие, как торговля людьми, система рабовладения, которая превратила чернокожих мужчин, женщин и детей в движимую собственность. После отмены рабства расизм

¹ См.: Шлепаков А. Н. США: социальная структура общества и его национальный состав. Киев, 1976, с. 159.

² См.: Перло Виктор. Расизм в экономике США. М., 1978, с. 24—25.

оказался достаточно гибок, приспособлявая свои доктрины к практике. Он предоставил в распоряжение капитализма систему сегрегации и дискриминации, новый вариант той же самой лженаучной теории превосходства белых»¹.

Огромная армия пропагандистов американского «образа жизни» утверждает, будто расовая дискриминация — это уже вчерашний день, ссылаясь при этом на немалое число реформ, улучшающих положение негритянского и иного небелого населения. Споры нет, освободительное движение негров и других наиболее угнетенных расовых групп позволило вырвать у правящего класса США ряд серьезных уступок.

Но, во-первых, юридическая сторона дела в США очень часто находится в вопиющем противоречии с фактическим положением вещей — и это прежде всего и более всего относится именно к практике расовых взаимоотношений. Во-вторых, чернокожим и другим небелым американцам необходимы не отдельные, пусть даже важные, уступки, а ликвидация всей системы, обрекающей их на фактическое бесправие.

В последние десятилетия происходят серьезные изменения в территориальном размещении негритянского населения и его социальном составе. Если до второй мировой войны большинство негров жило на юге и в сельской местности, то ныне положение радикально изменилось. Миграция негритянского населения шла из сельской местности в город, а из южных районов — на север и запад. В 1971 году более 86% самостоятельного негритянского населения принадлежали к рабочему классу, 3,4% были заняты в сельском хозяйстве, в том числе лишь 0,7% были фермерами, остальные — сельскохозяйственными рабочими².

Передвижение значительных масс негритянского населения в наиболее развитые промышленные районы США и его пролетаризация делают негритянский народ чрезвычайно важным фактором политической жизни США. Следует учесть, что положение чернокожего населения становится все более тяжелым по мере внедрения в производство достижений науки и техники. Высо-

¹ New Program of the Communist Party USA. N. Y., 1970, pp. 71—72.

² См.: Богина Ш. А., Козлов В. И., Нитобург Э. Л., Фурсова Л. Н. Национальные процессы и национальные отношения в странах Западной Европы и Северной Америки.— Советская этнография, 1975, № 5, с. 11.

коавтоматизированные предприятия нуждаются в технических специалистах и в квалифицированной рабочей силе. У негров же чаще всего нет средств, а зачастую и права (в силу позиции, занятой «белыми» профсоюзами) на приобретение квалификации.

За последние 10—15 лет в положении негров в США произошли определенные перемены. После долгого сопротивления правящих кругов им пришлось пойти на принятие законодательства о гражданских правах. Теперь даже в традиционно расистских заповедниках американского юга нет табличек «только для белых». Негритянское население в большей мере пользуется избирательными правами, возросло их представительство в муниципалитетах. Однако расизм как идеология продолжает оставаться атрибутом американского образа жизни; нет серьезных изменений и в социально-экономическом положении расово-национальных меньшинств. По данным министерства труда, за апрель 1980 года в целом по стране лишены рабочего места 7% лиц наемного труда, а среди негров — 12,6%. Особенно тяжело положение молодежи. Согласно оценке организации «Национальная городская лига», каждый третий молодой негр — безработный. Как видно из опубликованного этой организацией «Положения черной Америки в 1980 году», в 1978 году средний доход семей афроамериканцев составлял 59% от дохода белой семьи, тогда как в 1968 году он составлял 61%. За 70-е годы число негритянских семей, существующих на доходы, не обеспечивающие прожиточного минимума, увеличилось на 19%¹.

Территориальные перемещения среди негритянского населения, а также изменение в его классовом составе повлекли за собой изменения в психологии и поведении большинства негров. Сблизившись по образу жизни с другими группами городского населения США, негры проявляют растущее стремление к интеграции в американском обществе. Этому содействует также и то обстоятельство, что негритянское население уже не сосредоточено, как это было раньше, преимущественно в пределах черного пояса в южных штатах. Интеграционистское течение составляет основной поток негритянского движения. В то же время нельзя не видеть и сепаратистского течения, которое питают система сегрегации и дискриминации, фактически сохраняющаяся повсеместно, а также репрессии, обрушивающиеся на негри-

¹ См.: Международная жизнь, 1980, № 7, с. 112.

тянское население со стороны полиции и расистских организаций. Усиление националистических настроений, принимающих подчас крайние формы,— характерная черта нынешнего этапа борьбы негритянских масс. Один из крупных знатоков негритянской проблемы, Клод Лайтфут, специально анализирует источники негритянского национализма ¹.

Загнанные в гетто негритянские массы настойчиво добивались ликвидации расовых барьеров. Но когда они добились устранения этих барьеров во многих городах, белые стали переселяться в пригороды. В результате гетто не только не были ликвидированы, но, напротив, даже расширили свои рамки. Отсюда — горечь и недовольство, обращенное против белого населения. «Постепенно,— пишет К. Лайтфут,— многие негры поняли, что и в других сферах интеграция — скорее абстрактное понятие; сама по себе она не решает проблем, стоящих перед ними. Даже живя рядом с белыми, общаясь с ними в школе и во всех сферах общественной жизни, негр остается гражданином «второго сорта», который совсем или частично лишен права голоса при решении вопросов, имеющих для него жизненно важное значение» ².

По словам Лайтфута, обманутые и униженные негры пришли к выводу о том, что они не могут рассчитывать в борьбе за свободу на добрую волю белых, что они должны опираться на силу. С этим связаны концепция и лозунг «Власть черным!», которые приобрели заметную популярность в массах негритянского населения.

Среди сторонников негритянского национализма исследователи выделяют три группы. Первую группу составляют переселенцы из южных штатов, берущиеся за любую черную работу и находящиеся в особенно тяжелом материальном положении. Они оторваны от белого общества и не хотят иметь отношений с ним.

Другая категория негритянского населения, проявляющая заметные националистические тенденции,— это негритянская молодежь, студенты и безработные. Отсутствие у этой группы политического опыта борьбы заметно сказывается на их действиях. Наконец, третья категория — это негритянская буржуазия. Стремление подчинить себе негритянский рынок — экономическая подоплека национализма. Отсюда попытки негритянских

¹ См.: Лайтфут Клод М. Восстания в гетто за освобождение негров. М., 1972, с. 42—46.

² Там же, с. 43.

бизнесменов захватить большую долю в предприятиях, обслуживающих гетто.

Все эти группы, охватывающие довольно значительную часть негритянского населения, по условиям своей жизни, психологии противостоят рабочему классу и являются носителями непролетарской, буржуазной и мелкобуржуазной националистической идеологии. Касаясь существа этого национализма, К. Лайтфут указывает на его существенное отличие от получившего распространение в 20-х годах нашего века утопического лозунга «Назад в Африку!», с которым выступил М. Гарви. Неверно было бы считать также, что в современном негритянском движении господствует идеология Илайджи Мухаммеда (руководителя сепаратистской организации «Черные мусульмане»), проникнутая фанатической неприязнью к белой расе. По мнению К. Лайтфута, «негритянское движение направлено по сути своей не против белых в целом, без всякого различия, а против государственного аппарата власти — полиции, правящих кругов, а также против белой буржуазии, орудующей в гетто»¹.

Последовательным борцом за интересы негритянских трудящихся выступает Компартия США. Она исходит из марксистского положения о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, и рассматривает борьбу за освобождение негритянского народа как «центральную, решающую проблему, стоящую перед рабочим классом и его союзниками»².

Теоретическая позиция американских коммунистов по негритянскому вопросу претерпела определенные изменения. Если в конце 20 — начале 30-х годов негритянский народ, проживавший в черном поясе, характеризовался как угнетенная нация, имеющая право на самоопределение, то впоследствии под влиянием изменений в размещении негритянского населения, его классовой структуре американские марксисты выдвинули новый подход к негритянскому вопросу. На XVII съезде Компартии США (декабрь 1959 г.) говорилось, что американские негры — это «наиболее угнетаемая и эксплуатируемая группа среди всех народов, составлявших американскую нацию». Вместе с тем резолюция съезда подчеркивала: *«Хотя негры и являются особенно угнетаемой частью населения, они в Соединенных Штатах*

¹ Лайтфут Клод М. Восстания в гетто за освобождение негров, с. 45.

² New Program of the Communist Party USA, p. 54.

тем не менее не составляют отдельной нации. Негры обладают характерными чертами, позволяющими считать их отличающимся в расовом отношении народом или национальностью, составной частью американской нации, которая сама представляет исторически сложившуюся национальную формацию, смесь национальностей, в той или иной степени отличающихся друг от друга»¹.

Конечно, новый подход к негритянскому вопросу не означает изменения взгляда на существо негритянского вопроса как вопроса национального. Он остается таковым, идет ли речь о нации, народности, национальном меньшинстве или национально-религиозной группе. Но лозунг о самоопределении негритянского народа на юге, создании там негритянской республики компартией снят. Она выдвинула вместо него требование о «возможно более быстром и полном предоставлении негритянскому народу равного экономического, политического и социального положения со всеми другими американскими гражданами»².

Структура негритянской общины в целом соответствует капиталистическому обществу в целом. Здесь и фермеры, и городские средние слои, и мелкие бизнесмены, имеется, хотя и небольшой, процент капиталистов. Однако подавляющее большинство составляет часть американского рабочего класса. Американские негры подвергаются гнету и как расовое меньшинство, и как рабочие. По мнению В. Перло, общая сумма дополнительных прибылей за счет расовой дискриминации составляет приблизительно 46 миллиардов долларов, или 27% предпринимательских прибылей в целом³. Здесь коренится главный, материальный источник расизма в США, здесь ответ на вопрос, почему правящий класс, несмотря на упорную борьбу негров за свои права, на возмущение мирового общественного мнения, с таким трудом идет на уступки.

Характерный пример обострения национального вопроса капиталистического мира — положение в Южно-Африканской Республике — крупнейшем очаге расизма и колониализма на африканском континенте. Печальную известность эта страна получила благодаря апар-

¹ The Negro Question in the United States. Resolution Adopted by the 17 th National Convention of the Communist Party USA. N. Y., 1960, p. 2.

² Цит. по: Национальные процессы в США. М., 1973, с. 247.

³ См.: Перло В. Расизм в экономике США, с. 173.

теиду — режиму жестокого колониально-национального гнета над многомиллионным африканским и другим небелым населением страны. Уже свыше 30 лет вопрос о грубом нарушении и попрании расистским режимом ЮАР норм международного права, элементарных прав человека находится в поле зрения Организации Объединенных Наций. В резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН политика и практика апартеида осуждены как преступление против человечества.

Что же представляет собой режим апартеида? Если послушать официальную буржуазную пропаганду, то налицо якобы хорошо продуманный план «раздельного существования и развития различных рас». На самом же деле — это узаконение грабительского распределения земли в пользу белых, отказ африканцам в политических правах. Политика апартеида означает геноцид, обрекающий африканцев на постепенное вымирание, насильственное расчленение страны на ряд псевдонезависимых этнических районов, и попытка раскола освободительного движения¹.

ЮАР — это многорасовое, многонациональное общество, которое в настоящее время состоит из 23 миллионов африканцев, 4,5 миллиона выходцев из европейских стран или белых, 2,5 миллиона метисов, или цветных, и 0,8 миллиона выходцев из Азии. Расовая принадлежность предопределяет место человека в системе политических, социальных и экономических отношений, его положение в южноафриканском обществе. Согласно законам о хоумлендах («национальных отечествах»), каждой этнической группе отведены специальные территории группового расселения (бантустаны). Примечательно, что белому меньшинству отдано примерно 87% общей площади страны, тогда как африканскому большинству — около 13%, причем самой плохой. С целью воспрепятствовать «смешению» рас южноафриканские фашисты провели специальный закон об аморальности смешанных браков. Африканцам практически запрещено передвижение по стране. Сложная система расового законодательства регламентирует их повседневную жизнь. В стране свирепствует политический террор.

Загнанные в перенаселенные резервации, лишенные средств к жизни, африканцы, чтобы прокормиться, вынуждены отправляться на поиски временной работы в

¹ См.: Громыко Анатолий. Конфликт на Юге Африки. Международный аспект. М., 1979, с. 200.

зоны поселения белых. Тем самым класс белых капиталистов обеспечивается невиданно дешевой рабочей силой. Это и есть изощренная система внеэкономического принуждения, которая обеспечивает постоянный приток нищенски оплачиваемых рабочих на золотые, урановые и алмазные рудники, угольные шахты и т. д. Как отмечается в программе Южно-Африканской коммунистической партии, «на одном полюсе — в «белой» Южной Африке — налицо все черты капиталистического государства, достигшего высшей стадии империализма... На другом полюсе — «небелой» Южной Африке — налицо все характерные черты колонии. Коренное население страдает от жесточайшего национального угнетения, бедности, эксплуатации; оно лишено демократических прав... «Небелая» Южная Африка — колония «белой» Южной Африки. Именно это сочетание худших черт как империализма, так и колониализма в пределах одних национальных границ определяет особую природу режима, существующего в Южной Африке».

Находясь под постоянным огнем критики со стороны международной общественности, официальные идеологи ЮАР пытаются замаскировать бесчеловечную сущность апартеида. Если раньше они твердили, что сам бог дал им право господствовать над «низшими расами», то теперь они делают упор на недопустимость сближения народов с «качественно разными культурами». Если раньше речь шла о цивилизации «первобытных язычников», то теперь стремление избежать «расовой интеграции» обуславливается демагогическими ссылками на угрозу поглощения одной культуры другой. Но никакая расистская демагогия не в состоянии задушить нарастающее освободительное движение небелых народов¹.

Глава 7

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГЛОБАЛИЗМ И ЕВРОПЕИЗМ

Какое будущее ожидает человечество? Суждено ли народам жить в непрестанной национальной, расовой вражде, или оно в состоянии создать сообщество, которое проложит путь к миру и братству наций? Этот вопрос давно уже обсуждается в буржуазной политоло-

¹ См.: Критика идеологии неофашизма. Под ред. Е. Д. Модржинской и др. М., 1976, с. 350—387.

гии и социологии. Из огромного разнообразия точек зрения и концепций будущего можно выделить следующие направления буржуазной политико-теоретической мысли:

1) открыто пессимистические концепции, проникнутые неверием в силы прогресса, в возможность разумного переустройства мира и отражающие страх реакционных сил империализма за свое будущее;

2) окрашенные в розовые тона теории, изображающие экспансионистскую политику монополистического капитализма (прежде всего США) в качестве единственного средства «спасения» современной цивилизации;

3) концепции, вызывающие к вековым традициям и ценностям «западной цивилизации» как идейным предпосылкам будущего мира.

Нас здесь будут интересовать прежде всего национальные аспекты этих теорий, которые, выражая устремления различных социально-классовых сил буржуазного общества, по-разному представляют себе и будущее наций.

Споры и дискуссии разворачиваются прежде всего по вопросу об отношении к суверенитету. Суверенитет, как известно, означает верховное положение государственной власти внутри страны и независимость вовне. Исторический опыт показывает, что суверенитет всегда включает в себе классовое содержание, по существу, он принадлежит тем общественным силам, которые владеют средствами производства и тем самым господствуют экономически. Таким образом, сущность суверенитета — в политическом господстве класса. Разумеется, содержание суверенитета проявляется по-разному в различных социально-политических системах. В социалистическом обществе сущность его выражается в верховенстве народа, тогда как в капиталистическом речь идет о монополизации власти эксплуататорскими классами.

Внутри страны суверенитет выражается в свободе установления правопорядка и осуществлении политических действий, находящихся в соответствии с природой этой власти. На международной арене речь идет о независимости, неподчинении другому государству. Государство, лишенное верховенства внутри страны, не может проводить самостоятельную политику в международных отношениях. С другой стороны, если попирается внешнеполитическая независимость государства, то это государство может утратить верховенство на своей территории. Как подчеркивает Э. Л. Кузьмин, для суверенной государственной власти характерны: верховенство этой

власти на своей территории, независимость ее от власти какого-либо другого государства вовне в пределах соблюдения общепризнанных норм международного права. Только при наличии этих двух моментов можно говорить о подлинном суверенитете государства¹.

Отношение к суверенитету наглядно демонстрирует характерные черты эволюции буржуазной идеологии. Когда буржуазия шла к власти, что совпало с периодом образования самостоятельных национальных государств, принцип суверенитета способствовал завоеванию ею власти, поэтому она провозглашала его наряду с лозунгами свободы, равенства, братства. Но с утверждением империализма и особенно в условиях общего кризиса капитализма начинается крестовый поход его идеологов против принципа национального суверенитета, который, являясь препятствием для империалистической экспансии, рассматривается как «устарелая догма», источник всевозможных коллизий в международных отношениях.

«Принцип национальности, который был важной освободительной силой в XIX столетии, в третьей и четвертой декадах XX столетия становится величайшим источником неустойчивости, анархии и войны, а в пятом десятилетии приводит к варваризации международной политики в гигантском масштабе»², — пишет профессор Чикагского университета Г. Моргентау. «Именно в суверенитете больше, чем любом другом факторе, заключена причина анархии международных отношений»³, — вторит ему американский профессор-политолог Дж. Стессингер. Наконец, западногерманский философ К. Ясперс уточняет, почему определенные буржуазные круги жаждут расстаться с суверенитетом: «Наше существование как свободного государства обеспечивается присутствием американских войск на территории Федеративной республики и в Берлине, — пишет он. — Мы должны понять, что, если американские войска уйдут, мы, вероятнее всего, погибнем, если не сразу, то через какой-то промежуток времени... Если мы будем до конца идти с Западом под фактической американской гегемонией, мы обречем нашу внутривнутриполитическую свободу и относительную безопасность... Ограничение нашего суверените-

¹ См.: Кузьмин Э. Мировое государство: иллюзии или реальность? М., 1969, с. 58.

² Morgenthau H. Politics in the 20th Century. Chicago, 1962, vol. 1, p. 197.

³ Stoessinger J. The Might of Nations. World Politics in our time. N. Y., 1961, p. 10.

та есть предпосылка нашего дальнейшего существования»¹.

Не останавливаясь на всевозможных доводах противников суверенитета², рассмотрим лишь некоторые, наиболее распространенные. Во-первых, довод о том, что национальный суверенитет препятствует развитию производительных сил; во-вторых, утверждение, будто сохранение национального суверенитета в атомный век чревато угрозой новой мировой войны.

Выше уже отмечалось, что производительные силы в наше время действительно переступают национальные границы. Развитие мирового хозяйства как взаимосвязанного целого, углубление международного разделения труда диктуются всем ходом экономического развития. Интернациональные процессы на Западе отражают тенденцию к экономическому сближению стран капитала, которой противостоит другая тенденция — борьба против насильственных форм такого сближения, защита экономических интересов государства от экспансионистских устремлений других государств. Поскольку экономические отношения государств строятся не на равноправной основе, а на эксплуатации сильным слабым, государство проявляет естественное стремление к ограждению, защите своих интересов, т. е. стремление к самосохранению в условиях капиталистических джунглей. Будучи не в состоянии изменить характер действия экономических законов при капитализме, суверенное государство все же до известной степени сдерживает натиск иностранных монополий, их неудержимое стремление бесконтрольно распоряжаться на чужих рынках. Усиление борьбы этих двух тенденций, вытекающей из самой природы капитализма, ведет к дальнейшему росту неустойчивости капиталистической системы в целом. Радикального прогресса здесь можно добиться не на пути отказа от суверенитета, что лишь расширило бы сферу неприкрытого империалистического грабежа других народов, а на пути укрепления самостоятельности и расширения экономических отношений с социалистическими государствами на равноправной основе.

Что касается другого довода. — насчет того, будто национальный суверенитет — источник угрозы новой ми-

¹ *Jaspers K. Freiheit und Wiedervereinigung über Aufgaben deutscher Politik. München, 1964, S. 64.*

² Подробный анализ этих доводов см. в книге Э. А. Баграмова «Национальный вопрос и буржуазная идеология». М., 1966, с. 175—200.

ровой войны, то здесь необходимо отметить следующее. Экономическая основа войн — в природе империализма, в частной собственности, в безудержной экспансии монополий. Укрепление национального суверенитета и здесь в какой-то мере препятствует такому расширению деятельности наиболее агрессивных и могущественных международных монополий, которое вызывает у них соблазн установления неограниченного господства в странах капитала, что явилось бы прелюдией к борьбе за мировое господство.

«Мировое господство», — пишет В. И. Ленин, — есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война»¹. Выступления буржуазных идеологов против национального суверенитета объективно расчищают путь для тех, кто еще носится с идеями завоевания мирового господства.

Характеризуя политическое мышление правящих кругов США в течение двухсотлетней истории, исследователи указывают на идеи американского мессианства. Вместе с ростом богатства и могущества американских монополий росли и их международные амбиции, которые к середине XX столетия породили эйфорию американского всесия. «Мир в XX столетии, если ему суждено стать миром, преисполненным жизни и энергии, должен быть американским веком... нашим веком»², — писал американский издатель Генри Люс в статье «Американский век», опубликованной в 1941 году в журнале «Лайф».

Доктрина особой «исторической миссии» Америки, уходящая своими корнями в религиозные представления об «особом предназначении» Нового Света, в конечном счете дала пищу нескончаемым, полным риторики заявлениям об американском всемогуществе и «вседозволенности», бремени защиты дела свободы во всем мире, которое якобы легло на плечи долларового империализма. Как отмечает американский профессор Э. Бэрнс в книге «Американская идея миссии»: «Возможно, никакая другая тема не овладевала умами лидеров нашей нации в такой степени, как идея о том, что Америке принадлежит исключительное место среди наций земли и что ей предназначена «особая судьба»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 85.

² Life, 1941, 17 February.

³ Burns E. The American Idea of Mission. Concepts of National Purpose and Destiny. — N. Y., 1957, p. VII.

Движимые антикоммунистическими устремлениями, идеологи «американского господства» в немалой степени способствовали агрессивной и экспансионистской политике, которая характеризует послевоенную историю США. Наряду с «американизмом» в ход была пущена идея «атлантизма», возникшая еще в прошлом веке, но модернизированная и приспособленная к запросам Запада Североатлантического пакта. Упор на общность интересов стран этого блока, столь характерный для американской политической риторики в нынешний период, возник не сразу. Ему предшествовала довольно устойчивая «изоляционистская» традиция, которая была ориентирована на размежевание этих интересов. Но уже во время и в особенности после второй мировой войны правящие круги США отказываются от «изоляционизма» и берут на вооружение теорию «атлантической цивилизации». В развернутой форме эту идею выдвинул в 1944 году американский политический обозреватель У. Липпман.

У. Липпман попытался придать своему предложению характер далеко идущей идейно-политической концепции, привлекая для ее обоснования доводы не только военно-политического, но исторического, географического, культурного порядка. «Атлантический океан,— писал он,— не граница между Европой и Америкой. Это внутреннее море сообщества наций, связанных друг с другом географией, историей и жизненной необходимостью». И еще: «Национальные различия внутри атлантического района являются вариациями одной и той же культурной традиции. Ибо атлантическое сообщество есть распространение западного или латинского христианства из западного Средиземноморья на весь бассейн Атлантического океана. Его границы, проходящие подвижной и спорной полоской в Германии и Центральной Европе, все еще в общем соответствуют границам западной части Римской империи»¹.

В советской научной литературе уже подвергалась критическому анализу эта концепция². Подчеркивалось, что идеологи атлантизма произвольно кроют и перекраивают политическую карту мира, стремясь привлечь к антикоммунистическому альянсу как можно больше стран на различных континентах земного шара и внушить их

¹ Цит. по: *Иванова И. М.* Концепция «атлантического сообщества» во внешней политике США. М., 1973, с. 66—67.

² См.: *Кон И.* Существует ли атлантическая цивилизация? — *Мировая экономика и международные отношения*, 1958, № 1.

населению, что эти страны связывает нечто большее, нежели бесплодная антикоммунистическая доктрина защиты «западной цивилизации» и ее распространения на весь мир. Едва ли есть смысл делать большие экскурсы в историю, чтобы убедиться в шаткости той логической конструкции, которая именуется «цивилизацией» стран, объединенных в Североатлантический военный блок. Речь, конечно, не идет о том, чтобы отрицать тесные, исторические связи между странами Северной Америки и Западной Европы. Они были и есть. Искусственно и совершенно произвольно другое — стремление обособить культуры народов Западной Европы от культуры народов Восточной Европы, Азии и Латинской Америки, других районов. Совершенно несостоятельно стремление провести водораздел между цивилизациями таким образом, чтобы, скажем, изъять из западной цивилизации такие страны, как Чехословакия или ГДР, только потому, что они проводят курс, противоположный курсу НАТО.

Проповедники «атлантического сообщества» объявляют исключительной прерогативой западной цивилизации уважение к свободе и человеческому достоинству. Споры нет, Европа по праву гордится традициями гуманизма и свободомыслия, хотя эти же идеи и традиции не менее дороги и народам других континентов. Если же придерживаться фактов, то можно ли упустить из виду то, что кровавый фашистский режим, самый деспотический в истории человечества, возник именно в центре Европы? И что освобождение от ига фашистского рабства явилось результатом беспримерного героизма и самоотверженности советских воинов, носителей идей социализма и подлинного гуманизма? Совершенно очевидно, что концепция свободы личности, которую буржуазные идеологи пытаются выдать за исключительное достояние Запада, требует конкретно-исторического подхода. Ее нельзя понять, абстрагируясь от классовых противоположностей современного мира и оперируя абстрактными понятиями «западная», «атлантическая» или «восточная цивилизация». Главная угроза делу свободы ныне исходит от империализма, и прежде всего американского империализма. Социализм же, утверждаясь на любом континенте — в Европе, Азии, Латинской Америке, означает и колоссальный прогресс в деле свободы.

Американский публицист Джеймс Уорбург, критически анализируя в книге «Запад в состоянии кризиса» внешнюю политику капиталистических стран, приходит

к выводу, что страны Запада утратили моральное наследие, позволившее им претендовать на руководящую роль в мире. «Западный мир, о котором мы любим думать как о «колыбели цивилизации», явился почвой, породившей большинство братоубийственных войн, от которых род человеческий страдал на протяжении последних двух тысяч лет. Роковая слабость западного человека всегда заключалась в его ненасытном стяжательстве и неспособности жить в мире с самим собой... Западный человек мог завоевать уважение и восхищение широких масс населения земли, проявляя глубокое понимание их интересов и сотрудничая с ними. Однако он подрывал свое влияние, действуя эгоистично, с жестокой бесщедностью, попирая принципы морали и религии, которые он так упорно проповедовал»¹.

Не подлежит сомнению, что идея атлантической цивилизации является реакцией на заметное ослабление позиций Западной Европы в первую половину XX века, повлекшее за собой крушение концепции «европоцентризма». «...Этот упадок старой Европы,— писал В. И. Ленин,— означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли»². Но в сознании буржуазных идеологов кризис того, что принято было называть «западноевропейской цивилизацией», отражается как кризис цивилизации вообще. Вот почему наблюдается стремление оживить концепцию «западноевропейской цивилизации» и заставить ее вновь служить интересам империализма, снабдив ее новой этикеткой «атлантической цивилизации».

Примечательно, что буржуазные идеологи не скрывают гегемонию США в этом сообществе. «Какого рода отношения должны существовать между членами Атлантического сообщества, если мы хотим, чтобы они отражали и общность интересов и господствующее положение США внутри ее»,— задается вопросом Г. Моргентау. И отвечает: «Мы должны создать гибкую международную систему, которая подведет общие интересы под общую цель, сольет силы каждой из наций и возложит на них ответственность сообразно с их интересами и их мощью»³.

Из этого прямо выводится главенство США как державы, обладающей наибольшей мощью в западном бло-

¹ Warburg J. The West in Crisis. N. Y., 1959, p. 17.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 174.

³ Morgenthau H. Politics in the 20th Century, vol. III, p. 218.

ке и, стало быть, несущей наибольшее «бремя ответственности». Ответственности за что? Этот вопрос не сходит с уст политических теоретиков и государственных деятелей США и других стран. В наиболее общем виде на него дается ответ в присущем американской официальной идеологии духе политической риторики, — «за судьбы мира и свободы во всем мире». Однако такой ответ в сочетании с безудержной гонкой вооружений и вмешательством США во внутренние дела других стран вряд ли обладает убедительностью — это давно уже стало ясным даже ярым апологетам США. Чтобы нация осознала свою ответственность за судьбы всего мира, нужно что-то иное. Отсюда стремление подвести более широкую теоретическую и идеологическую платформу под эти рассуждения.

Миф об Америке как «стране благоденствия» и «широких возможностей» опровергается суровой практикой капиталистической эксплуатации, экономических кризисов, массовой безработицы и инфляции. Одновременно обнажается во все возрастающей мере шаткость фундамента и лицемерие хваленной американской свободы, которая использовалась в качестве центрального довода поборниками атлантической цивилизации.

Что же остается? Остается военная мощь — грубая сила, которая в глазах наиболее реакционных идеологов, придерживающихся шовинистического курса, выступает непререкаемым доводом, оправдывающим линию на восстановление пошатнувшейся американской гегемонии в капиталистическом мире. «Величие заключается в созидательном использовании силы, а не в ее отрицании, — писали авторы нашумевшей книги «Американская стратегия передовых рубежей» Р. Страус-Хюпе, У. Кинтнер, С. Поссоны. — Как в свое время Рим и Великобритания, Америка стоит у поворотного пункта истории. Дух времени зовет к созданию нового порядка. Закат и падение старых империй и две войны, принесшие огромные бедствия, сорвали систему государств XIX столетия... с якорей. Великая проблема нашего времени заключается в том, чтобы создать новый порядок из беспорядка»¹.

Немалое место отводится ссылкам на научно-технический прогресс и достигнутые Соединенными Штатами в этом отношении «уникальные» возможности оказывать свое воздействие на весь мир. Фетишизация роли науч-

¹ *Strausz-Hupé R., Kintner W., Possony S. A forward Strategy for America. N. Y., 1961, p. 1.*

но-технического прогресса, который рассматривается неизменно в отрыве от отживших свой век производственных отношений капиталистической Америки, позволяет проповедникам «американизма» вновь выступать с гегемонистскими и даже «имперскими» лозунгами¹.

Буржуазные идеологи стремятся доказать, что само по себе современное экономическое и научно-техническое развитие кардинально меняет взгляды и умонастроения людей. Уже одно распространение передовой технологии требует устранения всяких национальных барьеров. Ценности западной цивилизации, утверждает Г. Моргентау, не могут более оставаться на попечении отдельных наций, государства-нации как принцип политической организации устаревают в условиях современной технологии коммуникаций, транспорта и оружия². Еще более резко отстаивает эту же мысль З. Бжезинский. «Упрочившиеся культуры, глубоко укоренившиеся традиционные религии и отличные друг от друга национальные черты создавали стабильную структуру и прочные устои, расстояние и время предохраняли от чрезмерных трений между отсеками. Сегодня эта структура разваливается, а предохранители распадаются. Новому глобальному единству еще предстоит обрести свою собственную структуру, единодушие и гармонию»³.

Новое глобальное единство? Что же может послужить основой такого единства, если учесть, что мир в настоящее время расколот на две противоположные системы и насчитывает более полутора сотен государств, многие из которых борются за укрепление суверенитета и независимости?

Если послушать того же Бжезинского, то чуть ли не единственной надеждой человечества на спасение следует считать появление глобальных по своему духу и мировоззрению сообществ, движущей силой которых выступают космополитические элиты, состоящие из международных бизнесменов, ученых, специалистов и государственных деятелей. «Связи этой новой элиты между собой преодолевают национальные границы, их широкие замыслы не стеснены национальными традициями, а интересы их носят более функциональный, чем национальный, характер» — так расписывает автор книги «Между двумя веками» преимущества нового, как он именует

¹ Brzezinski Z. Between two Ages. America's Role in the technotronic Era. N. Y., 1970, p. 62.

² Morgenthau H. Politics in the 20th Century, vol. III, p. 219.

³ Brzezinski Z. Op.cit., p. 59.

его, «планетарного сознания». Автор явно не удовлетворен тем, что такое сознание, подготовленное, как он пишет, технотронной революцией, еще не стало подлинно влиятельной силой, в результате чего «наука и техника все еще используются... для усиления национальных устремлений, для удовлетворения узконациональных интересов». Примечательно, что он выступает не столько против узкого национализма, сколько против «дробления» человечества на национальные общины вообще, так как это неминуемо порождает, по его словам, национальные трения и опасность войны. Только «развитие глобального сознания, в свою очередь, ведет к отказу от утверждения национального превосходства и к подчеркиванию глобальной взаимозависимости»¹.

С теми или иными вариациями проекты мирового сообщества поддерживали Г. Моргентау, А. Тойнби, Д. Розенау и другие влиятельные буржуазные теоретики. Предпосылками «мирового порядка» эти идеологи считают:

1. Отказ от национального суверенитета как изжившего себя в атомный век. Ликвидация границ между системами национальными и интернациональными, требование их «конвергенции».

2. Отказ от идеологий и замена их «функциональным» подходом к человеческим проблемам.

3. Признание главенствующей роли США.

Нетрудно понять, что проекты «мирового сообщества», как их представляют себе политические теоретики США, по существу, являются лишь завуалированным призывом к американскому руководству миром. Несмотря на нередкие рекламные заявления о том, что «обстановка в мире не требует реализации плана «пакс американа» и нынешний век вовсе не является веком всемогущества Америки, буржуазные политологи по-прежнему пророчат ей роль дирижера в проектируемом международном оркестре.

Американские политические теоретики фактически подводят базу под требование, чтобы США возглавили борьбу за объединение всего мира на капиталистической основе. Как видим, американский глобализм проникнут антикоммунизмом.

Следующая отличительная черта американского глобализма — плохо скрытый шовинизм, выступающий в космополитическом одеянии. Безудержное восхваление

¹ Brzezinski Z. Op. cit., p. 275.

США как раз в период, когда престиж этой твердыни капитализма катастрофически падает, можно расценить как тщетную попытку отвлечь мировое общественное мнение от очевидных пороков ведущей империалистической державы. Что касается открыто пропагандируемого пренебрежения к национальному суверенитету, то его объективная направленность против тех из западноевропейских партнеров, которые не хотят идти в фарватере проамериканской политики, против молодых национальных государств Азии, Африки и Латинской Америки неоспорима.

Наконец, еще одной отличительной чертой американского глобализма является тщетное стремление с помощью силы остановить движение народов всего мира к социальному и национальному прогрессу, к мирному сотрудничеству и разрядке международной напряженности. Это попытка, не считаясь с законами истории, навязать миру свои представления о грядущем миропорядке.

Если оценивать современное состояние идеи «мирового сообщества», то следует отметить, что идеологам империализма явно не удалось склонить народы — даже в развитых капиталистических странах — к этой идее. Что касается социалистических и развивающихся стран, то здесь с самого начала трудящиеся массы, широкие слои общественности увидели стремление этих идеологов под прикрытием миротворческой фразеологии навязать американские порядки всему миру. Немаловажно и то, что в самих США, как это особенно проявилось в период войны во Вьетнаме, идея мировой гегемонии натолкнулась на все возрастающее сопротивление широких масс, особенно молодежи. Новое поколение, как подчеркивает американский профессор К. Брюстер, уже не считает, что Америка должна пытаться «навязывать свою политическую и экономическую систему другим государствам. И не потому только, что ее ресурсы ограничены. Гораздо в большей степени это означает отказ от претензий, выраженных еще в «Манифесте судьбы» и заключающихся в стремлении распространить «американский образ жизни» на остальной мир»¹.

Правящие круги США столкнулись с серьезными трудностями в своей пропагандистской деятельности. С одной стороны, они сознают бесплодность прежних

¹ Brewster K. Reflections on National Purpose.— Foreign Affairs. 1972, vol. 50, N 3, pp. 407—408.

концепций «века Америки». С другой — они не в состоянии отказаться от идеи «американского мира», составляющего квинтэссенцию идеологии империализма уже многие десятилетия. Как же они пытаются разрешить это противоречие? К. Брюстер пишет следующее:

«Мир и Процветание» — традиционные слова политических обещаний. Однако бесспорные материальные преимущества и даже интересы физического выживания сами по себе еще недостаточны для поднятия национального духа. Нация, как и отдельная личность, должна верить в свою миссию...»¹

Мессианство и ныне пронизывает политическое мышление идеологов США. Но если раньше ссылки делались на «особое предназначение» и прочие мистические факторы, то в последние десятилетия наиболее веским аргументом в определении империалистических притязаний США является ссылка на «национальные интересы». Суть концепции национальных интересов в том, что государство в своей внешней политике должно исходить не из каких-то моральных пожеланий или высоких интересов гуманного характера, а из суровой политической реальности и эгоистических интересов нации, под которыми подразумеваются интересы ее правящего класса. Подобный образ мышления прямо подводит к мысли, что в международной политике решающим аргументом должны быть не платонические проповеди, а своекорыстные интересы, требующие идти напролом.

Разработанная американскими политическими теоретиками Г. Моргентау, Р. Осгудом и другими доктрина национальных интересов открывала дорогу полному произволу в политике, поскольку любая агрессия или интервенция «обосновывалась» жизненными интересами США. А поскольку интересы одних наций неизбежно сталкивались с интересами других, то, согласно доктрине политического реализма, вопрос решался силой.

«Каковы бы ни были конечные цели международной политики, сила — всегда ближайшая цель, — пишет Г. Моргентау. — Государственные деятели и народы могут в конце концов стремиться к свободе, безопасности, процветанию или к мощи как таковой. Они могут выражать свои цели в терминах религиозного, философского, экономического или социального идеала. Но как только они захотят осуществить эти цели средствами международной политики, они будут делать это посредством силы»².

¹ *Brewster K. Op. cit.*, p. 399.

² *Morgenthau H. Politics among Nations*. 5th ed. N. Y., 1973, p. 27.

Так, сила — это первое и последнее слово международной политики. Известный американский общественный деятель Уильям Фулбрайт писал: «Великая нация стран-ным образом считает, что ее сила — проявление божьего благословения, возлагающего на эту нацию особую ответственность за другие народы, состоящую в том, чтобы переделать их по своему образу и подобию. Сила принимает себя за добродетель и склонна считать, что она все может. Раз внушив себе идею своего предназначения, великая держава не в силах расстаться с мыслью, что она может и должна осуществлять волю божью. Ведь не станет же всевышний, избрав нацию выразителем своей воли, лишать ее меча, необходимого для достижения своей цели»¹.

Мессианство и поклонение силе неизбежно порождало национальное чванство и презрение к другим народам. «...Сила — несомненное доказательство превосходства, — иронизирует У. Фулбрайт. — Когда, мол, нация демонстрирует силу своей армии, это доказывает, что она имеет лучшее население, лучшие государственные институты, лучшие принципы и вообще лучшую цивилизацию»². Такого рода рассуждения и заключали в себе моральное оправдание агрессии во Вьетнаме, Доминиканской Республике, гонку вооружений и ядерный шантаж.

Провал политики «с позиции силы», побудивший США вступить в 70-е годы на путь переговоров с СССР о разрядке, не означал отказа ее правящих кругов от доктрины национальных интересов и мессианства. Начиная с 1979 года среди них верх одержали круги, возвращающие американскую внешнюю политику к авантюристическому курсу на завоевание мирового господства, стремлению восстановить военное, в том числе ядерное, превосходство. Запланированные на пятилетие (1984—1988) военные расходы США превысят астрономическую сумму — 1,5 триллиона долларов³. Навязанное Соединенными Штатами своим союзникам по НАТО решение о размещении в Западной Европе ракет средней дальности, увеличивая угрозу войны, превращает западноевропейские страны в фактических заложников. К важнейшим аспектам международных отношений США подходят с военной меркой, с имперскими замашками. Это значит, что любое внешнеполитическое решение предполагается

¹ Фулбрайт Дж. Уильям. Самонадеянность силы. М., 1967, с. 11—12.

² Там же, с. 13.

³ См.: За рубежом, 1982, № 5, с. 9.

достигнуть путем угрозы применения или фактическим применением военной силы. В послании президента США конгрессу о положении страны в 1980 году говорится: «Мы будем систематически наращивать нашу способность быстро реагировать на чрезвычайные обстоятельства вне сферы НАТО везде, где того потребуют наши обязательства или когда под угрозой окажутся наши жизненные интересы... Наши силы будут готовы к быстрой переброске в любой район, имеющий стратегическое значение»¹. Налицо возрождение глобальных претензий США, столь ярко отраженных в послевоенной доктрине Трумэна.

Самым зловещим моментом развернутой в США милитаристской кампании следует считать попытку приучить население США к мысли о допустимости и даже целесообразности применения ядерного вооружения.

Бывший верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО генерал Гудпейстер и американский политолог Хантингтон, принимавший участие в планировании внешнеполитических мероприятий США, в книге «Военно-гражданские взаимоотношения» писали: «Будущий Вьетнам, наиболее вероятно, продлится семь недель, а не семь лет. США... применят подавляющие силы, чтобы достигнуть своих целей быстро и решительно. Упор будет сделан на ограничение продолжительности, а не на ограничение средств»².

Нетрудно понять, что речь идет о применении ядерных средств. В шовинистическом и милитаристском уга-ре американские политологи открыто призывают к ядерной войне против СССР. Целью такой войны, говорится в статье «Победа возможна», опубликованной в журнале «Форин полиси», должно быть ни больше ни меньше как разрушение политической системы Советского Союза и установление там «западного порядка»³.

Это стремление повернуть ход истории вспять, остановить движение в сторону разрядки, мира характеризует умонастроения тех кругов американского капитала, которые не желают расставаться с ролью США как международного жандарма. Разумеется, оно встречает противодействие среди более трезвомыслящих деятелей США. Представляя эти круги, бывший американский посол в СССР Джордж Кеннан так оценивает разгул

¹ The Washington Post. 1980, 23 January.

² Цит. по: Проблемы мира и социализма, 1980, № 11, с. 58.

³ Там же, с. 59.

милитаристских сил: «По-моему, в Вашингтоне действительно царит довольно опасная атмосфера. Речь идет не только о высокой степени милитаризации мышления в оценке наших отношений с Советским Союзом, но и о том, что, по-видимому, весьма много людей полагают, что нам следует что-то сделать, дабы продемонстрировать свои мускулы, свою силу. Я считаю, что поддаваться таким умонастроениям — дело весьма опасное»¹.

Как известно, раздувание милитаристского психоза в США происходит под аккомпанемент шумихи о «советской угрозе». Цель империалистической пропаганды — разжечь ненависть к советскому народу, к другим народам, борющимся против империализма, возбудить «патриотический дух» у американского населения, а точнее, одурачить его неискушенные слои лживыми установками, создав атмосферу, благоприятную для осуществления замыслов Пентагона. «Мне кажется,— писал У. Фулбрайт,— что военные заходят слишком далеко в «стимулировании патриотического духа». В нашем обществе патриотизм стал симптомом миллиардных военных расходов, а суперпатриотизм расцветает как маков цвет»².

Раздувая миф о «советской угрозе» и втягивая своих атлантических партнеров в гонку вооружений, американский империализм стремится преодолеть разногласия между членами НАТО и укрепить западный союз под своим лидерством. Заправила США учитывают, что усиление зависимости участников североатлантического пакта от поставок американского оружия, расширение американского присутствия в Западной Европе — все это даст им новые козыри в борьбе за гегемонию США в капиталистическом мире, подорванную ослаблением экономического могущества. Западные средства информации усиленно распространяют тезис, будто безопасность зависит исключительно от наращивания вооружений. Так, требуя усилить военное присутствие США в ряде районов мира, объявленных сферой их «жизненных интересов», в частности в Персидском заливе, президент США угрожал в случае посягательства на эти интересы применением всех средств, «включая вооруженные силы». Мир, доказывал он в другом выступлении, «должен основываться на силе, сила, наличие которой нет нужды специально доказывать, сила, которая просто существ-

¹ Цит. по: Проблемы мира и социализма, 1980, № 7, с. 8.

² Fullbright J. W. The Pentagon propaganda Machine. N. Y., 1970, p. 45.

вует, силе, признанной другими странами и другими людьми, силе, сознаваемой нами самими»¹.

У. Фулбрайт вскрывает источник подобных представлений о «жизненных интересах» США, которые, кстати сказать, в полную меру пускаются в ход пропагандистской машиной в период нынешних международных кризисов — все те же глобальные аппетиты правящего класса. «Творцы нашей политики,— пишет он,— объясняют это тем, что на Соединенных Штатах лежит глобальная ответственность, вынуждающая их нести бремя, которое никто, кроме них, не будет нести. Затем рисуется привычный образ: Америка-гигант — мученик, оплот свободы, увещающая упорствующих и терпящая оскорбления тех, кто не связан «дисциплиной мощи», безропотно несущая несправедливое бремя, возложенное на нее судьбой. Дипломаты говорят об этой роли как об «ответственности могущества». Другие же называют это империализмом.

Я лично считаю это абсурдом. Могущество — это наркотик, сильно возбуждающее средство, и Америка находилась в состоянии опьянения. Мы парили некоторое время в пространстве, с радостью раздавая товары и услуги за восхваления, которые тешили наше тщеславие. Затем наш непилотируемый корабль опустился в болота Вьетнама, и внезапно вместо парения мы шлепнулись в грязь... Для того чтобы снова встать на ноги, нам нужно стряхнуть с себя явления наркотика могущества»².

Вынужденная перестройка американской внешней политики и обновление политической идеологии США в послевьетнамский период не привела к отказу от концепции «пакс американа». Идея «мира по-американски» получила выражение в геополитических концепциях, которые в конце 70-х годов вновь приобрели широкое хождение в официальной пропаганде.

Рассуждения о глобальных интересах США неизбежно должны были вернуть политических идеологов США к культу силы в международных отношениях. Уже школа «политического реализма», предлагая отказаться от всякого рода моральных соображений и угрызений совести, коль скоро речь идет о национальных интересах, требовала опоры на силу как на единственную реальность политики. «Борьба за власть универсальна во времени и пространстве и является неотъемлемым фактором дей-

¹ Цит. по: Международная жизнь, 1980, № 11, с. 81, 83.

² Fullbright J. W. The Crippled Gigant. N. Y., 1972, p. 100.

ствительности,— пишет Моргентау.— Бесполезно и даже губительно для самого себя пытаться мыслить существование того или иного из народов земли без стремления к господству, сохраняя такое стремление за другими народами. Если стремление к господству нельзя ликвидировать повсеместно в мире, то те, кого удалось бы излечить от этого стремления, попросту стали бы жертвой силы других»¹.

Но еще более неприкрытое оправдание грубого произвола мы встречаем в геополитических концепциях. «Мне нужно — хочу — беру!»² — таков, по словам американского политолога Дж. Киффера, девиз геополитически мыслящего деятеля.

Раскол мира на две системы и образование могучего социалистического содружества, имеющего все необходимое, чтобы постоять за себя и защитить интересы свободолюбивых народов во всем мире, осознается геополитиками как «самое значительное геополитическое событие». Поворот в международных событиях, утверждает профессор Бостонского университета С. Коэн, автор книги «География и политика в разделенном мире», «до предела запутал разделяемые нами (т. е. геополитиками.— Э. Б.) идеи относительно глобальных стратегических систем, заставив нас дрейфовать в море противоречивых заявлений и действий в области международной политики»³. Американский геополитик полагает, что распутать этот клубок противоречий можно, лишь признав за США право нести ответственность за развитие обширной зоны мира, включая как развитые капиталистические государства, так и развивающиеся государства Азии, Африки и Латинской Америки.

Суть геополитики — в оправдании безудержной экспансионистской и агрессивной политики ссылками на географические факторы.

На нынешнем этапе мирового развития, ознаменованном провалами политики США во многих районах мира, политические теоретики вновь пытаются доводами геополитики задержать необратимый процесс освободительной борьбы народов.

Американский политолог Р. Легвольд, автор статьи «Соперничество между сверхдержавами: конфликты в третьем мире», и его коллега Дж. Ленцовский, автор

¹ *Morgenthau H. Politics Among Nations. N. Y., 1973, p. 34.*

² *Kieffer J. Realities of World Power. N. Y., 1952, p. 15.*

³ *Cohen S. Geography and Politics in a Divided World. L., 1964, p. XVIII.*

статьи «Дуга кризисов: ее центральный сектор» (обе статьи опубликованы в журнале «Форин афферс», № 4 за 1979 г.), рассматривают сквозь призму геополитических установок события в Юго-Западной Азии, на Ближнем Востоке и в районе Африканского Рога. Они ссылаются на высказывания бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера о неблагоприятной для «американских интересов» геополитической тенденции в этом регионе, а также на сходные взгляды З. Бжезинского, выдвинувшего концепцию о «дуге нестабильности»¹.

Поступая так, как в подобных случаях поступают прожженные политики,—обвиняя другие страны, в данном случае Советский Союз, в «имперских устремлениях», американские политологи требуют от США решительного вмешательства в события в Афганистане и Иране. «Факторы, которые превратили дугу нестабильности в зону жизненных национальных интересов Соединенных Штатов, сегодня, во всяком случае, играют большую роль, чем когда-либо»². И поскольку возникла подобная угроза «национальным интересам», разумеется, как их понимают самые твердолобые и антикоммунистически мыслящие идеологи, то на США возлагается задача «восстановить справедливый мир и стабильность в этом районе»³.

Разумеется, было бы трудно ожидать от идеологов империализма иной реакции на события в Афганистане, кроме как злобы и ярости. Народ сбросил с плеч отживший режим. Он устремлен к новой жизни и преисполнен желания строить общество без эксплуататоров. В строительстве новой жизни и в защите завоеваний апрельской революции он опирается на поддержку верных друзей — СССР и других стран социалистического содружества. И он не допустит никакого империалистического вмешательства в свои внутренние дела.

Вполне понятно бурное негодование финансовых и нефтяных воротил США в связи с иранской революцией. Однако идеологи американского империализма никак не хотят понять, что международные события развивались и будут развиваться не по указке Вашингтона. Это же касается и бурлящего африканского континента, Латинской Америки. Народы берут в свои руки собственную судьбу. Они поступают так, исходя из собственных национальных интересов, ничуть не считая, что борьба

¹ Foreign Affairs. 1979, vol. 57, N 4, p. 757.

² Ibid., p. 820.

³ Ibidem.

за социальный и национальный прогресс затрагивает интересы других наций, если, конечно, их не смешивают с интересами американских или многонациональных корпораций.

«Соединенные Штаты,— пишет французский журнал «Политик этранжер» в сентябрьском номере за 1980 год,— потеряли империю и пока еще не обрели новую роль... Система послевоенных международных отношений, просуществовавшая более трех десятилетий, разваливается у нас на глазах. В то же время уменьшается влияние США в различных частях Азии, Европы и Ближнего Востока». Не удивительно, что даже среди американских союзников по НАТО зреет недовольство глобалистскими устремлениями США. «Нельзя заставить стрелки часов вращаться в противоположную сторону, чтобы вернуться к тому времени, когда Америка шла впереди, а остальные послушно шагали под американский барабан,— пишет журнал «Тайм».— И точно так же США не могут рассчитывать на то, что одна только сила может заставить союзников дальше следовать за ними»¹.

Журнал приводит конкретные факты, свидетельствующие о заметном расхождении позиции США и их западноевропейских союзников по иранскому и другим вопросам.

«Французы ценят наследие Шарля де Голля, предписывающее им проводить независимую внешнюю политику. Независимость обычно определяется как оппозиция Соединенным Штатам...» И еще: «Как сказал Вилли Брандт: мы не должны быть в большей мере американцами, чем сами американцы»².

Реальности современного мира не укладываются в прокрустово ложе геополитических категорий. В нашу эпоху, когда существует могучий мир социализма, одерживает новые победы национально-освободительное движение, кулачное право и грубый шантаж перестают быть эффективными средствами международной политики. Наступает пора мучительной переоценки ценностей.

В связи с этим представляет интерес опубликованная в американском журнале «Форин афферс» статья видного политолога Б. Мэннинга «Цели, идеология и международная политика»³. Автор возвращается к попу-

¹ Time, 1980, 28 April.

² Ibidem.

³ Manning B. Goals, Ideology and Foreign Policy.— Foreign Affairs, 1976, vol. 54, N 2.

лярной, особенно в начале 60-х годов, теме о национальных целях США. Вскоре после окончания второй мировой войны, напоминает автор, господствующими мотивами американской внешней политики стали: во-первых, антикоммунизм и глобальное сдерживание Советского Союза; во-вторых, построение объединенной Европы; в-третьих, деколонизация и помощь индустриально не развитым странам. По существу, смыслом этой политики была высокомерная претензия «перестроить мир по нашему (т. е. американскому.— Э. Б.) образу и подобию». Вьетнам показал неосуществимость этого замысла. Перед творцами американской политики встала задача понять действительность после того, как она радикально изменилась. В противовес приверженцам доктрины «национальных интересов» автор считает необходимым делать основной упор не на силу, а на духовное руководство. США утратили эту роль, констатирует американский политолог, но пора возродить образ защитника индивидуальных свобод, благодаря которому США могли бы предстать перед миром как «наиболее прогрессивное революционное общество в мире»¹. «В свое время общественность всего мира вновь услышит и откликнется на наш голос»²,— заключает автор.

Так рождалась идея превратить лицемерную кампанию в защиту прав человека в центральное направление внешнеполитической пропаганды США с целью вернуть им утраченное духовное лидерство. В сущности, в основе и этой кампании лежала высокомерная претензия США «наводить порядок» вдали от своего дома. Те же империалистические глобализм, шовинизм, хотя и насыщенные в большей мере идеологическим содержанием, и характеризуют кампанию борьбы против «международного терроризма», под которым подразумевается национально-освободительное движение. «Для американского империализма вопрос о том, как отразить историческую угрозу со стороны сил мирового революционного процесса, становится самым критическим вопросом, который сейчас в основном определяет направление как его внешней, так и внутренней политики,— пишет Гэс Холл.— В этом состоят также главная суть и главное направление его идеологических вылазок»³.

США, несмотря на все свои заверения, остаются самой реакционной и самой контрреволюционной силой в

¹ Foreign Affairs. 1979, vol. 57, N 4, p. 279.

² Ibid., p. 284.

³ Political Affairs. 1979, March, p. 20.

мире. Именно потому народы всего мира отвергают глобальную миссию Вашингтона, требуя предоставить им право жить по своему усмотрению, не оглядываясь на заокеанских владык.

Конечно, среди проповедников глобализма есть немало таких деятелей, которые апеллируют не к «американским интересам», а к таким всеобщим ценностям, как мир, защита окружающей среды, продовольственная проблема и т. д. Они по-своему интерпретируют озабоченность человечества реальными глобальными проблемами, считая, что перед человечеством нет иного пути, как двигаться в направлении создания мирового правительства. «Суверенные национальные правительства,— говорил один из канадских проповедников этой идеи,— не могут защитить себя в должной мере в ядерный век, так же как традиционная система государство-нация, созданная в эпоху, когда человечество пользовалось лошадьми и телегами, не может устранить трудности сегодняшнего дня. Глобальные проблемы требуют глобального решения»¹.

Организатор и президент Римского клуба А. Печчеи пишет: «Вряд ли есть необходимость вновь подчеркивать, что национальный суверенитет представляет собой в век глобальной империи человека главное препятствие на пути к его спасению. И тот факт, что он упорно сохраняет свое значение как руководящий принцип государственного устройства человечества, представляет собой типичный синдром нашего ненормального культурного развития, а следовательно, и всех наших затруднений»².

Однако все проекты такого рода столь же несбыточны, сколь и реакционны. Человечество не может, не считаясь с объективно историческими законами, перешагнуть те ступени общественного развития, которые еще предстоит пройти. Нельзя воздвигать здание без прочного фундамента. А фундаментом для будущего единого мира могло бы быть лишь утверждение и упрочение единой общественной системы, основанной на общественной собственности и отсутствии антагонизмов между классами и социальными группами.

С другой стороны, очевидно, что не призрачное «мировое правительство», для которого в нынешних условиях нет и не может быть никакой базы, а пользующаяся

¹ Vital Speeches of the Day. 1973, 15 March, vol. XXXIX, N 11, p. 347.

² Печчеи Аурелио. Человеческие качества. М., 1980, с. 225.

поддержкой народа и независимая в своей политике государственная власть может защищать его интересы внутри страны и на международной арене. Еще Ф. Энгельс указывал, «чтобы обеспечить международный мир, надлежит прежде всего устранить все, какие только возможно, национальные трения, каждый народ должен обладать независимостью и быть хозяином в своем собственном доме»¹.

Другой формой реакции западного мира на усиливающиеся потрясения, все возрастающую тревогу населения стран капитала за завтрашний день является тенденция замкнуться в рамках узконациональной, расовой или сплоченной на лингвистической основе общины. Выше уже говорилось о социально-экономической основе сепаратистских, националистических тенденций в развитых странах капитализма. Эти и подобные тенденции характеризуются в западной литературе как «новый национализм».

Неонационализм должен, по замыслам его идеологов, спасти отживающую капиталистическую систему, уберечь ее от развития по пути революционного переустройства на социалистических началах. Для этого буржуазные идеологи и ревизионисты и пытаются разжечь националистические эмоции, погасить социалистические устремления.

Особая роль в связи с этим придается идеологами буржуазного Запада европеизму, используемому и для подрыва рабочего движения в странах капитала и в качестве противовеса атлантизму.

Сама по себе идея объединения Европы не нова. Западные исследователи относят ее истоки еще к эпохе античности. После принятия императором Константином Великим христианства (312 г.) идея Рах Романа стала связываться с новой религией, которая претендовала на то, чтобы подчинить себе весь мир. В эпоху средневековья проблема европейского единства мыслилась политическими философами в форме гегемонии либо папского престола, либо императора. Религиозная форма европейского сообщества превалировала до тех пор, пока не образовались национальные государства. Вместе с развитием национальных чувств в европейской идее растущее значение приобретает светский элемент.

Европоцентризм и панъевропеизм главенствовали довольно длительный период, когда Европа шла во главе

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 422.

мирового развития. Мировые войны пошатнули положение Европы, но уже в период первой мировой войны европейская идея была направлена на сохранение ею бывших международных позиций. Лозунг «Соединенных Штатов Европы» отражал стремление реакционных кругов западноевропейских государств не только вернуть утраченные позиции, но и задушить поднимавшееся рабочее движение — провозвестник социализма. С еще большей силой европейское движение дает о себе знать в период после второй мировой войны.

С другой стороны, европеизм следует рассматривать как реакцию на атлантизм, выражавший прежде всего интересы США. Европеизм стал альтернативой покорному следованию в фарватере США и означал для части западноевропейских политических сил утверждение собственного пути развития. Он набирал силы вместе с ростом этого региона как центра соперничества с американским и японским империализмом¹.

Как отмечает английская «Таймс», «относительный вес США в мире уменьшается, а Европы увеличивается. Сейчас на долю США приходится только 20% мирового валового национального продукта против 40% в послевоенные годы. Их возможность влиять на развитие событий военным путем уменьшилась. Доллар по-прежнему слаб. Уровень инфляции выше среднего уровня в Европе. Капиталовложения на низком уровне. Производительность почти не увеличивается... Уверенность Америки в себе еще более уменьшилась после Вьетнама, Уотергейта, падения иранского шаха...»².

По мере того как тускнел атлантический идеал, набирал силу европейский. Дело дошло до выдвижения понятия «европейской нации» как общности народов Западной Европы, имеющих общую материальную базу и общую культуру. Эта нация, писал французский политолог Р. Дюбайя, сравнима «с русским, американским и китайским гигантами: 300 миллионов человек населения, из которых 150 миллионов — активное, работающее население, чьи способности в современной технике никогда не оспаривались; тесно покрытая авиационными трассами, железными и автомобильными дорогами; огромные столицы; земля реализма и энтузиазма, колыбель научной мысли, источник удивительных порывов, принесших свободу, равенство, братство, справедливость,

¹ См.: Уткин А. И. Доктрина атлантизма и европейская интеграция. М., 1979, с. 76.

² Times, 1980, 30 July.

милосердие и счастье». Видный идеолог европеизма Р. Куденхове-Каллерги утверждает, будто в Западной Европе уже возникло единое мироощущение, единая психология панъевропеизма, заменившая собой узкий национализм отдельных европейских народов¹. Очевидно, однако, что игнорирование особенностей национального развития и социального аспекта, глубокой противоречивости «европейской цивилизации», присущее концепции европеизма, не делает ее сколь-нибудь убедительной в научном отношении.

Важно иметь в виду, что среди приверженцев европейской идеи были и есть представители двух направлений — европейцы-националисты и европейцы-наднационалисты. «Первые,— пишет профессор Дж. Дюросель в статье «Европа генерала де Голля и Европа Жана Монне»,— придерживаются концепции существования группы независимых государств, которые имеют определенные общие принципы... Что касается второго направления, то оно считает, что Европа должна быть большим, чем организацией независимых государств, что она должна быть единой»².

Голлизм — одно из любопытных явлений политической жизни Западной Европы — выражение буржуазного национализма развитой капиталистической страны. Это идеология тех сил, которые, не отказываясь от курса на усиление европейского центра соперничества, добиваются возрождения исторической роли Франции и открыто отвергают американскую гегемонию. Нельзя отказать де Голлю в политическом реализме и дальновидности. Голлистская концепция «Европы отечеств», противопоставленная наднациональной Европе, отражала углубившиеся противоречия, и не только франко-американские, но и франко-западногерманские, она нанесла серьезный удар самой идее наднациональности, с которой и поныне носятся влиятельные круги Запада. «Ни атлантический, ни европейский идеал,— пишут американские политологи У. Хан и Р. Пфальцграф в книге «Кризис Атлантического сообщества»,— не оправились от удара, нанесенного де Голлем и голлизмом в 1960 году. Хотя европеизм и атлантизм имеют различную направленность и различные приоритеты, оба стремятся к широкому и логическому слиянию — единству западных

¹ См.: Уткин А. И. Доктрина атлантизма и европейская интеграция, с. 79, 105.

² Duroselle J. General de Gaulle's Europe and Jean Monnet's Europe.— The World Today, 1966, vol. 2, N 1, p. 2.

народов внутри атлантического строения. Исторический демарш де Голля имел двоякий смысл: он противопоставил друг другу силы атлантизма и европеизма и возродил вирус национализма во взаимоотношениях европейско-атлантических»¹.

Однако тяга западноевропейских монополистов к единению слишком велика, чтобы ее могла остановить даже такая волевая личность, как де Голль, и его единомышленники. Классовые интересы конечно же одерживают у буржуазии верх над национальными интересами. Потому что выше интересов отечества, народа и чего угодно,— и это подчеркивал В. И. Ленин,— капитал ставит охрану своего союза капиталистов всех стран против трудящихся. Движение к объединенной Европе финансовой олигархии и натовских генералов долгое время получало поддержку и в США, которые рассматривали такое единство как важный этап на пути осуществления атлантических идеалов.

Идеологи наднациональности, с одной стороны, раздувают буржуазно-европейский патриотизм, а с другой — рассчитывают растворить его затем в рамках более широкого — «атлантической солидарности». Однако эта «солидарность» давно уже дала трещину. Общеввропейское совещание в Хельсинки раскрыло перед всеми европейскими странами иную перспективу — мира и сотрудничества, которое все более рассматривается как приемлемая альтернатива атлантизму.

Следует учитывать, однако, рост соперничества между тремя экономическими центрами империализма — США, Западной Европы и Японии, в силу чего европеизм все больше становится концепцией западноевропейского сепаратизма. Да и внутри Европы углубляются межимпериалистические противоречия. «Период морального, экономического и политического кризиса, в который вступил весь Запад, не способствует далеко идущим устремлениям и планам»², — пишет французский социолог Р. Арон в статье «Кризис европейской идеи». «С идеей Европы покончено», — пишет французский журналист Ж.-А. Фралон³.

Несмотря на сложные перипетии сколачивания тех или иных космополитических сообществ, проекты нового

¹ Hahn W., Pfaltzgraff R. Atlantic Community in Crisis. A Redefinition of the Transatlantic Relationship. N. Y., 1978, p. 351.

² Aron R. Crisis of the European Idea.— Government and opposition. 1976, vol. 11, N 1, p. 5—19.

³ Fralon J.-A. L'Europe, c'est fini. P. 1975.

миропорядка один за другим выдвигаются западными буржуазными идеологами. В основе этих проектов лежит убеждение, что нация не может рассматриваться как подходящая форма общественного бытия в ядерную эпоху. «Технологический базис новой интернациональной группировки,— пишет американский историк Б. Шейфер,— уже существует — реактивные самолеты и космические корабли, электронная связь и связь посредством спутников, ядерная энергия. Это плюс атомная бомба сделали границы и флаги 140 национальных государств устаревшими»¹.

Угроза ядерного уничтожения, причину которой буржуазные ученые ошибочно усматривают в сохранении системы национальных государств, используется для обоснования необходимости воспитывать у людей новую высшую приверженность к интернациональному сообществу, которое выражало бы интересы не национальных государств, а человечества в целом². Американский историк полагает даже, что формирование нового мирового сознания будет происходить по законам гегелевской диалектики: национализм, достигший своего пика в последнюю треть двадцатого столетия, должен уступить место антитезе — интернациональному или мировому патриотизму³.

Доводы, которыми оперируют проповедники национального нигилизма, включают и такие суждения: «Как нелепо,— писал А. Тойнби,— что сохранению человеческого рода угрожает наша приверженность этим (национальным.— Э. Б.) эфемерным политическим созданиям. В конце концов мы должны быть сначала людьми, прежде чем мы сможем стать американцами, либерийцами или японцами»⁴.

Поход буржуазных идеологов против наций и национальных государств оправдывается необходимостью преодолеть эгоистический национализм и, следовательно, рассчитан на то, чтобы завоевать признание среди тех, кто мыслит широкими, общечеловеческими категориями. Впрочем, о человечестве, о современной эпохе говорится так, как будто бы в мире не существует противоположных классов и общественно-политических систем, а потому и противоположных воззрений по поводу будущего всего человечества. При таком подходе защи-

¹ *Shafer B. Op. cit.*, p. 374.

² *Ibid.*, p. 375.

³ *Ibid.*, p. 254.

⁴ *The New York Times Magazine*, 1963, 3 November, p. 110.

та «общечеловеческих» интересов без четкого указания на то, кто посягает на эти интересы, неизбежно обернулась бы поддержкой глобальных устремлений международных монополий и стоящих за ними реакционных сил США.

Что касается дилеммы «нация или человечество?», то она поставлена искусственно, потому что нация остается необходимым историческим этапом, неизбежной формой общественного развития. Возникнув на базе определенных общественных предпосылок, она продолжает свое развитие, пока эти предпосылки сохраняются, являясь достаточно устойчивой, а никак не «эфемерной» общностью людей. Нет никаких оснований полагать, что нация стала препятствием для развития человечества, поскольку человечество в данных исторических условиях распадается на нации и вне национальных общностей не существует.

Конечно, международный порядок предполагает подчинение правильно понятым национальным интересам действительно общечеловеческим интересам. Например, защита окружающей среды предполагает коллективные действия всех стран в этом направлении. То же относится к задачам сохранения мира. Но это требует коллективного отпора тем, кто посягает на подлинно национальные интересы, прикрываясь мнимой заботой об общечеловеческих потребностях.

Нередко проповедь космополитизма облекается в демократическую и гуманистическую фразеологию. Его приверженцы твердят о свободном индивидуальном духе, который-де стремится порвать всякие связи с нацией и государством, возвыситься над ними. По форме такие проповеди направлены против известного фашистского довода о том, что «государство, нация и раса — все, индивидуум ничто». Но критика этого и в самом деле человеконенавистнического тезиса должна преодолеть и уродливое превознесение государственного или национально-расового начала и абстрактный подход к личности, ценность которой не в каком-то изначальном духе, а в том, в какой степени ее деятельность воплощает в себе коллективные, общественные потребности.

Космополитические утверждения по форме противостоят национализму. Однако по существу речь идет об отрицании национального фактора вообще, потому что в понятие «национализм» буржуазные идеологи включают и подлинную национальную гордость, патриотизм, которые далеко не всегда имеют националистическую

окраску. Что касается национализма, то он действительно может и должен быть преодолен, но только в ходе борьбы за социальный прогресс и национальную независимость, за демократию и социализм. Патриотизму же — речь идет о народном, пролетарском, социалистическом патриотизме — суждено играть и впредь большую роль в общечеловеческом прогрессе, пока существуют нации и государства.

Буржуазные идеологи преднамеренно отождествляют патриотизм и национализм. Так, по словам Б. Шейфера, в английском языке одно и то же понятие выражается в терминах «национальный патриотизм», «национальное сознание», «национализм»¹. Национализм, считает один из ведущих американских специалистов, Карлтон Хейс, — это «чувство, при котором патриотизм соединяется с национальностью, или, иначе, вера в то, что индивидуум должен быть лояльным к своей нации, ее земле, ее ценностям, ее государству»². Короче говоря, патриотизм и национализм якобы тождественны в том, что они во всем преследуют национальные интересы. «Подпав под воздействие националистических взглядов, — пишет Б. Шейфер, — умственные рефлексы людей направляются на прием только националистических импульсов и исключают все остальные волны, которые им представляются не имеющими отношения к национальным интересам»³. Порвать с патриотизмом — значит возвыситься до общечеловеческих интересов. Таков ход мысли буржуазных проповедников новых международных общностей.

Но они упускают из виду, что патриотизм в отличие от национализма совсем не предполагает гипертрофированно-болезненное ощущение первенства своей нации. Сама по себе привязанность к родной земле, ее народу, языку, культуре, чувство родины — это естественное чувство. И если буржуазный строй нередко доводит его до националистического самолюбования, то в этом сказывается стремление буржуазии эксплуатировать национальные чувства. Такая эволюция национального самосознания неизбежна в условиях антагонистического строя, поскольку у тех общественных слоев, которые не занимают пролетарские позиции, в сложных условиях может возобладать навязанное им эксплуататорскими классами буржуазное понимание патриотизма, стремле-

¹ *Shafer B. Faces of Nationalism*, p. 7.

² *Ibid.*, p. 17.

³ *Ibid.*, p. 356.

ние к единению «всех и вся», принадлежащих к данной нации. Патриотизм, пишут советские ученые П. Рогачев и М. Свердлин, если он «превращается в объект спекуляций контрреволюционеров, уводит людей в сторону от истины, в болото иллюзий и призраков, делает тех, кто не искушен в политике, орудием самых гнусных акций реакционеров»¹.

Если говорить о патриотизме тружеников, то он не только не замыкается в национальной скорлупе, а, наоборот, проявляет растущее стремление к объединению всех людей труда. Не случайно, К. Маркс, говоря о рабочих, подчеркивал, что «человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство»².

Таким образом, антитезой национализма является не космополитизм, который отвергает нацию, патриотизм и классовое самосознание, а интернационализм, пролетарская солидарность, с позиций которого только и можно возвыситься до понимания общечеловеческих интересов в их неразрывной связи с интересами национальными.

Разумеется, буржуазные ученые правы, показывая узость национализма. «Ни физика, ни чума, ни истина, ни красота не признают национальных границ. Все великие научные открытия в электронике, ядерной энергии, медицине явились результатом деятельности ученых многих национальностей...»³ — читаем мы в книге «Облики национализма». Но их попытка представить космополитизм, национальный нигилизм подходящей альтернативой терпит крах. В условиях существования наций и реальности национальных интересов космополитическая идея не может иметь сколь-нибудь значительную притягательность.

Итак, идеологические течения в национальном вопросе в развитых странах капитализма довольно разнообразны. Мы выделяем здесь следующие группы воззрений: а) реакционно-националистические и космополитические воззрения, выражающие интересы господствующих кругов буржуазии — монополистов; б) буржуазно-патриотические взгляды, неустойчивые по своей природе, но в отдельные периоды накладывающие свой отпечаток на события; в) патриотизм трудящихся масс, проникну-

¹ Рогачев П. М., Свердлин М. А. Патриотизм, классы, революция, с. 6.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 136.

³ Shafer B. Op. cit., p. 368.

тый демократическими, антиимпериалистическими устремлениями.

Что касается первой группы воззрений, идет ли речь о шовинизме или национальном нигилизме, то против них рабочее и демократическое движение направляет острие своей критики. И это естественно, так как эта идеология сильнее всего связана с милитаризмом, расизмом, она может быть использована и используется и для оправдания сверхэксплуатации трудящихся внутри страны и для обоснования экспансии монополий на международной арене.

Возникает вопрос об отношении марксизма-ленинизма к буржуазно-патриотическим лозунгам типа тех, которые выдвигал де Голль. Из того, что буржуазный патриотизм в целом давно уже исчерпал себя, не следует, что в какой-то момент отдельные представители правящего класса стран капитала не способны выдвигать лозунги, имеющие относительно прогрессивную значимость. В данном случае речь идет о направленности этих лозунгов против американского гегемонизма, что является положительным явлением. Однако, как отмечает аргентинский марксист Э. Агости, «буржуазный национализм, даже в своих лучших проявлениях, в эпоху социалистических революций всегда неустойчив... Мы стремимся лишь понять это. Но понять его не значит приукрасить, иными словами, это не означает, что можно поставить знак равенства (или говорить о сходстве) в области идеологии между двумя противоречивыми социальными группами»¹.

В критические периоды, например, в условиях борьбы с фашизмом у определенной части буржуазии может проснуться буржуазно-патриотическое национальное самосознание. Но его характеризует крайняя непоследовательность.

Другой вопрос — патриотизм народных масс стран капитала, который и поныне проявляется в борьбе против системы наемного рабства, в сопротивлении милитаристской политике, ведущей к утрате самостоятельности страны в международных делах, в движении за активное международное сотрудничество всех стран, за мир и дружбу народов, за демократический прогресс и защиту национальной культуры, за охрану окружающей среды от хищнического ее использования монополистами. Такой патриотизм все больше сочетается с подлинным

¹ Агости Э. Нация и культура. М., 1963, с. 231.

интернационализмом, который сплачивает трудящихся в антиимпериалистической борьбе. Естественно, что знаменосцами такого патриотизма являются коммунисты. Как отмечает Э. Агости, «национальное чувство находит свое подлинное место в партии рабочего класса именно потому, что она одновременно выступает против космополитического подчинения империализму и против реакционного обмана буржуазного национализма»¹.

Буржуазия и ее идеологи давно уже отреклись от национальных ценностей. И если они и вспоминают о национальном и этническом факторе, то главным образом в целях бессовестной спекуляции и одурачивания масс, разжигания неумных эмоций. Об этом свидетельствует место расизма в идеологии империализма.

Глава 8

РАСИЗМ —

ОРУЖИЕ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ

Раса — одно из понятий, которые подверглись чудовищной фальсификации и извращению. Это, как известно, биологическая, антропологическая категория, которая указывает на принадлежность людей к одной из трех больших групп — европеоидной, негроидной или монголоидной (иногда выделяют еще несколько рас — австралоидную, бушменскую, американоидную — индейцы Америки). Различия между этими группами по преимуществу внешние, они касаются некоторых, передающихся по наследству особенностей строения тела, формы волос, пигментации кожи и т. д. Они возникли в далеком прошлом в связи со своеобразной географической средой, в которой обитали первобытные люди. Расовые особенности в известной степени помогали им приспособиться к естественным условиям, например защищали от палящих лучей солнца или, наоборот, от жестокого мороза.

По мере усиления господства человека над природой зависимость человека от непосредственного воздействия на него природных факторов уменьшалась. В связи с этим постепенно утрачивалось или ослаблялось приспособительное значение расовых признаков. Появляются более эффективные искусственные средства. Мы не удивляемся, когда видим сейчас представителей раз-

¹ Агости Э. Нация и культура, с. 228.

личных рас на всех континентах земного шара. Важно иметь в виду, что расовые различия не затрагивают существенных сторон жизнедеятельности человеческого организма. Основные особенности строения головного мозга, черепа, строения рук, стопы, мускулатуры, равно как и физиологический механизм мышления и чувств человека, не зависят от расы.

Современная наука неопровержимо доказала биологическое единство человека, показала, что социальные судьбы народов определяются историческими обстоятельствами, а не природными свойствами.

Ученые-марксисты вскрыли теоретическую сущность расизма, показали, почему, несмотря на свою научную несостоятельность, расизм все еще используется в теории и на практике как идеологическое оружие наиболее реакционных сил империализма. Разумеется, ответ на последний вопрос следует искать не в антропологии, а в политической истории капитализма, поскольку только последняя помогает понять, почему некоторым физическим свойствам человека была приписана мистическая сила, оправдывающая жестокий гнет, насилие и истребление целых народов. Окончательное разоблачение расизма требует теперь прежде всего исторического, социологического анализа расовых теорий и их социальной роли. В той же мере, в какой это было сказано В. И. Лениным о корнях религии, мы можем смело сказать, что расизм давно уже ушел бы в область предания, если бы он не имел глубоких социальных корней, если бы не социальная практика империализма, порождающая необходимость для правящего класса прибегать к тактике «разделяй и властвуй» в целях удержания господства над угнетенными классами и народами.

Философский смысл или, точнее, философская несостоятельность расизма заключается в совершенно неправомерной попытке оценивать общественные явления с позиций биологии. Речь идет о механическом перенесении законов, категорий естественных наук на общественную жизнь.

Исходной посылкой расистов является деление человечества на неравноценные расы — «сильные» и «слабые». Расисты доказывают далее, что во имя прогресса «слабые» должны быть обречены на истребление либо вечное подчинение «сильным». Однако далеко не всегда расизм выступает с такими откровенно человеконенавистническими выводами. Но во всех случаях его сторонники делят человечество на «высшие» и «низшие»

народы. Расовый антагонизм неизменно провозглашается движущей силой истории. Почему одним народам приписывается «превосходство», а другим «неполноценность» — целиком зависит от произвола теоретиков расизма, от характера социального заказа, который они выполняют. Суть расистской методологии легко проследить, обратившись к некоторым этапам его истории.

Хотя идея о том, что сама природа создает одних господами, а других рабами, встречается еще в трудах идеологов рабовладельческого общества, расизм принято считать порождением эпохи поднимающегося капитализма и колониальной экспансии европейских стран. Поскольку требовалось оправдать варварское отношение к небелому населению Азии, Африки и Америки, куда устремлялись колонизаторы и где они черпали невольников для рабского труда на своих плантациях, а также к угнетенным слоям вообще, расизм принял форму теории о природной неравноценности белых и цветных, низших и высших каст.

Знакомство с произведениями одного из родоначальников расизма, графа Гобино, убеждает, что их главная особенность — пессимизм. Он считал, что человеческий род деградирует и остановить этот процесс невозможно. Революционные события во Франции 1848 года, с его точки зрения, свидетельствовали о том, как далеко зашел этот процесс. Кровь творческих рас (аристократов.— Э. Б.), утратив чистоту, потеряла и свою первоначальную силу¹. Между тем расовое неравенство, по мнению Гобино, является наиболее фундаментальным, исходным и первичным. Из него проистекают все остальные иерархии². Обозревая с этих позиций процесс вырождения человеческих цивилизаций, Гобино указывает на феномен смешения рас как на неизбежную его причину. Отсюда элитарность его расовой концепции, восхищение сверхчеловеком, стоящим над «серой массой». Впоследствии эти идеи воспринял Ницше, на которого в свою очередь опирались в своем культе «юберменша» немецкие фашисты.

Если у Гобино судьбы цивилизации объясняются «игрой кровей», то на следующем этапе разработки расовой теории В. де Ляпуж (Франция) и О. Аммон (Германия) — основатели антропосоциологии — выдвинули так называемый головной указатель как «универсальный» детерминант «расовой полноценности». С их точки

¹ *Banton M. The Idea of Race. L., 1977, p. 55—56.*

² См.: *Расы и народы. Ежегодник, 1977, № 7, с. 132.*

зрения, высшими слоями общества являются долихоцефалы (длинноголовые), тогда как рабочие массы попадают в категорию брахицефалов (у которых череп более округлый). Связав эту концепцию с социал-дарвинистскими идеями выживания наиболее приспособленных, буржуазные теоретики (Л. Гумплович, Л. Вольтман) объявляли эксплуататорские классы высшим продуктом органического развития. Наконец, германизированный англичанин Х. Чемберлен придал расизму откровенно шовинистский характер, превозносил «белокурого немца» как носителя качеств сверхчеловека, не связывая этот тип с определенными физическими чертами.

Такой неожиданный поворот был вызван не только обнаружившейся уже тогда несостоятельностью попыток связать уровень культуры с определенными телесными признаками. Он объяснялся желанием теоретиков расизма развязать себе руки, не испытывать каких-либо затруднений в расовой классификации. Не случайно на рубеже двух столетий интерес теоретиков расизма постепенно перемещается от наглядных физических признаков к невидимым свойствам «расовой души», якобы фатально определяющей судьбу народов. Французский социолог Г. Лебон, в частности, проповедует мысль о коренных различиях в характере духовной жизни у тех или иных рас.

Нетрудно обнаружить характерные черты эволюции расовых теорий. Их приверженцы, начав со спекуляций с цветом кожи, перешли к измерению черепной коробки и взвешиванию мозга, затем к определению состава крови. И наконец, надевают мантию ученых-психологов, чтобы чисто произвольно искать расовые особенности непосредственно в психике людей, национальном характере народов, не связывая признаки «превосходства» с определенной физической структурой¹.

Один из теоретиков германского расизма, Г. Гюнтер, писал о «восточной расе»: «Человек этой расы недоверчив, медлителен, он — мещанин. У него нет смелости ни в мышлении, ни в поступках. Он склонен к всеобщему равенству, к демократии. Это объясняется тем, что люди восточной расы ни в чем не превышают среднего уровня и потому испытывают ко всему великое отвращение...»²

Упор на внешние признаки «арийской расы» уже не устраивал фашистских главарей, чей облик, как извест-

¹ Подробнее об этом см. в книге Баграмова Э. А. «Старые расистские измышления на новый лад». М., 1959, с. 5—11.

² Цит. по: *Оганисян Ю.* Два цвета ненависти. М., 1972, с. 51.

но, меньше всего соответствовал признакам «юберменша». К тому же такой подход грозил оттолкнуть от фашистской Германии их союзников из Италии и Японии. Чисто «практические» соображения вынудили гитлеровцев занять более гибкую позицию в расовом вопросе.

«Немецкий дух» — вот что объявлялось критерием расовой полноценности. Само собой разумеется, обладателями такого духа могли считаться только приверженцы фашистского режима. Все остальные попадали в разряд «неполноценных» независимо от их физического роста, голубизны глаз и т. п. Таково было последнее слово «науки» о расах. Вместе с новейшими методами расовой диагностики разрабатывались и основы чело-веконенавистнической морали, которая должна была оправдать удушение свободных народов и фашистские зверства.

Не секрет, что расистская, в частности антисемитская, пропаганда встречала отклик в среде обывателей. «Механизм» такого воздействия, бьющего на жизненные эмоции, хорошо показал немецкий писатель-антифашист Бодо Узе, описывая публичные выступления фашистского демагога Штрейхера: «Он не говорил — он кричал: расовая проблема является ключом к пониманию мировой истории. Нашим несчастьем являются евреи. Это была совсем другая мелодия, чем старый, скучный старогерманский антисемитизм. Это был антисемитизм свежий, как пиво, только что принесенное из погреба. Выступления Штрейхера были сенсациями, приводившими слушателей в исступление. Массы мелких буржуа визжали от восторга. На выступления Штрейхера приходили женщины, которые никак не могли (из-за инфляции в Германии того времени. — Э. Б.) научиться высчитывать астрономические цифры при покупке картофеля и никак не могли понять, почему их кухонные горшки остаются пустыми, хотя их мужья работают день и ночь. Они думали, что этот гигантский обман раскрыт Штрейхером, что они могут наконец поймать за шиворот тех, кто их обманывает, ибо Штрейхер, назвав евреев, показал им виновников их несчастий». Призывая к еврейским погромам, гитлеровцы воспитывали у рядовых нацистов навыки матерых садистов. «Если бы не было евреев, мы должны были бы их выдумать»¹, — цинично говорил Гитлер.

¹ Цит. по: *Оганисян Ю.* Два цвета ненависти, с. 52—53.

Крах гитлеровской Германии означал и крах фашистской идеологии, основанной на расовом шовинизме в сочетании с геополитическими утверждениями о нехватке жизненного пространства. Передовые ученые всего мира решительно выступили против любых попыток доказать биологическое неравенство рас. Заметную роль в разоблачении расизма сыграла Организация Объединенных Наций, под эгидой которой ученые из разных стран мира приняли ряд принципиальных деклараций об антинаучности расовых теорий. В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей, осуждаются расизм и апартеид как орудия колониализма, империализма и экономической эксплуатации, как прямое отрицание принципов и целей Устава ООН¹.

Все это не могло не подорвать общего влияния расовых теорий во всем мире. Сильнейший удар по расизму нанесла освободительная борьба народов Африки, Азии и Латинской Америки, которая привела к крушению колониальной системы империализма и возникновению на ее обломках независимых государств, преисполненных желания самим решать свою судьбу. Быстрый прогресс мирового социализма, охватывающего группу государств, расположенных на трех континентах, дружба народов, восторжествовавшая в условиях социализма и во взаимоотношениях социалистических и молодых национальных государств, укрепление их солидарности — все это не оставляет камня на камне от расистских построений. Жизнь все более раскрывает правильность марксистско-ленинского тезиса о том, что у трудящихся различных рас и наций нет и не может быть оснований для взаимной неприязни и вражды.

В 1971 году, который был Международным годом борьбы против расизма, ноябрьский номер журнала «Курьер ЮНЕСКО» вышел с интересными материалами, разоблачающими научную несостоятельность расовых теорий. Вместе с тем в опубликованных материалах указывалось на актуальность продолжения борьбы с этими «теориями».

Как отмечает канадский психолог Отто Клинбергер, в начале 50-х годов были все основания полагать, что биологи и социологи фактически полностью отказались от теории генетической или врожденной расовой иерархии. Во время одного обследования представительной группе белых американцев задавали вопрос: «Как вы

¹ См.: Расы и народы. Ежегодник, 1972, № 2, с. 302—305.

считаете, негры в целом так же развиты в интеллектуальном отношении, как и белые, то есть могут ли негры так же успешно, как и белые, усваивать необходимые знания при условии одинакового образования и подготовки?» Положительный ответ в 1942 году дали 50%, а в 1964 году — уже 80% от общего числа опрошенных. Известный шведский экономист Г. Мюрдаль, автор обширного исследования по негритянскому вопросу «Американская дилемма», заявил на Нобелевском симпозиуме, материалы которого опубликованы в 1970 году: «Доктрины расовой неполноценности больше нет, и это несомненный шаг вперед, поскольку она не имела научного обоснования»¹.

Жизнь показала, однако, что доктрина эта в тех или иных формах продолжала свое существование, и вопрос о врожденных психологических различиях получал различное толкование, привлекая к себе внимание широких кругов общественности.

Расизму нанесен заметный урон, однако он не уничтожен окончательно. В ЮАР, в Соединенных Штатах Америки, в Израиле, в ряде других стран капиталистического мира расисты либо находятся у власти, либо пользуются поддержкой влиятельных кругов. Доводы расизма все еще используются для оправдания колониальной и агрессивной внешней политики империализма. Сверхэксплуатация дешевой рабочей силы «цветных» приносит капиталу огромные прибыли.

В нынешних условиях любая проповедь расизма бросает вызов разуму и совести человечества.

Те, кто, несмотря на очевидные научные доказательства, тем не менее прибегают к человеконенавистническим догмам расизма, ищут малейшие лазейки для протаскивания реакционных взглядов. Поскольку грубо биологизаторские эксперименты, вроде взвешивания мозга и измерения черепной коробки, провалились, главным направлением современных расистских теорий стало сравнение умственных и психологических качеств различных народов. Речь идет о попытках проникнуть с тенденциозными расистскими установками в такие области, которые в известной мере остаются еще белым пятном в науке.

Примером завуалированного расизма является теория Карлтона Куна, обнародованная в 1962 году. Согласно

¹ См.: *Клинеберг Отто. Раса и психологические тесты.* — Курьер ЮНЕСКО, 1971, ноябрь, с. 5.

этой теории, эволюция человека шла в Европе быстрее, чем в Африке, вследствие чего человек в его современном виде появился в Европе раньше. Вывод Куна, сформулированный, впрочем, в осторожной форме, гласил, что «подвиды, первыми перешедшие в ходе эволюции в категорию *homo sapiens*, развились больше других... и уровни цивилизации, достигнутые отдельными популяциями, есть, может быть, связанное с этим явление». Отсюда следовало допущение о том, что «африканцы, как форма более ранняя, более примитивны и потому не являются полноценной разновидностью *homo sapiens*»¹.

Расистские тенденции присущи послевоенным работам таких американских генетиков и психологов, как Г. Гаррет, Р. Гейтс, А. Дженсен, О. Шай. На расистских позициях стоит физик У. Шокли. Ярым проповедником теории о неполноценности негров выступает реакционный американский публицист К. Путнам. В Англии расистские концепции отстаивает профессор Эйзенк².

В наше время бурных общественных перемен и великих побед человека в области науки и техники трудно представить себе, что находятся люди, которые проповедуют законы джунглей. Но такие люди есть, и они скрываются не только в балахонах куклуксклановцев, но и в мантиях ученых.

Особенности расистской методологии «образца 60—70-х годов XX века» можно уяснить, проанализировав последние выступления двух представителей США — профессора Калифорнийского университета в Беркли А. Дженсена и автора ряда книг и статей по расовому вопросу в США К. Путнама. Первый опубликовал обширную статью в журнале «Гарвард эдьюкейшнл ревью» и очень скоро приобрел репутацию «научного» расиста³. Второй приобрел скандальную известность двумя своими книгами — «Раса и разум» и «Раса и действительность»⁴.

Если отвлечься от той формы, в которую облечены новейшие концепции расизма (в первом случае ей при-

¹ См.: Курьер ЮНЕСКО, 1971, ноябрь, с. 5—6.

² *Seid T. Scientific Racism Again.*— *Marxism Today*. 1973, January, p. 4—12; *Simon B. Intelligence, Race, Class and Education.* *Marxism Today*. 1970, November, p. 327—339.

³ *Jensen A. How Much can We Boost I. Q. and Scholastic Achievement?* *Harvard Educational Review*. 1969, vol. 39.

⁴ *Putnam C. Race and Reason. A Yankee View.* Washington, 1961; *Putnam C. Race and Reality. A search for solutions.* Washington, 1967.

дан нарочито академический характер, во втором — это циничная и откровенная проповедь человеконенавистничества), то мы столкнемся со следующими постулатами: 1. Белые и негры резко отличаются по своей врожденной и умственной одаренности; 2. Это различие не может быть устранено в процессе обучения даже при условии создания предпочтительных условий для негритянского населения; 3. Культурная отсталость небелой расы оправдывает сегрегацию (обособление рас) и всякие иные формы дискриминации негритянского населения.

Эти постулаты бросают вызов доказанному наукой тезису о биологической равноценности рас, отсутствии связи между расой и психикой. Их авторы пытаются во что бы то ни стало оживить старые теории. В этих целях нередко используются данные психотехнических исследований, и прежде всего психологических тестов.

Что же представляют собой эти тесты? Буржуазные ученые утверждают, что, ставя определенные задачи перед представителями белого и негритянского населения, можно определить так называемый коэффициент ума. Согласно данным буржуазных тестологов, у белых он равен 100 или превышает эту цифру, тогда как у негров он ниже 100. С этих позиций негритянской расе приписывается врожденная неполноценность.

Между тем элементарный здравый смысл, не говоря уже о многочисленных научных соображениях ученых, подсказывает, что результаты тестов в огромной степени зависят от предшествующей тренировки испытуемого, степени его знакомства с предметом испытания, степени знания языка, на котором проходит тест, и т. д. Механически применяя одни и те же мерки к группам людей, находящимся в различных социальных условиях, буржуазные психологи могут легко добиться искомых результатов. Но их достоверность ничтожна.

Ученые показали, что изменение условий испытаний ведет к изменению показателей. Характерно, что даже близнецы, воспитанные в разных условиях, давали различные показатели. Таким образом, порок тестов состоит прежде всего в неучете воздействия среды. Но дело не только в этом.

Несостоятельна сама попытка «измерить» интеллект, найти какие-то раз навсегда данные, всеобщие образцы умственной одаренности. Как считают ученые, психотехнические проблемы не в состоянии вскрыть всю сложность психической деятельности людей и ни в коей мере не могут свидетельствовать о врожденных способностях

расы. «...Нет никаких научных доказательств врожденных умственных различий между расами»¹, — пишет О. Клинеберг. «Национальные, религиозные, географические, лингвистические и культурные группы с необходимостью отнюдь не совпадают с расовыми группами, и особенности культуры этих групп не имеют никакой доказуемой генетической связи с отличительными признаками рас»², — говорится в Декларации 1960 года, принятой Комитетом антропологов, психологов и социологов ЮНЕСКО.

В заявлении научных экспертов ЮНЕСКО (сентябрь 1967 г.) говорится: «Народы современного мира несомненно обладают равными биологическими возможностями для достижения любого уровня цивилизации», и далее: «Расизм лживо утверждает, что наука дает основания для иерархического распределения групп по их неизблемым и врожденным психологическим и культурным свойствам»³.

Какие цели преследует возрождение расистских воззрений? В условиях широкого негритянского движения в США, вырвавшего у правящего класса в упорной борьбе за равные гражданские права ряд серьезных уступок, реакционные круги открыто выступают с призывами силой ответить на рост этого движения. Для этого надо, с одной стороны, запугать массы белого населения надвигающейся «угрозой» со стороны черных, а с другой стороны, внести замешательство и неуверенность в ряды самих борцов за гражданские права. К этому и направлены утверждения о врожденной неполноценности негров, которую-де не в состоянии преодолеть никакие гуманные и либеральные акты.

Уже упоминавшийся американский профессор Дженсен утверждает, что «низкий социально-экономический статус негров в США объясняется в определенной мере их наследственными данными». Подобно тому, как анатомическая структура людей отражает их расовые различия, мозг также не является каким-то исключением⁴. Поэтому он объявляет тщетными попытки с помощью образования изменить то, что заложено в «генетическом пуле», и ставит эти попытки в один ряд с бесплодными экспериментами средневековых алхими-

¹ Klineberg O. The Human Dimension in International Relations. N. Y., 1966, p. 29.

² Документы обличают расизм. М., 1968, с. 25.

³ Курьер ЮНЕСКО, 1971, ноябрь, с. 6.

⁴ Bulletin of Atomic Scientists. 1970, vol. XXVI, N 5, p. 20.

ков: Дженсен вновь навязывает ученым бой на плацдармах, где наука уже одержала полную победу над антинаучными доктринами. Но такова логика расизма: подогреваемые реакционными устремлениями эксплуататорских классов, его сторонники с маниакальным упорством повторяют старые догмы.

«Можно ли объяснять огромный рост науки в этом столетии внезапной мутацией генов? Можно ли объяснять биологической адаптацией и изменениями в структуре головного мозга факт прогресса целых обществ от интеллектуально отсталых крестьянских и даже племенных стадий до высокого интеллектуального уровня, характерного для современности?» — задает вопрос американский ученый Дж. Лоулер, критикуя расизм¹.

Наукой доказано, что специфика психической деятельности человека не может быть вскрыта категориями биологии и что ссылка на расовые свойства в этой области явно не годится. Не отрицая роли биологической изменчивости или ее важности как объекта научного изучения, марксизм подчеркивает, что результаты действия биологических различий могут быть правильно поняты и оценены лишь в свете социального фактора, с учетом решающей роли развития производительных сил и производственных отношений. Но развитие последних подчиняется иным законам, поэтому законы развития человеческого общества существенно отличаются от законов биологической эволюции, в процессе которой биологические особи приспосабливаются к окружающей среде, изменяясь соответственно ее требованиям. Человеческие существа демонстрируют качественно более высокие формы адаптации, в конечном счете означающие познание законов естественного и социального развития и умение ставить их на службу человеку. Но это уже вытекает не из природы организма, а из законов человеческого бытия, не сводимых к биологическим законам. Упор на социальные факторы как раз и отличает научный подход от разного рода биологизаторских теорий².

Научная несостоятельность расизма не означает, что борьба с ним окончена. «Было бы неверно недооценивать важность продолжения наступления на «научные» расистские воззрения именно потому, что они заключают в себе идеи расового превосходства, которые, в свою

¹ Lawler J. I. Q. Biological factor or Methodological construct? — Science and Society. 1977, vol. XLI, N 2, p. 211.

² Science and Society. 1977, vol. XLI, N 2, p. 210.

очередь, используются для оправдания расовой дискриминации и угнетения»¹, — пишет журнал английских марксистов «Марксизм тудей». «Яд расизма в значительной мере определил тот факт, что Германия стала добычей фашизма, это принесло несчастье германскому народу и миру, — отмечает американский марксист Герберт Аптекер. — Ядом расизма отравлены и Соединенные Штаты; это уже повлекло за собой неопишуемые несчастья и страдания. Но его живучесть делает Соединенные Штаты особенно подверженными фашизму. Фашистская Германия означала несчастье для человечества, фашистские США — это катастрофа прежде всего для жителей самих США и затем для всего мира»².

Насколько опасные формы могут принять расистские проповеди, свидетельствуют «сочинения» Путнама, который даже не заботится о том, чтобы придать наукоподобную форму своим писаниям, а проповедует примерно то же, что в свое время твердил гитлеровский министр земледелия Дарре: «Так же как возродили ганноверскую лошадь, отбирая породистых жеребцов и кобыл, мы путем отбора возродим чистый тип нордического германца»³.

Путнам выступает ярким защитником расовой сегрегации, он на стороне тех, кто во имя сохранения в чистоте белой расы готов подвергнуть негритянское население жестокому остракизму. Для этого он нагромождает клеветнические измышления о духовном облике народа, чей свободолобивый дух, энергия в борьбе за свои права и вклад в общечеловеческий прогресс снискали ему симпатии и поддержку всех честных людей мира. «Если мы, — пишет этот хранитель «сто процентного американизма», — растворим двадцать миллионов по преимуществу лишенных творческих способностей негров в нашем белом генетическом пуле, можно ожидать, что в результате такого смешения нам будет не доставать совокупности ряда качеств (проницательности, способности к предвидению, интеллектуальности, энергии), которые необходимы, чтобы сохранять и развивать американскую цивилизацию»⁴.

Путнам без всякого стеснения проповедует расовую ненависть. При этом его несколько не смущает (а пожалуй, и вдохновляет) сходство с гитлеровскими палача-

¹ Marxism Today. 1973, January, vol. 17, N 1, p. 12.

² Political Affairs. 1974, August, p. 57.

³ Цит. по: Оганисьян Ю. Два цвета ненависти, с. 56.

⁴ Putnam C. Race and Reality, p. 100.

ми. Он против каких-либо уступок, за увековечение варварского отношения к негритянским массам. «Через 500 миллиардов лет, — цинично заявляет он, — я был бы готов признать возможность того, что негры в ходе обычного процесса, мутаций и естественного отбора, происходящего в рамках их расового типа, могут догнать и даже превзойти белую расу»¹.

Книга Путнама не содержит прямых призывов сжигать представителей низшей расы в газовых печах, но в ней «научно» обосновывается обращение с неграми как с полулюдьми-полуживотными.

Истины ради следует признать, что ныне подобная неприкрытая пропаганда зоологического расизма не очень уж частое явление, так как она шокирует ревнителей американского «образа жизни». Большинство идеологов, тяготеющих к расизму, склонны отвергать тезис о врожденной расовой неполноценности, отказывается от ряда постулатов биологического расизма. В послевоенный период проведена определенная «модернизация» расовых теорий, которая направлена на то, чтобы придать им более терпимый, либеральный характер, сохранив в неприкосновенности главное в расизме — деление народов на «полноценные» и «неполноценные» и признание неизбежности вражды между ними.

В современной буржуазной литературе отказ от откровенного расизма и признание биологической равноценности рас нередко сочетается с оправданием сегрегации, апартеида и других атрибутов расизма. Часто шумная критика расизма гитлеровского типа сопровождается утонченной и весьма завуалированной проповедью неравенства рас. Вместо доктрины врожденной неполноценности выдвигается концепция приобретенной неполноценности тех или иных народов. Ее сторонники готовы признать, что с точки зрения биологии негры ни в чем не уступают белым. Но, далее, они заявляют, что окружающая среда, условия жизни и рабство в прошлом настолько обезобразили духовный облик негров, что сегодня это уже не нормальные, а психически изуродованные люди, которых, разумеется, нельзя сажать за один стол с цивилизованными джентльменами. С этих позиций в США, Великобритании проповедуется, например, добровольная сегрегация, которая якобы отвечает интересам обеих рас и оберегает их от нежелательных столкновений.

¹ Putnam C. Race and Reason, p. 53.

Что остается от заявления, что «бог создад всех людей равными», если неграм и другим расовым и национальным группам по-прежнему отказывают в равных правах с белыми? Ведь если согласиться с тезисом об их неполноценности, пусть не врожденной, а социально обусловленной, сам собой отпадает вопрос о ликвидации расовых барьеров, ибо никто не захочет жить рядом с социально опасными элементами.

Итак, взамен старой биолого-расистской формулы «неполноценность — сегрегация» выдвигается новая формула «сегрегация — неполноценность — сегрегация». Легко заметить, что она заключает в себе заколдованный круг, поскольку продолжение сегрегации будет усугублять низкий статус негров и все больше оттягивать решение негритянской проблемы. Не удивительно, что новейший социологический подход к расовой проблеме приводит буржуазных авторов к тем же выводам, что и приверженцев грубого расизма¹.

В последние десятилетия в США широкое хождение, особенно в либерально-реформистских кругах, получила концепция так называемой «социальной неполноценности» негритянского народа, которой, дескать, и объясняется его жалкая участь. Эту теорию остро критикует Г. Аптекер в книге «История афроамериканцев». Он справедливо отмечает, что концепция «социальной неполноценности» распространялась по мере того, как все более дискредитировала себя теория биологической «неполноценности» негров. И вот на страницах «респектабельных» изданий, которые, конечно, не унижутся до пропаганды откровенного расизма, все чаще появляются объяснения такого рода, будто все беды негритянского народа — более высокий уровень безработицы и смертности, более низкий уровень образования, большее по сравнению с другими число арестованных и осужденных и т. д. — объясняется влиянием черных гетто. Примечательно, что детальное описание нищеты, убогих жилищ, высокого уровня безработицы создает самое мрачное представление об обездоленных неграх, на которых незаметно и взваливается вина за расовую дискриминацию. Ведь как бы то ни было, а сама жизнь превратила негров в «полулюдей-полуживотных», которых, разумеется, нельзя уже в силу этого обстоятельства пускать в «приличное общество». В социальном плане такое освещение

¹ См.: Борьба идей в современном мире. В 3-х т. Т. 1. Основные линии и коренные проблемы идеологической борьбы, с. 204.

негритянской проблемы, не вскрывающее реальных корней системы расовой дискриминации, может способствовать принятию различных филантропических программ для какой-то небольшой, наиболее неблагополучной части негритянского населения. Но в идеологическом плане такие «анализы» могут способствовать увековечению расистских стереотипов.

«Конечно,— пишет по этому поводу Г. Аптекер,— физический и духовный гнет может сломить отдельного человека, но негритянский народ в целом не сломлен ни физически, ни морально...

Конечно, угнетение причиняет людям страдания, и некоторые становятся его жертвами, деградируют. Но... разве не ясно, что, хотя угнетение и вызывает жертвы, тот, кто страдает,— это не просто жертва, но и борец? Разве у жертвы не рождается протест против такого обесчеловечения, разве он не отвергает всей душой угнетение и не поднимается на борьбу с ним?»¹

Многие из модернизаторов расизма вообще обходят вопрос о неполноценности и ее истоках. Они делают упор на «исконную расовую ненависть» между белыми и неграми, которая-де препятствует их нормальным взаимоотношениям.

Идеологи расизма пытаются использовать в своих интересах и выводы буржуазной социологии о существовании «расовой проблемы», затушевывая ее социально-классового характера.

Отталкиваясь от установок идеалистической социальной психологии, буржуазные ученые выводят расистские и националистические предубеждения из невротического конфликта личности, возникающего, по словам ее представителей, в тех случаях, когда человек оказывается неспособным обуздать свои инстинктивные побуждения и следовать разумным и допустимым с точки зрения общества нормам поведения. С этих позиций, например, влиятельный журнал «Юнайтед Стэйтс ньюс энд Уорлд рипорт», хранитель «стопроцентного американизма», характеризует негритянскую проблему в США, которая, оказывается, вытекает из... предубеждения негров против самих себя. Негры, утверждает в журнале, не заслуживают иного к себе отношения, кроме презрения, так как у них, видите ли, отсутствует самоуважение, их нельзя рассматривать как личности. Больше того, в глубине души негры США якобы согласны с

¹ Аптекер Г. История афроамериканцев: современная эпоха. М., 1975, с. 230—231.

предубеждениями против них¹. Проповедуя шовинистическое высокомерие по отношению к негритянским массам, журнал взваливает вину за унижения и гнет на самих негров, страдающих от сознания собственной неполноценности.

Сторонники такого подхода часто приходят к тем же выводам, что и проповедники грубого, неприкрытого расизма. Это хорошо показал в одной из своих статей Мартин Лютер Кинг: «Если один человек утверждает, что другой человек ввиду своей расовой принадлежности недостаточно хорош, чтобы иметь одинаковую с ним работу, или обедать рядом с ним, или иметь доступ в те же отели, или учиться в тех же школах, или жить по соседству с ним, он попросту тем самым утверждает, что этот человек не заслуживает права на существование»².

Уже сама по себе попытка увековечить стереотип негра — «пассивного страдальца» или, наоборот, одержимого эмоциями смутьяна означает клевету на негритянский народ. Замалчивая или извращая подлинную историю американских негров, полную борьбы за свободу и равноправие, выдающиеся способности, мужество и стойкость таких людей, как Фредерик Дуглас и У.Э.Б. Дюбуа, Мартин Лютер Кинг и Анджела Дэвис, шовинистическая печать США тщетно пытается подорвать освободительные стремления негритянских масс, перечеркнуть их бесспорный вклад в социальный и духовный прогресс американского народа.

В нынешних условиях, подчеркивается в новой программе Компартии США, негритянские массы с особой силой проявляют политическую инициативу, возросшую национальную гордость, чувство собственного достоинства наряду с солидарностью с рабочим классом и другими угнетенными народами. Это увеличивает возможности, опираясь на рост классового и национального самосознания негритянского народа, спланировать его на борьбу против империализма, за свободу и подлинное равенство. Разумеется, борьба против расизма — задача всех трудящихся масс США, независимо от цвета кожи. В этом смысле огромное значение имеют борьба за высвобождение белых рабочих из-под влияния расовых предрассудков и вовлечение их в борьбу против расистской политики империализма. Сама жизнь связала воедино эту борьбу с борьбой за коренные интересы трудящихся. По-

¹ United States News and World Report. 1964, 28 December, p. 48.

² Conflict and Conscience in America. Ed. by R. Dish & B. Schwartz. N. Y., 1970, p. 223.

следовательная линия против расизма — одно из главных условий успеха в классовой борьбе, без чего не может быть подлинного развития классового сознания, действительно революционной борьбы за социализм.

Не секрет, однако, что отдельные представители негритянского движения США, вставшие на позиции буржуазного национализма, отрицательно или даже враждебно относятся к классовому союзу белых и небелых трудящихся против общего врага — империализма. Так, автор вышедшей в 1970 году в США книги «Расизм и классовая борьба» Джеймс Боггс, хотя и резко осуждает американский капитализм, вместе с тем по существу извращает проблемы классовой борьбы, отрицает роль рабочего класса в борьбе против политики правящих сил капитала. Он утверждает, что врагом негритянского народа является не правящий класс США, а «все белое население Америки, все классы, включая рабочих»¹.

В противовес марксистской точке зрения, вскрывающей прежде всего социально-классовые корни расизма, Боггс трактует негритянскую проблему как чисто «расовый вопрос», проблему эксплуатации черных белыми. Вместо классового союза рабочих независимо от цвета кожи он, фактически, проповедует недоверие и неприязнь к белым рабочим. Популярному лозунгу «Черные и белые, объединяйтесь и сражайтесь!» («Black and white, unite and fight!») он противопоставляет сепаратные действия негритянских масс, направленные против всего остального населения. В том же духе написана книга Роберта Аллена «Непокорные реформаторы. Влияние расизма на американское социал-реформистское движение»².

Прежде всего автор делит США на два общества — «белое» и «черное», из которых первое эксплуатирует второе. Но такой подход не дает возможность видеть главное деление американского общества — раскол на белое монополистическое меньшинство и многорасовый рабочий класс. Впрочем, автор, столь схематично представляющий себе взаимоотношения белых и черных в США, идет дальше и пытается критиковать марксистов за пропаганду идеи единства белых и черных трудящихся, заявляя, что белые не пойдут на такой союз, поскольку они-де «материально заинтересованы» в сохранении расизма.

¹ *Boggs J. Racism and Class Struggle. N. Y.—L., 1970, p. 30.*

² *Allen R. Reluctant Reformers. Wash., 1974.*

«Если бы расизм был попросту инструментом, с помощью которого правящий капиталистический класс осуществляет раскол рабочих, тогда бы рабочие не были материально заинтересованы в сохранении расизма,— пишет Р. Аллен.— Раз поняв свои подлинные интересы, рабочие должны были бы присоединиться к силам, выступающим против расизма. Но этого, как свидетельствует история рабочего движения, не случилось. Тем не менее коммунистические авторы настаивают на том, чтобы рассматривать белый рабочий класс как носителя подлинного просвещения и братства, как минимум, они требуют признания того, что, как только рабочие усвоят марксизм-ленинизм, расовые антагонизмы немедленно исчезнут»¹.

Оставим в стороне преднамеренно упрощенческую формулу: «как только рабочие усвоят марксизм-ленинизм...», которая превращает в карикатуру действительную зависимость между классовой борьбой и ростом классовой сознательности. Ясно одно: Р. Аллен исходит из определяющей роли расового фактора. Он отрицает антагонистическое противоречие между белыми рабочими и белыми монополистами, стало быть, он отрицает и классовую борьбу в американском обществе, сводя все ее противоречия к расовому антагонизму. На этом основании он проповедует сепаратную борьбу негритянских масс против расизма.

Нетрудно понять, что подобные выступления — независимо от намерений авторов — льют воду на мельницу империалистов, которые более всего страшатся единства трудящихся в борьбе против капитала. Приписывая белому рабочему классу США заинтересованность в расовом угнетении негров, авторы этих выступлений до предела упрощают картину. Ведь дело не только в том, что на долю привилегированной части белых рабочих перепадает крохи со стола предпринимателей. Главное в том, что низкая зарплата негров используется правящим классом как рычаг для снижения общего уровня зарплаты всех трудящихся. От расизма страдают, таким образом, трудящиеся массы в целом. Ясно, что объективно белые рабочие заинтересованы не в дискриминации негров, а в устранении расового гнета. Конечно, не все сознают это, но постепенно по мере преодоления расистских предубеждений эта истина шаг за шагом доходит до сознания всех трудящихся.

¹ *Allen R. Reluctant Reformers*, p. 224.

Национальный председатель Коммунистической партии США Генри Уинстон, критикуя узкорасовый подход к негритянской проблеме, подчеркивает, что концепция «материальной заинтересованности» белых в расовом угнетении негритянских трудящихся — это как раз та концепция, которую упрямо проповедует правящий класс США и с помощью которой он пытается увековечить действительное неравенство между белыми и черными массами населения. Доказывать, будто белые имеют материальную выгоду от расизма, пишет американский марксист, — значит утверждать, что 180 миллионов белых, подавляющее большинство, не имеют материальной заинтересованности в экономическом и социальном прогрессе, что означало бы отсутствие для них перспективы коренных перемен.

Черное меньшинство само по себе не сможет уничтожить систему рабства. Это могло бы быть достигнуто благодаря осуществлению стратегии, которая сочетала бы заинтересованность всех сил и классов в победе над этой системой. Необходима не отдельная политика для черных, а независимая стратегия освобождения черных как часть широкой антимонополистической стратегии¹.

Затушевывание классовых антагонизмов американского общества и попытка представить главное противоречие его жизни как абстрактный конфликт между белыми и черными — такова суть буржуазного подхода к проблеме. Новым вариантом этой доктрины является концепция «этничности», разработанная американскими социологами Д. Мойнихеном и Н. Глезером. Их книга «Этничность. Теория и опыт», проникнутая утонченным расизмом и антикоммунизмом, выдвигает вместо классовых противоположностей этнические различия, которые якобы и обрекают небелое население на страдания. Они противопоставляют одну расу другой, всячески выпячивая этнический фактор, вместо того чтобы направить внимание на изучение подлинной противоположности между многорасовым и многонациональным рабочим классом и угнетенными меньшинствами, с одной стороны, и белым правящим классом — с другой.

Рассмотрим, однако, какими доводами обосновывается новая, более эффективная политика монополий, вытекающая из концепции этничности. Мойнихен и Глезер заявляют, что бессмысленно выдвигать и поддерживать требования от имени таких больших и разрозненных

¹ *Winston H. Class, Race and Black Liberation*. N. Y., 1977, p. 104.

групп, как «рабочие», «крестьяне», «белые воротнички». Если даже какие-либо уступки и делаются таким группам, то они неизбежно распыляются и порождают инфляцию, которая оставляет положение таким же, каким оно было. «В целях достижения стратегического эффекта необходимо добиться разделения, выдвигать требования от имени групп достаточно малых, чтобы сделать возможные уступки значительными, и, равным образом, достаточно малых, чтобы ощутить какую-то выгоду от сделанных уступок»¹, — рассуждают авторы книги «Этничность». Короче говоря, «новая политика», которую в последней трети XX столетия рекомендуют американские социологи правящему классу самой могущественной страны империализма, на деле означает возобновление старой-престарой политики «разделяй и властвуй». В самом деле, эта политика направлена на то, чтобы разъединить, расколоть рабочий класс, не допустить совместных действий всех социальных и национально-расовых групп.

Насколько «эффективна» эта политика («эффективна», разумеется, как средство империалистической политики), видно из следующего примера, приводимого в книге Г. Уинстона «Класс, раса и освобождение черных»². Касаясь программ борьбы с нищетой, правительственные чиновники, как раз отталкиваясь от концепций этничности, нашептывали черному населению, что пуэрториканцы хотят слишком многого, в то время как пуэрториканцев убеждали в том, что «все» идет черным. Вместе с тем до сведения белого населения доводилось, что на их долю ничего не остается, так как все досталось черным и пуэрториканцам. Коварная политика монополистов делает свое дело — она особенно губительна по отношению к защите интересов небелого населения, но в значительной мере от нее страдает и белое население.

«...Расизм пустил глубокие корни в общественной жизни США, — пишет один из руководящих деятелей Компартии США, Клод Лайтфут. — Его воздействие на белых американцев настолько сильно, что даже угнетенный класс не понимает, что его интересы совпадают с интересами негритянских масс»³.

¹ Ethnicity. Theory and Experience. Ed. by N. Glazer and D. Moynihan.

² Winston H. Class, Race and Black Liberation, p. 60.

³ Лайтфут Клод М. Восстания в гетто за освобождение негров, с. 134.

Что касается самого негритянского движения, основу которого составляют рабочие массы, то оно все в большей степени выдвигает требования общего порядка, близкие широким слоям американских трудящихся вообще. Это требования улучшения жилищных условий и медицинского обслуживания для всех, против безработицы, лозунги защиты мира, борьбы против империализма и монополий. «Фактически,— пишет Г. Аптекер,— требования негритянского освободительного движения уже теперь смыкаются с требованиями передовой части белых трудящихся страны; идеи марксизма, социализма прокладывают себе дорогу, несмотря ни на какие преграды»¹.

Суровым обвинением британского образа жизни, проникнутого более утонченным, чем американский, но не менее жестоким расизмом, является книга английского публициста негритянского происхождения Криса Мулларда «Черная Британия»². Написанная в форме исповеди юноши, книга раскрывает психологические корни расизма, глубоко проникшие в британские традиции.

«Я родился черным в Англии,— повествует автор.— Я испытал расовую дискриминацию. Мне неизвестна какая-либо культура, кроме британской. Не раздумывая много по поводу этого факта, я англичанин.

Разве? Возможно ли быть черным и англичанином одновременно? Если человек родился и воспитывался в определенной стране, означает ли, что он обязательно воспринимает облик представителей национальности данной страны? — такими словами начинается этот рассказ человека, с малых лет переживавшего психологическую драму.— Не скрываю ли я собственное Я, не пытаюсь ли я выдать себя за того, кем я на самом деле не являюсь»³. «Уже в юности я осознал, что я черный, отличающийся от других,— продолжает автор.— Я никогда не думал так, как мыслит черный человек, все мои мысли были белыми, все в них вращалось вокруг ценностей белого общества. Я пытался бежать от самого себя, усваивая предубеждения белых собратьев. Черные — это грязные насильники, ленивые и дикие, их следует презирать. Поскольку я придерживался этих взглядов, мои белые друзья полагали, что я был вполне нормальным — таким же, как и они»⁴.

¹ Аптекер Г. История афроамериканцев: современная эпоха, с. 232.

² Mullard Ch. Black Britain. L., 1973.

³ Ibid., p. 13.

⁴ Ibid., p. 13—14.

Автор характеризует далее роль школы в расовом воспитании молодых англичан. «Чрезвычайно тонкими методами школа приучала меня рассматривать цвет моей кожи как нечто безобразное. Мои учителя никогда не упоминали цвет моей кожи. Вместо этого они говорили об обычаях черных в далеких странах, расписывали роль миссии Британии, которая состояла в том, чтобы цивилизовать туземцев, сделать их приемлемыми для белого человека и для самих себя. Они научили меня петь националистические песни, декламировать стихи, в которых прославлялся империализм, Британская империя, они привили мне британский этикет — как быть приятным капиталу и как снимать шляпу перед представителями высшей культуры. Ведь я был все же маленьким белым мальчиком с черной кожей»¹.

Шаг за шагом Муллард раскрывает святая святых образа жизни чопорной, брезгливой Британии, которая может допустить в свое общество человека иной расы, но лишь при условии его полного отказа от своей самости, полного восприятия ценностей белого общества. «...Меня учили верить в белого бога, который, окруженный белыми ангелами, пророками и учениками, большую часть времени проводил в сражениях с Сатаной, безобразным черным дьяволом, воплощавшим в себе все земное зло... Мне рассказывали множество историй о диком черном народе, виновном во всех несчастьях этого мира, народе, который никогда не сможет понять божественного происхождения их белых господ»².

Автор печального повествования о том, что значит быть черным в Англии, рассказывает об одном эпизоде — уроке расизма, который преподавал ему белый человек, когда он был еще четырехлетним малышом. Однажды этот человек шутливо предложил ему раз и навсегда вылечить его от его болезни. Смеясь, он принес мыло и щетку и начал тереть мальчика, приговаривая: «Я сделаю из тебя белого малыша». Шутка приняла серьезный характер, мужчина посинел от напряжения, а кожа мальчика стала воспаленно красной. Так продолжалось до тех пор, пока мужчина в изнеможении отказался от своей затеи, оставив плачущего малыша³.

«С детства я привык считать, что черное — это плохо, а белое — хорошо. Чтобы выжить, я забыл о своей

¹ *Mullard Ch. Op. cit.*, p. 14.

² *Ibidem.*

³ *Ibid.*, p. 15.

черной коже и пассивно принял все, что белое общество говорило обо мне, благодарный ему за то, что оно позволило мне жить в мире белых. Когда кто-либо спрашивал меня насчет цвета моей кожи, я отвечал, что она так выглядит только на поверхности. Все дело в том, что она слишком загорела под ярким солнцем на Карибских островах, где я проводил свои каникулы... Я не мог согласиться с тем, что я не англичанин. Но в течение двадцати лет я подозревал, что как-то обкрадываю себя... Затем я узнал, что у меня нет иного выбора, кроме конформизма. Я стал чувствовать себя несчастным и неполноценным, несмотря на то что я считал себя белым, в глубине души я думал иначе»¹.

Постепенно до чернокожего юноши доходила печальная истина — если он не осознает себя черным, ему придется всегда зависеть от прихоти расистов. Однажды, опубликовав статью в газете «Таймс», он получил разъяренное письмо, в котором ему указывали на его место: «Убирайся из нашей страны, черный ублюдок. Ты никогда, никогда не станешь англичанином. Мы всегда будем ненавидеть вас, потому что черные — это ленивые, аморальные, дикие наркоманы, негодяи, испускающие зловоние, мы никогда не интегрируем вас в нашу среду... Как осмелился ты возомнить себя англичанином, ты, еще в недалеком прошлом черная обезьяна и людоед!»²

Тем временем жизнь приносила юноше новые и новые огорчения, заставляла его мучительно переоценивать ценности, внушенные ему с детства. Приехав как-то в Лондон шестнадцатилетним парнем, он столкнулся с оскорбительным отношением к себе в кафе. Урок, который он вынес из этого, заключался в усвоении той истины, что все черные должны нести бремя, возложенное на них судьбой, и проявлять смирение и покорность. «Но мог ли я согласиться с этим? — задавал себе вопрос автор. — Чтобы быть совершенно покорным, надо было согласиться со своей неполноценностью. Хотя я и пытался забыть цвет своей кожи, я в своем сознании никогда не допускал мысли о собственной неполноценности — в действительности, если на то пошло, я даже чувствовал свое превосходство. И если дело обстояло так, почему же я не должен был противостоять языку расистов? Почему я должен был бояться?»³

¹ Mullard Ch. Op. cit., p. 16.

² Ibid., p. 17.

³ Ibid., p. 21.

Чернокожему англичанину пришлось испытать то же, что испытывали тысячи и тысячи его сородичей,— ужасы расизма. Носителями расовой ненависти были не невежественные, опустившиеся люди, нет, это были воспитанные и образованные граждане. «Именно это больше всего ужасало меня: респектабельный расизм»¹.

С малых лет все граждане просвещенного капиталистического государства воспитываются в духе безусловного признания тезиса о том, что белый значит красивый и хороший, а черный — безобразный и плохой. «В конце концов,— пишет Муллард,— я стал ненавидеть себя столь же сильно, как и белое общество. Я все еще не мог научиться уважать цвет своей кожи»². Так продолжалось до тех пор, пока молодой чернокожий англичанин не нашел своего истинного места в жизни среди таких же, как и он, участников антирасистского движения.

Расизм — это отвратительное порождение строя неравенства и социального гнета — раскрылся перед ним во всей своей неприглядности, несовместимости с общечеловеческими нормами морали и психики, со здравым смыслом. Расист, каким бы разумным он ни был, никогда не согласится с тем, что черные, подобно другим нормальным человеческим существам,— это честные, трудолюбивые, аккуратные, уважающие закон, разумные люди, пишет Муллард. Расист и не нуждается в доводах, потому что он руководствуется патологическим неразумием и не в состоянии воспринимать логические и рациональные аргументы³. Осознав это и встав на путь борьбы за интересы угнетенных масс с черной кожей, отмечает автор, он понял смысл жизни, избавился от мучительного комплекса неполноценности. «Я уже не считал себя белым человеком с черной кожей. Я осознал себя чернокожим британцем»⁴.

Муллард считает, что у чернокожих англичан нет иного выхода, кроме как подниматься на борьбу, которая, по его мнению, будет носить характер восстания и повлечет за собой кровопролитие. Ему представляется, что события могут принять такой оборот, какой они приняли в Северной Ирландии: «Это будет борьба не по поводу расы, религии, одежды, работы или жилищ, а за признание человеческого достоинства, неоспоримого пра-

¹ *Mullard Ch. Op. cit.*, p. 22.

² *Ibid.*, p. 23—24.

³ *Ibid.*, p. 68.

⁴ *Ibid.*, p. 64.

ва жить в нашей стране, свободной от неравенства, эксплуатации и расизма»¹.

Рисуя перспективы этой борьбы чернокожих англичан, которая, по мнению Мулларда, сольется с борьбой черного населения Америки и африканских негров, автор предвидит возражения со стороны тех, кто рассуждает о проблеме цветных лишь в академическом плане. Он предвидит обвинения с их стороны в излишней эмоциональности и горечи. «Так оно и есть,— отвечает он своим оппонентам.— Эмоции и ненависть становятся двигателем событий там, где уже нет возможности использовать логику и разум, чтобы излечить болезнь, охватившую все белое общество. Можно ли ограничиться спорами с расистами? Кампании, проводимые черными американцами и африканцами, показали, что единственным действенным для белого общества аргументом является сила, насилие, власть»².

Автор делает важную оговорку, он допускает возможность для Великобритании избежать открытого насилия в расовых отношениях. Он рассуждает об «идеологической перемене», замене расизма национализмом, что могло, по его мнению, избавить страну от кровопролития. Однако, независимо от его субъективных настроений, книга в целом — это гневное осуждение расизма, поиски путей искоренения из жизни этого страшного спутника капитализма.

Для Мулларда эта связь расизма и империализма еще не стала столь же отчетливой, сколь отчетлива его ненависть к белым расистам. Он противопоставляет все чернокожее всему белому населению, не видя глубокого классового деления британского общества. Вот почему его гнев обрушивается на общество белых как таковое, а не на империалистов, использующих расовый фактор для сверхэксплуатации чернокожего населения. Он не видит среди белого населения тех реальных или потенциальных союзников, без солидарности с которыми негритянское движение неизбежно зашло бы в тупик. Книга Мулларда отчетливо свидетельствует как об усиливающемся накале антирасистских настроений, так и о слабостях тех, кто пытается увести чернокожее население с пути защиты классовых и национальных требований трудящихся в тупики сепаратного узкорасового движения. Как показала практика экстремистских

¹ *Mullard Ch. Op. cit.*, p. 176.

² *Ibidem*.

течений в негритянском движении в США, африканских странах, проповедь восстания «черных против белых», голого насилия не только не приносит успеха, но, напротив, может принести заметный ущерб интересам борьбы за расовое, национальное освобождение. Воспитание ненависти к угнетателям — хорошее средство массового сплочения. Но речь должна идти не о расовой, а о классовой ненависти к общим поработителям черных и белых трудящихся. Что касается узконациональной или расовой ненависти, то она может лишь заслонить глаза трудящимся, помешать им увидеть и распознать подлинного виновника их страданий. Расизм — это идеология и политика зверского угнетения и лишения прав определенных групп населения в капиталистическом мире, отражающие интересы наиболее реакционных сил империализма.

«Антирасистская борьба не может ограничиваться идеологической дуэлью... Эта борьба является борьбой за изменение социальной структуры, иными словами, это политическая борьба»¹, — справедливо отмечают авторы обширного исследования, изданного во Франции, — «Расизм и общество». Позиция французских ученых особенно примечательна в свете стандартного обвинения буржуазной пропагандой марксизма в упрощенном подходе к расовой проблеме, сведении ее якобы лишь к экономическому угнетению. Да, без анализа этого фактора невозможно понять истоки расизма. Но марксизм, как подлинно научная теория общественного развития, конечно же исследует всю совокупность факторов — и экономических, и социально-политических, и морально-психологических, которые порождают живучесть расистских порядков при капитализме.

Преодоление новых разновидностей апологии расизма, безусловно, предполагает позитивный научный ответ на те вопросы, которые получают извращенное толкование в трудах буржуазных социологов. Марксисты менее всего склонны отрицать, например, негативное влияние рабских условий жизни на сознание и психику заметной части негритянского населения. Но подлинно научный анализ духовного облика народа означает отказ от предвзятых суждений и расистской терминологии, исследование многообразных проявлений духовного облика народа в труде, в борьбе с поработителями, в культуре народа. И если подойти к анализу психологии любого угнетен-

¹ *Racisme et Société*. P., 1969, p. 10.

ного народа с исторических позиций, то фактором, определяющим своеобразие его духовного облика, следует признать не само угнетение и его безусловно губительное влияние на психику людей, а непрестанное и неистребимое стремление освободиться от цепей угнетения, добиться свободы. Об этом свидетельствует и вся история многострадального негритянского народа, который в невероятно трудных условиях показал непреклонную волю к победе.

Равным образом было бы неверно отрицать то обстоятельство, что капитализм, в силу своей антагонистической природы, реакционной политики правящего класса «разделяй и властвуй» натравливает одни народы на другие, способствует закреплению расистской и шовинистской идеологии. Определенная часть населения становится добычей расистской пропаганды. И это относится не только к белому, но и к небелому населению. В последние годы кое-где отмечается возникновение и распространение так называемого антибелого расизма. Буржуазная пропаганда всячески раздувает эти явления, пытаясь найти в них подтверждение своей доктрины всеобщей и неискоренимой расовой ненависти. Но попытаемся реалистически оценить такие явно реакционные движения, как движение «черных мусульман» в США, и мы увидим, что их идеология — это своего рода реакция на жестокое преследование негров, выраженная не в классово осознанной, а в извращенной форме расизма «наизнанку».

Нет нужды ссылаться на те или иные способы доказательства превосходства черных или вообще небелых рас, факты проповеди расовой ненависти к белому населению, которая ничем не лучше проповедей белого расизма. Важно подчеркнуть, что всякое движение, развивающееся на узконациональной или расовой основе, в конце концов хиреет и погибает. Расизм не может быть преодолен на почве противопоставления народов и рас, но он не может устоять перед сознательно интернационалистскими акциями трудящихся независимо от цвета кожи и национальности.

«Марксизм,— пишет Герберт Аптекер,— не игнорирует колоссального влияния расизма на жизнь Юга; он не отрицает и не преуменьшает значения власти иррациональных и эмоциональных факторов и передаваемых из поколения в поколение расистских предрассудков. Напротив, именно с марксистской точки зрения можно выявить социально-экономические корни расизма и роль,

отведенную ему правящим классом. Вместе с тем марксизм намечает путь принципиальной борьбы против расизма и позволяет выработать практические методы его полной ликвидации»¹.

Капитализм и особенно империализм — живительная среда для всякого рода предрассудков и предубеждений расового характера. Однако речь при этом идет не об инстинктивной ненависти, вытекающей из извечного этноцентризма, как пытаются доказать буржуазные идеологи, а о взглядах и настроениях, имеющих вполне определенную социальную основу. Вопреки утверждениям расистов, современная действительность во многих районах земного шара и прежде всего практика развития многонационального общества в СССР и ряде других социалистических государств дает неопровержимые доказательства жизненности идей интернационального братства и дружбы народов.

В капиталистическом мире расовое угнетение небелых народов объясняется не какими-то расовыми особенностями этих народов, а потребностью правящего класса в сверхэксплуатации и грабеже других народов. «Негр есть негр,— писал Маркс.— Только при определенных отношениях он становится *рабом*»².

На протяжении десятилетий расизм сохранял свою первостепенную роль в проведении капиталистической политики «разделяй и властвуй». Конечно, негры и белые, скажем, в США уже не разделены так, как в период основанной на рабовладении аграрной экономики Юга. Капиталистическая экономика соединила белых и небелых рабочих. Они работают на одном предприятии, могут принадлежать к одному профсоюзу в той степени, в какой белые профсоюзные лидеры допускают негров в эти союзы. Но сегрегация, прежде всего в форме гетто, сохранилась по сей день. Сложилась подчас хитроумная система узаконенных и незаконных мер, направленных на оправдание и увековечение сегрегации небелого населения. В различных сферах жизни сохраняется беззастенчивая дискриминация представителей негритянского населения, американцев мексиканского происхождения, индейцев.

Красноречивые факты такого рода приводятся в выпущенной в США в 1969 году книге «Институциональный расизм в Америке», которая критикует не только откры-

¹ Аптекер Г. История афроамериканцев: современная эпоха, с. 35.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 441.

тый расизм, но и всевозможные завуалированные способы его защиты.

Проведенное авторами книги «Институциональный расизм в Америке» специальное изучение школьных учебников в калифорнийских школах показало, например, что в них утверждается, будто африканские народы были неспособны к самоуправлению, пока европейцы не научили их этому. Говоря о колониальной политике, авторы ни словом не обмолвились об отношении этих народов к империалистической эксплуатации, подавлению их культур, об их борьбе против чужеземных завоевателей.

В школьных учебниках настойчиво проводится мысль, будто западные институты и ценности белых людей по своей природе «хорошие» и поэтому должны быть безоговорочно восприняты небелыми народами. Нигде не говорится, что у африканцев есть своя культура, образ жизни, отличные от того, чем располагают белые американцы.

Дело изображается таким образом, будто у африканцев вообще нет культуры, стоящей упоминания. Африканские народы должны-де благодарить белых за их великодушное стремление помочь другим народам стать «хорошими». «Подобные рассуждения,— справедливо заключают авторы проведенного исследования,— являются просто продолжением концепции «бремени белого человека» в более утонченной форме. Но употребление понятий «современное», «западное» и «европейское» вместо «белое» не меняет расистского содержания этих рассуждений. Посредством такого рода книг дети, посещающие американские школы, приобретают сегодня то же чувство превосходства белой расы над культурами других народов, какое их родители и деды получали на уроках, посвященных «диким» народам «черного континента»¹.

История всех континентов показала, что народы, вырвавшиеся из племенного, феодального и тому подобного строя, вполне способны создавать в соответствующих условиях высшие формы общественной организации и что сама эта способность не зависит ни от расы, ни от географического положения.

Концепция расовой исключительности, независимо от того, идет ли речь о воспевании белой или негроидной расы, о сионизме или антисемитизме, китаецентризме и маоизме, так же как и всякое противопоставление

¹ Institutional Racism in America. Ed. by L. Knowles and K. Pre-witt. N. Y., 1969, p. 56.

Запада Востоку и Востока Западу, противоречит научно-му представлению о единстве человеческого рода и общности исторического пути всех народов.

Это не снимает задачу выяснения специфических национальных форм духовной жизни народов, национальных особенностей их культуры. В современной буржуазной этнопсихологии, как отмечалось выше, находящейся под сильным влиянием неофрейдизма, наблюдается тенденция свести особенности культуры народов к неким стандартным формам невротических реакций. Подходя с позиций психоанализа к характеристике культуры многих народов, буржуазные ученые пытаются рассмотреть сложный мир духовного развития народов сквозь призму психопатологических комплексов. Далее совокупность подобных комплексов произвольно приписывается культуре тех или иных народов и провозглашается свойствами его национального характера. Разумеется, все это выливается в клевету на духовный облик народов.

Примечательно, что, поставив на широкую ногу такого рода исследования в области национальных особенностей характера, реакционные ученые Запада в послевоенный период активно содействовали разжиганию «холодной войны» и продолжению колониальной политики. Только этим можно объяснить попытки приписать «агрессивность», «враждебность» или «стремление к подчинению» и т. д. народам, которые рассматривались как объекты империалистической экспансии или против которых велась психологическая война.

Факты свидетельствуют о том, что в странах капитала с детства воспитывается ненависть к «чужестранцам». По данным журнала «Ревю», среди группы обследованных западногерманских школьников 72% ненавидели русских, 39% — евреев. Как отмечают американские социологи, авторы книги «Влияние войны на американскую жизнь. Опыт двадцатого века», солдат армии США «ненавидел другие расы, южные или восточные», либо «игнорировал и презирал другие народы»¹.

Расовая ненависть — таково наиболее сильное и опасное чувство, насаждаемое расистской пропагандой. Она то нередко приводит к известному помутнению разума, пробуждению самых отрицательных черт и свойств характера. Расист презирает логику. Свое поведение по отношению к «нечистокровным» расам он оправдывает

¹ Цит. по: *Хмара Н. И.* Националистическая психология и милитаризм. — *Философские науки*, 1980, № 4, с. 28.

«интуитивным» чувством превосходства. Империалистическая пропаганда, в свою очередь, отталкиваясь от неких догматических построений теоретиков-расистов, в дальнейшем сосредоточивает свое внимание на разжигании низменных чувств, на закреплении тех «интуитивных» представлений, которые в действительности навешаны этой же самой пропагандой.

В последнее время американская буржуазная пропаганда реже прибегает к доказательству «неполноценности» тех или иных народов. Зато она занимается описанием «дурных» черт характера либо просто «несходства» некоренных американцев с подлинными янки. Она делает это, используя телевидение, кино, красочные журналы, а также комиксы, где зритель и читатель находит не столько интеллектуальную пищу, сколько определенную психологическую акцентировку тех идей, которые буржуазная пропаганда заинтересована распространять в массах.

Так, если на фотоснимках, помещенных во многих школьных учебниках или журналах, белые сняты в элегантных костюмах и изящной обуви, то негры изображаются обычно с грязными всклокоченными волосами и палочкой в носу, что уже само по себе создает впечатление «неполноценности» негра. Или другой пример. Если в буржуазной газете речь идет о преступлении белого американца, то, как правило, не делается каких-либо упоминаний о его расовой принадлежности. Но в том случае, когда преступление совершено негром или другим представителем неполноправной национальной группы, расовая принадлежность или национальность выделяется в заголовках крупным шрифтом. Тем самым за проступок одного бросается тень на всю группу или народ, которым подспудно приписывается склонность к тем или иным правонарушениям. Все это способствует возникновению или закреплению предрассудков.

В 70-х годах ЮНЕСКО провело анализ четырех крупнейших английских ежедневных газет за 1963—1970 годы, поставив задачу «выявить, какие представления о «цветных» может вынести постоянный читатель этих изданий». Исследователи отбирали для просмотра публикации резкого типа, начиная от передовиц и кончая снимками и карикатурами. Анализ показал, что на протяжении указанного периода заметно расширились рубрики «полиция», «культурные различия», «враждебность черных», «численность цветных», «законодательные меры», «иммиграция», т. е. как раз те рубрики,

в которых печатались материалы, отражающие накал политических страстей. Примечательно, что специальный анализ заголовков и шапок газетных публикаций показал значительный удельный вес тем, связанных с расовыми конфликтами, насилием, поджогами, угрозами, вообще вызывающих отрицательные эмоции.

Авторы данного анализа не без грустного юмора замечают, что одинокая старая дама, зрение которой слишком слабо, чтобы читать мелкий шрифт, но которая тем не менее проводит целые дни, перелистывая газеты, в первую очередь усвоит, что «раса» — это нечто такое, с чем связаны конфликты и насилие, и что поэтому лучше держаться подальше от «черных» и «цветных»¹.

Насаждая шовинистическую неприязнь к другим народам (ксенофобию) и доказывая невозможность мирного сожительства с ними, империалистическая пропаганда добивается того, что отдельные группы населения не мыслят себе иного отношения к «инородцам», кроме презрительного. «Ксенофоб просто «чувствует», что мексиканцы неопрятны, ирландцы — ограничены и драчливы, евреи — алчны, поляки — тупоумны, восточные народы — коварны, итальянцы — грязны и слишком плодовиты, пуэрториканцы — отстали во всех отношениях, а англичане — мастера заставлять других таскать для них каштаны из огня. Ксенофоб ощущает это интуитивно, чувствует это инстинктивно, а интуиция и инстинкт для него лучший источник познания. Всякий другой критерий исключается»², — пишет американский профессор Л. Гурко.

Империалистическая пропаганда нащупала одну характерную особенность духовной жизни буржуазного общества: в силу политической индифферентности значительных слоев населения и отсутствия у них интереса к идеям как таковым те или иные чувства, эмоциональные мотивы распространяются здесь значительно скорее, чем идеи и теоретические концепции. Наличие массовых средств пропаганды позволяет вызывать у людей или использовать складывающуюся под влиянием жизненных обстоятельств неосознанную тревогу, страх, враждебность, беспокойство и уже затем на основе этого общего благоприятного для империалистической пропаган-

¹ Race as news. Two general studies on attitude change by O. Klineberg; C. Guilammin. e. a. Study of the British National Press by P. Hartman, Ch. Husband and J. Clark. P., 1974.

² Gurko L. Crisis of the American Mind. L., 1956, p. 183.

ды психологического фона воздействовать на политическое сознание масс, обрабатывая его в духе антикоммунизма, расизма, шовинизма и т. д.

Не секрет, что политическое сознание формируется у значительного числа представителей буржуазного общества не столько из своего личного опыта и впечатлений, навеванных непосредственным участием в общественной и политической жизни (здесь немалую роль играет либо устранение населения из этих сфер, либо мещанский образ жизни, при котором круг интересов личности ограничен его домашним опытом), сколько под воздействием повседневных источников информации, призванных связать людей с внешним миром. Это и используется буржуазной пропагандой, которая создает у людей массовые стереотипные представления, казалось бы близкие действительности, а на самом деле пропущенные через призму буржуазного восприятия действительности.

Американский социолог Джеймс Джонс, автор книги «Предрассудки и расизм», считает расизм «наследственной чертой белых людей». Расизм, по его словам,— это «вездесущее раковое явление, которое проникает в каждую щель американского общества и затемняет, таким образом, умы всех американцев»¹.

Расистской пропаганде пока еще удастся держать в своих руках широкие слои населения капиталистических стран. Но нельзя, однако, абсолютизировать «косность» и «стереотипность» в сознании масс. В классовых боях, в усиливающихся освободительных и демократических движениях современности трудящиеся массы проявляют растущую сознательность и отказ от примитивных и иллюзорных форм протеста против существующего порядка вещей. Именно к разуму людей, к их общественной совести и светлым чувствам апеллируют коммунистические и рабочие партии, справедливо усматривая в интеллектуальном освобождении от гнета капитала важное условие перехода в лагерь активных борцов против реакции.

Рассмотрение некоторых из современных форм расизма показывает, что, несмотря на банкротство этих теорий, реакционные идеологи пытаются опереться на них в осуществлении антинародной внутренней и внешней политики. Под воздействием фактов науки, под напором исторического движения народов стран социа-

¹ Jones J. Prejudice and Racism. Reading. Mass., 1972, p. 124, 114.

лизма, молодых независимых государств к свободе и прогрессу расисты шаг за шагом вынуждены сдавать свои позиции. Но уступив одни позиции, буржуазные идеологи пытаются закрепиться на других. При этом они спекулируют не только на неисследованных областях антропологии и психологии человека, они пытаются опереться на распространенные во многих странах предрассудки, явившиеся результатом длительной расистской и националистической пропаганды.

Концепция превосходства белой расы, «западной цивилизации» остается ведущим направлением современного расизма. Однако не следует упускать из виду и того, что в ряде случаев мы сталкиваемся и с пропагандой более гибкого, утонченного расизма, его хитроумной апологией. Все это подтверждает актуальность разоблачения любых форм расизма и шовинизма и утверждения единственно верного интернационалистического подхода, основанного на признании равноправия народов — больших и малых, их солидарности и братства в борьбе за общие цели.

Особо следует остановиться на таких разновидностях империалистического расизма и шовинизма, как сионизм и антисемитизм. Как отметил XVIII съезд Коммунистической партии Израиля (1976 г.), правящие круги Израиля и сионистские учреждения расширили идеологическую кампанию, включая «теоретические» исследования и публикации, фальсификацию учения научного социализма и клеветническую кампанию с целью очернения социализма в СССР и других социалистических странах. В связи с этим в качестве весьма важной задачи КПИ выдвигалось расширение и углубление работы по разъяснению истинного буржуазного и реакционного характера идеологии и практики сионизма, с одной стороны, и подлинно революционного и освободительного с национальной и социальной точек зрения характера учения научного социализма — учения Маркса — Энгельса — Ленина — с другой¹.

Еще в работе «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату?» Ленин высказал отрицательное отношение к сионизму и антисемитизму как явлениям, глубоко враждебным трудящимся и направленным в своей основе на подрыв интернационального единства пролетариев всех стран².

¹ См.: XVIII съезд Коммунистической партии Израиля. 15—18 декабря 1976 г. М., 1977, с. 66—67.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 118.

Марксистско-ленинская традиция разоблачения сионизма и антисемитизма основана на том, что обе эти социально-политические идеологии одинаково враждебны делу борьбы за равноправие и полное социальное и национальное освобождение трудящихся. Она логически вытекает из научного материалистического анализа еврейского вопроса, как он возник при капитализме. Учитывая, что этот вопрос разработан в советской литературе¹, попытаемся рассмотреть лишь некоторые теоретические аспекты современной борьбы против сионизма и антисемитизма.

Первое обстоятельство, на которое следует обратить внимание,— ожесточенные попытки идеологов сионизма опровергнуть марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм как теоретическую основу решения национального вопроса. Так, в изданной в Англии в 1979 году книге «Левые против сиона. Коммунизм, Израиль и Ближний Восток» утверждается, будто «марксистская концепция национального вопроса вообще и еврейского вопроса в частности не предложила какой-либо приемлемой основы для удовлетворения еврейских национальных устремлений». Ссылаясь на то, что «интернационалистский ответ на трудности, испытываемые евреями, является упрощенным»², авторы пытаются перечеркнуть всемирно-исторический опыт Советской страны в решении национального вопроса, включая еврейский вопрос. Направляя гром и молнии против Великой Октябрьской социалистической революции, авторы изданной в Англии книги пишут: «В течение шестидесяти лет, истекших с момента этих драматических событий, не утихал исторический антагонизм между коммунизмом и сионизмом»³. За исключением последнего замечания — констатации действительного антагонизма научного коммунизма и сионизма — все остальное сплошной вымысел и фальсификация.

Одно из стандартных обвинений, к которому прибегает один из авторов, а также редактор упомянутой книги о левых и сионизме Роберт Уистрич, заключается в том, что марксизм-ленинизм, настаивая на капиталистической и империалистической природе антисемитизма, якобы игнорирует при этом его исторические корни

¹ См.: Идеология и практика международного сионизма. Критический анализ. М., 1978; Сионизм: теория и практика. М., 1973.

² The Left against Zion. Communism, Israel and the Middle East. Ed. by R. Wistrich. L., 1979, p. 13.

³ Ibid., p. 272.

в античном, средневековом мире, а также в других докапиталистических обществах¹. В противовес этому сионизм подчеркивает вечность антисемитизма, поскольку он-де коренится в сознании, психике, чуть ли не в природе каждого нееврея. Мистификация еврейского вопроса, сионизма и антисемитизма — такова отличительная сторона буржуазного толкования этой проблемы. Против этого всегда боролись марксисты.

Известно, что в трудах основоположников марксизма глубоко раскрыта история евреев и вместе с тем разоблачена идея их исключительности. Еще около трех тысячелетий тому назад древнееврейские племена, ранее находившиеся на Аравийском полуострове, завоевали Палестину. Ф. Энгельс отмечал, что в тот период евреи были «таким же мелким бедуинским племенем, как и все остальные, но пришли в столкновение с другими бедуинами в силу местных условий, земледелия и т. д.»² В Палестине возникает древнее еврейское классовое государство, власть в нем принадлежала рабовладельцам, а их идеологией стал иудаизм. В VI веке до н. э. вслед за завоеванием Иудеи Вавилоном еврейское население расселяется как в Вавилоне, так и странах Средиземноморья. Наконец, завоевание Римом Иудеи и последовавшее после ряда восстаний местного населения насильственное изгнание евреев из Палестины привело к образованию диаспоры, сети еврейских общин за пределами «земли обетованной». Как и в других общинах, здесь происходит социальное расслоение, выделяется купечески-ростовщическая верхушка, которая использует иудаизм как средство укрепления своего влияния. Обособленность иудейских общин — идет ли речь о христианских странах Европы или о мусульманских странах Средиземноморья, — закрепляется и усиливается в период средневековья. Феодалное общество в этих странах в лице правящих классов извлекает выгоду, используя в своих интересах еврейских богачей, ростовщиков и торговцев, предоставляя им определенные привилегии, в то время как основная масса еврейского ремесленного населения была заключена в гетто³.

К. Маркс сорвал покров мистики с еврейского вопроса, раскрыв роль еврейских общин в период перехода от феодализма к капитализму. Еврейская верхушка

¹ The Left against Zion, p. VIII.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28, с. 209.

³ См.: Рослов А. С. Реакционная сущность сионистской идеологии. М., 1980, с. 4.

пользовалась привилегиями до тех пор, пока христианское государство запрещало евреям владеть земельной собственностью, а христианам — взимать процент. Особые экономические условия еврейских общин, связанные с монополизированием ростовщичества, постепенно утрачиваются с установлением капиталистических производственных отношений и расширением товарно-денежных отношений. В статье «К еврейскому вопросу» Маркс показал, что еврейский вопрос — это вопрос социальный.

В условиях развития капитализма и его перерастания в империализм, несмотря на ослабление той роли, которую еврейские общины играли в прошлом, еврейская финансовая и торговая буржуазия, опираясь на длительный многовековой опыт конкурентной борьбы «за выживание», выдвигается в центр экономической и деловой активности во многих странах капиталистической Европы и Северной Америки. Это и дало толчок зарождению политического сионизма как нового еврейского национализма, опорой которого в настоящее время являются наиболее мощные финансово-промышленные группировки еврейской буржуазии, такие, как в Европе группа Ротшильдов, в США — банковская группа Лазаров. Яркий пример этому — регулярное проведение «конференций миллионеров еврейского происхождения» в Иерусалиме. В них участвует примерно 280—300 евреев-миллионеров из Европы, Америки, Азии и Африки и от 400 до 500 капиталистов Израиля¹.

Сотни лет угнетатели трудового народа распространяли взгляд на евреев как на народ, проклятый богом, греховный во всех отношениях. В свою очередь, еврейская, прежде всего буржуазная, верхушка формировала представление о евреях как богом избранном народе (или расе), наделенном особыми добродетелями и противостоящем всем другим народам. Это стремление приписать евреям некую национальную или расовую исключительность и лежит в основе как антисемитизма, так и сионизма. «Совершенно несостоятельная в научном отношении идея об особом еврейском народе, — писал В. И. Ленин, — реакционна по своему политическому значению»².

Один из членов руководства Компартии США, Х. Лумер (покойный), в опубликованной в журнале

¹ См.: Международный сионизм: история и политика. М., 1977, с. 7, 9.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 74.

«Политикл афферс» статье «Реакционная роль сионизма» определяет политический сионизм как реакционную буржуазно-националистическую идеологию, основанную на двух принципиальных ошибках: 1) что евреи во всем мире образуют нацию; 2) что антисемитизм неизлечим и вечен¹.

Тезис об особой еврейской нации выдвигался уже давно. Заимствовав из иудейской религии идею богоизбранности, идеологи сионизма в конце XIX — начале XX столетия развернули широкую пропаганду «всемирной еврейской нации» или «народа». Уже в то время В. И. Ленин вскрыл антинаучность и политическую вредность этой концепции. Ленин исходил из того, что падение средневековья и развитие политической свободы в Европе шло рука об руку с политической эмансипацией евреев. В этих условиях всякая проповедь еврейской национальной обособленности и исключительности, которая и выражалась, в частности, в идее еврейской нации, создавала прямо или косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто», что противоречило интересам еврейского пролетариата².

Таинственные религиозные верования, а также особое экономическое положение евреев, находившихся, как правило, за «чертой оседлости» («гетто») создавали возможности для дикой и разнузданной травли евреев еще с давних времен. В условиях капитализма парии капиталистического общества — мелкие производители, ремесленники, мелкие торговцы и т. д. — под воздействием коварной пропаганды видели именно в еврейских конкурентах источник своих трудностей и унижения. Эти настроения в какой-то мере охватывали и пролетариев, страдавших от эксплуатации и безработицы. Определяя сущность антисемитизма как идеологии, чуждой и враждебной рабочему классу, Ленин в записанной в 1919 году на граммофонную пластинку речи говорил:

«Антисемитизмом называется распространение вражды к евреям. Когда проклятая царская монархия доживала свое последнее время, она старалась натравить темных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы. Ненависть измученных нуждой рабочих и крестьян помещики и капиталисты старались направить на евреев. И в других странах приходится

¹ Lumer H. The Reactionary Role of Zionism.— Political Affairs, 1971, July, p. 11.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 8, с. 74.

видеть нередко, что капиталисты разжигают вражду к евреям, чтобы засорить глаза рабочим, чтобы отвлечь их взоры от настоящего врага трудящихся — от капитала...

Не евреи враги трудящихся. Враги рабочих — капиталисты всех стран. Среди евреев есть рабочие, труженики, — их большинство. Они наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм. Среди евреев есть кулаки, эксплуататоры, капиталисты, как и среди русских, как и среди всех наций. Капиталисты стараются посеять и разжечь вражду между рабочими разной веры, разной нации, разной расы»¹.

Будучи величайшим знатоком национального вопроса, Ленин учитывал не только социально-экономические корни национальной дискриминации и национальных коллизий, но и факторы социально-психологические, формировавшие в течение долгих веков выгодное для господствующих слоев общества неприязненное отношение к евреям, которое реакционные силы использовали в качестве своего рода громоотвода накопившейся социальной неудовлетворенности и неосознанного подчас социального протеста в среде наиболее отсталых масс трудящихся. Полностью преодолеть веками складывавшиеся негативные установки в отношении евреев можно было, лишь покончив с их обособленным существованием в капиталистическом обществе. «Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена, — говорит В. И. Ленин, приводя известное замечание К. Каутского, — «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности»².

С точки зрения идеологов сионизма, нация — это не социальная, а биологическая или биопсихическая, а также духовная общность. Все евреи, живущие на земле, считаются потомками древних евреев, и у них общая религия, элементы общей культуры, якобы общий психологический склад. Более того, послушать сионистов, так выходит, будто евреи образуют особую группу, поскольку их объединяют какие-то мистические связи, которые не способны понять или разделить неевреи.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 242—243.

² Там же, т. 8, с. 75.

«Короче говоря,— пишет Х. Лумер,— сионизм утверждает, что существует непреодолимый разрыв между евреями и неевреями. Он по-своему поддерживает расистскую доктрину антисемитов — евреи по сущности своей отличаются от других народов и, следовательно, не могут быть абсорбированы ими»¹. Доктрина расовой исключительности евреев соединяется с мессианскими представлениями о возвращении на обетованную землю.

Питательной почвой для подобных представлений в немалой степени служила практика антисемитизма в капиталистических странах, доведенная до предела в фашистской Германии. Уводя еврейские массы от анализа подлинных причин антисемитизма, идеологи сионизма подхватили миф о биологической предопределенности антисемитизма. Так, Лео Пинскер писал: «Юдофобия представляет собой разновидность демонопатии с той разницей, что она присуща не каким-то определенным народам, а всему человечеству... Как психическая аберрация она является наследственной, и как болезнь, которая переносилась из поколения в поколение на протяжении двух тысяч лет, она неизлечима»².

Было бы неверно, однако, объяснять существование сионизма только преследованием евреев. В сионизме воплотились и националистические устремления мелкобуржуазных еврейских кругов, которые видели в гетто средство для защиты как от капиталистических монополий, так и от угрозы банкротства, средство противодействовать своим христианским и прочим конкурентам. В наше время сионизм выражает прежде всего требования реакционных сил международного капитала, проникнутых непримиримостью к социализму, коммунистическому и национально-освободительному движению, и является орудием монополистической реакции.

Исходя из явно надуманного тезиса о бесплодности попыток бороться с антисемитизмом, сионисты, во-первых, пытаются склонить евреев, живущих в различных странах, к «возвращению» в Израиль, а во-вторых, проповедуют бессмысленность совместной борьбы евреев и неевреев в защиту демократии и прогресса.

Превращение Израиля в «связующий центр мирового еврейства» планировалось задолго до возникновения государства. Как утверждал М. Нордау, один из основателей современного политического сионизма,— это «центр,

¹ Political Affairs, 1971, July, p. 12.

² Ibidem.

который будет иметь для евреев большее значение, чем Рим для католиков всех стран. Это будет своего рода нервная система, которая охватит весь мир»¹.

Что касается отношения евреев и неевреев, то сионизм стремится возвести стену между еврейскими и нееврейскими рабочими. Он утверждает, что единственные связи, к которым должны стремиться еврейские рабочие,— это связи с другими евреями, в том числе с евреями-капиталистами. «Он отвергает социализм как ответ на антисемитизм и относится крайне враждебно к социалистическим странам, заявляя, что антисемитизм, как неизлечимая болезнь, в социалистических странах ничуть не слабее, чем в капиталистических»². Приводя эти положения, Х. Лумер делает вполне обоснованный вывод о том, что «сионизм представляет собой нечто противоположное идеологии интернационализма рабочего класса, призывающей к единству рабочих всех стран и всех национальностей в борьбе против общего классового врага — мирового монополистического капитализма — и на этой основе против всех форм национального и расового угнетения. В своем безудержном национализме и сепаратизме, в своей капитуляции перед антисемитизмом, в своем стремлении оторвать евреев от остальных рабочих он служит интересам эксплуататоров и угнетателей рабочих и всех народов»³.

Попытаемся теперь кратко проанализировать некоторые из ходких тезисов сионистской пропаганды. Прежде всего, это вопрос о еврейской мировой экстерриториальной нации. Не подлежит сомнению, что в империалистическом Израиле идет процесс формирования израильской нации. Но имеют ли отношение к ней евреи, рассеянные по всему миру? Концепция всемирной еврейской нации опровергается очевидными фактами.

Прежде всего, расселенные по всему миру евреи не связаны единой экономической жизнью, они повсюду интегрированы в социально-экономическую жизнь окружающего их общества. Из более чем 14 миллионов евреев, населяющих страны мира, только около 3,1 миллиона живут в Израиле. Между тем, в США живут 5776 тысяч лиц еврейского происхождения, в СССР — 1811 тысяч, во Франции — 550 тысяч, в Аргентине — 475 тысяч, в Великобритании — 410 тысяч, в Канаде —

¹ Цит. по: Международный сионизм: история и политика. М., 1977, с. 11.

² Political Affairs, 1971, July, p. 14.

³ Ibidem.

305 тысяч¹. Что касается языка, то основным языком евреев, живущих в тех или иных странах, является язык данных стран. В США и Англии — это английский, во Франции — французский, в Южной Америке — испанский, португальский. Большинство евреев не знает языков, считающихся еврейскими (иврит, идиш, ладино).

Следует подчеркнуть, что отправные позиции идеи сионизма встречают растущую критику в среде демократически мыслящих ученых, в том числе ученых еврейского происхождения. Так, известный французский социолог Жорж Фридман, являвшийся в 1956—1959 годах президентом Международной социологической ассоциации, посвятил этой теме обширную книгу, в которой критикуются доводы о всемирной еврейской нации и расе.

«Еврейский партикуляризм, который явился источником и предлогом для христианского антисемитизма, в течение столетий поддерживался и консервировался существованием гетто,— пишет французский ученый.— Прогресс просвещения, развитие демократического промышленного общества привели, вообще говоря, к уменьшению антисемитизма и способствовали ассимиляции, которую сионистские и религиозные приверженцы еврейства рассматривают сейчас как одну из серьезнейших угроз для него»².

Французский социолог прямо противопоставляет свою позицию установкам идеологов сионизма, которые опасаются именно этого объективного всемирно-исторического процесса, сближающего лиц еврейского происхождения с нациями, среди которых они живут, устраняющего исторические перегородки между ними. «Согласно точке зрения лидеров и теоретиков сионизма,— пишет он,— величайшая из существующих ныне угроз для еврейского народа не антисемитизм и не экономическая дискриминация, а ассимиляция»³. Уцепиться за традиции ветхозаветной давности, за отжившие права и привычки, но любой ценой отстоять свою обособленность — вот к чему призывают идеологи сионизма.

Ж. Фридман опровергает псевдонаучные построения о какой-то «еврейской расе» или мифическом еврейском народе, центром которого якобы является Израиль. Он

¹ См.: Рослов А. С. Реакционная сущность сионистской идеологии, с. 33.

² Friedman G. The end of the Jewish People. N. Y., 1967, p. 238—239.

³ Friedman G. Op. cit., p. 246.

справедливо отмечает, что нация, формирующаяся в Израиле,— это совершенно новое образование, не имеющее какого-либо отношения к людям еврейского происхождения, которые имеются во многих других странах и которые «в строгом смысле слова никогда не составляли национальную общность»¹. Французский социолог ссылается на неуклонный процесс смешения и ассимиляции еврейского населения с нациями, среди которых оно живет, происходящий под воздействием могучих экономических, социальных и культурных преобразований. В противовес разного рода утверждениям о мистических духовных связях или неких биопсихологических контактах, которые характеризуют евреев, где бы они ни жили, Фридман указывает на искусственный характер попыток сохранить еврейскую обособленность. «Гражданская, культурная и моральная интеграция столь большого количества западных евреев в большинстве стран, которая является неоспоримым фактом, была бы невозможна, если бы у них существовало еврейское национальное сознание»². Последовательно опровергая ссылки на религию, язык, культуру и другие факторы, которые якобы спланируют евреев, живущих в различных странах, в «единую нацию», Фридман отмечает, что ныне большинство людей еврейского происхождения «отвергает главный культурный признак, который в течение длительного времени связывал общины диаспоры, а именно соблюдение религиозных обычаев, которые рассматривались как основа еврейской жизни. Не существует еврейской нации. Но есть израильская нация... Израильское государство неизбежно формирует национальную общность, которая осознает себя как общность, причем это сознание не является самосознанием еврейского народа»³.

Итак, наука не отрицает факта формирования на территории государства Израиль израильской нации, но ни в коей мере не допускает мысли о том, что эта нация является или может стать центром некой мировой нации.

В конечном счете сами идеологи сионизма сознают, что все их теоретические построения не имеют под собой почвы. Поэтому они вызывают не столько к разуму, сколько к чувствам евреев, пытаясь пробудить в них веру в мистическую судьбу. Как пишет английский политолог

¹ Friedman G. Op. cit., p. 241.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 242.

В. Лакер, сионизм — «это не наука, а вера в существование общего прошлого и общего будущего еврейского народа. Такая вера может быть принята или отвергнута, но лишь в очень ограниченной степени является предметом для рациональной аргументации»¹.

Следующий тезис сионистской пропаганды — это вопрос о концентрации евреев в еврейском государстве как единственно возможном пути решения национального вопроса. Израиль изображается как родина всех евреев, и всем им предписывается переселяться в Израиль. Больше того, верующие евреи якобы нарушают положения иудаизма, поскольку они остаются в диаспоре.

В Израиле пропагандируется концепция «двойной лояльности» евреев, живущих за пределами Израиля. Так, в инструкции министерства просвещения Израиля учителям 7—8-х классов говорится: «Изучая разделы о диаспоре, следует подчеркивать зависимость жизни евреев от внешних факторов, — зависимость, порождающую душевный разрыв и создающую проблемы *двойной лояльности* — преданности Израилю и его ценностям, с одной стороны, и верности государству, обществу и чужой культуре, где развивается личная и общественная жизнь в диаспоре, — с другой»². Еврейскому населению в Израиле и за его пределами внушается мысль о том, что лояльность «чужой» стране и ее культуре должна быть подчинена преданности матери-прародине, т. е. Израилю. Еврей, живущий в любой стране, считается чужим в своей стране, превыше всего он должен ставить израильские ценности. «В глубине души защитники этого тезиса полагают, что такая позиция является не чем иным, как первой ступенью к иммиграции в Израиль»³, — пишет Ж. Фридман.

В целом нельзя не согласиться с американским коммунистом Х. Лумером о том, что «сионистское движение — это не национально-освободительное движение, поскольку оно не ставит перед собой цель освобождения какого-либо народа от иностранного господства. Это вовсе и не национальное движение, а реакционное политическое движение еврейской буржуазии»⁴.

И здесь мы подходим к едва ли не самому важному тезису сионизма — концепции расового превосход-

¹ Цит. по: Международный сионизм: история и политика, с. 13.

² Цит. по: Сионизм — правда и вымыслы. М., 1978, с. 26—27.

³ Friedman G. Op. cit., p. 246.

⁴ Political Affairs, 1971, July, p. 21.

ства евреев, необходимости божественного почитания Израиля.

Выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1971 году, советский представитель в ООН А. Я. Малик привел данные из предисловия к учебнику еврейской философии, которая и поныне преподается в сионистских школах: «Еврейская нация — это нация избранных в силу своей расы, своего образования и климата земли, на которой она развивалась...

Раса еврейского народа является лучшей расой из всех, потому что она была создана путем отбора лучших в каждом поколении»¹. Таким образом, сионизм воспринял основной постулат расизма — идею биологической неравноценности рас и наций.

Воинствующий расизм и шовинизм международного сионизма в полную меру проявляется в непрекращающейся агрессии против арабских народов, лишении арабского народа Палестины его законных прав, вопиющем нарушении норм международного права, подрывной деятельности против сил мира, демократии и социализма, блокировании с темными силами международной реакции. Такая политика, естественно, встречает отпор всех, кому дороги идеалы свободы и прогресса.

Как подчеркивается в резолюции XVIII съезда КПИ, «Коммунистическая партия Израиля ведет принципиальную борьбу против идеологии и практики сионизма, выражающего интересы крупной еврейской буржуазии и противоречащего чаяниям трудящихся, национальным интересам народа Израиля и общему делу прогресса и социализма. Мы считаем, что борьба против идеологии и практики сионизма не только отвечает классовым интересам рабочего класса и всех трудящихся Израиля, общим интересам прогресса и социализма, но не в меньшей степени выражает истинную заботу о национальных интересах Израиля»². Сионистскому лозунгу «Вместе с империализмом против арабских народов» Компартия Израиля противопоставляет лозунг «Вместе с арабскими народами против империализма». Своей стратегической задачей КПИ считает борьбу против оккупации арабских территорий, захваченных Израилем в ходе агрессии 1967 года.

Как показывают факты, агрессивный шовинизм израильской военщины все более углубляет состояние

¹ Цит. по: Борьба идей в современном мире, т. 1, с. 222.

² XVIII съезд Коммунистической партии Израиля, с. 65.

их моральной изоляции. Генеральная ассамблея ООН на своей XXX сессии большинством голосов приняла резолюцию, заклеившую сионизм как форму расизма и расовой дискриминации. За резолюцию проголосовало 70 государств — членов ООН. Это был новый обвинительный акт против политики экспансии, захватнических войн, против практики удушения свободы народов.

Разумеется, марксисты-ленинцы не отождествляют израильский народ с сионизмом. Как отмечает Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля Меир Вильнер, поддержка права государства Израиль на существование совсем не означает поддержку сионизма. В последние годы, отмечает он, в широких кругах, особенно молодежи, возрос интерес к идеологическим проблемам. Очень многие ищут ответ на коренные вопросы общественного развития, национальных отношений, сущности социализма. Продолжение оккупации арабских территорий, жестокая политика угнетения арабского населения на этих территориях подрывает веру в сионистскую идеологию и практику. Даже в трудных условиях, в условиях разгула шовинизма, милитаризма и крайнего антисоветизма Компартия Израиля укрепляет и расширяет свое влияние, отстаивает идеалы мира, демократии и социализма¹.

¹ См.: Вильнер М. Социализм, мир и наша борьба. — Коммунист, 1979, № 17, с. 77—78.

ТОРЖЕСТВО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Глава 9

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ И БУРЖУАЗНЫЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Если идеология и политика буржуазного национализма призваны увековечить капиталистический строй насилия и угнетения с помощью коварной империалистической тактики «разделяй и властвуй», то идеология и политика пролетарского интернационализма, наоборот, объединяют трудящиеся массы независимо от национальной принадлежности в борьбе за социальное и национальное освобождение, построение бесклассового коммунистического общества и утверждение интернационального братства трудящихся. Великий Октябрь открыл новую эру в истории человечества, продемонстрировав верность коммунистов принципу международной солидарности, как одному из главных принципов марксизма-ленинизма.

Задача, которую русские марксисты ставили перед пролетариатом в национальном вопросе, была в значительной мере отрицательная: уничтожение национального гнета, привилегий для какой-либо нации, устранение препятствий для проведения решительного и последовательного демократизма в этой области¹. Такая борьба способствовала национальному пробуждению трудящихся масс и в то же время развитию их классового сознания, которое затемняется и задерживается национальной грызней. Победа пролетарской революции поставила перед рабочим классом и Коммунистической партией задачу — формирование принципиально нового типа национальных, в том числе государственных, отно-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 132.

шений, основанных на пролетарском интернационализме. Это означало, что, ни в коей мере не упуская из виду задач отрицательного характера (ликвидация остатков национального гнета, борьба с шовинизмом и национализмом), пролетариат, опираясь на свое классовое господство, переносит центр тяжести на осуществление гигантской важности позитивной миссии. Необходимо было направить процессы национального пробуждения народов, в огромной степени усилившиеся в ходе революции, в русло социалистического возрождения и преобразования наций и народностей, добиваться их все более тесного сотрудничества в строительстве нового общества и на этой основе преодолеть порожденную старым строем отчужденность и недоверие между народами.

Ключ к правильной национальной политике Ленин видел в умении сообразовать устремления, волю и симпатии масс различных национальностей с объективными процессами общественной жизни. Партия не допускала какого-либо давления в этой области, а терпеливо вела дело к тому, чтобы сами угнетенные в прошлом народы на собственном опыте убедились в преимуществах братского союза всех наций. Уверенность в том, что «при социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим... мотивам»¹, помогала партии целеустремленно и последовательно создавать прочное многонациональное социалистическое государство.

Народы нашей страны, руководимые ленинской партией, показали пример подлинно братских отношений в борьбе за власть трудящихся и победу социализма, защиту социалистического Отечества. Они навеки сплотились в могучем Союзе Советских Социалистических Республик. Былого фактического неравенства наций уже не существует, как не существует и отсталых национальных окраин.

Ликвидация антагонизма и национального гнета, достижение фактического равенства наций и победа идеологии братства народов свидетельствуют о громадных успехах социализма в создании нового типа национальных отношений, о том, что окончательно решен национальный вопрос в тех его аспектах, в каких он нам достался от капитализма. Вместе с тем продолжается развитие наций и народностей, которое представляет

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 37.

собой сложный и длительный процесс; в соответствии с этим ведутся поиски все более совершенных форм сотрудничества народов. Решаются очередные задачи в области национальных взаимоотношений, вставшие в период строительства коммунизма.

В условиях социализма национальные особенности перестают служить почвой для противопоставления одних народов другим. Без учета этого реального фактора общественного развития нельзя проводить научную политику в различных сферах жизни общества, нельзя вовлечь трудящиеся массы в единый, интернациональный по своей сущности процесс строительства коммунизма. Опыт создания нового общества показал, что эффективность наших усилий во многом определяется умением находить такое соотношение интернационального и национального факторов, при котором развитие каждой нации или народности зависит от общего движения вперед всего многонационального советского народа.

С точки зрения ленинской национальной политики важное значение имеет правильное понимание характера и условий дальнейшего сближения социалистических наций, углубления сотрудничества между ними как внутри СССР, так и в масштабе содружества социалистических стран.

Уже отмечалось, что сближение наций, диктуемое интернационализацией хозяйственной жизни, начинается и приобретает значительные масштабы еще при капитализме в результате складывания всемирного разделения труда, мирового капиталистического хозяйства и т. д. Однако капитализму свойственны, во-первых, антагонистический характер этого сближения (подчинение одних наций другим, насильственная ассимиляция и т. д.), во-вторых, крайне неравномерное вовлечение отдельных национальных территорий в этот процесс, в-третьих, противоречие между объективной тенденцией к сближению и самим строем капитализма, деятельностью реакционных буржуазных политических партий и организаций, буржуазной идеологии, которые объективно противопоставляют народы, усиливают межнациональный антагонизм и рознь между ними.

Социалистическое преобразование общественных отношений приводит к тому, что интернационализация общественной жизни происходит при одновременном бурном и всестороннем расцвете соответствующих социализму национальных форм. В условиях планомерного

и постоянного регулирования со стороны социалистического государства расцвет наций и их сближение выражают диалектическое единство национального и интернационального.

К замечательным достижениям Советского многонационального государства за 60 лет его существования приковано внимание широких кругов международной общественности. Неуклонным курсом на сочетание интернациональных и национальных интересов, укрепление единства, дружбы и братства народов СССР Коммунистическая партия демонстрирует жизненность ленинской национальной политики, ее соответствие чаяниям народных масс.

Дальнейшее укрепление единства, сплоченности советского общества является главной тенденцией развития общественных отношений. Составной частью этого процесса является крепнущая сплоченность наций и народностей, которая выражается в тесном переплетении, слиянии советского патриотизма и интернационализма, в создании единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса, в благотворном взаимопроникновении национальных культур.

Замечательные итоги социалистического, коммунистического строительства как бы аккумулируются в советском народе. История еще не знала столь прочного и устойчивого объединения всех классов, социальных групп, наций и народностей, какой является новая историческая общность.

Категория «советский народ» имеет огромное политическое и теоретическое значение. В экономическом смысле эта категория, отражая органическую связь экономики каждой республики с единым народнохозяйственным комплексом страны в целом, наглядно обнаруживает бесплодность и бесперспективность каких-либо местнических тенденций. В социально-политическом плане она отражает утвердившиеся при социализме непоколебимое государственное, социальное, интернациональное и идейно-политическое единство советского общества.

Положение о советском народе как социальной и интернациональной общности в огромной степени расширяет кругозор строителей коммунизма, выводит мышление советских граждан за рамки привычных и вполне естественных самих по себе понятий «национальное», «республиканское», вырабатывает у советских людей общегосударственный подход к делу, осознание своей

сопричастности к труду и помыслам всего советского народа. Оно помогает понять закономерности развития единой, социалистической по содержанию и разнообразной по своим формам советской культуры, развития происходящего ныне на основе социально-политического единства каждого народа и общества в целом.

Образование и развитие советского народа как новой исторической общности позволяет наглядно представить взаимопроникновение процессов национального и интернационального развития в течение предстоящего в перспективе достаточно продолжительного периода формирования интернациональных общностей во всемирном масштабе. До выдвижения партией этого положения в марксистско-ленинской литературе ощущался определенный пробел: неясно было, как от бурного процесса расцвета социалистических наций, что означает и прогресс национального, человечество в конце концов придет к слиянию наций, т. е. стиранию национальных различий. Не было того логического промежуточного звена, которое раскрывало бы механизм перехода от множества наций и народностей к единому человечеству, не знающему национальных перегородок.

О. Бауэр, как уже отмечалось, считал, что по мере строительства социализма нации все больше и больше дифференцируются между собой. Национальные различия, с его точки зрения, должны непрестанно прогрессировать. Такая трактовка, безусловно, националистическая¹.

Но если мы отвергаем такую трактовку, почему мы ратуем за расцвет социалистических наций? Ведь расцвет включает в себя как один из компонентов и развитие национального. И здесь принципиально важно было понять, что, во-первых, категория национального не сводится лишь к специфике. Она включает в себя и то общее, что рождается у народов в борьбе за общие идеалы. И, во-вторых, что категория национального неразрывно связана с интернациональным, общесоветским, классовым.

В жизни советских людей, их поведении, характере, отношении к своему общественному долгу все более заметными становятся черты, не зависящие от социальных и национальных различий. Это общие черты, присущие представителям советского народа как новой историче-

¹ См.: *Бауэр Отто*. Национальный вопрос и социал-демократия, с. 111—112.

ской общности. Конечно, образование и развитие этой общности не означает стирания уже на нынешнем этапе национальных особенностей. Партия против того, чтобы форсировать эти процессы, как и против увековечения национальных перегородок. Расцвет наций, их неуклонное сближение остаются главными взаимосвязанными тенденциями в развитии национальных отношений, точнее сказать, двумя сторонами единого диалектического процесса, ведущего к дальнейшей интернационализации общественной жизни. Но в мышлении, поведении людей все больше дает о себе знать, помимо национальных чувств, драгоценное чувство общенародной гордости, гордости от сознания своей сопричастности к деяниям великого советского народа.

Развитие советского народа, складывающееся из взаимодействия национальных и интернациональных факторов, дает новое направление не только интернациональным, но и национальным процессам, обогащает их подлинно социалистическим содержанием. Образование и развитие советского народа дает возможность более рельефно и наглядно представить процесс интернационализации общественной жизни, который на данном этапе вовсе не ведет к стиранию национальных различий как таковых. Нет, они сохраняются, но нации и народности в нашей стране развиваются не сами по себе, а как составные части единого целого — советского народа. Видимо, в рамках сложившейся совокупности национальных общностей, каковой является «советский народ», и пойдет процесс создания предпосылок для последующего укрепления социальнй однородности и все более интенсивного сближения социалистических наций.

Советский народ — не единственный пример такого рода социальной и интернациональной общности. Идет процесс начала формирования таких общностей как внутри отдельных суверенных государств стран социалистического содружества, так и в рамках всего содружества. Мы далеки от того, чтобы проводить параллель между этой общностью и советским народом, но тем не менее совершенно очевидно, что и в рамках социалистического содружества создаются предпосылки для все большего укрепления связей и устранения перегородок между нациями.

По-видимому, в дальнейшем подобные общности будут возникать и в других регионах земного шара. И лишь после длительного развития такого рода интернацио-

нальных общностей на базе коммунизма, когда новый строй утвердился, упрочится в масштабе всего мира, тогда, как предвидел В. И. Ленин, и развернется процесс слияния наций в собственном смысле, который завершится стиранием национальных различий и отмиранием государства. В связи с этим понятно, почему КПСС не выдвигает лозунга слияния наций как практически-политического лозунга. В решениях съездов, Программе КПСС говорится о расцвете и дальнейшем сближении социалистических наций. Это сближение в условиях развитого социализма ведет к усилению сходства между нациями, укреплению общих черт социалистического образа жизни. Оно сочетается с развитием прогрессивных национальных традиций, национальных особенностей.

Образование советского народа дает возможность глубоко понять диалектику национального и интернационального в условиях социализма. Сама жизнь показала несостоятельность расчетов идейных противников социализма на то, что консолидация советских наций, являющаяся очевидным результатом социалистического строительства, вызовет центробежные тенденции, в связи с чем будет усиливаться обособленность наций. Ленинская национальная политика КПСС ведет к укреплению единства народов СССР.

Вступление национальных отношений в новый этап своего развития выдвигает задачу исследовать особенности этого этапа. В отдельных публикациях, по нашему мнению, все еще сказывается инерция рассматривать национальные отношения сквозь призму задач уже пройденного периода — становления наций, ликвидации хозяйственной отсталости, создания условий для национально-государственного развития, культурной революции, ускоренной подготовки национальных кадров и т. д. Рассматривая реализацию ленинского учения о национальном вопросе в республиках СССР, некоторые исследователи, пожалуй, излишний акцент делали лишь на самоопределении наций, требовании их самостоятельного развития, не раскрывая в должной мере другой важнейшей стороны ленинского учения — линии на интернациональное сплочение народов нашей страны.

В период социалистического строительства главное внимание совершенно естественно и правомерно уделялось прежде всего вопросам национального развития. Но сейчас, по-прежнему говоря о расцвете социалистических наций как о важной тенденции национальных

отношений, мы все больше и больше делаем акцент на том общем, что родилось в жизни всех социалистических наций и что составляет итог Октября, социалистического и коммунистического строительства. Без понимания этого общего нельзя понять и суть национальных отношений в СССР.

Многонациональность союзных республик — закономерность, результат строительства социализма, коммунизма. Так, по данным переписи 1979 года, в РСФСР нерусское население составляет 17,4%, на Украине неукраинское — 26,4, в Белоруссии небелорусское — 20,6, в Узбекистане узбекское — 31,3, в Казахстане неказахское — 64, в Грузии негрузинское — 31,2, в Азербайджане неазербайджанское — 21,9, в Литве нелитовское — 20, в Молдавии немолдавское — 36,1, в Латвии нелатышское — 46,3, в Киргизии некиргизское — 52,1, в Таджикистане нетаджикское — 41,2, в Армении неармянское — 10,3, в Туркмении нетуркменское — 31,6, в Эстонии неэстонское население — 35,3%¹. То обстоятельство, что в двух союзных республиках — Казахстане и Киргизии более половины населения не принадлежит к национальности, давшей название республике, объясняется потребностями бурного развития самой республики и страны в целом. Но это ни в коей мере не меняет статуса этих союзных республик, не снижает значения заботы о развитии культуры, языка национальностей, давших название республикам, проявляемой в нашей стране повсеместно и неизменно.

В ряду незрелых или скороспелых суждений, отвергнутых наукой и практикой строительства коммунизма, следует назвать версию о том, будто в нашей стране «вырисовывается облик новой этнической общности, рождаемой практикой коммунистического строительства, — советская нация»².

Те, кто приходил к подобному выводу, по-видимому, механически переносили известные признаки нации (общность экономической жизни, территории, языка, особенности культуры и психологии) на новую историческую общность.

Высказывания некоторых советских ученых и публицистов относительно формирующейся «новой советской нации», или «супернации», по-видимому, продиктованы

¹ См.: Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980, с. 27—30.

² Ихилов М. От раздробленности — к единству. — Советский Дагестан, 1970, № 1, с. 8.

стремлением более рельефно отразить возросшую степень общности наций и народностей СССР. Но авторы подобных рассуждений упускают из виду, что помимо национальных, социально-этнических общностей новая эпоха рождает общности более высокого порядка — социальные и интернациональные, что связано с высоким уровнем интернационализации общественной жизни и социально-политического, а также духовного единства народов.

Иными словами, отождествление советского народа с «новой нацией» означало бы низведение новой исторической общности на уровень общностей, возникающих на исторически предшествующих ступенях общественного развития, т. е. на порядок ниже. С другой стороны, это перечеркивало бы факт существования в СССР более ста социалистических наций, народностей и национальных групп, успешно развивающихся в рамках новой исторической общности.

Построение развитого социалистического общества позволяет говорить о новом этапе и в национальных отношениях. В чем этот новый этап проявляется? Возьмем, к примеру, область экономики. В первые годы Советской власти выдвигалась задача ликвидации хозяйственной и культурной отсталости многих наций и народностей, национальных окраин. Это была важнейшая задача национальной политики. Республики, районы страны делились на аграрные и индустриальные, сырьевые и обрабатывающие. Благодаря целеустремленной политике партии в результате ликвидации экономического неравенства между народами наша страна достигла фактического равенства народов.

При оценке экономического роста республик, верно отмечает М. И. Куличенко, «отсчет, так сказать, должен вестись не по отношению к огромным разрывам уровней развития в прошлом, когда многие народы были очень отсталыми, а с учетом совместно достигнутого единого уровня, соответствующего этапу зрелого социализма, а также исходя из требований сегодняшнего дня»¹.

В настоящее время каких-либо особых различий в уровне среднечеловеческого производства национального дохода в промышленной продукции по регионам больше нет. Но по ряду экономических показателей (темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства, производительности труда, материального благополу-

¹ Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР, с. 245.

лучия и др.) различия между республиками еще имеются. Так, в промышленности отклонения по республикам от среднесоюзного уровня производительности труда составляют примерно 30%¹. Разработанная партией система мероприятий, таких, как выравнивание технической оснащенности производства, а также уровней образования и профессиональной подготовки кадров, целенаправленная политика капиталовложений будут способствовать сближению соответствующих показателей республик.

Таким образом, в развитом социалистическом обществе проводится политика все более полного выравнивания уровней экономического развития. Разумеется, экономические различия между республиками далеко уже не носят характера тех разрывов, которые имели место в первый период Советской власти.

Если на первых этапах развития Советской страны партия говорила о необходимости односторонней по преимуществу помощи со стороны наиболее развитых в экономическом отношении наций, и прежде всего русского народа, другим народам нашей страны, то сегодня, по-прежнему придавая огромное значение братской поддержке русским народом усилий других народов в коммунистическом строительстве, мы вместе с тем говорим, что в настоящее время сложились такие условия, когда осуществляется подлинно взаимная помощь народов, когда каждая республика, нация и народность стремятся внести максимальный вклад в дело строительства коммунизма. А это накладывает отпечаток на нашу национальную политику прежде всего в области экономики.

В. И. Ленин в первые годы после победы Октября писал, что интернационализм в прошлом господствующей нации по отношению к нации, ранее угнетенной, состоит не только в провозглашении юридического равенства народов, но и в проведении такой политики, которая дала бы возможность обеспечить равенство фактическое, т. е. экономическое. Во имя этого русская нация должна была идти на сознательные жертвы, издержки ради подъема всех других наций и народов, которые отставали в своем историческом развитии. Ленин тогда уже указывал: «Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу...»²

¹ См.: Аракелян А. Экономическое сотрудничество народов СССР.— Коммунист, 1976, № 13, с. 50.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359.

Такой всемирно-исторический подвиг русский народ совершил. Сегодня, подходя к этому ленинскому положению с позиций уже достигнутого и завоеванного, мы отмечаем: давно уже ликвидирована хозяйственная отсталость тех или иных народов. Ликвидировано унаследованное от старого строя деление на аграрные и индустриальные, на сырьевые и обрабатывающие районы, на развитые или слаборазвитые, отсталые. Сложился единый народнохозяйственный комплекс.

В нынешних условиях, когда достигнуто фактическое равенство народов, в экономической политике на первое место выдвигаются не задачи преодоления хозяйственной отсталости районов, поскольку ее уже не существует, а задача достижения максимальной эффективности всего народного хозяйства и на этой основе — удовлетворения интересов советского народа в целом и каждой нации и народности в отдельности.

Подводя итоги пройденного пути, XXVI съезд КПСС в числе важнейших свершений Коммунистической партии и Советского государства отметил достижения в претворении в жизнь ленинской национальной политики. «Семья советских народов,— сказал Л. И. Брежнев,— стала еще сплоченнее, живет еще дружнее... Единство советских наций сегодня прочно, как никогда»¹. Вместе с тем съезд отметил важность и актуальность последовательного осуществления ленинской национальной политики и в развитом социалистическом обществе. Достигнутые нами успехи, подчеркнул съезд, не означают, что «все вопросы в сфере национальных отношений уже решены. Динамика развития такого крупного многонационального государства, как наше, рождает немало проблем, требующих чуткого внимания партии»².

В числе этих проблем партийный съезд указал на необходимость и впредь обеспечивать сочетание национальных и интернациональных, общенародных интересов, продолжать курс на наращивание материального и духовного потенциала каждой республики и вместе с тем его максимальное использование для гармоничного развития всей страны.

Совместными усилиями всех республик решать назревшие народнохозяйственные задачи как страны в целом, так и отдельных ее регионов, нуждающихся в особом внимании, как, например, Нечерноземья.

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 3, 56.

² Там же, с. 56.

Неуклонно осуществлять выравнивание социальных различий в территориальном плане. Рационально использовать трудовые ресурсы республик, районов нашей страны в общегосударственных интересах. В республиках и районах, где есть избыток рабочей силы, особенно на селе, развивать необходимые для народного хозяйства производства, шире вести подготовку квалифицированных рабочих коренной национальности, прежде всего из числа сельской молодежи.

Последовательно осуществлять ленинский интернационалистский курс в подборе и расстановке кадров, имея в виду многонациональный состав советских республик, обеспечить должное представительство всех наций в их партийных и государственных органах, при строгом учете деловых и идейно-нравственных качеств каждого человека.

Учитывая рост в ряде республик численности некоренных национальностей, имеющих специфические запросы в области языка, культуры и быта, глубже вникать в такие вопросы, своевременно предлагая пути их решения.

Решительно бороться против любых проявлений чуждой социализму идеологии шовинизма и национализма, против любых националистических вывихов. Уважая национальные чувства, национальное достоинство каждого человека, выступать как против тенденций, направленных на искусственное стирание национальных особенностей, так и против искусственного их раздувания. Воспитывать трудящихся в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордого чувства принадлежности к единой великой Советской Родине.

Строго следить за соблюдением ленинских принципов национальной политики в области культуры — равенства, братского сотрудничества и добровольности, способствуя расцвету и взаимообогащению национальных культур, формированию культуры единого советского народа — новой социальной и интернациональной общности.

Решение важнейших задач, которые встали перед нашей страной на современном этапе, выдвигает вопрос о правильном использовании материальных и людских ресурсов. Основная часть природных богатств расположена в восточных и северных районах, тогда как потребляются они главным образом в западных и южных. Так, в восточных районах, занимающих большую часть территории СССР, сосредоточена основная часть потенциальных

энергетических ресурсов, а между тем в восточных районах Советского Союза проживает лишь четверть населения страны.

Следующей чертой, влияющей на размещение производительных сил, является действие демографических факторов.

По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, население СССР в 1979 году по сравнению с 1970 годом возросло на 9%. В союзных республиках те же показатели заметно отличаются друг от друга. Так, население РСФСР в 1979 году по сравнению с 1970 годом возросло на 6%, Украинской ССР — на 6, Белорусской ССР — на 6, Узбекистана — на 30, Казахстана — на 13, Грузии — на 7, Азербайджана — на 8, Литвы — на 9, Молдавии — на 11, Латвии — на 7, Киргизии — на 20, Таджикистана — на 31, Армении — на 22, Туркмении — на 28, Эстонии — на 8%¹.

Такого рода различия объясняются прежде всего различными темпами естественного прироста населения среди тех или иных народов. Определенную роль играют потребность в ускоренном экономическом росте тех или иных республик в общих интересах Союза ССР, с чем и связан приток сюда кадров из других республик, и различия в соотношении городского и сельского населения. Учитывая подобные факторы, в том числе и процессы, на которые подчас трудно воздействовать непосредственно, социалистическое государство добивается рационального размещения производительных сил, разумного использования рабочей силы в масштабах всей страны.

Дальнейшее углубление братского сотрудничества народов СССР, неуклонное возрастание их интернациональной общности и единства как ведущее направление развития национальных отношений в условиях зрелого социализма опирается на прочный фундамент — единый народнохозяйственный комплекс, фактическое равенство народов, утвердившееся во всех сферах советского общества, объективный процесс интернационализации всей нашей жизни.

Однако специфика национальных отношений такова, что их гармоническое развитие зависит не только от этих объективных предпосылок, но и — во всевозрастающей мере — от субъективного фактора. Исторический опыт нашей многонациональной страны раскрывает значение

¹ См.: Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 4.

целеустремленной, опирающейся на строгий научный анализ ленинской национальной политики, которая на всех этапах развития Советского государства была направлена на консолидацию социалистического общества, объединение усилий всех народов в строительстве социализма и коммунизма.

Не имеет ничего общего с научным мировоззрением взгляд на нации и национальные отношения в современных условиях как на некий рудимент, пережиток старого строя, с которым-де приходится мириться, поскольку нет возможности от него избавиться. И дело не только в том, что при таком подходе ставится знак равенства между далеко не равнозначными понятиями — «национальное» и «националистическое». Дело и в том, что недооценка национального фактора означает на практике неумение или нежелание использовать его в сочетании с интернациональными факторами в интересах строительства социализма.

Проблемы национальных отношений сохраняют свою актуальность и важность для нашей многонациональной страны. Рост национального достоинства всех народов СССР, неотделимый от других успехов ленинской национальной политики, наряду с ростом интернационалистского сознания во многих случаях повышает интерес трудящихся различных национальностей ко всему, что касается вклада данной нации в общее дело строительства коммунизма, к тем или иным ее достижениям в науке, культуре, искусстве, спорте и т. д. Усиление многонациональности советских республик находит отражение в дальнейшей интернационализации партийного и советского аппарата, росте многоязычия и усилении тяги к овладению русским языком как языком межнационального общения, процессах взаимовлияния культур народов СССР. В этих условиях все сильнее идет процесс ломки былых национальных перегородок, национальный фактор в нашей стране давно уже перестал разделять людей и в повседневной жизни многонациональных трудовых коллективов, межличностных отношениях все меньше фиксируется. Тем не менее восприимчивость к национальным аспектам жизни общества среди значительной части населения страны в силу исторических причин, многонационального характера страны еще достаточно заметная. На это-то и рассчитывают реакционные идеологи, чьи усилия направлены на раздувание, гипертрофию национальных чувств, противопоставление национальных и интернациональных ценностей.

Важной стороной интернационалистского воспитания является борьба против враждебной пропаганды, которая в настоящее время явно активизировала свои атаки на национальную политику КПСС. Цель антикоммунистической пропаганды Запада, с которой во многом смыкается маоистская пропаганда, состоит в том, чтобы подорвать растущее международное значение ленинской национальной политики. В меньшей мере враждебные нападки продиктованы стремлением оживить былую национальную рознь народов СССР, расшатать могучее единство советского народа.

Всемирно-историческое значение опыта решения национального вопроса в нашей стране определяется прежде всего тем, что СССР являет собой нечто вроде гигантской лаборатории, где впервые проходили проверку ленинские принципы национальной политики. Здесь впервые решалась проблема — можно ли в течение короткого исторического периода с помощью передовых масс трудящихся других наций миновать определенные стадии общественного развития и прийти к социализму? Могут ли нации, ранее угнетенные и поработанные, в короткий исторический срок добиться создания национальной государственности, двинуть вперед собственную культуру, язык и т. д.? Возможно ли интернациональное братство народов, или они обречены на нескончаемую межнациональную вражду?

Россия, как известно, была страной многоукладной, ее населяли и нации, которые переживали период капиталистического развития, и народы, которые находились в условиях феодального и полуфеодального развития. Наконец, немалое число этнических групп до революции еще не вышло из условий первобытнообщинного строя.

Царская Россия была страной, которая отличалась не только жестоким национальным угнетением, но и различными формами полуколониального гнета. И в этом отношении советский опыт ликвидации гнета и насилия в отношениях между народами в высшей степени интересен для народов, которые сбросили с себя иго колониализма или борются против него.

Наша страна охватывает пространства как европейского, так и азиатского континентов. Это одно из самых многонациональных государств на земле. В условиях сложной многонациональной структуры населения удалось найти правильное решение национального вопроса, удалось добиться подлинной дружбы и братства народов различных национальностей, разделенных в прошлом

глубокими культурными различиями, традициями, религиозными особенностями.

Наконец, среди народов нашей страны наряду с теми, кто в прошлом имел свои государственные образования, было немало народов, которые никогда не имели собственной государственности. Опыт создания национальной государственности представляет интерес для всех наций. Таким образом, опыт СССР в разрешении национального вопроса воплотил в себе все особенности международного развития в современную эпоху.

Те, кто сомневались в верности марксистско-ленинского учения по национальному вопросу, получили предметный урок. А сам Советский Союз стал подлинным университетом дружбы народов, показывающим самим своим существованием, что такое интернационализм на деле. Принятая в 1977 году новая Советская Конституция характеризует СССР как «общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ»¹.

Если учесть, что для многих народов мира национальное равноправие и прогресс — все еще мечта, если учесть, что империализм по сей день бессовестно грабит страны, вырвавшиеся из колониального рабства, насаждая всюду, где простирается его господство, расизм, национальное неравенство и гнет, натравливая один народ на другой, то нетрудно понять, сколь мощным оказывается воздействие советского опыта национальных отношений на весь ход мирового развития.

В этом главная причина неистовых атак идеологов антикоммунизма на ленинскую национальную политику. Они никогда не скрывали своей враждебности к идеям интернационализма, ссылаясь на «неискоренимость» расовых и национальных конфликтов, обусловленную якобы самой природой людей. Они не переставали злословить по поводу «дружбы народов», называя ее пропагандистским лозунгом Советов, придуманным, видите ли, для того, чтобы скрыть от общественного мнения «еще одну разновидность колониализма». Но перед лицом невиданного прогресса народов СССР во всех областях общественной жизни, перед лицом увеличения в сотни

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 4.

раз промышленного производства в тех районах, население которых, казалось, было обречено на вечное прозябание, они вынуждены признать определенные достижения советской национальной политики. Так, журнал «Проблемз оф комьюнизм», который имеет достаточно прочную репутацию, чтобы можно было заподозрить его хотя бы в чем-то похожем на объективность по отношению к теории и практике социализма, при оценке Советской Конституции пишет об изложенных в ней принципах, как об «уже осуществленных на практике»¹. Корреспондент другого не менее тенденциозного по отношению к СССР журнала, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», в своем сообщении из Ташкента признает, что «Советский Союз добился многих успехов. Почти каждый в Узбекистане умеет читать и писать, в то время как в 1917 году 98% людей были неграмотными. Средняя продолжительность жизни увеличилась с 40 лет в 1913 году до 70 лет в настоящее время. Здесь один врач приходится на 386 человек, в то время как в Пакистане на 6 тысяч». Система ирригации, продолжает автор корреспонденции, обеспечивает высокие урожаи хлопка, жизненный уровень народных масс далеко превосходит уровень соседних стран. Народы Средней Азии, заключает он, очевидно, удовлетворены своей судьбой и гордятся достигнутым прогрессом².

Исторические преобразования СССР в области национальных отношений в огромной степени увеличили престиж социализма как единственного строя, способного обеспечить свободное национальное развитие, ведущее не к национальной вражде, а к братскому сотрудничеству народов. Они оказали и продолжают оказывать огромное влияние на ход освободительного движения народов во всем мире. В значительной мере с этим вынуждены считаться и многие западные ученые.

Так, профессор Лондонского университета Альфред Коббэн пишет: «Советский Союз — это не Габсбургская империя со сравнительно богатым промышленным и финансовым центром, находящимся в поразительном контрасте с ужасающе бедной сельскохозяйственной провинцией. На глазах национальных меньшинств на их территориях был достигнут гигантский экономический прогресс. Если Советский Союз в конечном счете доказал, что он успешно решил проблему сплочения самых различ-

¹ Problems of Communism. 1977, vol. XXVI, N 5, p. 1.

² United States news and World Report, 1979, 14 May.

ных национальностей в единой великой федерации, то этот успех в немалой мере объясняется теми шагами, которые он с самого начала предпринял для вовлечения наций в орбиту всестороннего индустриального развития и устранения источника экономического неравенства и эксплуатации»¹.

Что касается большинства западных советологов, то было бы тщетным искать в их трудах следы объективного анализа процессов развития национальных отношений, путей, которые привели ранее угнетенные и разрозненные народы к невиданному материальному и духовному подъему.

Исходя из выдвинутого идеологами антикоммунизма надуманного тезиса, будто национальный вопрос в Советском Союзе уже в 80—90-е годы примет «более острые формы, чем расовый кризис в Соединенных Штатах Америки» (Зб. Бжезинский), западные теоретики, политологи, пропагандисты развернули небывалую активность, требуя поставить на широкую ногу «изучение» национальных проблем в СССР, раздувая и подогревая малейшие негативные явления в сфере национальных отношений. Организуются многочисленные «междисциплинарные» семинары и симпозиумы с участием виднейших советологов, представителей информационных и разведывательных служб США и других стран. При этом наблюдается явная тенденция выйти за рамки прежних стереотипных утверждений вроде «русского колониализма» и «насильственной ассимиляции», расширить диапазон изучения национальных отношений, не сводя его к упрощенной формуле «русские — нерусские», а дифференцированно исследуя каждую нацию и народность, их отношение к русскому и другим народам СССР.

«Национальности и национализм в СССР. Советская дилемма». Материалы симпозиума, проведенного под эгидой Центра стратегических и международных исследований университета в Джорджтауне и Института китайско-советских исследований, университета им. Джорджа Вашингтона — США; «Распадающаяся империя» — книга Элен Каррер д'Анкос, изданная во Франции; «Мусульманский национальный коммунизм в Советском Союзе. Революционная стратегия для колониального мира» — изданное в Англии сочинение западных социологов А. Беннингсена и Э. Уимбуша; «Советская нацио-

¹ Cobban A. The Nation State and National Self-determination. N. Y., 1970, p. 211.

нальная политика и практика» — книга под редакцией американского политолога И. Азраэля, выпущенная в Нью-Йорке; «Меньшинства при коммунизме» — труд западногерманского политолога Роберта Кинга — лишь немногие примеры того потока книг, которые наводняют книжный рынок Запада.

Новый антикоммунистический «крестовый поход» против советской национальной политики развернулся в условиях очевидного банкротства пресловутой кампании «в защиту прав человека».

Положения Конституции СССР, повседневная практика Советской страны со всей силой подтвердили, что социалистический строй обеспечивает эти права несравненно глубже и последовательнее, чем капитализм. В поисках новых средств дискредитации социалистического образа жизни буржуазные пропагандистские службы обратились к сфере национальных отношений, стремясь «возвести диссидентство с уровня индивидуума на уровень наций».

По мнению идеологов антикоммунизма, это должно, с одной стороны, заметно расширить рамки прежней кампании, а с другой — перевести спор о правах и свободах в другую плоскость, дать возможность сыграть на наиболее чувствительных струнах национальной психологии.

Анализ выступлений органов империалистической пропаганды в последнее время и их тематическое сопоставление с наиболее активным периодом атак на нашу национальную политику во время юбилея 50-летия образования СССР свидетельствует в целом о преемственности, стабильности проблематики и основных тактических линий этих выступлений. Пропагандисты Запада концентрируют усилия на том, чтобы посеять недоверие народов СССР к интернационалистским целям КПСС, подорвать морально-политическое единство народов Советского Союза.

Вместе с тем обнаруживается и ряд новых аспектов, новых линий атаки на эту политику, которые особенно наглядно сфокусированы в тезисах о росте центробежных сил в советских республиках в противовес марксистско-ленинским положениям о сближении наций и укреплении единства советского народа, «подъеме национализма», который, набирая силу, неминуемо приведет к распаду многонационального Советского государства.

В качестве общей теоретической предпосылки выдвигается тезис о стратегическом «просчете» Ленина, кото-

рый, выдвинув политику поощрения национальных культур, языка, поддержки национального самосознания, не смог-де предвидеть перерастания национальных моментов в повсеместно усиливающиеся националистические тенденции¹. «Большевики,— пишет западногерманский политолог из Кельнского института по изучению Восточной Европы Г. Зимон,— очень много сделали для того, чтобы разбудить национальные силы, когда они программировали освобождение из «тюрьмы народов» и право на самоопределение. После революции большевики оказались в положении ученика чародея, не умеющего загнать назад в бутылку неосторожно выпущенного им джина»². Попав в русло общемирового «националистического потока», эти тенденции, по словам буржуазных идеологов, принимают все более необратимый характер.

Огромный прогресс, достигнутый в различных областях жизни народами, строящими коммунизм, расцвет социалистических наций, достигнутый, как известно, на пути укрепления их братской сплоченности, укрепление национального достоинства и национальной гордости советского человека — все это рисуется как какая-то угроза единству народов, предвестник «сепаратистских тенденций» в будущем. С этих позиций, разумеется, реакционные идеологи не в состоянии сколько-нибудь объективно оценить ленинскую национальную политику, которая сумела *направить разбуженную революцией энергию ранее угнетенных народных масс в русло социалистического строительства, слив воедино усилия ранее разрозненных народов, связав их неразрывными узами классовой и интернациональной солидарности*. Нужно ли говорить о том, что буржуазные представления о национальном вопросе при социализме игнорируют реальное содержание национальных процессов!

Всячески раздувая национальные проблемы, западная пропаганда пытается связать насквозь лживые утверждения с некоторыми реальными процессами в жизни народов СССР, происходящими в последние десятилетия, процессами, которым дается явно тенденциозное толкование.

Речь идет, во-первых, о неравномерном росте народонаселения в различных регионах и среди различных национальностей — обстоятельстве, которое антикоммунистическая пропаганда рассматривает исключительно под

¹ Fortune, 1978, 14 August, p. 160.

² Simon G. Die Nichtrussischen Völker in Gesellschaft und Innenpolitik der UdSSR — Osteuropa, 1979, N 6, S. 447.

углом зрения коллизий, созданных воображением ее организаторов. Идеологам антикоммунизма и невдомек, что конкретное соотношение тех или иных национальных групп населения в Советской стране не может поколебать их сплоченность, их принадлежность к единому целому — советскому народу.

Следующим объективным фактором, односторонне и предвзято толкуемым буржуазной пропагандой, является рост национального самосознания народов СССР. Не проводя, как уже отмечалось, различия между «национальными» и «националистическими» чувствами, что соответствует общим методологическим установкам буржуазной науки в данном вопросе, советологи рассматривают рост национальной интеллигенции, подъем национальной культуры, укрепление национального самосознания как фактор, якобы противоречащий интернационалистским целям политики КПСС. Вновь пускается в ход миф о намерении партии унифицировать нации и культуры как шаг на пути их дальнейшей интеграции в «единую нацию». Буржуазные ученые заявляют, что «чувства обособленного национального сознания среди нерусских народов никогда не были столь ясно выражены, их этнический национализм в настоящее время представляет главную угрозу советской национальной интеграции и долгосрочному превращению Советского Союза в единое национальное государство»¹. Размахивая жупелом «унитарного государства», все эти специалисты по советским национальным проблемам не утруждают себя даже ознакомлением с Конституцией СССР, которая в статье 70 четко характеризует многонациональную структуру нашего союзного государства.

Особенно настойчиво внушается мысль о якобы религиозном по своей сути сознании народов советского Востока, которое, ассимилировав коммунистическое учение, в основе своей сохранилось-де прежним, архаичным. Сетую на то, что «драматическое возрождение исламского движения в Иране не получило заметного отклика в Советском Союзе», английская газета «Обсервер» предлагает всячески подчеркивать исламскую исключительность и религиозное сознание народов Азербайджана, Средней Азии и Казахстана с целью создания единого потока исламизма². Легенда об особом сознании всех «мусульманских» народов, конечно же, понадобилась

¹ Nationalities and Nationalism in the USSR. A Soviet Dilemma. Wash., 1977, p. 33.

² Observer, 1979, 1 April.

для того, чтобы затушевать присущее народам перечисленных республик и регионов общесоветское сознание¹.

Некоторые буржуазные советологи прямо подчеркивают, что их интерес к национальным проблемам в СССР далеко не академический, ибо «в интересах Запада соединиться с советскими националистическими движениями в надежде подорвать внутреннюю стабильность советского режима...»².

И здесь антикоммунисты все же проговорились: стабильность советского общества, которая явно не вяжется с их рассуждениями о «дезинтеграции», является тем бесспорным фактом, о который разбиваются все измышления. «Коммунизм создал в Советском Союзе чрезвычайно устойчивое общество,— пишут в свою очередь американские журналисты Робин Найт и Джеймс Уоллес в статье «Революция России: как она выглядит изнутри». — Стабильность и надежность — это, вероятно, два качества, которые советские граждане ценят прежде всего. Итак, в этом плане коммунизм также увенчался успехом»³.

В чем же буржуазные идеологи видят источник мифических националистических движений в СССР? Почему народы, сплоченные в СССР, должны идти по пути сепаратизма, а не дальнейшего интернационального единения? Разве они не убедились на собственном историческом опыте в преимуществах братского союза?

Здесь мы подходим к целой системе буржуазных доводов и построений, призванных во что бы то ни стало «обосновать» неизбежность обострения национального вопроса в нашей стране.

Миф 1-й. Социализм, оказывается, не внес чего-либо нового в национальные отношения. Ему свойствен тот же межнациональный антагонизм, который характеризует любое племенное или многорасовое общество в мире.

Миф 2-й. Политика сближения наций, которую Коммунистическая партия проводит в полном соответствии с объективными процессами интернационализации общественной жизни, якобы направлена на «денационализацию», насильственное стирание национальных особенностей.

Миф 3-й. Советского народа как новой исторической общности не существует, так как многонациональное го-

¹ Soviet Nationality Problems. N. Y., 1971, p. 169—181.

² Nationalities and Nationalism in the USSR, A Soviet Dilemma, p. 48.

³ United States News and World Report, 1977, 24 October, p. 50.

сударство не может быть не чем иным, как насильственным конгломератом наций и народностей. Речь идет, видите ли, о стремлении втиснуть более ста наций, народностей, национальных групп в «единую советскую нацию».

Миф 4-й. Не существует и советского человека-интернационалиста, потому, мол, что гражданам СССР отнюдь не безразличны вопросы развития национальных языков, культуры и т. д.

Логика этих утверждений, как правило, примитивна: «этого нет, потому что этого не может быть», «национальный вопрос не решен, потому что он не может быть решен». В схемах о национализме и его роли в мире, разработанных в буржуазных антикоммунистических центрах, попросту исключается, чтобы народы, осуществляя свое право на самоопределение, предпочли тесный союз наций национальной розни и отчужденности. Социологам, хорошо знакомым с природой капитализма, кажется фантастическим, чтобы человек думал не только о своей нации, а превыше ее ставил интересы всех, чтобы его поведение диктовалось заботой об общенародных интересах, чтобы он черпал вдохновляющую силу не в узколобых представлениях о «превосходстве» своей нации, а в понимании общности интересов всех людей труда, в солидарности народов, стремящихся к единой цели. Наконец, этим социологам, у которых диалектика явно не в почете, никак не понять, что расцвет наций на пути социализма никак не ведет к усилению центробежных тенденций, а, наоборот, усиливает тягу к сплочению народов и что подлинный путь к слиянию народов в конечном счете в одной братской семье трудящихся — не насильственное устранение национальных различий, а максимальная забота об удовлетворении интересов всех народов, создание условий для свободного самовыражения всех наций — больших и малых и на этой основе приобщение их к подлинно интернациональным ценностям.

Ожесточенным атакам подвергается понятие советского народа — новой исторической общности людей. По мнению западных теоретиков, это понятие служит главным образом для теоретического обоснования политики русификации и ассимиляции. Великая общность освободившихся от эксплуатации классов, социальных групп, наций и народностей нашей страны — советский народ — изображается либо как некий конгломерат народов, разделенных вековыми традициями, либо как результат

политики сколачивания единой нации «советско-русского типа».

Часть буржуазных идеологов вообще отрицает наличие у нас такой общности, как советский народ, предпочитая говорить о Советской стране как о насильственном конгломерате наций и народностей. Другие рассматривают образование советского народа в плане ими же вымышленного курса КПСС, направленного якобы на насильственную ассимиляцию и русификацию всех наций и народностей страны. В обоих случаях делается попытка смазать принципиальное различие между двумя типами социальных и национальных отношений: капиталистическим, который действительно основан на подавлении прав национальностей, насильственной их ассимиляции и т. д., и социалистическим, который знаменует собой подлинно добровольные формы объединения народов.

Так, английский историк Х. Сетон-Уотсон в книге «Нации и государства» пытается оспорить проводимое марксистами-ленинцами различие между нациями буржуазного и социалистического общества. «Они, конечно, правы,— пишет Сетон-Уотсон,— указывая на то, что социальная структура наций Советского Союза отлична от структуры европейских буржуазных наций или от докapiталистических народностей других континентов. Однако «социалистические нации», которые развивались при Советской власти, оказались менее отличными от своих предшественниц, чем ожидалось»¹. Нации, оказывается, не зависят от политического строя, они живут и подчиняются своим имманентным законам, определяемым самой природой наций, рассуждает автор, превращая нации в мистические, внеисторические сущности. Поэтому, заключает он, расчет советских теоретиков на слияние социалистических наций в «единой советской нации» не оправдался.

Нет нужды останавливаться на вздорном утверждении насчет «единой советской нации». Прием, используемый английским профессором,— сначала приписать советским ученым бессмыслицу, а затем ее же опровергать — не нов. Что же касается отрицания социалистического характера наций в СССР, то и здесь буржуазный ученый повторяет распространенные на Западе догмы.

¹ *Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*, p. 318.

Опыт строительства социализма в СССР и других странах неопровержимо свидетельствует о том, что преобразование наций капиталистического общества в социалистические — это составная часть тех великих изменений, которые создают новый климат в национальных отношениях и кладут конец национальной вражде, недоверию и неравенству, унаследованным от старого строя.

Констатируя обострение межнациональных конфликтов в несоциалистическом мире, буржуазные идеологи с теми же мерками подходят к характеристике взаимоотношений народов в СССР. В этих рассуждениях ясно просматривается намерение изобразить национальный вопрос в качестве «вечного», «неразрешимого», характерного для любой социальной системы и тем самым поставить знак равенства между национальными проблемами Запада и Советского Союза. Именно в таком духе был выдержан доклад профессора У. Коннора (США) на XI Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук в 1979 году, озаглавленный «Национальный вопрос в марксистско-ленинских государствах» и получивший решительный отпор со стороны советских ученых.

Подобный подход вытекает из общей методологической установки буржуазных идеологов при подходе к национальному вопросу и национализму, которые якобы не зависят от социально-политического строя, а порождаются самим по себе процессом «модернизации», характерным прежде всего для развивающихся стран. Этот процесс приходит в конфликт с некими изначальными влечениями людей. «На основе сравнительно-исторических исследований можно утверждать, что марксистская теория о том, что национализм является буржуазным порождением, ошибочна»¹, — утверждает Г. Зимон. Развивая этот тезис, западногерманский автор пускается в исторические экскурсы с целью доказать, что модернизация и национализм действуют особенно активно там, где происходит формирование наций или где нации не получили собственной независимой государственности². При таком подходе корни национализма усматриваются в развитии средств сообщения, социальной мобильности населения, расширении образования. Автор без всяких оговорок проецирует на Советский Союз те процессы, которые имели место в Европе начиная со второй

¹ Osteuropa, 1979, N 6, S. 449.

² Ibidem.

половины XVIII века. Ему вторит американский историк Р. Пайпс: «Процесс создания национальных государств, который в XVI, XVII и XVIII веках происходил в Западной Европе, а позднее в Восточной Европе, в настоящее время надвигается на Россию»¹.

Советологи, с одной стороны, странным образом не замечают целой полосы национального самоутверждения народов нашей страны, начавшейся уже после ликвидации татаро-монгольского ига. С другой стороны, они игнорируют великое завоевание Октября — реализацию народами права на самоопределение, формирование и развитие советской социалистической государственности. Этот последний процесс, как уже отмечалось, происходит в условиях социализма не на пути роста национальной обособленности, а на основе их взаимного сотрудничества, сближения и интернационального единства.

В соответствии с этим делается попытка доказать, будто «вирус» национализма с одинаковой силой поражает любую социальную систему. Межнациональный антагонизм рассматривается как неизбежное зло современного этапа мирового развития. Примечательно, что эти суждения пропагандируются в условиях нарастающего действия всемирной тенденции к интернационализации хозяйственной и общественной жизни, которая неизбежно ускоряет интегративные процессы, способствует образованию и развитию тех или иных общностей людей и государств.

Антагонизм между национальным и интернациональным может возникать в том особом случае, когда допускается выпадение национального из системы интернационального, т. е. когда первое искусственно выхватывается из закономерной связи явлений и противопоставляется интернациональному. Такую позицию заняли, в частности, маоисты. Но подобная операция не оставляет без изменений национальное начало, которое тем самым выпячивается, гипертрофируется и трансформируется в националистическое. Следовательно, в подобных случаях речь идет, собственно, об антагонизме не между национальным и интернациональным, а между национализмом и интернационализмом.

Построение в СССР развитого социализма и сплочение народов нашей страны в одну братскую семью продемонстрировало вместе с тем великую жизненную силу ленинского учения по национальному вопросу. Вопреки

¹ Nationalities and Nationalism in the USSR, p. 21.

буржуазным вымыслом о каком-то «просчете» Ленина в национальном вопросе, практика развития национальных отношений в СССР всецело подтвердила мудрость и дальновидность ленинского курса.

Новый тип отношений, установившийся между народами, повлек за собой не менее важные перемены в сознании людей. Ушли в прошлое национальная рознь и недоверие, отчужденность людей разных национальностей. Их сменили чувства дружбы и доверия, сознание общности интересов в борьбе за коммунизм. Эти новые нормы в отношениях между народами выковывались в критические, полные драматизма этапы развития Страны Советов — в совместном труде, в совместной защите революционных завоеваний. Отсюда их прочность и незыблемость, которую не в состоянии понять те, кто мыслит старыми категориями расовой и национальной вражды.

Что касается идеологов антикоммунизма, то было бы тщетным искать в их трудах следы объективного анализа процессов развития национальных отношений. С точки зрения профессора Гарвардского университета Р. Пайпса, СССР — это вовсе не семья свободных, процветающих народов, а колониальная империя, продолжающая политику русского царизма¹.

Поставить знак равенства между интернационалистскими целями и методами советской политики и самодержавной политикой царской империи — это ли не верх глумления над истиной? Но и у этой лжи есть своя логика — любой ценой пробудить недоверие к интернационалистской политике, изобразить понятия «интернационализм» и «национальная свобода» как антиподы.

Будучи не в состоянии отрицать колоссальный шаг вперед, сделанный народами бывшей царской России, идеологи антикоммунизма, во-первых, отрицают связь этих успехов с социализмом, во-вторых, все еще надеются на рост центробежных тенденций среди этих народов. «Безусловно верно, как об этом непрестанно говорят советские пропагандисты, — пишет Сетон-Уотсон, — что азиатские нации добились огромного экономического и культурного прогресса после 1917 года... Трудно поверить, что узбекам, знающим о том, что Руанда или Мозамбик получили независимость, не приходит в голову мысль о возможной независимости их страны, стоявшей у истоков человеческой цивилизации»².

¹ Nationalities and Nationalism in the USSR, A Soviet Dilemma, p. 10.

² Seton-Watson H, Op. cit., p. 319.

Антикоммунистическая пропаганда, столько лет твердившая о захирении национальных культур и упадке национальных окраин, делает решительный поворот: она отказывается от старых вымыслов только для того, чтобы сочинять новые. Но и на новых позициях ее ждет не меньшее фиаско. Народы Средней Азии, как и всего Советского Союза, прекрасно сознают, что счастьем, которое они обрели, они обязаны Ленину, КПСС, социализму, дружбе и братству народов. «Нет на свете дружбы крепче и чище, нет на свете родства ближе, чем дружба и родство советских народов, советских социалистических республик,..— пишет Ш. Р. Рашидов.— В ней неиссякаемый источник могущества нашей Родины, гарантия процветания всех советских социалистических наций, залог наших грядущих побед в борьбе за коммунизм»¹. «Киргизский народ гордится своими достижениями,— говорит Т. У. Усубалиев.— Они наглядно показывают народам, освободившимся от колониальной зависимости, что только социализм создает реальные возможности для преодоления экономической и культурной отсталости. Этих достижений киргизский народ добился в дружной многонациональной семье советских народов, в едином строю вместе с ними построил социализм и сейчас идет по пути строительства коммунизма»².

Не сепаратизм, о котором грезят идеологи, потеврявшие всякую связь с реальностью, а дальнейшее единение и сплочение — таковы устремления всех народов СССР. С этим-то и не хотят мириться враги социализма.

Разумеется, все советские люди искренне рады успехам народов Африки и других континентов в борьбе за независимость. При этом они с гордостью сознают, сколь мощным фактором в этой борьбе явились Октябрьская революция и торжество социализма в Советской стране, невиданный взлет ранее угнетенных народов, сила интернациональной солидарности. Народы Мозамбика, Анголы, Эфиопии и других стран внимательно учитывают опыт первой в мире страны социализма, в особенности опыт перехода к социализму, минуя капитализм, который столь успешно продемонстрировали республики Средней Азии и Казахстана.

Американский профессор-антикоммунист Джон Хазард, написавший пространную статью об историческом

¹ Рашидов Ш. Р. Советский Узбекистан. М., 1978, с. 140.

² Усубалиев Т. У. Дружба народов — наше бесценное завоевание. М., 1977, с. 366.

опыте советской федерации, вынужден в конце концов признать, что «нации, составляющие республики, не стремятся ни к выходу из федерации, ни к изменению руководимой коммунистами системы»¹.

Волей-неволей буржуазные идеологи приходят к выводу, что политическая стабильность советского общества означает и прочность многонационального советского государства. Это, однако, несколько не охлаждает пыл тех идеологов, которые хотят представить все «совсем наоборот».

Если сближение наций ведет к экономическому, индустриальному прогрессу республик, значит, надо заронить сомнение в целесообразности радикального изменения прежнего, пусть и отсталого, образа жизни, поскольку, мол, старый, патриархальный уклад больше соответствовал национальным традициям. Если сближение и взаимообогащение национальных культур поднимает на новый невиданный ранее уровень культуру каждой нации, значит, надо бить тревогу по поводу «нетленных ценностей», которые могут быть утрачены из-за «чужеродных влияний». И пусть таковыми «нетленными ценностями» оказываются средневековые обычаи и варварские суеверия, которые действительно уходят в прошлое, важно создать впечатление, что кто-то покушается на «святыя святых» национального духа.

Некоторым наиболее ретивым идеологам антикоммунизма уже мерещится, что на смену социалистическому сознанию народов СССР идет сознание религиозное, хотя у них нет ясности в том, какое именно. Если журнал «Кэнэдиен слэвоник пейперс» полагает, что на смену марксизму в советском обществе идет «одна из форм русского ортодоксального христианства»², то авторы книги о мифическом мусульманском национальном коммунизме в Советском Союзе Беннигсен и Уимбуш считают, что доминирующее влияние во многих районах страны приобрело мусульманство³. Буржуазные авторы никак не хотят понять, что советский образ жизни, обеспечивая свободу совести для всех народов, характеризуется укреплением научного марксистско-ленинского сознания подавляющего большинства трудящихся масс независимо от национальности.

¹ Canadian Slavonic Papers. 1972, vol. XIV, N 4, p. 608.

² Ibid., p. 584.

³ Bennigsen A., Wimbush E. National Communism in the Soviet Union. A revolutionary strategy for the Colonial World. Chicago — London, 1979.

Совершенно очевидно, что при таком подходе до предела извращается само понятие «национального», которое отождествляется со всем сугубо анахроническим и отжившим. Все новое, что рождено новым укладом жизни, новыми общественными отношениями и в создание чего внесли свой вклад граждане нового мира, свободные от цепей рабского прошлого, все это отвергается как противоречащее духу нации. При таком подходе, нарушающем связь времен, нет возможности по достоинству оценить то действительно неувядаемое из исторического прошлого, что дорого современникам, поскольку оно выражает прогрессивные устремления народа.

В бессильной злобе против нового строя критики советской национальной политики обвиняют нашу страну в нарушении суверенитета республик, проливают крокодиловы слезы по поводу того, что предоставленным Конституцией СССР всем союзным республикам правом выхода из состава Союза ни одна из республик не воспользовалась. Буржуазным идеологам и невдомек, что прочность Союза Советских Социалистических Республик тем и объясняется, что каждая нация сознает: ее свобода и ее прогресс надежно обеспечены именно в рамках этого Союза.

Новая Советская Конституция подтверждает великую жизненную силу добровольного союза народов нашей страны, основанного на принципах социалистического федерализма. Закрепляя государственное единство советского народа, сплочение всех наций и народностей в целях совместного строительства коммунизма, Конституция СССР полностью гарантирует суверенные права союзных республик. Вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР (область обороны, внешнеполитической деятельности, установления основ общесоюзного законодательства, планов развития народного хозяйства и государственного бюджета СССР, управления единым народным хозяйством в масштабе всей страны), каждая союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории. Она имеет свою Конституцию, обеспечивает комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории. Территория союзной республики не может быть изменена без ее согласия, а границы между союзными республиками могут изменяться только по взаимному соглашению соответствующих республик, которое подлежит утверждению Союзом ССР. Союзная республика определяет свое административно-территориальное устрой-

ство, имеет право вступать в сношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций¹.

Советологи преднамеренно извращают подлинную картину взаимоотношений народов нашей страны, и прежде всего их действительно братское отношение к русскому народу. Характерным примером в этом отношении является статья западногерманского политолога Б. Мейсснера, опубликованная в «Международном журнале», издаваемом канадским Институтом международных отношений, и озаглавленная «Советская концепция нации и право на самоопределение»². Автор берет под обстрел глубоко обоснованное КПСС положение о советском народе как новой исторической общности, рассматривая его в плане известных стереотипов буржуазной пропаганды. Разумеется, он не смог при всем своем старании усмотреть в партийных документах что-нибудь хоть в малейшей степени подтверждающее его домыслы. Поэтому ему приходится прибегать к совершенно произвольной интерпретации теории и практики КПСС. Например, свидетельством «русификаторской» политики КПСС, по его мнению, является настойчивая борьба партии против любых проявлений национализма и шовинизма, против национальной ограниченности и исключительности, идеализации прошлого и затушевывания социальных противоречий, против тех обычаев и привычек, которые мешают коммунистическому строительству³. Равным образом «доказательством» ассимиляторских тенденций выступает, по его словам, курс партии на постепенное сближение наций⁴.

Возникает естественный вопрос — почему же? Ведь политика русификации, как об этом свидетельствует история царской России, являлась элементом шовинистического курса ее правящих кругов. А царская политика ассимиляции была направлена на насильственное поглощение русской нацией других наций. Но если КПСС решительно пресекает любые проявления шови-

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 27—30.

² Meissner B. The Soviet Concept of Nation and the Right of National Self-determination.— International journal. Canadian Institute of International Relations. 1976—1977, vol. XXXII, N 1,

³ Meissner B. Op. cit., p. 65.

⁴ Ibid., p. 72.

низма и национализма, борется против концепции национальной исключительности и других уродливых проявлений прошлого, то разве это не свидетельствует о ее полном разрыве с любыми формами насилия в национальных отношениях? И разве можно осуществлять политику сближения наций, не устраняя любые препятствия на пути взаимного обмена национальными ценностями, взаимообогащения национальных культур, т. е. в полную меру опираясь на расцвет наций?

Автор не привел в защиту своей позиции каких-либо доводов, кроме голословного утверждения, будто концепция советского народа означает создание «идеологической базы для ассимиляторской политики, которая обрекает нерусские народы на постепенную русификацию»¹. По-видимому, ощущая слабость своей позиции, он пытается по-своему истолковать процесс интернационализации общественной жизни, который, конечно же, отождествляется с «денационализацией». «Примеры общих черт в духовном облике социалистических наций, которые приводятся в литературе,— пишет западногерманский политолог,— подтверждают, что поставленная цель — превращение многонационального советского народа в единую советскую нацию — должна быть достигнута посредством энергичного сближения на базе пролетарского, социалистического интернационализма»².

В Программе КПСС, других партийных документах, в трудах советских ученых, публицистов, деятелей литературы и искусства указывается на такие черты, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма, добросовестный труд на благо общества, высокое сознание общественного долга, коллективизм и товарищеская взаимопомощь, гуманные отношения и взаимное уважение между людьми, честность и правдивость, нравственная чистота, красота и скромность в общественной и личной жизни, дружба и братство народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни, братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами и другие. Они составляют характерные черты духовного облика строителя коммунизма независимо от его национальной принадлежности. Но эти черты вовсе не противостоят и не исключают того своеобразия духовного облика, который мы называем национальным характером. Сходство

¹ Meissner B. Op. cit., p. 72.

² Ibid., p. 74.

между советскими людьми действительно выросло, поскольку все они живут в условиях одного и того же социального строя. Но сам советский образ жизни, советская культура сохраняют и развивают те ценные национальные традиции, которые передаются из поколения в поколение и которые дороги каждому советскому человеку.

Интернационализация при социализме, безусловно, ведет к преодолению перегородок между нациями, соединению их усилий в строительстве коммунизма. Это процесс, в успешном развитии которого жизненно заинтересованы все нации и народности.

Было бы нелепо отрицать, что в процессе развития социализма и интернационализации общественной жизни отмирают устаревшие национальные различия. Но речь идет именно о таких чертах, которые не соответствуют новому укладу жизни и находятся с ним в противоречии. Нельзя упускать из виду при этом, что в условиях социализма получают бурное развитие подлинно национальные традиции и ценности, наполняясь новым, социалистическим содержанием. Пролетарский, социалистический интернационализм в противоположность буржуазному национальному нигилизму обеспечивает все условия для свободного развития наций и их тесного единения.

В. И. Ленин в декабре 1917 года выдвигал в качестве неотложной задачи советской национальной политики задачу: «как «завоевывать» на сторону Российской социалистической республики Советов другие нации вообще и нации, угнетавшиеся доселе великороссами, в особенности?»¹ А летом 1920 года, работая над докладом по национальному и колониальному вопросам, Ленин сделал следующую запись: «Сближение... формы его... Конкретные предложения, как сближать»².

Среди этих конкретных мер значились такие, как уничтожение национальных привилегий, признание права каждого народа на отделение и обеспечение реальных гарантий осуществления этого права на деле, использование федеративной формы объединения народов³. Великий вождь подчеркивал, что Советская власть соединяет трудящихся «неразрывными цепями живых интересов, классового сознания», что процесс объединения народов в советскую федерацию протекает на совершенно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 188.

² Там же, т. 41, с. 438.

³ См. там же.

добровольных началах¹. Партия неуклонно следовала ленинским заветам, проводя в национальных отношениях курс на расцвет наций и их неуклонное сближение, действуя таким образом в соответствии с объективными законами социалистического общества, волей и чаяниями народных масс. Ясно, что стремление антикоммунистов рассмотреть процессы сближения наций в СССР как продолжение старой царской политики русификации и ассимиляции беспочвенно, носит характер злонамеренной клеветы. Благотворная роль русского языка и русской культуры в процессе сближения наций не имеет ничего общего с навязыванием другим культурам каких-то норм и ценностей. Вот что говорит об этих процессах выдающийся киргизский писатель Чингиз Айтматов:

«Интернационализм лег в основу процесса взаимного ознакомления, а затем сложного взаимодействия и блистательного расцвета наших национальных культур, сложившихся в единую советскую культуру. При этом необходимо отметить выдающуюся, не имеющую себе параллелей, объединительную миссию русского языка, литературы и всей русской культуры. Роль русской культуры в этом историческом процессе мы подчеркиваем, выделяем не потому, что она создана великим народом — это разумеется само собой,— а потому, что русская культура и, прежде всего, русский язык послужили и служат нашему общему прогрессу и являются необходимым и безусловным фактором дальнейшего совершенствования национальных культур»².

Советский строй обеспечивает постоянный учет интересов наций и народностей — больших и малых, продуманную до деталей систему представительства национальностей в различных сферах общественной жизни. Так, в Верховном Совете СССР представлены депутаты 61 национальности, в Верховных Советах союзных и автономных республик — 71, в местных Советах — более 100 национальностей³. Конституция СССР провозглашает долгом каждого гражданина СССР уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. т. 35, с. 287—288.

² К новому расцвету многонациональной советской культуры. М., 1973, с. 96.

³ См.: Развитие советского народа — новой исторической общности. М., 1980, с. 191.

В условиях социализма национальная государственность, как уже говорилось, укрепила одновременно с укреплением интернациональной основы Союза ССР. Верно, построение социализма и реализация народами своего права на самоопределение в рамках СССР укрепили национальное самосознание народов. Но напрасно буржуазные идеологи рассчитывают на возможность каких-то коллизий между народами СССР в связи с ростом национальных чувств. Эти чувства наполнены социалистическим содержанием и поэтому они не противоречат, а, напротив, сочетаются с интернационалистскими чувствами, верностью народов идеалам Октября, готовностью сообща бороться за общее дело социализма и коммунизма. Национальный фактор в условиях социализма в корне изменил свое содержание. Он уже не разделяет народы, а, напротив, служит формой выражения их общих стремлений и общего социалистического сознания.

Социализм полностью разграничивает понятия «национальное» и «националистическое». Первое сохраняется и развивается при социализме: речь идет, например, о языке, культуре, лучших традициях народа. Второе несовместимо с социалистическим строем, уничтожающим почву для противопоставления народов по национальному признаку. Этого глубокого различия не хотят понять буржуазные теоретики. Бурный расцвет наций и национальных культур при социализме без всяких на то оснований отождествляется ими с «ростом национализма»¹.

Наиболее изворотливые из идеологов антикоммунизма, отказываясь от некоторых уж слишком одиозных утверждений вроде колониального угнетения Москвой национальных окраин или «упадка» национальной жизни, переносят центр тяжести в своей критике на процессы сближения наций. Рост сотрудничества наций, усиление межнационального общения, увеличение общих черт в образе жизни, поведении представителей разных наций — все это расценивается как угроза «целостности» наций. Нужно ли говорить о том, что буржуазные идеологи на чисто игнорируют объективную основу процессов сближения наций, усиливающихся в развитом социалистическом обществе, и во всем видят «произвол Москвы», якобы заинтересованной в скорейшем устранении национальных особенностей?

Одним из модных направлений западной советологии стало стремление противопоставить народы по религи-

¹ Nationalities and Nationalism in the USSR. A Soviet Dilemma. Ed. by A. Linden and K. Simes. Washington, 1977.

озному и национальному признаку. Американский журнал «Форчун», например, опубликовал пространную статью Герберта Мейера «Надвигающийся этнический кризис в СССР»¹. Другой советолог — Марк Фрэнкленд на страницах газеты «Обсервер» задается вопросом: «Присоединятся ли советские мусульмане к исламскому движению?»² И там и здесь попытка доказать, будто народы СССР стремятся не к единству, а к разброду по национальным и религиозным квартирам. Таков смысл кампании о «росте мусульманской угрозы в СССР», организаторы которой выпячивают остатки былой религиозной розни и предают забвению атеистические убеждения большинства населения в любой советской республике, приверженность трудящихся новым советским традициям и сплоченность всего советского народа, его верность интернационалистским, коммунистическим идеалам.

Примечательно, что бурный и неодолимый социальный и экономический прогресс, характерный для народов СССР, изображается чуть ли не как смертельная угроза нетленным национальным ценностям. Но «национальное» не стоит на месте, а столь же подвержено изменениям, как и другие социальные явления. Нелепо по-прежнему именовать народы Средней Азии, Северного Кавказа, Казахстана и Азербайджана «мусульманскими» народами. Трудящиеся Советского Востока давно уже сделали выбор — в пользу научного социализма.

Этот очевидный факт игнорируют реакционные идеологи, которые, подобно А. Беннигсену и Э. Уимбушу, разглагольствуют о какой-то «мусульманской элите» в среднеазиатских республиках. Для этой мифической элиты «национализм и коммунизм уже не стоят в теоретической оппозиции друг другу... а существуют одновременно в рамках одной и той же исторической традиции, но на различных плоскостях»³. Ту же мысль развивает Элен Каррер д'Анкос, которая пишет о «взаимопроникновении ислама и коммунизма», утверждая при этом, что «мусульманский человек не является врагом советской системы, которую он не критикует. Просто своим существованием, самым своим присутствием в тех районах, где существует мусульманская цивилизация, он напоминает о том, что советский народ состоит по крайней мере из двух частей: советской и мусульманско-советской»⁴.

¹ Fortune, 1978, 14 August, p. 156—166.

² Observer, 1 April, 1979, p. 12.

³ Bennigsen A., Wimbush E. Op. cit., p. 99—100.

⁴ Carrère d'Encausse. H. L'empire éclaté. P., 1978, p. 244, 270.

Нетрудно понять коварную тактику идеологов антикоммунизма. Учитывая преданность социализму населения всех советских республик, они уже не всегда проповедуют несовместимость советского строя с религиозными традициями. Их цель на данном этапе — представить советский народ не как монолитную общность, спаянную едиными идеалами, а как некое аморфное формирование, разделенное глубокими религиозными обычаями. Религиозный фактор объявляется вечным феноменом национальной жизни, хранителем национальной самобытности народов¹.

Особенностью духовной жизни трудящихся масс различных национальностей, живущих в Советской стране, является все большее наполнение ее идеями интернационализма. В сознании масс все большее место занимают общесоветские, социалистические, интернационалистские ценности, а религиозные предрассудки постепенно отмирают. Иными словами, на первом месте у народов СССР не то, что их разъединяет, а то, что их объединяет — те общенародные, трудовые, революционные и боевые традиции, черты характера, мировоззрение, которые характеризуют советский народ в целом, независимо от национальных и социальных различий.

В противовес этому, Э. Каррер д'Анкос утверждает, что «советский народ — это все еще конгломерат народов», что «советская политическая жизнь характеризуется прежде всего (?) национальным разнообразием и остротой национальных чувств»². Повторяя набившее оскомину утверждение о стремлении социализма «стереть национальные особенности», французский политолог саркастически замечает, что реальностью советской жизни тем не менее «остаются нации, которые вовсе не проявляют желания исчезнуть во имя советского народа»³. Искусственная дилемма — «советское или национальное» — потребовалась ей для того, чтобы до предела драматизировать национальную ситуацию в СССР, изобразить дело таким образом, будто национальные проблемы являются «самыми острыми и самыми неразрешимыми»⁴.

Несколько слов об использовании религии в интересах разжигания националистических предрассудков.

¹ Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance. Ed. by E. Allworth, N. Y., 1980, p. 122.

² Carrère d'Encausse H. Op. cit., p. 254, 271.

³ Ibid., p. 271.

⁴ Ibid., p. 279—280.

Взаимосвязь национального и религиозного, которая является предметом антикоммунистической спекуляции,— один из объективных факторов, который нельзя не учитывать как в атеистическом, так и в интернационалистском воспитании. В нынешний период, особенно в условиях развитого социализма, когда становится все более очевидным репрессивный характер предрассудков националистического и религиозного характера, религия, с одной стороны, модернизируется, с другой стороны, пытается опереться на традиции национальной самобытности, выдавая себя за хранителя этой самобытности. Как отмечает советский исследователь Э. И. Лисавцев, «социальный прогресс нашего общества обрекает на исчезновение как религию, так и национализм... ослабление и разрыв вековой связи этих пережитков — один из факторов их неизбежного угасания. Поэтому современные апологеты религии стремятся именно с религиозных позиций вероучения обосновать и укрепить их связь, дать национализму современное религиозное прикрытие, а религии — националистическое осмысление и содержание»¹. Неудивительно, что религиозные организации проповедуют тезис о том, что сохранение самобытной национальной культуры и традиций невозможно вне религии. Так, всеми силами поддерживается, например, представление о том, что ислам или католичество — неотъемлемый элемент жизни нации.

Рассуждая о том, как активизировать идейную борьбу с коммунизмом, католический философ А. Мацейна выражает несогласие с мнением буржуазных социологов, таких, как Х. Ортега и Гассет, А. Тойнби, Д. Фриде, утверждавших, будто марксизм, коммунизм являются для России только вывеской, камуфляжем, неспособными оставить глубоких следов в духовной жизни нации. Буржуазных эмигрантов, в частности литовского происхождения, от имени которых выступает А. Мацейна, должен, по его словам, тревожить тот факт, что в Советской Литве растет тип литовца, у которого сильно развито национальное самосознание, но который поддается влиянию коммунистической идеологии. Ведь это означает, что народ в Литве останется литовским, но коммунистическим². Такое положение Мацейна объясняет ослаблением позиций религии. Чтобы «сопротивляться коммунизму, необходимо христианское сознание, только христиан-

¹ Лисавцев Э. И. Религия в борьбе идей. М., 1975, с. 57.

² См.: Бальсис А. Становление научного мировоззрения личности. Вильнюс, 1974, с. 177—178.

ство сегодня является единственным мировоззрением, способным состязаться с коммунистической идеологией. Никакой другой гуманизм не в состоянии выйти победителем из этих состязаний, так как он не имеет ясных основ, не развит по своему строению. А у коммунизма все это имеется»¹, — заключает Мацейна.

Проповедь христианства сочетается в трудах клерикальных идеологов с раздуванием и мистификацией национального фактора. В данном случае на первое место выдвигается литовство как воплощение национального духа, национальных свойств литовцев, которое якобы возвышается над классами и над мировоззрениями.

Отсюда видно, сколь важно во всех звеньях идеологической работы в нашей стране бороться за правильное понимание социалистического патриотизма и интернационализма, за повышение авангардной роли коммунистов в деле интернационалистского воспитания. Надо сказать, что еще в 1945 году советский партийный и государственный деятель А. Ю. Снечук достойно ответил тем буржуазным идеологам, которые пытались противопоставить литовский народ русскому народу и другим народам Советского Союза:

«Когда мы говорим о необходимости укрепления дружбы советских народов, когда мы выражаем чувства любви к русскому народу, кое-кто пытается истолковать это как принижение достоинства своего литовского народа, как отречение от горячей любви к своему народу. Нет, наш интернационализм не отменяет наших национальных чувств. Наша любовь и преданность родному народу, наш труд во имя его благосостояния и славы помогает нам правильно оценить вклад других братских народов и особенно русского народа в благосостояние литовского народа»². То же понимание единства советского патриотизма и социалистического интернационализма характеризует другие народы СССР.

Еще шесть-семь десятилетий назад реакционные мусульманские деятели в Средней Азии проповедовали несовместимость европейской и мусульманской цивилизации. Они выступали за обособленность «мусульманских народов», их добровольную самоизоляцию от всего того, что нес с собой общественный прогресс.

Социалистическая революция создала условия для социального и культурного прогресса народов Средней

¹ Бальсис А. Становление научного мировоззрения личности, с. 179.

² Цит. по: Бальсис А. Становление научного мировоззрения личности, с. 190.

Азии, которого народы достигли не на пути национальной замкнутости, а на пути сближения наций и интенсивного обмена культурными ценностями. Это не привело к разрушению национальной самобытности, напротив, она получила еще более рельефное выражение, обогатилась новым содержанием. Но в условиях социализма расширились границы «национального», которое невозможно отождествлять с патриархальными традициями и обычаями. Как отмечал профессор Гарвардского университета США Ричард Н. Фрай, посетивший Советскую страну, «многочисленные национальности Советского Союза достигли полного и гармонического объединения в рамках Советского государства, сохранив свои богатые традиции и национальный язык»¹. Не желая примириться с крахом своих расчетов, связанных с «мусульманским перерождением» республик Советского Востока, идеологи антикоммунизма рассчитывают на религию как противовес прогрессивным процессам интернационализации общественной жизни. В трудах западных советологов пропагандируется мысль о необходимости укрепления ислама как главного препятствия коммунистическому обновлению Советского Востока. Так, английский политолог Дж. Уилер утверждает, что, несмотря на устранение былых административных, аграрных, юридических и учебных мусульманских учреждений, «широкая система социальных обычаев, правил поведения и запретов, особенно тех из них, которые относятся к семейной жизни, остается нетронутой... Многие из них доисламского происхождения, но ассоциируются с исламом, другие не имеют ничего общего с исламом, но все они сохраняются как что-то сугубо народное, которое следует ограждать от посягательств извне»². Ссылаясь на цепкость этих норм, их устойчивость, он пытается возродить пресловутую идею видного представителя буржуазно-националистических элементов Татарии 20-х годов Султан Галиева о мусульманском социализме³.

Слов нет, складывавшиеся веками верования и привычки среди тех или иных народов дают о себе знать и после устранения частнособственнических, эксплуататорских отношений, породивших застарелые нравы и воззрения. «Традиции всех мертвых поколений,—

¹ Цит. по: *Аширов Н.* Ислам и нации. М., 1975, с. 128.

² *Wheeler G.* National and Religious Conscionsness in Soviet Islam.— *Survey*, 1966, January, N 66, p. 69.

³ *Ibid.*, p. 76.

писал К. Маркс,— тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹.

Таковы, например, пережитки байско-феодалного отношения к женщине, среди которых следует назвать основанные на догмах шариата выдача замуж несовершеннолетних девушек и калым. Общественность республик Средней Азии борется против такого рода пережитков, и там, где эта борьба ведется повседневно, наступательно, эти явления уходят в прошлое².

Что касается идеологов антикоммунизма, то они стремятся во что бы то ни стало оживить былые предрассудки, закрепить их, потому что таким образом легче удерживать те или иные слои трудящихся от активного участия в общественной жизни, разжечь национализм.

Впрочем, попытка представить адат и шариат регулятором жизни мусульманской общины, неправомерная даже для тех стран, где мусульманская идеология продолжает господствовать над умами большинства населения, явно несостоятельна, поскольку речь идет о Советском Востоке. Нет нужды отрицать распространенность религиозных ритуалов и обрядов и по сей день среди определенных слоев населения республик Средней Азии и Казахстана. Но такой ли уж повсеместный характер носят эти обычаи, как это силятся доказать противники социализма? Проведенные в последние годы исследования религиозности населения в ряде районов Средней Азии опровергают эти утверждения. Так, исследования по четырем областям Узбекской ССР показали, что под влиянием религии находятся лишь 11,7% опрошенных рабочих, 29,4% тружеников села и 5,5% служащих. В Туркменской ССР: в сельской местности (Куня-Ургенчский район) — 31,2%; в г. Ташаузе среди взрослых туркмен — 11,3%. Среди сельского населения Каракалпакии опрос дал следующие результаты: в возрасте от 18 лет и выше доля убежденных верующих составляет 11,4%. Иными словами, большинство населения районов традиционного распространения ислама в нашей стране порвало с религией³.

Заслуживает внимания вывод советского исследователя Н. Аширова о том, что в настоящее время в среде верующих усиливаются тенденции к преодолению религиозных нравственных норм и ориентаций, что находит свое отражение в их отношении к иноверцам, атеистам,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 119.

² См.: Байрамсахатов Н. Новый быт и ислам. М., 1979, с. 43.

³ См.: Аширов Н. Ислам и нации, с. 39.

представителям других национальностей. На оценку ве-
рующими поведения окружающих, выбор друзей все
чаще влияет не отношение человека к религии и не на-
циональная принадлежность, а его отношение к обще-
народным, общечеловеческим ценностям¹.

Конечно, борьба с пережитками, утверждение новых
норм морали должны вестись с учетом традиций и обы-
чаев данной национальности. Здесь не может быть сле-
пого копирования.

Идеологи антикоммунизма пытаются внушить наро-
дам Средней Азии, Казахстана мысль о том, что процес-
сы строительства коммунизма ведут к ослаблению «му-
сульманского своеобразия» республик, к потере ими свое-
го лица. С другой стороны, идеологи антикоммунизма на-
стойчиво пропагандируют мысль, будто целью советской
национальной политики является стремление «русифи-
цировать всех нерусских, с тем чтобы русский язык, куль-
турные стандарты и нормы поведения были единствен-
ными приемлемыми нормами для всех народов Совет-
ского Союза»². Однако все эти идеологические мифы об-
речены на провал.

Народы Советского Востока уверенно идут по пути
строительства коммунизма, сознавая, что порукой их
успехов был и остается братский союз с русским наро-
дом, со всеми народами нашей многонациональной стра-
ны. В наш век, когда идет бурный процесс научно-техни-
ческой революции, когда получили широкое развитие
всевозможные связи между народами, национальное
перестает быть чем-то замкнутым, изолированным, пишет
Ш. Р. Рашидов в книге «Советский Узбекистан». Его
нельзя законсервировать, оградить от внешних влияний.
«Все национальное,— пишет он,— непрерывно развива-
ется, изменяется под воздействием братских связей и
совместной трудовой деятельности народов, обогащает-
ся интернациональным содержанием»³.

Характеризуя в связи с этим роль русского языка в
сближении наций, Ш. Р. Рашидов подчеркивает, что сама
жизнь многонационального государства требует единого,
общего для всех народов средства общения, без чего
не может быть полнокровного сотрудничества. И дело
здесь не в каких-то привилегиях, ограничениях или при-
нуждении в употреблении тех или иных языков, которых
нет и не может быть в социалистическом обществе, а в

¹ См.: Аширов Н. Ислам и нации, с. 42.

² Bennigsen A., Wimbush E. Op. cit., p. 103.

³ Рашидов Ш. Р. Советский Узбекистан, с. 118—119.

выполнении русским языком дополнительной функции — языка межнационального общения. «Знание русского языка помогает советским людям всех национальностей свободно, без переводчиков и словарей, разговаривать друг с другом, обмениваться знаниями и опытом, осваивать достижения отечественной и мировой науки, техники, культуры. А это сближает и роднит все советские нации, скрепляет их интернациональное братство»¹.

Всесоюзная перепись населения 1979 года отразила эту растущую потребность советских людей в усвоении русского языка. Согласно переписи, русский язык является родным для 153,5 миллиона советских людей (по переписи 1970 г. — для 141,8 миллиона). Из них — 137,2 миллиона русских и 16,3 миллиона других национальностей. Кроме того, при переписи 61,3 миллиона человек заявили, что они свободно владеют русским языком в качестве второго языка (в 1970 г. — 41,9 миллиона человек)². Всего, таким образом, 214,8 миллиона советских людей владеют русским языком. Это составляет примерно четыре пятых всего населения страны. Вместе с тем, как явствует из результатов переписи, в Советской стране сохраняют свое значение и языки других национальностей. При переписи заявило, что считает родным языком украинский язык 82,8% лиц украинской национальности (в 1970 г. — 85,7%); узбекский язык — 98,5% узбеков (в 1970 — 98,6%); белорусский язык — 74,2% белорусов (в 1970 — 80,6%); казахский язык — 97,5% казахов (в 1970 г. — 98%); азербайджанский язык — 97,9% азербайджанцев (в 1970 г. — 98,2%); армянский язык — 90,7% армян (в 1970 г. — 91,4%); грузинский язык — 98,3% грузин (в 1970 г. — 98,4%); молдавский язык — 93,2% молдаван (в 1970 г. — 95%); таджикский язык — 97,8% таджиков (в 1970 г. — 98,5%); литовский язык — 97,9% литовцев (в 1970 г. — 97,9%); туркменский язык — 98,7% туркмен (в 1970 г. — 98,9%); латышский язык — 95% латышей (в 1970 г. — 95,2%); эстонский язык — 95,3% эстонцев (в 1970 г. — 95,5%)³.

Таким образом, нет никаких оснований для утверждений об «угасании» родного языка и «русификации», с которыми выступает враждебная пропаганда. В Советской стране продолжает развиваться двуязычие: все народы имеют возможность беспрепятственно пользоваться родным языком во всех областях жизни, в то же время

¹ Рашидов Ш. Р. Советский Узбекистан, с. 135.

² См.: Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года, с. 27.

³ См. там же, с. 23—24.

граждане СССР проявляют растущую тягу к овладению языком Ленина, языком великого Октября, языком Пушкина и Толстого, Горького и Маяковского.

Важное значение имеет вопрос о борьбе со спекуляциями антикоммунистов на положении евреев в СССР. Стандартными обвинениями нашей страны в антисемитизме, получившими новый импульс в связи с кампанией о правах человека, переполнены реакционные издания Запада¹. Пытаясь подорвать растущий авторитет Советской страны как оплота борьбы против империализма и его идеологии, бастиона дружбы народов и пролетарского интернационализма, антикоммунисты в искаженном, явно тенденциозном свете представляют вопрос о положении советских евреев. Социализм успешно разрешил еврейский вопрос наряду с другими национальными проблемами. В заявлении Комиссариата по еврейским делам и Центрального бюро еврейских коммунистических секций Российской Коммунистической партии (1919 г.) говорилось: «Еврейские трудящиеся массы в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике имеют свою социалистическую родину, которую они защищают на фронтах вместе с рабочими и крестьянами России против империализма Антанты и всех его агентов. Еврейский вопрос в Советской России больше не существует. Еврейские рабочие и трудящиеся массы имеют все гражданские и национальные права. Еврейская культура не имеет больше никаких препятствий к развитию. Никаких других стран нам не нужно... Мы призываем еврейские трудящиеся массы всех стран вступить в ряды борющихся за новый, социалистический строй. Только с осуществлением коммунизма разрешится и исчезнет навсегда «еврейский» вопрос во всем мире»².

В 1918 году Советское правительство в специальном декрете, подписанном В. И. Лениным, обязывало «принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона»³.

В 1934 году была образована Еврейская автономная область, которая за заслуги в развитии народного хозяйства, в деле укрепления братской дружбы советских

¹ *Friedgut T. Jewish Nationalism and the Soviet System.— Problems of Communism, 1974, vol. XXIII, N 1, p. 85—88; Korey W. Anti-Zionism in the USSR.— Problems of Communism, 1978, vol. XXVII, N 6.*

² В. И. Ленин, КПСС о борьбе с национализмом. Документы и материалы. М., 1975, с. 189—190.

³ Декреты Советской власти. М., 1964, т. 3, с. 94.

народов награждена орденами Ленина и Дружбы народов. Советские граждане еврейского происхождения рука об руку с трудящимися других национальностей воздвигали здание социализма, а ныне активно трудятся на различных участках коммунистического строительства.

Буржуазные идеологи, указывая на факты выезда из СССР граждан еврейского происхождения, утверждают, будто у нас происходит рост национального самосознания евреев, который-де выражается в росте произраильских настроений.

Следует внимательно разобраться в этом вопросе. Идет ли речь о здоровом национальном самосознании или о его извращении в духе буржуазного национализма? В данном случае речь идет, бесспорно, о наличии буржуазно-националистического сознания среди некоторой части евреев. Потому что в глазах всех советских людей независимо от национальности главное, что составляет нашу гражданскую национальную гордость,— это наш социалистический строй, свободная Советская Отчизна, завоевания Октября. Каково отношение советских людей к проявлениям сионизма?

Резко отрицательное, осуждающее. Наша общественность решительно борется против любых националистических вывихов, будь то сионизм или антисемитизм. Активное участие в этой деятельности принимают сами трудящиеся еврейской национальности, решительно осуждающие империалистический агрессивный курс Израиля.

Идеологи сионизма пытаются подорвать социалистическое сознание евреев, живущих в СССР. Но этим расчетам не суждено сбыться. Подавляющее большинство евреев, живущих в Советском Союзе, беспредельно преданы своей Родине, идеалам коммунизма, вместе со всем нашим народом клеймят агрессивный курс Израиля против арабских народов, им и в голову не может прийти мысль о том, чтобы менять социалистическую Родину, за которую многие из них сражались с оружием в руках в годы войны. Множество обманутых буржуазной пропагандой людей, выехавших в Израиль, осознав свою ошибку, обращаются с заявлениями о возвращении в СССР. Шестидесятилетний опыт развития Советского Союза дает убедительное подтверждение того, что именно социализм обеспечивает последовательное решение национального вопроса. Он доказывает, что только с позиций пролетарского интернационализма можно по-настоящему отстаивать законные права наций, обеспечи-

вать полное равноправие трудящихся всех национальностей во всех областях жизни.

Вот лишь некоторые факты.

Евреев в СССР, по переписи 1979 года, было менее 1% населения страны. Однако среди всех научных работников евреи составляют 6,1%, среди работников искусства — 5,2, литературы и печати — 6,5, медицины — 3,4, среди юристов — 6,7 процента. В начале 70-х годов студентов еврейской национальности в вузах было в 2 раза больше, чем в Израиле. В 1974/75 учебном году в советских вузах было более 350 студентов-евреев на 10 тысяч человек еврейского населения, хотя в целом по стране на 10 тысяч человек населения приходилось 188 студентов¹.

В Москве на языке идиш издается массовым тиражом журнал «Советиш гаймланд» («Советская Родина»).

В Биробиджане работают Камерный еврейский музыкальный театр и филармония, еврейский народный театр, издается газета «Биробиджанер штерн», на языке идиш (и на русском) ведутся радио- и телепередачи.

«Сионистская пропаганда наводняет мир вымыслами о всяческих притеснениях евреев в Советском Союзе. Пример нашей области легко опровергает эту клевету,— пишет первый секретарь Еврейского обкома КПСС Л. Шапиро.— Наравне с другими автономными областями она имеет своих представителей в высших органах государственной власти — Верховных Советах СССР и РСФСР. Тридцать процентов депутатов местных Советов народных депутатов является гражданами еврейской национальности. В области единой дружной семьей живут и трудятся представители многих национальностей»².

Нет сомнения, что попытка раздуть национальный вопрос в нашей стране, идет ли речь о народах Средней Азии или Казахстана, Украины или Прибалтики, трудящихся еврейской или какой-либо другой национальности, отражает давнее стремление буржуазной пропаганды любой ценой подорвать прочность интернационалистских уз и нерушимое единство народов СССР.

Хотят или не хотят иные социологи, но социалистическая практика обязывает мыслить новыми категориями, которых не знает буржуазная наука.

Это касается, например, соотношения национального и интернационального. Эти категории отнюдь не мыс-

¹ См.: США — экономика, политика, идеология, 1978, № 7, с. 7—16.

² Коммунист, 1979, № 10, с. 39.

лятся марксистами-ленинцами как антиподы, при социализме они тесно сочетаются, составляя неотъемлемое звено процесса интернационализации общественной жизни. Скажем, росту социалистической национальной гордости и укреплению национального достоинства советских людей ничуть не противоречит рождение и укрепление у них великого чувства общности народов СССР, становление и укрепление интернационалистского сознания. Выдвинутая буржуазными социологами дилемма «национальное или интернациональное» здесь не подходит, как не годится попытка подогнать национальные процессы под националистические.

Коммунистическая сознательность в плоскости национальных отношений означает укрепление общенародного, общесоветского сознания, которое ни в коей мере не противоречит национальным чувствам. Что касается национальных различий, то они будут существовать долго и после победы коммунизма.

Суть дела в том, что существование наций и национальных различий связано с объективными общественно-историческими факторами, которые сохраняют свою роль в течение длительного периода развития коммунистической формации. Совершенно очевидно, что национальное самосознание — вторичное явление, обусловленное существованием таких факторов, как общность территории, экономической жизни, языка и исторических культурных традиций. В условиях интернационализации общественной жизни, ускоряющейся при социализме, отмирают не национальные факторы как таковые, а отжившие национальные традиции, нравы и предрассудки. Сам же процесс интернационализации происходит не иначе как на основе взаимодействия национальных факторов.

Социалистическое, коммунистическое сознание наполняет новым содержанием национальные чувства. Но противопоставлять советское национальному, а национальное социалистическому — значит ничего не понять в жизни многонационального советского народа. Укрепление социальной однородности всего общества, интернациональное единение трудящихся нашей страны ведет к росту сплоченности всех наций и народностей, но вовсе не к денационализации.

Социалистический образ жизни отнюдь не унифицирует все стороны и сферы жизнедеятельности народов, а политика выравнивания уровней экономического развития не означает, что развитие каждой республики уже

характеризуется одними и теми же показателями. Наряду с общими принципиальными чертами нашего образа жизни каждая нация сохраняет особенности в различных сферах, язык, традиции. Советский строй бережно относится к подлинно национальным ценностям, уважает национальные чувства народов, защищает свободу совести. Что касается различий в национальном составе населения, демографических процессах, то они не нарушают сложившегося в стране единства в многообразии.

Советский строй не допускает противопоставления людей по национальному и религиозному признаку. В свою очередь, в условиях социализма и национальные особенности не должны противопоставляться интернациональному строю нашей жизни. Все нации — большие и малые — продолжают успешно развиваться как неотъемлемые части единого целого. От этого выпрыгивают и весь советский народ, и каждая нация в отдельности. Все национальности у нас равноправны, никаких национальных привилегий Конституция СССР не признает. Проповедь национальной розни карается законом.

Никакие антикоммунистические вылазки, идеологические диверсии не могут поколебать единство советского народа — могучей социальной и интернациональной общности.

По этому поводу примечательное заявление делает англичанин А. Коббэн: «...народы СССР достигли единства, и их национальные устремления не порождают движения к отделению по двум причинам. Поскольку коммунистическому строю удалось осуществить идеалы прогресса всего Союза, это стало духовными узами, объединяющими все его народы. Это новая форма патриотизма и далеко не худшая, поскольку она ориентирует на внутренний прогресс, а не на внешние завоевания. Вместе с тем Советский Союз быстро становится — и, вероятно, уже стал — экономическим организмом, из которого нельзя изъять ни одну часть, не причинив серьезного ущерба как части, так и целому, и огромной взаимозащищающей структурой, составные части которой необходимы одна другой со стратегической точки зрения. Экономическая и оборонная взаимозависимость сверху, местное самоуправление, культурная автономия и национальное равенство снизу — вот та идеальная схема, которая при всех возможных недостатках ее реализации в СССР в настоящее время, несомненно, достигает своей цели»¹.

¹ Cobban A. Op. cit., p. 218.

В условиях социализма складывается новый тип национальных и международных отношений, основанных на равноправии, уважении национальных прав каждого народа, братской дружбе и доверии, взаимной поддержке народов. Этот тип национальных отношений противостоит капиталистической эксплуатации сильными нациями слабых, подавлению прав и свобод народов, национальной и расовой дискриминации. Новые отношения складываются не сами собой, а благодаря неустанной работе партийных и общественных организаций, борьбе со старыми традициями и нравами, мешающими коммунистическому строительству.

При социализме исчезают социально-классовые причины, порождающие национализм. Но в силу идейного воздействия на нас мира капитала, вследствие недостаточной работы по интернационалистскому воспитанию трудящихся, наконец, в силу особой живучести пережитков в области национальных отношений мы подчас еще сталкиваемся с проявлениями чуждой нам идеологии. Нельзя не замечать, в частности, возможности раздувания, гипертрофии национальных чувств, которая в условиях социализма может иметь, казалось бы, неожиданный источник — самообольщение успехами, достигнутыми той или иной республикой в хозяйственном, культурном строительстве, и проявляться в односторонней акцентировке вклада данной нации в достижение этих успехов, умалении или забвении помощи трудящихся других наций, а также братской взаимопомощи народов.

Бесспорно, что укрепление национального достоинства всех наций — больших и малых — это важный результат социалистических преобразований. И поскольку оно происходит на базе развития и укрепления интернационалистского сознания, в условиях постоянной заботы государственных органов, партийных и общественных организаций об интернациональном и патриотическом воспитании, то речь идет несомненно о позитивных процессах в идеологической жизни. Но допустим, что где-то делается односторонний упор на национальном факторе и упускается из виду интернациональный. Можно не сомневаться, что в сознании людей, не отличающихся твердыми убеждениями, начнется постепенная деформация национальных чувств, превращение их в национальную кичливость, самолюбование или эгоизм.

Следует подчеркнуть, что на это как раз и рассчитывают идеологи антикоммунизма, стремящиеся разжечь

националистические предрассудки, подорвать дружбу и братство народов СССР.

Буржуазная пропаганда, ссылаясь на то, что партия уделяет неослабное внимание последовательному проведению ленинских принципов национальной политики, интернационалистскому воспитанию, умышленно изображает дело так, будто это подтверждает ее тезис о «нерешенности» национального вопроса. «Если бы в СССР не было в настоящее время национальных проблем, то, конечно, ни «мы», ни «они» не писали бы так много статей, глав и монографий по этим вопросам»¹, — утверждают авторы изданной в Нью-Йорке книги «Советские национальные проблемы». С аналогичным тезисом выступает Б. Мейсснер в статье «XXVI съезд партии и советская внутренняя политика»².

Но советологи упускают при этом важную «деталь». Проблемы национальных отношений, которые решает социалистическое государство, не имеют ничего общего с проблемами, присущими миру капитала. Для нас дружба и братство народов не застывшие категории, а живые развивающиеся формы самых справедливых и гуманных общественных и личных отношений между представителями различных национальностей.

Советский строй бережно относится к подлинным национальным ценностям любого народа — большого и малого. Вместе с тем в нашей жизни все большее значение приобретают интернациональные ценности, каждый гражданин СССР все сильнее осознает свою принадлежность к советскому народу как новой общности. Реальный опыт социализма, блестящий пример интернационализма, который демонстрируют каждый день советский народ, другие народы стран социалистического содружества, дает нам все основания быть уверенными в том, что не национализму, как предрекают буржуазные идеологи, а именно интернациональному, социалистическому братству народов принадлежит будущее.

Выдающийся мексиканский художник Д. А. Сикейрос писал: «СССР — это звезда первой величины, освещающая путь для других народов мира, путь, который приведет их к единству... Социалистическая программа по национальному вопросу, разработанная В. И. Лениным и партией большевиков, явилась тем зерном, из которого выросло новое сообщество — советский народ... Любое

¹ Soviet Nationality Problems, p. 16.

² Problems of Communism, 1981, vol. XXX, N 3, p. 20.

государство, которое будет игнорировать идеи Ленина по национальному вопросу, а также практический опыт СССР, не сможет решить успешно проблемы взаимоотношения наций»¹.

Глава 10

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИИ

Ленинские принципы национальной политики, воплощенные в СССР, получили дальнейшее развитие в конкретно-исторических условиях других стран социалистического содружества. Взаимоотношения наций и народностей в братских странах основаны на политическом равноправии, экономической взаимопомощи, взаимообогащении национальных культур. В ряде социалистических стран, где имеются национальные меньшинства, конституции обеспечивают их права и свободы. Социалистические страны Европы могут быть подразделены по национальному составу на следующие группы:

1) однопациональные страны с незначительным (5% и меньше) инонациональным населением; к этой группе стран относятся ГДР, где вторая национальность — лужичане (лужицкие сербы, или сорбы, составляют 0,5% населения страны); Польша (вторая национальность — украинцы 0,5%); Венгрия (вторая национальность — немцы 1—1,5%);

2) однопациональные страны, имеющие довольно значительные группы национальных меньшинств (11—14% населения) и более сложный национальный состав; к ним относятся Болгария, в которой помимо болгар (89% населения) живут турки (8%), цыгане и другие народы, и Румыния, где имеется довольно значительная доля венгров (9%) и немцев (2%), а также живут евреи, украинцы, сербы, цыгане и ряд других национальностей;

3) двунациональные страны — Чехословакия, где чехи (65% населения) и словаки (29%) исторически связаны с определенной территорией;

¹ Правда, 1973, 1 января.

4) многонациональные страны — Югославия, которая из стран зарубежной Европы имеет наиболее сложный национальный состав¹.

Распад «лоскутной» Австро-Венгерской монархии и образование новых независимых государств после первой мировой войны не устранили ни межгосударственных, ни внутригосударственных противоречий в Центральной и Юго-Восточной Европе. Дело в том, что авторы Версальской системы меньше всего помышляли о справедливых границах и равноправии народов, преследуя прежде всего корыстные империалистические и антисоветские цели. А это породило новые национальные антагонизмы. И только разгром германского фашизма открыл дорогу подлинно национальному возрождению народов; были устранены все формы национального угнетения, отменены разного рода национальные ограничения и привилегии.

Так, равноправие всех граждан независимо от национальности и вероисповедания установлено конституцией Венгерской Народной Республики. ВСРП проводит большую работу по преодолению наследия хортизма в сознании населения — остатков шовинизма и национализма.

Всем национальностям, проживающим на территории Венгрии, обеспечено право пользования родным языком, обучение на родном языке, беспрепятственное развитие национальных культурных ценностей, активное участие в общественной жизни.

Социалистическая конституция ГДР (1968 г.) гарантирует национальное равноправие и считает преступлением проявление религиозной, расовой и национальной ненависти. Как уже отмечалось, в Германской Демократической Республике живут сорбы, сохраняющие свою специфику. Им обеспечены права и возможности культурного развития. Сорбы активно участвуют в общественной жизни страны.

Различного характера национальные проблемы стояли или стоят на повестке дня деятельности коммунистических и рабочих партий Болгарии и Чехословакии, Румынии и Югославии.

Не останавливаясь на путях решения национального вопроса в каждой из стран социализма, рассмотрим эту проблему на примере такой многонациональной страны, как Чехословакия.

¹ См.: Пивоваров Ю. Л. Население социалистических стран зарубежной Европы. М., 1970, с. 23.

Решение национального вопроса в Чехословакии — важное звено внутривнутриполитического и социально-экономического развития. Кроме чехов и словаков в стране живут венгры, поляки, украинцы, немцы (главным образом в Словакии). Конституция ЧСР 1948 года, юридически оформившая переход страны к строительству социализма, определила ЧСР как единое государство двух равноправных славянских народов — чехов и словаков. Особые усилия направлялись на преодоление экономической и культурной отсталости Словакии и гарантию ее самобытности. Вместе с тем государственно-правовое положение Словакии с самого начала было предметом острой борьбы. Имели место сильные сепаратистские настроения, что потребовало усиления контроля со стороны центральной власти.

Чешские буржуазные идеологи в условиях режима Масарика — Бенеша отрицали самобытный характер словацкой нации, проповедовали «чехословакизм», т. е. «единую» чехословацкую нацию, что оправдывало на практике эксплуатацию Словакии как более отсталой области. В свою очередь, словацкая буржуазия, предававшая интересы нации и в годы второй мировой войны вступившая в сговор с фашизмом, разжигала античешский шовинизм.

Только коммунистическая партия сумела найти решение национальной проблемы на пути социально-экономического прогресса страны.

Социалистический строй позволил в короткий срок добиться заметных успехов в индустриализации Словакии, хотя различия в условиях социально-экономического развития чехов и словаков к концу 60-х годов оставались еще значительными. В сложных условиях борьбы с буржуазно-националистическими силами были допущены ошибки в национальной политике, что повлияло на отношения между обоими народами. Так, требования государственно-правового устройства на основе социалистического равноправия чешского и словацкого народов изображались как буржуазно-националистические тенденции недоверия к чехам. В свою очередь, налицо был и словацкий национализм, имевший глубокие исторические корни, его преодоление также предполагало последовательную и вдумчивую политику в отношениях между двумя народами. Густав Гусак, касаясь допущенных ошибок, отметил, что национальный вопрос рассматривался «упрощенно, преимущественно как экономическая проблема, и в этой важной и чувствительной области

были допущены многие нарушения и нигилистический подход»¹. Это выразилось, в частности, в том, что автономные права словацких национальных органов оставались довольно ограниченными². Неурегулированность национального вопроса дала о себе знать в драматический период 1968—1969 годов и явилась одной из причин кризиса.

В выпущенной издательством ЦК Компартии Словакии книге «Идеологическая борьба и национализм» (1977 г.) показывается, что империалистические силы и внутренняя реакция, используя те или иные ошибки в области национальной политики, всеми мерами разжигали и подогревали национализм с целью подорвать социалистические завоевания в стране. В то же время словацкие авторы подчеркивают пагубность недооценки национальных аспектов социалистического строительства и односторонней ориентации в борьбе против буржуазного национализма. Эта недооценка происходила из неверного представления о социализме как кратковременном периоде и стремления перескочить через необходимые этапы в социалистическом развитии. На этой почве высказывались суждения об отмирании классов и классовых отношений и «окончательном» решении национальных проблем. Сами эти проблемы рассматривались, как правило, вне их классового, экономического и социального содержания. Игнорировались огромные достижения словацкого народа, достигнутые на пути строительства социализма. Вместе с тем и в борьбе против национализма допускались перекосы. Так, она была ориентирована только на Словакию или на представителей национальных меньшинств.

В сложной обстановке политического кризиса в стране было принято единственно верное решение о создании Чехословацкой федерации. ЧССР была определена как федеративное государство двух равноправных братских народов — чехов и словаков.

Наряду с уже существовавшим Словацким национальным советом был создан Чешский национальный совет, что позволило устранить былую «асимметрию». Федерализация положила начало новой структуре государственной власти: Федеральное собрание с двумя палатами, Федеральное правительство, Чешский и Словацкий национальные советы, чешское и словацкое правительст-

¹ Известия, 1970, 8 мая.

² См.: Национальные отношения и государство в современный период. М., 1972, с. 224.

во. Кстати, в условиях кризиса 1968 года было два подхода к федерализации: один — продиктованный стремлением решить на марксистско-ленинской основе проблему взаимоотношения двух братских народов и не допустить ослабления чехословацкого государства и другой — преследовавший цель реставрации капиталистических отношений и видевший в федерации удобную форму для действий антисоциалистических сил. Эти силы всячески выпячивали национальные особенности, толковали о национальном вопросе в отрыве от его социально-экономического содержания. Благодаря усилиям КПЧ восторжествовал первый подход. Федерализация закрепила государственно-правовые условия дальнейшего развития словацкого народа, курс КПЧ на выравнивание уровней экономического развития¹.

Основу ЧССР составляет добровольный союз равноправных национальных суверенных государств, базирующийся на праве каждого народа на самоопределение. Была подтверждена принципиальная одинаковость политической системы обеих республик. Экономика ЧССР определена как интеграция двух национальных экономик, развивающаяся на основе социалистической хозяйственной системы.

Конституция закрепляет принцип планового развития экономики в условиях единого социалистического рынка, основанного на единой валюте, на свободном движении рабочей силы и денежных фондов, на единой системе управления и единых принципах хозяйственной политики. Установлено, что гражданин республики одновременно является гражданином ЧССР. Создание Чехословацкой федерации увенчало усилия партии, направленные на государственно-правовое упорядочение отношений между чешским и словацким народами на принципах национального равноправия. Чехословацкая федерация оправдала себя, она является прочной классовой и интернациональной базой сотрудничества народов.

Своеобразно сложились условия национального развития на Кубе. Процесс образования единой кубинской нации происходил в ходе длительной освободительной борьбы, объединявшей креолов, негров, метисов, мулатов. С победой революции он в основном завершился. Характерно, что эта нация, весьма пестрая по своей расовой структуре, не знает расовых проблем, столь типичных для Соединенных Штатов Америки. Равноправие всех

¹ См.: Серцова А. П. Социализм и развитие наций. Об опыте СССР и ЧССР. М., 1973, с. 240—243.

граждан утвердилось на Кубе как важное завоевание социализма.

Сложную картину с точки зрения национального состава представляет Вьетнам.

Социалистическая республика Вьетнам, где проживает около 50 миллионов человек,— многонациональное государство с весьма сложным этническим составом. На сравнительно небольшой территории живет несколько десятков народов. В период французского колониального господства условия жизни национальных меньшинств были крайне тяжелыми. Многие этнические группы были обречены на вымирание. Коммунисты подняли большие и малые народы к совместным действиям с целью национального освобождения и социалистического преобразования общества. Коммунистическая партия поставила целью своей национальной политики «осуществить союз национальностей на основе равенства и взаимопомощи в целях завоевания независимости, свободы, счастья»¹.

Социалистический Вьетнам — единое многонациональное государство, где все проживающие национальности равны в правах и обязанностях. Государство защищает и укрепляет сплоченность между национальностями, строго запрещаются дискриминация и угнетение национальных меньшинств, равно как и действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Все национальности имеют право сохранить или изменить свои обычаи, пользоваться своим языком и письменностью, развивать свою национальную культуру².

Опыт развития мирового социализма свидетельствует о том, что отступление от ленинских принципов национальной политики наносит огромный ущерб делу социализма, интересам национального развития и укрепления сплоченности народов. Таковы последствия политики великоханьского шовинизма, проводившейся в КНР в период «культурной революции». Как известно, в КНР помимо китайцев (ханьцев) проживает более пятидесяти разных народов — чжуаны, уйгуры, тибетцы, монголы и др., общей численностью около 50 миллионов человек, заселяющих районы, составляющие примерно 60% территории страны.

Во многих областях страны до 1949 года неханьское население составляло абсолютное большинство. Эти на-

¹ Страны и народы. Зарубежная Азия, Юго-Восточная Азия. М., 1979, с. 43.

² См.: Национальные отношения и государство в современный период, с. 173.

роды по своему историческому прошлому, материальной культуре и этническим особенностям заметно отличаются от ханьцев. В первые годы существования КНР усилиями китайских коммунистов-интернационалистов была начата большая работа по ликвидации национального гнета, экономическому и культурному развитию неханьских народов. Этому способствовала общая линия на социалистическое развитие, которой в целом придерживалась в то время КПК, широкое сотрудничество с СССР. Были созданы органы самоуправления неханьских народов, развернулась подготовка национальных кадров. Представители неханьских народов привлекались к решению общегосударственных вопросов, избирались депутатами Всекитайского собрания народных представителей, входили в состав руководящих органов власти КНР¹. В политическом отчете ЦК КПК VIII съезду отмечалось: «Совершенно ясно, что было бы ошибкой считать, что нашу страну можно превратить в великую социалистическую державу лишь усилиями ханьской нации, без активного участия национальных меньшинств в общих усилиях»². Решения съезда были направлены на преодоление фактического неравенства неханьских народов, на их экономическое и культурное развитие.

Это были бесспорные марксистско-ленинские положения. Однако позднее, особенно в период «культурной революции», маоисты стали проводить в жизнь идеи, противоречащие марксизму-ленинизму. В ходе «чистки» среди национальных кадров последних необоснованно обвиняли в измене родине, партии, «правом уклонизме» и «буржуазном национализме». Местная национальная автономия была фактически ликвидирована. Началось массовое переселение ханьцев в национальные районы. Создаются новые органы власти — так называемые «ревкомы», органы военно-бюрократической диктатуры маоистов в национальных районах, руководство которыми осуществляют военные ханьской национальности, удар обрушивается и на национальную культуру, полностью прекращается работа по созданию письменности для народов Китая, резко сокращается число изданий на национальных языках³.

¹ См.: Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. М., 1975, с. 3, 11—12.

² Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М., 1956, с. 55.

³ См.: Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР, с. 18.

Отказавшись от принципов ленинской национальной политики и встав на позиции великодержавного шовинизма, сторонники маоизма развернули атаку и на право наций на самоопределение. «Если бы мы признали право наций на самоопределение,— писал один из маоистских теоретиков,— то мы отделились бы от народных масс различных национальностей, оказались бы изменниками их воли и интересов и тем самым нанесли бы ущерб делу сплочения национальностей...»¹ Таким образом, вопреки ленинизму предоставление права на самоопределение рассматривалось здесь как путь к разъединению, а не сплочению трудящихся масс различных национальностей на подлинно равноправной основе.

Ревизии подверглись и другие стороны марксистско-ленинского учения о нациях и национальных отношениях. Так, положение о расцвете и сближении наций, подтвержденное на опыте СССР и других стран социализма, было подменено суждениями насчет «коммунистической» ассимиляции, слияния наций уже при социализме. «Китайцы составляют 94% всего населения Китая,— писал журнал «Синьцзян хунци» в 1960 году,— и с точки зрения политического, экономического и культурного развития они являются более передовыми. Поэтому слияние национальностей должно осуществляться на основе одной национальности. Говоря о Китае, таким образом должны быть китайцы»².

Маоистские теоретики игнорировали известные ленинские положения о том, что, прежде чем осуществится стирание национальных различий, человечеству суждено пройти длительный период национального развития и что слияние наций в собственном смысле слова — это дело коммунистического будущего. Они выступили против марксистско-ленинского требования недопустимости принудительной ассимиляции народов. «Особенности китайской нации,— писал журнал «Синьцзян хунци»,— превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств». «Это слияние,— заявляла газета «Синьцзян жибао»,— является марксистской и коммунистической ассимиляцией, неизбежной тенденцией развития общества. Кто выступает против такой ассимиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма»³.

¹ Цит. по: *Рахимов Т.* Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэдуна. М., 1968, с. 69.

² Там же, с. 85—86.

³ Там же, с. 86.

С тем же авантюристическим рвением, с каким маоисты намеревались осуществить «большой скачок» в области экономики, они рассчитывали совершить «большой скачок» в области национальных отношений. Неудивительно, что курс на насильственную ассимиляцию неких тайских народов, гонения и репрессии, обрушившиеся на эти народы, массовые переселения китайцев — все это вызвало волнения и даже восстания в таких районах, как Тибет, Синьцзян.

Провал «большого скачка» и «культурной революции» означал и банкротство шовинистического курса в национальной политике. В последние годы во внутренней политике КНР происходят изменения. Делаются попытки отказаться от крайностей и в области национальной политики. Однако маоистские установки продолжают довлеть и в этой сфере жизни китайского народа.

Спекулируя на трудностях, с которыми связано разрешение национального вопроса в тех или иных социалистических странах, идеологи антикоммунизма доказывают «принципиальную» невозможность такого решения. «Коммунизм, — писал английский советолог В. Коларз, — вообще не в состоянии разрешить национальный вопрос. Судьба Восточной Европы ясно показывает, что коммунизм и идеи национального самоопределения и независимости не только не идентичны, но и находятся в постоянном конфликте»¹.

Между тем опыт развития мирового социализма свидетельствует как раз об обратном: подлинно социалистический метод решения национального вопроса предполагает беспрепятственное и всестороннее развитие наций. И наоборот, отступление от марксистско-ленинского курса влечет за собой национальные коллизии.

Марксистско-ленинская программа по национальному вопросу и борьба за ее осуществление всегда имели четкую ориентацию — полное национальное освобождение как часть социального освобождения, свободное развитие всех наций во имя интернационального братства трудящихся.

Как показал опыт народов нашей страны, опыт других стран социализма, освобождение от национального гнета предполагает осуществление коренных социальных преобразований, затрагивающих государственное устройство, экономические и все общественные отношения, психологию народных масс, культуру, обычаи, традиции,

¹ Kolarz W. Communism and Colonialism. L., 1964, p. 134.

быт, нравы и религиозные воззрения и т. д. Это широкая проблема, охватывающая как базисные, так и надстроечные явления и требующая целого исторического этапа для своего решения. Марксисты-ленинцы, решая национальный вопрос с интернационалистских позиций, учитывают относительную самостоятельность национального фактора, способного играть противоречивую роль в сложных условиях классовой борьбы.

Как отмечается в зарубежной марксистской печати, в трудах отдельных ученых недооценивалась сложность национального вопроса. Характерно, например, что известный тезис «Манифеста Коммунистической партии» о том, что вместе с ликвидацией классовых антагонизмов исчезает и антагонизм между нациями, понимался упрощенно, не как длительный, а чуть ли не как мгновенный, автоматический процесс. Огромные успехи в преобразовании национальных отношений в Советском Союзе толковались в таком духе, будто национальный вопрос автоматически, самотеком разрешается в ходе социалистической революции. Неудивительно, что для тех, кто забывал об объективной сложности национального вопроса, было неожиданным его выдвижение на столь видное место в общественной жизни, в идеологической борьбе двух миров — социализма и капитализма. Столкнувшись с реальными трудностями в этой области, которые в свое время успешно разрешила своей напряженной и целеустремленной деятельностью КПСС, они из одной крайности впали в другую, утратив понимание действительного места этого вопроса в мировом общественном развитии.

Как успехи в осуществлении проверенных жизнью ленинских принципов национальной политики, так и любое отступление от них имеют первостепенное значение для судеб социалистического строительства. Ленин, говоря о выработке правильной национальной политики Коммунистической партии, подчеркивал, что тут надо быть архистрогим. Тут нельзя шутить, тут надо быть 1000 раз осторожным¹. Выработка и последовательное осуществление правильного курса в национальной политике исключительно важны, ибо выправить любую ошибку в этой области нелегко, каждый промах здесь влечет за собой серьезнейшие издержки, и, в частности, потому, что любая крупная акция в сфере национальных отношений получает огромное интернациональное звучание.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 190.

С уничтожением капитализма и эксплуататорских классов создается широкая основа для сочетания национального и интернационального как внутри страны, так и в масштабе содружества стран социализма. Национальные интересы любой страны, поскольку они выражают коренные стремления трудящихся масс, в принципе не должны противопоставляться интересам другой страны. Однако принципиальное единство интересов не означает, во-первых, их полного совпадения в каждый данный момент, во-вторых, автоматического установления этого единства. Диалектику национального и интернационального в условиях социализма следует понимать как сложный процесс взаимодействия объективных и субъективных факторов, в ходе которого определяющей силой является объективная тенденция к интернационализации общественной жизни. В теоретической марксистско-ленинской мысли в последние годы это положение акцентируется в документах КПСС, братских партий, совещаний коммунистических и рабочих партий. Это означает не просто преодоление упрощенных представлений об автоматическом совпадении национального и интернационального, но и определенный поворот в сторону изучения диалектики международных отношений при социализме и стремление строить политику в соответствии с реальным ходом развития этих отношений.

Становление новых отношений между народами различных социалистических государств — это сложный процесс, не регулируемый единым планирующим органом, централизованным управлением. Кроме того, национальные отношения устанавливаются на базе отношений между государствами, прошедшими различный исторический путь.

Важно подчеркнуть, что именно на базе социализма скорее всего и окончательно преодолевается былая враждебность наций. Но если национальный вопрос в тех или иных странах социализма сохраняет остроту, то это объясняется наличием в них элементов старых, антагонистических классов, недостаточной зрелостью социалистических производственных отношений, отступлениями от строго марксистско-ленинского курса в политике, забвением задачи повседневного интернационалистского воспитания трудящихся.

Как известно, могучие объективные тенденции неуклонно ведут социалистические страны к сближению, развитию международного разделения труда и постепенному упрочению мирового социалистического хозяйства. Про-

цессы интеграции ускоряются разворачивающейся научно-технической революцией. Курс на постепенную, отвечающую коренным интересам социалистических стран экономическую интеграцию означает их решимость полностью использовать преимущества социалистической организации общественной жизни в международном масштабе. Это отвечает глубокому прогнозу Ленина о том, что социализм «творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс *всякой* национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок»¹.

Развитие социалистического типа интернационализации предполагает формирование системы мирового социалистического хозяйства. Это — взаимосвязанная система однотипных национальных хозяйств, объединенных общностью социально-экономического строя, объективно необходимыми хозяйственными связями, которые базируются на углубляющейся интернационализации производства.

Линия на развитие братского сотрудничества закреплена ныне в конституциях социалистических государств. Так, в Конституции СССР говорится: Советский Союз «как составная часть мировой системы социализма, социалистического содружества развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма на основе принципа социалистического интернационализма, активно участвует в экономической интеграции и в международном социалистическом разделении труда»².

В прочном экономическом сотрудничестве заложены и основные предпосылки для дальнейшего укрепления самостоятельности, для усиления экономического и политического потенциала каждой из социалистических стран. Отсюда важность единства стран социализма — краеугольного камня их политики.

Развитие и углубление разносторонних связей между национальными экономиками ведет к постепенной экономической интеграции. «Социалистическая экономическая интеграция — это обусловленный определенной степенью интернационализации производства сознательно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 40.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 14—15.

осуществляемый процесс все возрастающего переплетения, взаимодействия и постепенного, рассчитанного на длительную перспективу объединения национальных хозяйств отдельных социалистических стран. Будучи объективным следствием более высокой стадии интернационализации производства в рамках мирового социалистического хозяйства, международная экономическая интеграция стран социализма означает качественно новую ступень в социалистическом обобществлении труда и производства, качественно новую ступень в развитии экономического сотрудничества и сближения национальных хозяйств»¹.

Социалистическая интеграция принципиально отличается от интеграции капиталистических государств. Поскольку при капитализме неизбежно подчинение одних государств другим, развитие интеграции ведет к нарастанию между ними противоречий, которых не может скрыть достигнутый относительно высокий уровень интеграции ряда западноевропейских стран («Общий рынок» и др.). Мировому социализму чужда практика бесцеремонного вторжения в экономику менее развитых стран и подчинение их интересам крупных государств. Страны социалистического содружества, проводя курс на экономическую интеграцию, осуществляют ее на началах строгого равноправия, суверенности партнеров. Принципиальная особенность интеграционных процессов при социализме состоит в том, что речь идет в нынешних условиях о взаимоотношениях национальных экономических комплексов самостоятельных государств, проявляющих растущую заинтересованность в международном производственном кооперировании.

Практика показывает, что недостаточный технический уровень, более высокая себестоимость ориентируют производство промышленной продукции той или иной страны главным образом на внутренний рынок, так как на мировом рынке в этом случае ее продукция реализовывалась бы с убытком. По мере развития машиностроения и обрабатывающей промышленности, роста производительности труда и качества продукции растет база для взаимного сотрудничества. Преимущества социалистического сотрудничества дают возможность странам, вступающим в производственную кооперацию, развивать с выгодой для себя крупносерийное производство в тех

¹ Социалистический интернационализм. Теория и практика международных отношений нового типа. М., 1979, с. 270.

отраслях, в которых жизненно заинтересована каждая из стран. Ныне, отмечал Т. Живков, «международная социалистическая интеграция — это не только желание согласованности, но и объективная необходимость, непосредственно связанная с развитием самих производительных сил»¹.

Линия социалистических государств на максимальное развитие национальных ресурсов при условии отсутствия стремлений к односторонней выгоде — хорошая предпосылка роста взаимовыгодного сотрудничества. Общность коренных интересов стран социалистического содружества, выравнивание уровней экономического развития неуклонно расширяют базу для специализации и кооперирования производства, сближают страны социализма, помогают им добиваться крупных успехов в развитии экономики и прежде всего в росте промышленного производства.

Следует иметь в виду, что социалистические страны унаследовали от капитализма глубокую дифференциацию уровней экономического развития, что в ряде случаев может служить источником неантагонистических противоречий между странами социализма с различными уровнями экономического развития. Если бы такое положение оставалось неизменным или даже закреплялось — что имеет место при капитализме, — то, очевидно, не было бы прочной основы для дальнейшего укрепления сплоченности социалистического содружества. Но сближение и выравнивание выступают объективной закономерностью развития мирового социализма, что означает ускоренный рост производства в странах, наиболее отстававших по сравнению с промышленно более развитыми странами.

В середине 70-х годов самые большие различия в уровнях национального дохода на душу населения в европейских странах — членах СЭВ составляли 1,4:1, а в 1950 г. такое соотношение составляло 3:1. Насколько эффективной оказалась политика выравнивания, можно судить и по тому, что соотношение между самым высоким и самым низким индустриальным уровнем европейских стран — членов СЭВ в середине 70-х годов составляло уже около 1,5:1² по сравнению с резким расхождением раньше.

¹ X съезд Болгарской коммунистической партии. София, 20—25 апреля 1971 г. М., 1972, с. 49.

² См.: Социалистический интернационализм. Теория и практика международных отношений нового типа, с. 288.

На современном этапе развития мировой социалистической системы еще сохраняются большие различия между уровнями развития производительных сил и производственных отношений в отдельных странах. Каждая из социалистических стран занимает особое место в международном разделении труда. Социализм строится в странах, отличающихся исключительным разнообразием исторических и культурных традиций. Все это помогает понять, почему при единстве главных, долговременных интересов стран социализма в национальных потребностях тех или иных стран в тот или иной момент могут быть различия.

Идеологи антикоммунизма, развертывая широкую пропагандистскую кампанию против социалистического содружества, пытаются спекулировать на трудностях, сопутствующих становлению межгосударственных отношений нового типа. В качестве главной предпосылки всей этой кампании выступает стремление буржуазных идеологов подвести под общий знаменатель национальные отношения в любых странах и социальных условиях. Так, английский политолог профессор Хью Сетон-Уотсон в книге «Нации и государства. Исследование происхождения наций и политики национализма» пишет: «...несправедливость и конфликты между классами и нациями остаются острой реальностью и пока что ни националисты, ни социалисты, ни кто-либо другой не нашли на них ответа. Поскольку существуют нации, сохраняются и конфликты между ними... При этом попытки преодолеть национальную привязанность, даже когда они предпринимаются во имя высшей человеческой солидарности, не достигают цели и даже сильнее увеличивают объем взрывной человеческой ненависти в мире»¹. Из этого автор делает пессимистический вывод о бесполезности какой-либо борьбы против национализма.

Нетрудно убедиться, что здесь мы сталкиваемся со все той же попыткой связать воедино нации, национализм и национальные конфликты. Подобные попытки отвечают традиционной буржуазной методологии в национальном вопросе. Однако их несостоятельность уже доказана реальным историческим опытом мирового социалистического содружества. Выше уже говорилось, что преодоление наследия старого строя в области национальных отношений остается важной и сложной пробле-

¹ *Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and Politics of Nationalism, p. XII.*

мой и после установления нового строя. В некоторых случаях и после создания основ социализма остаются определенные социальные слои — мелкие собственники и другие группы, носители мелкобуржуазной, националистической идеологии. Важно иметь в виду и другое. Бурный рост национального самосознания масс, активно проявляющийся в связи с быстрым и всесторонним развитием нации, упрочением ее независимости, будучи сам по себе положительным фактором и важным результатом социалистических завоеваний, при отсутствии должной заботы об интернационалистском воспитании со стороны правящих коммунистических и рабочих партий может явиться той почвой, на которой паразитируют антисоциалистические элементы и зарубежная антикоммунистическая пропаганда. Дело в том, что эта пропаганда всячески раздувает национальные чувства, стремясь вселить в них чуждое социализму содержание, противопоставить народы социалистических стран, разжечь антисоветизм.

Как показали события в Венгрии (1956 г.), Чехословакии (1968 г.) и Польше (1980—1981 гг.), разжигание национализма составляет существенную сторону идеологической подготовки контрреволюционного переворота. Именно поэтому братские партии призвали настойчиво бороться против него. *«Несомненно, что из буржуазных взглядов самыми опасными для нашего движения являются националистические взгляды, а особенно та форма национализма, которая выражается в антисоветизме»*¹, — отмечал тов. Я. Кадар на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года.

Можно выделить следующие основные направления враждебной идеологической деятельности.

Первое направление — попытка отыскать следы «неравноправия» в экономических связях социалистических стран. Идеологи антикоммунизма, в частности, приписывают социалистическому содружеству внутренний антагонизм как результат мнимой противоположности интересов высокоразвитых индустриальных стран и интересов стран, недостаточно развитых в экономическом отношении. Предпринимается попытка доказать, будто «богатые» страны не допускают индустриализации «бедных». В таком тоне выдержана, например, резко антисоветская статья реакционного политолога профессора К. Лондона «Советский Союз, Восточная Европа и социалистическое

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969. Прага, 1969, с. 421.

содружество», опубликованная в журнале «Каррент хистри», в которой автор договорился до того, что национальные устремления социалистических стран якобы подавляются «советским пролетарским интернационализмом»¹.

Другой американский профессор — Д. Мореншилдт, также ополчившись против пролетарского интернационализма, пишет: «Диалектически понятый, он означает, что все национальные интересы подчиняются пролетарской классовой солидарности, подразумевая при этом, что советская держава выражает классовые интересы международного пролетариата»². Автор намеренно преподносит читателю до предела упрощенное представление о соотношении национальных и интернациональных интересов, он явно тенденциозно интерпретирует и классовую суть пролетарского интернационализма. При таком подходе игнорируется главное — именно социализм наиболее полно обеспечивает национальные и интернациональные интересы трудящихся, именно СССР — самая крупная из стран социализма — добровольно несет на себе главную интернациональную ответственность за судьбы мирового социализма, ни в коей мере не претендуя на какие-то преимущества в связи с этим, а, напротив, проявляя неизменную готовность к братской солидарности и бескорыстной поддержке народов, строящих социализм. Посмотрим, как эта позиция сказалась на экономическом развитии стран социалистического содружества.

В 1949 году, когда шесть европейских социалистических стран создали Совет Экономической Взаимопомощи, на Западе не было недостатка в скептических заявлениях по поводу его эффективности. В то же время перед странами СЭВ, понесшими огромный урон во время минувшей войны, стояли сложнейшие задачи. Раны, нанесенные войной, аграрный и аграрно-индустриальный характер экономики большинства из социалистических стран, казалось бы, обрекали эти страны на долгий и мучительный путь развития, но преимущества социалистической системы хозяйства, международного разделения труда, интернациональной помощи и взаимопомощи сделали свое дело.

Эксперты ООН относят сейчас большинство стран — членов СЭВ к развитым государствам мира. Социалисти-

¹ Current History, 1969, April, p. 199.

² Mohrenschieldt D. Supra-Nationalism — Western and Soviet. — The Russian Review. 1973, vol. 32, N 4, p. 380.

ческое же содружество превратилось в самую динамичную экономическую силу современности.

Национальный доход стран СЭВ в целом превысил в 1978 году уровень 1948 года в 10 раз, промышленное производство — в 17 раз. Темпы роста национального дохода в братских государствах за этот период были выше, чем в мире капитала, примерно в 3 раза, промышленного производства — в 4 раза. В результате на страны СЭВ приходится сейчас примерно четверть мирового национального дохода, третья часть мировой промышленной продукции, пятая часть мирового сельскохозяйственного производства¹.

Межгосударственные экономические отношения, утвердившиеся в странах СЭВ, являют собой новый тип международных отношений. Они опираются на принципы социалистического интернационализма, полного равноправия и уважения суверенитета, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи.

Вопреки распространенным в буржуазной печати домыслам о том, что экономическая интеграция выгодна, мол, только Советскому Союзу, нельзя не отметить, что в своем развитии многие социалистические страны уже длительный период опираются на мощный природный и научно-технический потенциал Советской страны. При содействии СССР в странах СЭВ построено и строится свыше 2,2 тысячи предприятий и других объектов².

Примечателен такой факт. В течение продолжительного периода СССР, не считаясь только с коммерческими соображениями, а проявляя глубокую заинтересованность в беспрепятственном развитии братских стран социализма, поставляет им необходимое сырье и топливо. И это несмотря на высокую капиталоемкость производства в добывающей промышленности.

Так, в 1977 году на долю советских поставок в европейские страны СЭВ пришлось около 68% всего их импорта электроэнергии, примерно 75% руды (железной, марганцевой и хромовой), а также хлопка, 80% нефти и нефтепродуктов, 99% природного газа. Хорошо известно, что поставки осуществляются на значительно более выгодных для братских государств условиях, по сравнению с существующими на мировых рынках. В 1977 году советская нефть продавалась странами СЭВ по ценам на 25—30% ниже по сравнению с ценами мирового рынка.

¹ См.: Новое время, 1979, № 26, с. 12.

² Там же.

Общий выигрыш этих стран только от закупки в СССР нефти и нефтепродуктов по ценам ниже мировых исчисляется за пятилетку 1976—1980 годов миллиардами рублей¹.

Вместе с тем страны СЭВ совместными усилиями создают на территории СССР новые мощности в топливно-энергетических отраслях. В счет своих материальных затрат братские страны социализма получают и будут получать продукцию новых предприятий. На таких основах, например, Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия приняли участие в развитии Оренбургского газового комплекса, в строительстве газопровода Оренбург — Западная граница СССР.

Наличие в СССР большого и устойчивого рынка позволяет братским странам успешно развивать машиностроение на долговременной плановой основе, расширять крупносерийное производство и увеличивать в десятки раз экспорт в СССР машиностроительной продукции. При экономическом и техническом сотрудничестве СССР и других братских стран создается современная промышленная база на Кубе и в Монголии, важные хозяйственные объекты создаются во Вьетнаме.

В короткий исторический срок в основном устранены существенные различия в уровнях экономического развития европейских стран СЭВ — таков важнейший итог политики, основанной на принципах социалистического интернационализма. Удельный вес промышленности в произведенном национальном доходе увеличился, например, в Болгарии с 36,8% в 1950 г. до 50,6% в 1976 г., в Румынии — соответственно с 43,4 до 56,7%.

Конечно, пишет советский исследователь Г. Х. Шахназаров, сейчас еще рано говорить об одинаковом уровне индустриального развития. Впрочем, никто и не ставит задачу подгонять народнохозяйственные комплексы под общий стандарт. Важно подчеркнуть, что в итоге политики братских партий аграрные в прошлом страны превратились либо в аграрно-индустриальные, либо в индустриально-аграрные. Они располагают ныне собственной базой экономического роста². В связи с этим следует иметь в виду, что процесс всемерного сближения социалистических стран, являющийся объективной закономерностью мирового социализма, создает условия для быстрого роста всех стран. «Монгольская Народная

¹ См.: Новое время, 1979, № 26, с. 12.

² См.: Шахназаров Г. Х. Социалистическая судьба человечества. М., 1978, с. 222.

Республика,— говорил тов. Ю. Цеденбал на XVII съезде МНРП,— как неразрывная составная часть единой мировой социалистической системы, должна развиваться ускоренными темпами и, несмотря на свое относительное отставание, более или менее одновременно с братскими странами социализма вступить на путь коммунистического строительства, опираясь на всестороннюю помощь Советского Союза и других социалистических государств»¹.

Второе направление — попытка идеологов буржуазии доказать неизбежность усиления «центробежных тенденций» и сползания социалистических стран к «национальному коммунизму». Исходная посылка сторонников этой версии — «невозможность» совместить марксистско-ленинскую идеологию ввиду ее «универсальности» с национальными различиями, что-де и побуждает те или иные страны к отходу от этой «универсальности» и переходу на националистические позиции. Буржуазные социологи связывают возникновение тех или иных противоречий между странами социализма с существованием национальных различий как таковых, рассматривают возникающие расхождения как неизбежное следствие объективного и неустранимого антагонизма между национальным и интернациональным. В теоретическом отношении усилия буржуазных идеологов направлены на то, чтобы утвердить внеклассовый подход к национальному вопросу, национальным ценностям, абсолютизировать национальный фактор, противопоставив его общеклассовым интересам трудящихся.

Так, английский социолог А. Смит, рассуждая в книге «Национализм в двадцатом столетии» о национализме как о «самовоспроизводящемся явлении», исходит из того, что «нация, национальный идеал» выступают на протяжении всей истории как «высшая» и «исходная» ценность человеческого бытия. Касаясь социалистических стран, а также стран с социалистической ориентацией, он в главе «Коммунистические национализмы» пишет о взаимопроникновении марксизма и национализма. Назовем ли мы результат этого синтеза «социалистическим национализмом» или «национальным коммунизмом», утверждает автор, он порождает «значительный социальный энтузиазм» и «могучее движение»².

¹ Цеденбал Ю. Отчет Центрального Комитета МНРП XVII съезду МНРП. Улан-Батор, 1976, с. 80—81.

² Smith A. Nationalism in the Twentieth Century, p. 1—3, 115—116.

Уже упоминавшийся Х. Сетон-Уотсон пишет в связи с этим о каком-то неизбежном процессе «национализации коммунизма и марксизации национализма»¹.

Впрочем, еще до Смита и Сетон-Уотсона буржуазные идеологи искали возможные пути «соединения» этих двух несовместимых социально-политических идеологий с целью «обоснования» неизбежности поглощения марксизма национализмом. Так, З. Бжезинский хотя и признает непримиримое отношение Ленина и его последователей к национализму, замечает, однако: «В соответствии с большевистскими концепциями разжигание националистических чувств является прелюдией к утверждению подлинного интернационализма. Чем ярче пламя национализма, тем скорее оно сгорит. Имея в виду это, местные коммунисты идентифицировали себя с национализмом. Такое отождествление не означало в их понимании какого-либо идеологического зигзага или теоретической капитуляции. Это было, напротив, обдуманное приспособление к ситуации, вполне совместимое с основными теоретическими предпосылками»².

По утверждению американского политолога У. Эбенштейна, «создавалась ситуация, когда вольно или невольно в официальную доктрину социалистического государства включаются старые националистические предубеждения, сказывающиеся в его идеологии, в которую постепенно проникает идея, что в отношении с другими социалистическими странами следует руководствоваться конкретными интересами своей страны, а не «абстрактными» формулами международной солидарности»³.

Однако все эти тирады рассчитаны на людей, не знающих подлинной истории коммунистического движения либо знакомых с ней понаслышке. «Глубокомысленные» утверждения «советологов» с претензией на диалектику насчет разжигания национализма как пути к его самоуничтожению никогда не приходили и не могли прийти в голову подлинным коммунистам-ленинцам, непримиримым к национализму и ко всякого рода националистическим уклонам. Коммунисты поддерживали и поддерживают не национализм как таковой, а подлинно национальные устремления трудящихся, а также антиимпериалистическое, антиколониальное содержание национализма угнетенных наций, которое, по-существу, представля-

¹ *Seton-Watson H. Op. cit.*, p. 461.

² *Brzezinski Z. The Soviet Bloc. Unity and Conflict. Cambridge, 1967*, p. 36.

³ *Ebenstein W. Today's isms. N. Y., 1976*, p. 106.

ют собой более или менее осознанную социально-классовую непримиримость угнетенных классов к национально-колониальному гнету, облеченную подчас еще в националистическую оболочку. Здесь, равно как и в рассуждениях о синтезе марксизма и национализма — буржуазные идеологи опять-таки софистически подменяют тезис, — они подсовывают националистическое взамен национального. Изобразив вначале марксизм-ленинизм как учение глухое к чаяниям народных масс, что уже было явным вымыслом, эти идеологи «подсказывают» затем его сторонникам рецепт спасения — соединение с национализмом. Но ведь весь исторический опыт строительства социализма, коммунизма, развитие коммунистического и национально-освободительного движения доказал, что не национализм, т. е. идеология национальной исключительности, а марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм, органически включающий патриотизм и защиту национальных интересов, и является подлинной платформой борьбы и побед. Единственной платформой.

Здесь необходимо рассмотреть модный тезис антикоммунистической пропаганды — противопоставление национально-государственных интересов принципам международной классовой солидарности.

Победа социализма в большой группе стран Европы, Азии, а также Латинской Америки, несмотря на различие географических условий и исторических судеб народов этих стран, создала объективную основу единства высших национальных интересов братских стран. Выражением сущности общих интересов стран социализма и являются их интернациональные интересы. Что касается национально-государственных интересов, то их следует рассматривать как совокупность общих и специфических интересов данной страны. При всех случаях марксистско-ленинский подход подчеркивает объективный характер национально-государственных интересов данной страны. Эти интересы, по существу, совпадают с интернациональными интересами. Национально-государственные интересы, далее, определяются классовой сущностью данного общества. В этом смысле интересы социалистических государств принципиально отличны от интересов капиталистических стран. Наконец, на национально-государственные интересы накладывают отпечаток конкретные внутренние и международные условия развития данной страны, учет которых — важный элемент реалистической политики.

Идеологи антикоммунизма, противопоставляя национальное интернациональному, умышленно изображают дело так, будто интернациональное выражает лишь интересы Советского Союза. Тем самым бросается тень на внешнеполитический курс КПСС, проникнутый заботой об укреплении могущества мирового социализма, о прогрессе всех его звеньев. И это — атаки не только против солидарности стран социализма, дружбы с советским народом, это попытка подорвать социалистическое сознание народов, противопоставляя ложно толкуемые национальные интересы коренным социалистическим интересам.

Вопрос о взаимосвязи классового и национального, национальных и интернациональных интересов выдвинулся на видное место как в теоретической разработке проблем пролетарского интернационализма, так и в полемике с его открытыми и скрытыми противниками. Объективный процесс интернационализации общественной жизни, усиливающийся, резко ускоряющийся в условиях социализма, придает особенно важное значение целенаправленной, опирающейся на научный анализ действительности политике коммунистических и рабочих партий. Следует иметь в виду, что интернационализация происходит в условиях, когда производительные силы уже перерастают национальные рамки, но в то же время собственником ресурсов, основных средств производства, находящихся на территории данной социалистической страны, является проживающая здесь нация.

Социализм наполняет национальные интересы новым содержанием, которое выражает стремление передовых сил общества и прежде всего рабочего класса идти по пути социалистического и коммунистического строительства, осознавая себя частью всемирной армии труда. В этом смысле содержание национальных интересов в существенных своих сторонах совпадает с интернациональными интересами. Но естественно, что в национальных интересах содержится и нечто специфическое, присущее только данной нации, что является результатом своеобразия ее исторического пути. Объективно это специфическое не противостоит социалистическому интересу рабочего класса, широких масс трудящихся. Но там, где национально-особенное гипертрофируется, оно на практике неизбежно противопоставляется интернациональному.

Таким образом, говоря об интернациональных интересах, было бы неправильно сводить их к арифметической сумме национальных интересов. И не только пото-

му, что в национальных интересах есть такие элементы, которые присущи лишь данной нации. Интернациональные интересы выражают общие потребности мирового революционного процесса, мировой системы социализма в целом, вытекающие из закономерностей развития социалистической системы именно как мировой системы. Такой является, например, задача добиться победы в экономическом соревновании с капитализмом.

Конечно, это не значит, что интернациональные интересы можно мыслить в отрыве от национальных. Такой отрыв, равно как и противопоставление национальных интересов интернациональным, неминуемо ведет к оппортунизму. Интернациональные интересы в рамках мирового социализма включают в себя наиболее существенное из национальных интересов, ибо наиболее существенное — это и есть общие классовые интересы рабочих, других слоев трудящихся.

Правильный путь к удовлетворению национальных интересов социалистического общества требует подхода не с узконациональных, а с широких интернациональных позиций. Только при таком подходе существенное, подлинно социалистическое содержание национальных интересов не останется в тени, а явится исходным пунктом политики. В этом гарантия того, что коренные социалистические интересы не будут принесены в жертву ради практических выгод текущего момента. В. И. Ленин еще в 1907 году писал, что оппортунистическое крыло социал-демократических партий «забывало, что в конце концов широко принципиальная политика есть единственная, действительно практическая политика. Оно забывало, что, кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы. А натыкаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»¹.

Анализ антикоммунистической пропаганды, обращенной на социалистический мир, показывает, что главное внимание империализма направлено на раздувание национальной специфики и забвение классового начала в политике социалистических стран. Выдавая желаемое за действительное, буржуазные ученые следующим образом представляют себе трансформацию политического строя стран, уделяющих первостепенное внимание нацио-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 363.

нальным интересам в их узко понятом смысле, противопоставляемом международной солидарности. «Поднятие национального партикуляризма до уровня официальной доктрины (в форме теорий, проповедующих решающую роль национального суверенитета и этнической солидарности в процессе строительства социализма) ясно указывает на то, что мы имеем дело не просто с тактическим манипулированием национальными чувствами, но с изменением самого облика партии и самих принципов, на которых основана их сплоченность»¹, — пишет профессор Калифорнийского университета Э. Янос.

Проецируя собственные представления о социалистических странах и их взаимоотношениях на настоящее или будущее, идеологи антикоммунизма направляют стрелы против марксизма-ленинизма как единого интернационального учения.

«Мы вступаем в эру дифференцирования и раскола, в которой под давлением социально-экономических, психологических и расовых различий будет возникать много марксизмов»², — пишет профессор философии Калифорнийского университета Л. Фойер. Профессор Западноберлинского университета Р. Ловенталь делает ставку на «рост разнообразия политического и социального климата» в социалистических странах, на «усиливающееся осознание различия национальных интересов», на «идеологическое соперничество в борьбе за господство в коммунистическом движении»³.

Идеологи антикоммунизма при этом опираются на тех современных ревизионистов, которые занимаются обоснованием «правомерности» националистических тенденций и дезинтеграции. Так, концепция рыночного социализма, выдвинутая Шиком в Чехословакии, сыгравшая решающую роль в теоретической разработке «чешской модели социализма», недвусмысленно ориентировала страну на выход из экономического содружества социалистических стран. Враждебна интересам народов и выдвинутая левооппортунистическими элементами концепция «опоры только на собственные силы», обосновывающая разрыв объективно необходимых для данной страны международных связей с другими социалистическими странами.

¹ Janos A. Ethnicity, communism and political change in Eastern Europe-World Politics, 1971, vol. XXIII, N 3, p. 509—510.

² Feuer L. Marxisms... How many? — Problems of Communism, 1964, vol. XIII, N 2, p. 52.

³ The New York Times Magazine, 1962, 25 February, p. 9.

Национализм вырастает на основе противопоставления узкоместнической точки зрения и узко понимаемых национальных интересов общей интернационалистской линии, выражающей коренные, долговременные интересы социализма, коммунистического движения. При таком подходе важный и законный принцип уважения самостоятельности и национальной специфики социалистических стран и отдельных коммунистических и рабочих партий рассматривается в отрыве от интернациональных обязанностей пролетариата. Крайней формой национализма являются попытки подчинить интересы развития революционной борьбы в различных странах шовинистическим устремлениям одной страны или партии, проводящей гегемонистскую линию, проповедь мессианской роли отдельных стран. В любом случае это есть отступление от важнейшего ленинского требования «думать не о своей только нации, а выше ее ставить интересы всех...»¹. Идейное родство оппортунизма и национализма, на которое не раз указывал В. И. Ленин, очевидно.

Марксизм-ленинизм как интернациональное учение определяет общие закономерности, без соблюдения которых невозможна борьба за социализм и коммунизм. Вместе с тем само существо этого творческого учения требует конкретного подхода, строгого учета национальных особенностей, без чего не может быть научной политики. В практике своей деятельности каждая партия, руководствуясь марксистско-ленинским учением, находит правильное сочетание общего и единичного. Что касается «национального коммунизма», то его суть состоит вовсе не в учете национальных особенностей (их учет — обязательное требование научного коммунизма), а в игнорировании общих закономерностей социалистического строительства, интернациональных интересов рабочего класса, в попытках игнорировать общие интересы, подчинить их национальному эгоизму².

Третье направление антикоммунистической пропаганды — измышление о «советском гегемонизме», об ущемлении суверенитета стран социалистического содружества. Речь идет о прямых клеветнических выпадах, осуществляемых в надежде любой ценой подогреть националистические настроения. Не случайно главным содержанием националистической пропаганды, обрушивающейся на население социалистических стран, является антисо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 44—45.

² См.: Мировая социалистическая система и антикоммунизм. М., 1968, с. 105.

ветизм. Посеяв недоверие к Советскому Союзу — первой стране победившего социализма, империалисты рассчитывают ослабить и симпатии трудящихся к социализму.

Так, Т. Раковска-Хармстоун в обширной статье о социалистическом интернационализме голословно приписывает СССР широкие экспансионистские устремления: «Теория социалистических отношений нового типа и стремление Советского Союза ускорить осуществление интеграции во всех ее аспектах создают ситуацию, в которой политическое слияние восточноевропейских стран с Советским Союзом представляется очевидной возможностью»¹. Однако ссылки на «теорию социалистических отношений» и мифические стремления СССР ускорить интеграцию не в состоянии скрыть полную абсурдность доводов канадского профессора. Необходимой предпосылкой единства стран социализма и их постепенной экономической интеграции является «взаимная приверженность принципам равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга, сочетаемая с интернационалистским подходом...»².

Идеологи антикоммунизма ныне, по существу, вынуждены признать крах всевозможных доктрин «освобождения» стран социализма, т. е. насильственного ниспровержения существующего там строя. Взамен выдвигается теория «эрозии» лагеря социализма, делается ставка на отказ отдельных социалистических стран от интернациональных обязанностей. Именно с этой провокационной целью идеологи империализма выдвинули пресловутую доктрину «ограниченного суверенитета», главный смысл которой состоит в попытке опорочить принципы социалистического интернационализма, как якобы идущего вразрез с суверенными правами народов. Но невозможно опровергнуть ту истину, что именно социализм освободил многие народы от иностранного гнета, предоставил им самый широкий и полный суверенитет. Невозможно заставить народы забыть то, что именно действенная социалистическая солидарность обеспечивает им возможность уверенно идти по избранному пути социализма, защищать его от любых происков враждебных сил. По общему признанию марксистов-ленинцев, выдающуюся роль в защите социалистических интересов суверенных народов играет Советский Союз.

Выступая на XXVI съезде КПСС, Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы,

¹ Surgey, 1976, vol. 22, N 2, p. 85.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1978, т. 6, с. 195.

Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Куба тов. Фидель Кастро Рус заявил: «Новый мир, в котором рухнули старые колониальные империи, мир, в котором крепнет и распространяется социализм, мир, положивший начало эре свободы и независимости народов, какой не знала история,— этот мир стал возможным благодаря существованию Советского Союза, его твердой и принципиальной марксистско-ленинской интернационалистской политике и в конечном счете благодаря его мощи, с которой империализм не мог и не может не считаться»¹.

Наконец, *четвертое направление* — концепция «дестабилизации социализма», которая предлагает сочетать давление на социалистические страны с обещаниями выгод «сотрудничества» с империализмом. Речь идет о новом варианте теории «дифференцированного существования», суть которой — стремление расколоть единство социалистических стран, противопоставить их друг другу. Как показывает практика, «дифференцированный подход» к отдельным социалистическим странам сочетается в этой концепции с растущим антисоветизмом — в этом, как пишет чехословацкая газета «Руде право», и состоит то «новое», что вносит концепция дестабилизации социализма в империалистическую пропаганду. В связи с этим газета критикует заявление З. Бжезинского о том, что критерием отношения к социалистическим странам должно быть то, «насколько свободен в своих действиях во внутренней политике режим в данной социалистической стране и в какой мере он расходится с Советским Союзом во внешней политике»².

Хорошо известно, что эта концепция в полную меру использовалась антикоммунистическими силами против социалистической Польши в надежде оторвать ее от социалистического содружества. Итальянская газета «Коррьере делла сера» писала, что страны «Общего рынка» и США «могут манипулировать польским кризисом, добиваясь дестабилизации социалистического блока»³.

Следует подчеркнуть, что идейно-политическая платформа политики «дестабилизации социализма» разрабатывалась антикоммунистами уже длительный период. Так, еще в 1969 году журнал «Рашн ревью» в двух номерах публиковал пространную статью «Разделенный коммунизм. Некоторые размышления об американской

¹ Приветствия XXVI съезду КПСС. М., 1981, с. 26.

² Rudé právo, 1980, 22.XI.

³ Цит. по: Известия, 1981, 9 января.

политике», автор которой укрылся под псевдонимом Дж. Гросс. «Соединенные Штаты,— писал автор статьи, касаясь восточноевропейских стран,— должны поощрять и непрерывно поддерживать могучее стремление к национальной независимости в этом районе. Поскольку это стремление проявляется неравномерно, мы должны подходить к различным режимам дифференцированно. Предлагая экономические и другие льготы независимо мыслящим правительствам, Соединенные Штаты и их союзники могут усиливать их и поощрять других следовать их примеру»¹. Автор не скрывает, что в этих коварных расчетах на раскол социалистического содружества решающее место отводится разжиганию национализма. «Три слова,— продолжает он,— наилучшим образом суммируют результаты этого исследования — разъединение, благоприятные возможности и национализм. Из этих трех слов национализм заслуживает того, чтобы его считали последним словом, потому что он является источником одновременно и разъединения и благоприятных возможностей»².

Столь открытая апелляция к национализму и демонстрируемая готовность использовать его в авантюристической политике дестабилизации социалистических стран даже среди откровенных приверженцев жесткого курса выглядят достаточно одиозными. Автор вполне сознает это, оговариваясь, что «в западном мире национализм в наши дни — вышедшее из моды слово» и что «узкий национализм справедливо рассматривается как источник международных разногласий»³. Но Дж. Гросс никак не хочет, чтобы его приняли за противника «атлантической солидарности» или американской гегемонии, которые так широко разрекламированы в буржуазной печати как условия «надежного мира». Поэтому он выдвигает новую шкалу ценностей: то, что считается проклятием для Запада, является, по его словам, благословением для Востока. И коль скоро речь идет о социалистическом мире, то здесь надо активно поддерживать «национализм, который означает гибель коммунизма как универсального... движения»⁴.

Реакционные идеологи, возлагающие главную надежду на националистическую эрозию социализма, сознают, что апелляция к национальному может поощрить те силы

¹ The Russian Review, 1969, vol. 28, N 3, p. 271.

² Ibid., p. 275.

³ Ibidem.

⁴ Ibid., p. 275—276.

в Западной Европе, которые давно уже выступают против американского господства. Однако они превозносят национализм как «главный источник центробежных сил»¹, потому что рост и укрепление мирового социализма, пролетарского интернационализма представляются им главной опасностью. Они ратуют за «национальные ценности» не потому, что их интересует судьба наследия Мицкевича или Кошута — польский и венгерский народы прекрасно позаботились об этом и без непрошенных радетелей, — а потому, что им нужна хоть какая-то маскировка грубо антикоммунистической подрывной деятельности.

С тех же позиций многие западногерманские буржуазные теоретики, вопреки реальности двух немецких государств, отстаивают тезис о «единой немецкой нации». Они ссылаются при этом на «общность судьбы и культуры», традиции Гёте и Шиллера. Взывая к многовековым традициям, буржуазные идеологи на деле попросту хотят придать законную форму своим притязаниям на ГДР, упрямо и тщетно надеясь на ее возвращение в лоно империализма.

Между тем становление в ГДР социалистического способа производства означало создание новой экономической основы развития и национальной консолидации немцев, живущих в стране социализма. Но не только экономическая и территориальная самостоятельность — особенности культурного, духовного развития не менее рельефно определяют облик принципиально новой по своему типу формирующейся немецкой нации. К проблемам национальной культуры также необходимо подходить с классовых позиций. Эта культура не имеет ничего общего с той буржуазной культурой, которая господствует в ФРГ и которую защитники капитализма хотели бы навязать всем немцам. Развивающаяся в ГДР национальная культура включает в себе новые, социалистические ценности, созданные на немецкой земле, творчески воспринимает многое из того, что достигнуто в братских странах социализма. В то же время она достойно продолжает и развивает лучшие демократические традиции немецкой культуры.

Общность классовых интересов объединяет, сплачивает трудящихся всех стран, на каком бы континенте они ни находились. Однако нельзя забывать, что, хотя коммунистическое движение по своей природе интернацио-

¹ Continuing Issues in International Politics, ed. by. G. Ferguson and W. Weiker. Newark, 1973, p. 255.

нально, оно разворачивается на национальной почве, которая не может быть одинаковой. А национальные различия при определенных условиях могут способствовать разъединению действий тех или иных отрядов рабочего движения. Отсюда ясно огромное значение правильного сочетания национальных и интернациональных интересов в политике коммунистических партий.

Опыт развития мирового социализма, международного революционного движения подтвердил интернациональный характер марксизма-ленинизма. Потерпели крах концепции разного рода ревизионистов насчет того, что ленинизм-де — это учение, пригодное лишь для России или только для стран Востока. Сейчас, когда знамя социализма победно реет в странах Европы, Азии, Латинской Америки, когда ряд африканских стран выходит на путь некапиталистического развития, особенно важно правильно применять подтвержденные жизнью общие закономерности к конкретным условиям своих стран.

Становление международных отношений нового типа, отношений братского сотрудничества и полного равноправия происходит не за один день. Это сложный процесс, когда приходится преодолевать наследие старого и вырабатывать невиданные раньше формы и нормы национальных отношений. Нельзя не учитывать, что страны, вступившие на путь социализма, имеют неодинаковый уровень развития, различные исторические и культурные традиции. Это одно может приводить к расхождениям между ними по тем или иным вопросам. Сам факт различия точек зрения не представляет серьезной опасности, если все партии заинтересованы в укреплении единства на основе марксизма-ленинизма. Разработанные международным коммунистическим движением формы урегулирования спорных вопросов — дискуссии, товарищеские встречи, консультации — позволяют успешно преодолевать возникающие трудности.

Единство, которого добиваются марксисты-ленинцы, основано не на подчинении интересов одной страны интересам другой, а на общности целей, на совпадении коренных интересов, в рамках которых каждая страна может иметь свое понимание тех или иных явлений. Естественно, что реальную ценность имеет не просто словесное изъяснение солидарности, а конкретные действия, направленные на укрепление дела социализма во всем мире. Социалистическая практика каждого народа вносит много нового в формы и методы строительства нового общества. КПСС и другие братские партии, охотно делаясь своим

опытом, в то же время внимательно изучают опыт своих друзей. И это — яркий показатель их серьезного, творческого отношения к теории и практике коммунизма. «На прошлом съезде говорилось о том, что идет процесс сближения социалистических государств. Этот процесс продолжает развиваться. Но он не стирает национальной специфики, исторических особенностей стран социализма. В разнообразии форм их общественной жизни, организации экономики следует видеть то, что есть в действительности: богатство путей и методов утверждения социалистического образа жизни»¹, — говорил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев.

Образование и развитие содружества стран социализма знаменует собой не только расширение сферы влияния пролетарского интернационализма, но и возведение его принципов на уровень межгосударственных отношений, развитие социалистического интернационализма. Страны социалистического содружества крепят политическое сотрудничество, основанное на равноправии всех стран — больших и малых, глубоко уважении их суверенитета, братской солидарности в совместной защите завоеваний социализма от империалистических посягательств. Они развивают всестороннее и взаимовыгодное экономическое сотрудничество, в основу которого ныне положен курс на социалистическую экономическую интеграцию. Крепнет идеологическое сотрудничество братских партий, вносящих коллективный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма, в утверждение его великих идей в сознании народных масс, в борьбу против буржуазной идеологии и ревизионизма. Во всех этих сферах складываются и успешно развиваются качественно новые формы международного общения.

Практика развития социалистического содружества убедительно подтверждает, что именно социализм позволяет добиваться подлинного сочетания интернациональных и национальных интересов. Но это сочетание неверно было бы понимать как некое равновесие того и другого. История научила нас, что оппортунизм очень часто прячется именно под маской формального признания национального и интернационального как независимых друг от друга начал. А иные теоретики, отталкиваясь от этого, выражаются в том духе, что они, мол, за интернационализм, но против утраты национальной независимости(?!).

¹ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 10.

Очень часто при таком подходе национальная независимость и самостоятельность в решении судебных своей страны попросту противопоставляются пролетарскому интернационализму, хотя на деле интернационализм по самой своей сути уже включает и национальный суверенитет народа, и полную самостоятельность каждого отряда международного рабочего класса в решении общих интернациональных задач¹. Об этом говорит весь опыт социалистического развития, международного коммунистического движения. Разве могли бы быть столь надежно обеспечены суверенитет и самостоятельность социалистических государств, если бы СССР и другие братские страны не были объединены в защите социалистических завоеваний, если бы в противовес антинародным, агрессивным военно-политическим блокам империализма типа НАТО не существовал такой прочный щит, как Организация Варшавского Договора?

В противовес разного рода метафизическим рассуждениям, ленинская концепция интернационализма устанавливает четкий и недвусмысленный критерий истинно революционной и пролетарской линии в национальном вопросе: во главу угла ставить интернациональные интересы, быть социалистическими патриотами и, следовательно, думать не о своей только нации, но видеть ее подлинные интересы и уметь подчинять их этим общим задачам.

Марксистам-ленинцам никогда не была чужда национальная гордость, которая обогащается сейчас новым, социалистическим содержанием. Братские партии умело связывают повседневную заботу о своем народе с коренными интересами мировой социалистической системы.

В противовес национализму, который затушевывает реальные классовые противоречия в рамках наций и в межнациональных отношениях буржуазного общества, социалистический патриотизм базируется на классовом анализе общественной жизни, направляет развитие национальных чувств в русло борьбы за социализм и коммунизм, за коренные интересы трудящихся своей страны, революционных сил всего мира. Если национализм притупляет классовое чутье и разоружает трудящихся перед лицом их классовых врагов, то социалистический патриотизм обостряет классовое чутье, способствуя мобилизации трудящихся масс на борьбу за их подлинно национальные и интернациональные интересы.

¹ См.: Федосеев П. Н. Марксизм в XX веке. Маркс, Энгельс, Ленин и современность, с. 378—379.

Решающая сторона социалистического патриотизма состоит в том, что судьба отечества уже не мыслится иначе как на пути социалистического, коммунистического развития в содружестве братских стран. Именно на этой основе укрепляются узы глубокой интернациональной солидарности народов социалистических стран, мотивы которой никогда не поймут те идеологи, которые оперируют категориями национального эгоизма и этноцентризма, т. е. бездумно и безответственно по отношению к другим народам возвеличивают свою нацию, изображая ее стоящей в центре развития мировой цивилизации.

Именно благодаря интернациональной солидарности с вьетнамским народом и его героической стойкости была прекращена империалистическая агрессия во Вьетнаме. Единство стран социалистического содружества сыграло решающую роль в полном международном признании Германской Демократической Республики и утверждении нерушимости послевоенных границ в Европе, в защите суверенитета, революционных завоеваний Кубы, Чехословакии и Польши. Решительные действия СССР и других стран социалистического содружества помогли народу Афганистана отстоять государственную независимость. Именно интернациональная солидарность стран социализма, международного рабочего класса, всех сил прогресса помешала южноафриканским расистам подавить революцию в Анголе. Без нее империализм потопил бы в крови революцию в Эфиопии. Без интернациональной революционной солидарности народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии не смогли бы нанести поражение американскому империализму и успешно противостоять пекинскому гегемонизму. Наконец, эта солидарность во многом определила то, что более 35 лет человечество не знает кошмара новой мировой войны.

«Вы — советский народ и Коммунистическая партия Советского Союза — можете всегда гордиться своей миссией мира, своим историческим вкладом в борьбу за мир и разрядку. Вы приносите человечеству неоценимый дар — избавление от войны и ядерной катастрофы. Без вашей бескомпромиссной, неуклонной и героической преданности делу мира наша планета могла бы превратиться сейчас в безжизненную грудку ядерного пепла.

Да, социализм — это действительно спаситель всего человечества»¹, — говорил на XXVI съезде КПСС Гене-

¹ Приветствия XXVI съезду КПСС, с. 229—230.

ральный секретарь Коммунистической партии США тов. Гэс Холл.

На нынешнем этапе борьбы за сплоченность мирового коммунистического движения важное значение приобретает преодоление маоистских концепций, в концентрированном виде выражающих национализм и антисоветизм. В арсенале маоизма трудно найти что-то оригинальное. Это беспринципная смесь самых разношерстных идей, общим знаменателем которых является великодержавный шовинизм. Идея востокоцентризма — это вывернутая наизнанку шовинистическая концепция противопоставления Запада Востоку, с которой носился еще трубадур британского империализма Редиард Киплинг. Концепция «двух сверхдержав» и «трех миров» заимствована из архива буржуазной политологии и стала типичным примером подмены классового подхода абстрактными рассуждениями о «балансе сил», механического противопоставления больших и малых держав, группируемых с полным игнорированием их социальной природы. В духе буржуазной геополитики выдвигаются лозунги насильственной перекройки границ и отказа от принципов добрососедского сотрудничества.

Принципиальная позиция КПСС и Советского государства в вопросе советско-китайских отношений изложена в решениях XXV—XXVI съездов партии. Касаясь этих отношений, Л. И. Брежнев в речи в Ташкенте 24 марта 1982 года подчеркнул: «Мы хорошо помним те времена, когда Советский Союз и народный Китай объединяли узы дружбы и товарищеского сотрудничества. Мы никогда не считали состояние враждебности и отчуждения между нашими странами нормальным явлением. Мы готовы договариваться без всяких предварительных условий о приемлемых для обеих сторон мерах по улучшению советско-китайских отношений на основе взаимного уважения интересов друг друга, невмешательства в дела друг друга и обоюдной пользы — и, разумеется, не в ущерб третьим странам»¹.

Для судеб мирового революционного процесса огромное значение имеет укрепление солидарности мирового социализма с национально-освободительным движением. События в Афганистане и Иране, в Сальвадоре и Никарагуа, решительная поддержка Советским Союзом, другими социалистическими странами освободительного движения арабских народов демонстрируют значение этой

¹ Правда, 1982, 25 марта.

солидарности. Но жизнь показала также, что препятствием в борьбе против империализма нередко служат антикоммунистические и антисоветские предубеждения отдельных деятелей развивающихся стран, а также шоры национализма, которые мешают им видеть подлинных друзей и врагов.

Показателен в этом плане Призыв Международного секретариата по подготовке panaфриканского конгресса, состоявшегося в 1974 году в Дар-эс-Саламе. В нем говорилось: «Двадцатый век — век черной власти. В нем выявились две движущие силы. Одна — единое миропонимание всех народов, которые были колониальными. И друзья, и враги знают их как третий мир. Другая — белая власть, которая на нашей памяти так долго правила единолично. Она находится в беспрецедентном упадке, проявившемся в двух столь диких массовых войнах, каких мир никогда не видел. И она же замышляет третью мировую войну. С неистребимым варварством европейская сила стремится любой ценой поддержать свое господство, от которого колониальные народы сейчас избавляются. Таким образом, белая сила хочет удержать мировое господство, в то время как колониальные народы начали свой путь к человеческой свободе — одно из величайших движений, которые когда-либо знал мир»¹.

Национализм в развивающихся странах в целом не исчерпал еще антиимпериалистического, демократического содержания. Но логика классовой борьбы, дальнейшее социальное размежевание в этих странах заставляет эволюционировать и национализм, усиливая в нем реакционные тенденции.

Марксизм непримирим с любым национализмом. Этому учил нас Ленин, предостерегая от смещения антиимпериалистических общедемократических стремлений, заключенных в конкретном содержании национализма угнетенных наций и всецело поддерживаемых коммунистами, с самой сущностью национализма, с реакционной идеей национальной исключительности, составляющей ядро национализма как мировоззрения, противостоящего интернационализму.

Не секрет, что в наше время под лозунгом национализма выступают весьма разнородные социальные и политические течения. Конечно, марксисты имеют в виду, что среди революционных демократов есть люди, искрен-

¹ Call for a new Africa. Statement of the Pan African Congress of Asania (South Africa). Dar es Alaam, 1974.

не и с самыми благими намерениями пытающиеся соединить социализм с национализмом. Здесь требуется конкретный подход, умение вовлекать массы в борьбу за социальный прогресс, в ходе которой скорее всего рассеиваются разного рода иллюзии.

Но то, что лишь постепенно становится ясным людям, не прошедшим школы пролетарской борьбы, является азбучной истиной для коммунистов. «Националистический социализм» — это плод либо незрелого мышления, либо преднамеренного искажения. Неверно говорить о русском, арабском или китаизированном марксизме или социализме, существует единое и единственно научное интернациональное учение — марксизм-ленинизм, утверждающий общие закономерности построения социализма, которым отнюдь не противоречит учет национальных особенностей. «Что касается позиции нашей партии,— говорил на юбилейном заседании в Кремле, посвященном 60-летию Великого Октября, Генеральный секретарь Национального совета Коммунистической партии Индии Чандра Раджешвар Рао,— то мне хотелось бы заявить: существует лишь одна вечно живая идеология — марксизм-ленинизм, лишь один социализм, учитывающий национальную специфику, что было ясно сформулировано нашим учителем, великим Лениным, и существует лишь один интернационализм — пролетарский интернационализм»¹.

Возникновение социализма знаменует собой наступление эры освобождения угнетенных народов. Октябрьская революция показала всему миру, прежде всего народам зависимых и колониальных стран, составлявшим в то время большую часть человечества, единственно верный путь решения национального вопроса. Она положила начало объединению революционной борьбы рабочего класса и освободительного движения угнетенных народов в единую силу, способную свергнуть господство империализма.

Прогрессивные силы стран Азии, Африки и Латинской Америки сознают, что, оставаясь в капиталистической системе мирового хозяйства, они обрекают себя на неизбежные для капитализма голод, нищету, разорение. Именно поэтому они и обращают свои взоры на СССР, на процветающие республики Советского Востока, где в течение нескольких десятилетий удалось не только преодолеть былую экономическую отсталость, но и совер-

¹ 60 лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1978, с. 81.

шить беспримерный в истории скачок от полуфеодалных форм хозяйства к вершинам социалистического прогресса. Успехи советских народов в развитии национальной государственности, экономики, культуры, народного образования, утверждение полного равенства, братства и дружбы больших и малых наций — все это служит самым сильным аргументом в пользу социализма.

Сравнивая исторический опыт решения национального вопроса в СССР с реальной ситуацией в этом отношении в США, индийский прогрессивный литератор и общественный деятель Шивдан Синг Чоуэн пишет: «...советская модель, основанная на принципах социалистического гуманизма и демократии, сформулированных и обобщенных таким гением, как великий Ленин, и воплощенных в жизнь со всей скрупулезностью Коммунистической партией Советского Союза, практически окончательно решила эту проблему в течение поразительно короткого периода — четверти столетия. Возникла новая общность свободных наций, пользующихся во всех областях равными правами и привилегиями, добровольно объединившихся на федеративных началах в Союз Советских Социалистических Республик, добившись тем самым нерасторжимого братского единства более чем 120 национальных и этнических групп¹.

Нетрудно понять, что решение в СССР, а затем и в ряде других социалистических стран проблемы, перед которой оказался бессилён капитализм, оказывает громадное воздействие на судьбы человечества.

Что же из опыта народов Советского Востока представляет интерес для освободившихся стран с социалистической ориентацией? Это прежде всего пути и формы реализации права наций на самоопределение, развитие национальной государственности; индустриализация как база для укрепления экономической самостоятельности; опыт аграрных преобразований; ликвидация вековой культурной отсталости и развитие национальной культуры; подготовка национальных кадров; преодоление межнациональных и межэтнических конфликтов и сплочение населения на основе революционной программы; проведение последовательно миролюбивого внешнеполитического курса и борьба против империализма и империалистической агрессии, за равноправное сотрудничество со всеми странами.

¹ *Chauhan S. Nationalities Question in USA and USSR (a comparative Study). New Delphi, 1976, p. 14.*

Во всех этих начинаниях государства, идущие по не-капиталистическому пути, получают неизменную помощь и поддержку со стороны СССР и других стран социализма. То обстоятельство, что капитализм почти повсеместно ассоциируется в сознании народов развивающихся стран с грабежом, колониализмом и насилием наряду с очевидными успехами народов СССР в строительстве новой жизни, в огромной степени увеличивает притягательную силу социализма.

Важно подчеркнуть, что успешное решение национального вопроса в Советском Союзе служит одним из наиболее ярких и доступных для понимания широчайших масс трудящихся показателей преимуществ социализма. Конечно, в социалистических лозунгах, выдвигаемых революционными демократами, еще немало утопического и незрелого, однако их антикапиталистическое содержание служит побудительным мотивом тех или иных революционных действий.

Страны социалистической ориентации, разумеется, не могут копировать опыт советских республик, развивающихся в иных исторических и социальных условиях. Однако они внимательно изучают опыт социалистического строительства в СССР и других странах социализма, с тем чтобы использовать его в национальном строительстве.

Особо важное значение имеет для развивающихся государств опыт обеспечения национального мира, равноправия и сотрудничества различных этнических групп в решении общегосударственных задач. Капитализм и колониализм оставили в наследство многим народам множество национальных, этнических, религиозных конфликтов. Межплеменная рознь — трайбализм — и поныне является бичом для многих стран Африки и Азии, без устранения которой невозможно добиться социального прогресса. С другой стороны, изучение опыта социалистического строительства, и прежде всего опыта СССР, показывает, что устранения конфликтов и нормализации национальных отношений можно добиться лишь на пути борьбы против эксплуататорских классов и сближения, сплочения народов. В этой связи важное значение имеют мероприятия тех или иных развивающихся стран, выдвигающие преграды на пути формирования буржуазии, а также ограничивающие или ликвидирующие власть феодальных вождей, т. е. сил, разжигающих межнациональную и межплеменную рознь.

Идейная борьба по национальному вопросу рельефно отражает историческое превосходство мира социализма над миром капитализма. Воинствующий национализм и шовинизм — таково последнее слово старого мира. Пролетарский интернационализм, социалистический патриотизм и гуманизм — девиз строителей нового мира.

Исторически буржуазный национализм старше интернационализма. На его стороне — сила укоренившихся реакционных традиций, вековых предрассудков, инерция человеческой психологии. Национализм и поныне нередко выступает в качестве первоначальной ступени антиимпериалистического сознания широких слоев народных масс, поскольку он заключает в себе в превратной форме их устремления к национальному освобождению. Но присущая ему концепция национального эгоизма и национальной исключительности находится в вопиющем противоречии с ходом истории. И чем дальше, тем очевиднее узор и бесперспективность этой идеологии. Неудивительно, что его реакционные приверженцы выступают в тесном союзе с расизмом и шовинизмом.

В противовес этому пролетарский интернационализм — мировоззрение жизнеутверждающее. Он выражает основные тенденции мирового развития, является испытанным средством решения национального вопроса. Он находит широкую поддержку во всем гуманном, нравственном, разумном и передовом.

Нынешний, наиболее острый период борьбы двух мировоззрений ознаменован чуть ли не всеобщим убежде-

нием буржуазных идеологов в том, что XX век — век национализма. Но по мере роста и укрепления мира социализма, развития солидарности революционных сил современности буржуазия начинает сомневаться в истинности своего прогноза. «Интернационализм,— пишут видные западные социологи К. Дойч и Р. Меррит,— вырос в те же десятилетия, в которые набирал силу национализм. И конечный результат состязания между двумя идеологиями еще должен определиться»¹. Более проникательные буржуазные идеологи, подобно английскому социологу А. Смиту, как явствует из его последних трудов, уже не верят во всемогущество национализма и ратуют за его «конвергенцию» с интернационализмом»².

Но борьба против интернационализма становится все более изощенной. Не желая считаться с объективными процессами истории, реакционные идеологи по-прежнему возлагают надежды на некие «сверхъестественные» особенности национализма как идеологии, сыгравшей заметную роль в общественных движениях. «Интернационализму все еще не хватает того романтического и духовного стимула, который содержится в национализме»³,— утверждает американский историк Б. Шейфер.

Но так ли это? Не проявляют ли буржуазные идеологи свойственного им неприятия всего нового и передового, когда они отказываются признавать полный внутренней силы и энергии пафос борцов за интернациональное братство народов, убежденность приверженцев революционной солидарности трудящихся всех стран и континентов.

Национализм — сложное явление, порожденное антагонистической природой буржуазного общества. Было бы неверным отрицать, что в отдельные периоды рабочего движения буржуазии удается расколоть массы по национальному признаку. Однако сознание рабочей солидарности в конечном счете неизбежно берет верх.

Великая Октябрьская социалистическая революция прошла под нарастающим воздействием идей пролетарского интернационализма, она воплотила принципы интернационального братства всех людей труда, она возвела на уровень государственной политики борьбу за мир и дружбу народов, защиту их свободы и независимости.

¹ Deutch K., Merritt R. Nationalism and National Development. Cambridge, Mass., 1970, p. XII.

² Smith A. Nationalism in the Twentieth Century, p. 115—116.

³ Shafer B. Op. cit., p. 372.

Социализм воспитал нового человека, последовательного интернационалиста и патриота, чье сердце бьется в унисон с сердцами всех борцов за социальное и национальное освобождение.

С высоты 60-летия Советского Союза ясно видны те глубочайшие преобразования, которые стали результатом Октябрьской революции.

В области отношений между классами. Вместо социального порабощения и угнетения установились отношения сотрудничества и взаимопомощи свободных от эксплуатации людей.

В сфере национальных отношений. Вместо национальных и расовых конфликтов, колониального гнета и отчужденности народов утвердилось великое братство народов, доверие между ними, дружба и взаимная поддержка в борьбе за общие цели.

В области межгосударственных отношений. Вместо нескончаемых войн и междоусобиц, агрессии и экспансии, бесцеремонного вмешательства во внутренние дела других стран и попрания их суверенитета по праву сильного утверждаются принципы мира и мирного сосуществования, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества народов в условиях их свободы и независимости, а во взаимоотношениях стран социалистического содружества — братской помощи и взаимопомощи, солидарности в борьбе за общие идеалы.

В отношениях между людьми. Вместо калечащего душу индивидуализма и подавления прав личности утверждается коллективизм как норма общежития людей, складываются условия для подлинного расцвета всех человеческих дарований. Уважение человеческого достоинства становится незыблемым правилом жизни, претворяется в жизнь великий принцип нового общества — «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

Таков вклад социализма в поступательное движение человечества, таков тот новый общественный строй, который уже доказал свое полное превосходство над эксплуататорскими системами и именно в силу этого — без какого-либо вмешательства извне — идет и неизбежно придет повсюду на смену старому обществу.

Такова и всемирно-историческая заслуга социализма в разрешении национального вопроса — одного из сложнейших вопросов мировой истории.

Когда многочисленные буржуазные «специалисты» по национальным отношениям в СССР, разного рода «сопе-

тологи» открыто заявляют о своей неприязни к советскому государственному и общественному строю, к национальной политике КПСС, едва ли есть основания подозревать их в неискренности. Пролетарский интернационализм, который лежит в основе ленинской национальной политики,— это мировоззрение классовое, пронизанное духом коммунистической партийности. И вполне естественно, что его не приемлют откровенные защитники системы наемного рабства: те, кто мечтает о войнах ради захвата чужих земель, о реставрации колониальных порядков и кому по душе система апартеида в ЮАР. Но, выражая точку зрения пролетариата, марксистско-ленинское учение по национальному вопросу отстаивает вместе с тем интересы широких народных масс всех стран и континентов, стремящихся к освобождению от империалистического гнета. И здесь (как, впрочем, и в ряде других существенных областей) пролетарский интернационализм сливается с общечеловеческим гуманизмом, становится знаменем борьбы за социальное и национальное освобождение во всем мире.

Идеология расовой и национальной исключительности — это выражение антигуманности буржуазного образа жизни. Идеология интернационализма, равенства и братства народов — выражение гуманной сущности социализма. В единстве интернационализма и гуманизма заключается один из важнейших источников превосходства коммунистической идеологии и морали, социалистического образа жизни над буржуазным мирозерцанием и жизненным укладом.

Партия коммунистов-ленинцев являет собой пример действенного интернационализма, реального гуманизма. Не громкие, пустопорожние декларации, а конкретные дела по наращиванию могущества СССР и мирового социализма, защите дела мира и международной безопасности, укреплению единства коммунистического движения, борьбе против империализма — так понимают свой интернациональный долг советские коммунисты, весь наш народ.

Социалистический гуманизм со свойственным ему активным утверждением новых, передовых норм в отношениях между людьми особо проявляется в области национальных отношений. Социализм поистине облагораживает эти отношения, тогда как капитализм насаждает самые дикие, человеконенавистнические нравы, искусственно воздвигает видимые и невидимые перегородки между национальностями. Именно социализм утвердил

великое чувство общности трудящихся классов и социальных групп, всех национальностей нашей страны, объединил их в новую историческую общность — советский народ.

Советский образ жизни создал новый климат в отношениях между народами. Это прежде всего атмосфера искренней дружбы и взаимного уважения трудящихся различных национальностей, органическое сочетание социалистического патриотизма и интернационализма. Это общая для всех наций гордость социалистическими завоеваниями, принадлежность к единому и нерасторжимому союзу братских республик — СССР, стремление внести свой вклад в укрепление его могущества. Это неприимчивость к расовым и националистическим предрассудкам, солидарность с борцами за социальное и национальное освобождение во всем мире.

Все эти черты духовного облика стали общими для народов нашей страны. В них выражаются новые моральные ценности, имеющие общенародное значение, новый взгляд на мир — преданность делу коммунизма, верность общим революционным, боевым и трудовым традициям. Советский патриот не мыслит расцвета своей нации или народности вне расцвета всей нашей Родины, содружества стран социализма.

Бережное отношение к тому, что свято и дорого каждому народу, сочетается у советских людей с решительным неприятием того, что тянет нас назад. Мы радуемся успеху каждой из республик, но далеки от национальной кичливости, в этих успехах мы видим результат объединенного труда всего советского народа. Социалистический гуманизм означает уважение к национальным чувствам, но не допускает игры на них, их раздувания. Наш кодекс поведения включает уважение к прогрессивным национальным традициям, но не приемлет фетишизации архаичных обычаев.

Развитие личности, ее духовное богатство, как показал марксизм-ленинизм, зависят от богатства ее действительных отношений. Разрыв узконациональных рамок общения людей и становление интернациональных форм общения означают в условиях социализма качественный шаг вперед по пути всестороннего развития человека, приобщение его к подлинно интернациональной культуре.

Попрацию национальных прав и глумлению над национальными чувствами людей в эксплуататорском обществе социалистический интернационализм противопо-

ставляет признание полного равноправия народов, уважение их национального достоинства. Быть интернационалистом и гуманистом в марксистско-ленинском понимании — значит не замыкаться в национальной скорлупе, а проявлять интерес к ценностям всех народов, строящих новое общество, к подлинным достижениям общечеловеческой цивилизации. Коммунисты — решительные противники порожденного частнособственническими отношениями этноцентризма, национального самолюбования, основанного на нелепом представлении, будто своя нация является средоточием добродетелей, а все другие — вместилищем пороков.

Советский образ жизни — это такой жизненный уклад, при котором ценность человека, его достоинство определяются вкладом в общенародное дело. Это такой строй, где перед всеми людьми независимо от классовой или национальной принадлежности открыты равные возможности дерзать, творить на благо Родине. Здесь каждый постоянно чувствует плечо друга, готовность оказать поддержку товарищу. Здесь требовательность к людям сочетается с неизменным уважением к достоинству человека труда, вниманием к нему и заботой о нем.

Социализм создал условия для реального участия широких народных масс в управлении обществом, необычайно расширил кругозор гражданина Страны Советов, пробудил в нем ответственность за дело социализма, за судьбы народов на всей планете. Литовский поэт Э. Межелайтис, говоря о беспокойной натуре советского человека, которому «до всего есть дело», образно заметил, что в груди его «бьется шар, на шар земной похожий»¹.

Сама жизнь доказывает, что национализм, хотя он провозглашает себя защитником национальных ценностей, на деле обкрадывает нацию. Идя по узким тропам национализма, неизбежно теряешь ориентиры прогресса. Только тот, кто идет по широкой магистрали интернациональной борьбы за общие идеалы трудящихся, добивается и подлинного национального расцвета.

В. И. Ленин отмечал, что «интернационализмом не клянется в наши дни только ленивый...»². Поддержка реального социализма не на словах, а на деле ныне стала критерием подлинного интернационализма и гуманизма. Подмена же интернационалистских действий фразами об интернационализме, за которыми зачастую скрывается

¹ Межелайтис Эдуардас. Человек. М., 1971, с. 18.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 169.

национальная ограниченность,— типичное свойство оппортунизма.

С момента зарождения и укрепления интернационального движения за торжество коммунистических идеалов начинается новый этап в развитии гуманизма. Марксизм-ленинизм, восприняв все ценное из гуманистического наследия прошлого, преодолел отвлеченность прежнего гуманизма, выражавшегося часто в бессильной проповеди любви к ближнему и платонических призывах к братству и счастью людей. Международный рабочий класс, будучи противником частной собственности и носителем коллективистских, интернационалистских начал, своей деятельностью решительно утверждает практический гуманизм.

Социализм как новый общественный строй в силу своей интернациональной сущности реализует преимущества этого строя не только в рамках одной страны, но и в международном масштабе. Убедительным доказательством тому служит содружество братских стран социализма, которое развивается, подчиняясь общим закономерностям, не просто как совокупность отдельных государств, а как складывающаяся на наших глазах новая международная общность — общность связанных неразрывными узами суверенных государств, воздвигающая неуклонный процесс становления и утверждения мирового социализма на всей планете.

Укрепление этой общности — прямое следствие того, что страны социалистического содружества идут к заветной цели общим путем, дорогой, проложенной Великим Октябрем. Верность идеям Октября, солидарность с первой в мире страной социализма всячески извращают враги социализма. Они изображают ее как «гегемонизм», как «ущемление» суверенитета. Так или иначе, делается попытка противопоставить интересы мирового социализма коренным национальным устремлениям народов. Софизм такого противопоставления кроется в совершенно неправомерном отождествлении характера межгосударственных и межнациональных отношений, складывающихся при капитализме, и принципиально иных отношений между нациями и государствами, присущих миру социализма. Стирая разницу между противоположными типами национальных отношений, буржуазные идеологи беззастенчиво оперируют терминами и категориями, почерпнутыми из политической практики империалистического мира, где господствует кулачное право и произвол.

С точки зрения революционного мировоззрения, интернационализм отнюдь не противоречит правильно понятым национальным интересам. Подлинный интернационализм последовательнее и глубже обеспечивает национальные интересы, чем, скажем, национализм, искусственно отгораживающий нацию от других наций и замыкающийся в своей скорлупе, политически и духовно обкрадывающий ее.

В связи с этим рассматривают марксисты-ленинцы и проблему национальной специфики. Те, кто находится в горниле жизни, кто связан совместной борьбой, не может не учитывать конкретные условия, в которых приходится действовать каждому отряду рабочего класса. Мировая система социализма охватывает страны с различными уровнями экономического и политического развития, неодинаково обеспеченными природными богатствами, ресурсами, рабочей силой, ее населяют народы, разделенные в прошлом глубокими различиями в историческом пути и культуре. Вот почему общие закономерности строительства социализма реализуются в этих странах по-разному, различными темпами, с разной степенью интенсивности.

Конечно, процесс интернационализации, не встречающий при социализме тех препятствий, на которые он наталкивается при капитализме, постепенно выравнивает уровни экономического развития, повышает зрелость социалистических отношений. Это, естественно, ведет к возрастанию значения интернационального начала, т. е. того, что выражает общие интересы и потребности развития мирового социализма как системы, что непосредственно выражает сущность социализма как нового общественного строя. Но из этого неверно делать вывод, что одновременно падает значение национального фактора.

Дело в том, что национально-специфическое заключает в себе не только элементы старого уклада и традиции, связанные с отживающими формами общественной жизни,— эти особенности постепенно отмирают, уступая место новому, социалистическому образу жизни. Однако это вовсе не означает движения к «унифицированному» социализму, как пытаются представить этот процесс буржуазные идеологи. Разнообразие форм общественной жизни — неизбежный результат свободного творчества народов. В ходе строительства социализма всестороннее развитие получают государственность, национальная культура, лучшие традиции народа. Ведь именно при социализме и благодаря социализму нация имеет возмож-

ность добиться подлинного расцвета, максимально выявить потенции, задавленные при капитализме. И один из верных путей к такому расцвету — свободный обмен ценностями с другими нациями, взаимное творческое усвоение передовых форм, присущих народам-братьям. Творческий синтез всего ценного, чем располагает социализм как мировая система, означает прогресс интернационального начала. А оно в свою очередь обогащает каждую нацию в отдельности.

В буржуазных и оппортунистических кругах усиленно распространяются разного рода концепции, призванные очернить опыт реального социализма, дискредитировать марксизм-ленинизм как интернациональное учение.

Анализ трудов современных буржуазных ученых — историков, политологов, философов и социологов — убеждает, что многие из них продолжают твердить, будто принципы интернационалистской солидарности, провозглашенные Марксом, Энгельсом и Лениным, не выдержали испытания жизнью, что национализм в конечном счете возьмет верх над интернационализмом.

Доводы, которые приводятся в подтверждение этого тезиса — столь противоречащего логике мирового развития, — самые разные, начиная от набивших оскомину примитивных рассуждений о неискоренимо «зловредной» природе человека и наций и кончая глубокомысленными утверждениями о том, что мир-де еще «не созрел» для интернационализма.

Будучи не в состоянии опровергнуть марксистско-ленинское учение, буржуазные идеологи стремятся его фальсифицировать. Потерпев крах в попытках дискредитировать социализм как таковой, они говорят о различных моделях социализма — «западном социализме», «восточном социализме», «гуманном социализме» и т. д. Словом, буржуазия и ее идеологи готовы ныне признать «любой» социализм, кроме того, который существует в действительности, она готова даже принять те или иные стороны учения Маркса, если только избавить его совсем от «немногого» — тезиса о всемирно-исторической миссии революционного пролетариата. Буржуазия не прочь поговорить даже об интернационализме, но она пуще огня боится революционной пролетарской солидарности.

Жонглирование социалистической фразеологией, к которой прибегают идеологи буржуазии, явно рассчитано на то, чтобы привлечь на свою сторону неискушенных в политике людей и, затушевывая классовые против-

положности современного мира, идейно разоружить борцов за социализм. В этих целях, например, идеологи буржуазии гальванизируют старую европоцентристскую концепцию, в основе которой лежит шовинистически выскомерное противопоставление «цивилизованного» Запада «деспотичному» Востоку. То, что этой старой концепции, опровергнутой всем ходом мировой истории, пытаются придать более «респектабельный вид», соединяя ее с национальными или региональными вариантами «социализма» и пропагандируя под видом «еврокоммунизма», не меняет существа дела: буржуазия пытается любой ценой подкопаться под устои коммунистического и рабочего движения.

Становление национальных отношений нового типа как внутри государства, так и в системе социалистических государств составляет одну из существенных сторон исторического опыта мирового социализма. Борьба коммунистических и рабочих партий за утверждение ленинских принципов равноправия и взаимной поддержки народов, за правильное сочетание национальных и интернациональных интересов делает идеи пролетарского интернационализма еще более притягательными для народов всего мира. Многие из этих народов, выходя на дорогу самостоятельного развития, все более убеждаются в том, что их движение от отсталости к прогрессу неосуществимо без усвоения существенных сторон исторического опыта реального социализма в развитии национальных отношений.

Невозможно преодолеть вековую отсталость и овладеть завоеваниями современной цивилизации без братского союза национально-освободительного движения с мировым социализмом.

Невозможно покончить с национальным гнетом и междоусобицей, с идеологией национальной исключительности, не восприняв выработанных мировым социализмом интернационалистских норм отношений между народами — братского доверия и дружбы, товарищеского сотрудничества и взаимной помощи.

Использование опыта развития социалистических отношений между народами и нациями — важное условие осуществления будущего всемирного братского союза свободных народов. Для этого «нужно одно, чтобы только было единодушное стремление идти с открытой душой в этот единый мировой кооператив»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 347.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Раздел I

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В БОРЬБЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ	7
---	---

Глава 1. Нации и национальный вопрос в марксизме-ленинизме	9
Глава 2. Нация и национализм в современной буржуазной социологии	27
Глава 3. Историческое единство человечества и проблема взаимодействия культур	62
Глава 4. Общее и особенное в духовном облике народов. Критика буржуазных концепций	85

Раздел II

БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ — ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА	111
---	-----

Глава 5. Противоречия капиталистической интернационализации	—
Глава 6. Экономические и социально-политические основы обострения национального вопроса в условиях империализма	130
Глава 7. Империалистический глобализм и европеизм . . .	160
Глава 8. Расизм — оружие реакционных сил	191

Раздел III

ТОРЖЕСТВО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	237
--	-----

Глава 9. Национальные отношения в развитом социалистическом обществе и буржуазные фальсификаторы . .	—
Глава 10. Социалистическая интернационализация. Несостоятельность антикоммунистических концепций	287
Заключение	326

Э.А. БАТРАМОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В БОРЬБЕ ИДЕЙ